Данная работа ориентирована на студентов высших учебных заведений. Она включает дополнительно ряд тем по экономике благосостояния, не предусмотренных Государственным образовательным стандартом, но, по мнению автора, необходимых для формирования фундаментальных научных представлений об экономике. Курс лекций сознательно дополнен материалами для самостоятельного изучения.

Титова Наталья Евгеньевна, 1955 г. рождения, доктор экономических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ (г. Москва).

Научные интересы связаны с анализом западных концепций, с разработкой отечественной теории благосостояния как раздела истории экономических учений.

Автор ряда монографий и учебных пособий: "История экономических учений" (1995), "Основы теории маркетинга и менеджмента" (1994), "Рынок: интенсивность и мотивация труда" (1995), "Индивидуальное благосостояние в условиях смешанной экономики. Анализ западных концепций" (1992). Всего перу профессора Н.Е.Титовой принадлежит свыше 70 работ.

Совместно с В.Л.Калашниковым является основоположником уникального Московского института национальных и региональных отношений.

ВЛАДОС

Н.Е. ТИТОВА ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Н. Е. ТИТОВА

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

ББК 65
Т 45

Рецензент — *Семенкова Т.Г.*, докт. экон. наук, проф. Финансовой академии при Правительстве РФ

Титова Н.Е.
Т 45 История экономических учений: Курс лекций. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. — 288 с.
ISBN 5-691-00008-X.

Целью курса лекций является освоение студентами исторического наследия и идейного богатства учёных различных эпох в области экономической мысли. Изучение концепций и теорий отдельных школ и направлений, существовавших в прошлом и существующих в настоящем в экономической науке, позволяет закрепить и углубить знания, полученные в курсе экономической теории.

Для студентов экономических вузов, а также для самостоятельно изучающих историю экономических учений.

ББК 65

ISBN 5-691-00008-X

© Н.Е. Титова, 1997
© «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 1997
Все права защищены

ВВЕДЕНИЕ

История экономических учений занимает большое место в системе экономических наук. Дополняя экономическую теорию, она вместе с тем несёт определённую самостоятельную нагрузку. Велико значение истории экономических учений и в системе экономического образования, в подготовке экономистов, в формировании их квалификации.

В литературе принято следующее определение науки: *история экономических учений изучает исторический процесс возникновения и развития основных систем экономических взглядов учёных различных исторических периодов*. Из этого следует, что анализ возникновения и развития экономических учений охватывает весь исторический процесс общественного развития, все исторические эпохи, начиная с рабовладельческого общества.

Корни экономических теорий уходят в природу экономического строя, составляющего основу развития общества. "Экономические условия, — подчёркивал Ф. Энгельс, — как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, — являются в конечном счёте всё же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает всё развитие и одна приводит к его пониманию"[1].

Связь экономических учений с экономикой общества наиболее непосредственная. Роль их в общественном развитии весьма велика. Экономические учения не пассивно отражают процессы, совершающиеся в экономике, а оказывают на них определённое воздействие, способствуя общественному развитию, ускоряя или, наоборот, замедляя его. Общеизвестно, что многие концепции (например, неоклассические или кейнсианские), явились основой государственных экономических программ.

Экономические учения исследуются в динамике в процессе исторического развития. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что история экономических учений обращена в современность. Это определяется особой актуальностью и даже злободневностью рассматриваемых ею вопросов, в чём одна из важных особенностей предмета истории экономических учений. Анализ экономических учений

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 175.

прошлых эпох не является самодовлеющим, осуществляется не ради изучения самого исторического процесса. Познание исторического прошлого способствует лучшему пониманию истоков настоящего.

В курсе лекций по истории экономических учений рассматривается весь процесс эволюции экономической науки. Большое место занимает анализ классической школы, западноевропейских экономических учений, русской экономической мысли[1].

В отечественной экономической литературе в полном объёме практически не исследованы экономические концепции благосостояния. Между тем на Западе давно существуют специальные учебники по экономике благосостояния[2], любой учебник по микроэкономике и макроэкономике включает раздел "Welfare economics"[3]. "Государство благосостояния" в Европе считается официальной целью государственной политики.

Проблема индивидуального и общественного благосостояния является фундаментальной, комплексной социально-экономической и философской проблемой, занимающей значительное место в историко-экономических, философских, социологических, статистических и других исследованиях. Известны концепции благосостояния А. Смита, Л. Вальраса, К. Менгера, В. Парето, Дж. Гобсона, А. Бергсона, К. Эрроу, А. Пигу, П. Самуэльсона, Дж. Гэлбрейта, У. Ростоу, К. Прайс, Э. Хансена, Г. Мюрдаля, Дж. Бьюкенена, Г. Джентиса, Ж. Сисмонди, Н.Г. Чернышевского и др. Многие из экономистов считали благосостояние и пути его достижения в обществе предметом политической экономии, справедливо полагая, что сама экономическая деятельность и деятельность государства должны иметь целью благополучие индивида и общества.

---

[1] При подготовке пособия использованы материалы из книги: *Аникин А.В.* Юность науки. М., 1971, а также материалы из учебных пособий по истории экономических учений доктора экономических наук, профессора М.В. Научителя.

[2] См., например, *Price K.* Welfare Economics in Theory and Practice. Z., 1977.

[3] Экономика благосостояния (англ.).

I. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

При изучении I-го раздела курса истории экономических учений необходимо учитывать её специфику, обусловленную весьма обширным периодом истории, обилием материала, отражающего процесс развития экономической мысли в древнем мире. Рабство зародилось на Востоке в IV тысячелетии до н.э. Для стран Древнего Востока характерно патриархальное рабство. Наибольшего развития рабовладение достигло в античный период в Древней Греции и в Древнем Риме с I тысячелетия до н.э. по IV в. н.э. Его расцвет падает на V в. до н.э. Античное рабство, получившее название классического, представляло собой наиболее зрелую форму рабовладения, когда рабы составляли основную производительную силу общества.

В рабовладельческом обществе формировалась соответствующая ему идеология, развивалась экономическая мысль. Господствующее положение занимала идеология рабовладельцев.

Лекция 1. *Экономическая мысль Вавилонии, Китая, Индии*

На территории древней Азии образовались крупные очаги цивилизации, значительного развития достигло рабовладение, возникли первые рабовладельческие государства. Многочисленные исторические памятники позволяют судить о зарождении и развитии экономических идей. Об этом даёт представление история древней Вавилонии. О начале формирования раннеклассового общества свидетельствуют, например, законы царя Эшнунны (XX в. до н.э.). В них толковались хозяйственные вопросы. Наиболее значительным памятником Вавилонского царства является кодекс царя **Хаммурапи** (1792–1750 гг. до н.э.), широко отразивший экономические основы общества, важнейшие тенденции его развития. Свод законов Хаммурапи дает представление о том, что деление общества на рабов и рабовладельцев признавалось в то время естественным и вечным, рабы приравнивались к имуществу рабовладельцев. Законы Хаммурапи отразили заботу об укреплении и охране частной собственности. Покушение на неё каралось смертной казнью и отдачей в рабство. Исторический памятник свидетельствует о том, что основу экономики Ва-

вилонского царства составляло натуральное хозяйство. Сохраняла позицию община, хотя разложение уже основательно коснулось ее. Царская власть заботилась о защите интересов общины и мелких производителей. В законах Хаммурапи отразилось развитие товарно-денежных отношений, меры, способствовавшие расширению торговых сделок.

Большое место в истории общественной мысли древнего Китая рассматриваемого периода занимает конфуцианство — учение, созданное **Конфуцием** (Кун Фуцзы), жившем в 551–479 гг. до н.э. Экономические взгляды Конфуция систематизированы одним из его последователей Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.). Они оказали большое влияние на экономическую мысль Китая. В экономике страны в бытность Конфуция происходили существенные сдвиги, связанные с разложением первобытнообщинного строя и становлением рабовладения. Пришло в упадок земледелие, разрушались общинные связи, нарастала имущественная дифференциация, укреплялись позиции частных рабовладельческих хозяйств.

Конфуций одним из первых создал учение о естественном праве, на котором базировалась его философская и социально-экономическая концепция. Он исходил из того, что в основе общественного устройства лежит божественное начало. Оно определяет судьбу человека и общественный порядок. Деление общества на "благородных", составляющих высшее сословие, и "простолюдинов" ("низких"), уделом которых является физический труд, Конфуций считал естественным. Отношения между рабовладельцами и рабами он не сводил только к принуждению. Конфуций призывал воспитывать "доверие" рабов к эксплуататорам, советовал "благородным" добиваться верности рабов.

Учение Конфуция нацелено на обеспечение стабильности формировавшегося рабовладельческого строя, укрепление авторитета государства, широкое использование в этих целях традиционных форм и обрядов. Он ратовал за укрепление власти верховного правителя Китая.

Экономические воззрения Конфуция, являясь продуктом своей эпохи, были противоречивы. Идеализация старины, закрепление патриархально-общинных отношений уживались у него с разработкой правил, регулирующих взаимоотношения рабов и рабовладельцев. Он представлял прежде всего позиции потомственной рабовладельческой аристократии, а также низшего, служилого слоя рабовладельцев. Рабовладение у него совмещалось с сохранением старых патриархальных порядков, отношений кровного родства. В условиях обострявшихся социальных противоречий Конфуций искал пути достижения социального "равенства" при сохранении рабо-

владельческих порядков, сглаживания классовых конфликтов. Конфуцианство обосновывало консерватизм общественного устройства, утвердившийся на долгие годы в китайском обществе.

Конфуцианство нашло своё развитие во взглядах **Мэн-цзы**, связывавшего социальное неравенство с "небесной волей", оправдывавшего противоположность между умственным и физическим трудом. Вместе с тем Мэн-цзы был против ужесточения рабовладельческого гнёта, ратовал за восстановление общинного землевладения, выступал в защиту общины, экономических интересов крестьян. Противоречивость, свойственная социально-экономической концепции конфуцианства, получила у Мэн-цзы дальнейшее углубление.

С критикой конфуцианства выступили Мо-цзы и его сторонники (моисты). Они проповедовали природное равенство людей, отрицали сословность, привилегии знати. Моисты обосновывали необходимость всемерного развития производства для удовлетворения потребностей всего населения, всеобщее участие людей в физическом труде, развитие свободной инициативы мелких производителей. Противопоставляя конфуцианству идею "всеобщей взаимной любви", моисты не понимали её иллюзорности.

Одним из знаменательных памятников истории экономических идей в Китае является трактат "Гуань-цзы", принадлежащий перу неизвестных авторов. Он относится к IV–III в. до н.э. Проявляя заботу о крестьянстве, авторы предлагали ограничить их обязательную трудовую повинность, оградить от спекулянтов и ростовщиков. В целях укрепления экономического положения крестьян авторы трактата предлагали изменить систему налогов, повысить цены на хлеб. Заботу об улучшении благосостояния народа они возлагали на государство, которому надлежало активно вмешиваться в экономические дела, устранять причины, мешающие благополучию народа, создавать запасы зерна для стабилизации цен, принимать меры по преодолению неблагоприятных природных условий и т.д.

Столкновение двух тенденций в социально-экономической жизни: стремление сохранить патриархально-общинные начала, с одной стороны, рост и укрепление позиций рабовладения — с другой, борьба стоявших за ними классов длительное время определяли важнейшую проблематику экономической мысли древнего Китая. Большой остроты достигала проблема взаимоотношения натурального и товарного хозяйства.

Изучая историю экономической мысли древней Индии, следует прежде всего обратить внимание на экономические идеи, содержащиеся в древнейших памятниках — ведах, представляющих собой

собрание молитв, гимнов, заклинаний. Они создавались в I тысячелетии до н.э. и отразили начавшееся разложение первобытнообщинного строя, формирование рабовладения. К началу I тысячелетия относится появление таких произведений древнеиндийского эпоса, содержащих экономические идеи, как "Махабхарата" и "Рамаяна". Первая повествует о войнах племени бхарата, вторая — о подвигах Рамы.

Развитие экономической мысли отразилось в литературно-религиозных памятниках. В их числе знаменитые "Законы Ману", составлявшиеся на протяжении ряда столетий. Они содержат богатый материал о социально-экономических условиях Индии III тысячелетия до н.э., выражают устами жрецов (брахманов) экономические взгляды рабовладельцев. "Законы Ману" — это свод предписаний, ниспосланных людям "божественным законодателем". В них устанавливались формы превращения свободного человека в раба (даса), закреплялось его бесправное положение в обществе. "Законы Ману" отразили существование наследственных каст. Обоснованная в них брахманская концепция экономической политики отводила существенную роль государству, на которое возлагалось обеспечение доходов, регламентация хозяйственной деятельности, эксплуатация свободного населения и др.

Выдающимся памятником истории экономической мысли древней Индии является трактат "Артхашастра", автором которого был советник царя Чандрагупты I брахман — **Каутилья** (конец IV — начало III вв. до н.э.)[1]. "Артхашастра" создавалась как наставление для царя, но по своему содержанию и значению далеко вышла за рамки свода советов. Это обширный экономический труд, охватывающий широкий круг вопросов и свидетельствующий о зрелости экономической мысли Индии того времени. "Артхашастра" характеризует социально-экономическое и политическое устройство страны, содержит богатый материал, иллюстрирующий развитие экономических идей.

"Артхашастра" повествует о социальном неравенстве, оправдывает и закрепляет его, подтверждая правомерность рабовладения, деления общества на касты. Основу населения страны составляли арии, делившиеся на четыре касты: брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. Наибольшими привилегиями обладали брахманы и кшатрии. Автор проявлял заботу об укреплении положения ариев. Указывалось, что "для ариев не должно быть рабства". Если арии по каким-то причинам и становились рабами, то такое состояние для них рассматривалось как временное, предусматривались меры к их

[1] Артхашастра, или наука политики. М.: АН СССР, 1959.

освобождению. Трактат уделял большое внимание регламентированию рабовладения, сохранявшему черты патриархального. Рекомендовались меры, ограничивающие развитие рабства, предупреждавшие обострение классовых конфликтов. Индийский раб мог обладать собственностью, имел право на получение наследства, право самовыкупа за счёт своего имущества.

В "Артхашастре" подробно описывалось состояние экономики страны, основные занятия населения. Главной отраслью являлось земледелие, зависевшее во многом от орошения. Наряду с тем развивались ремёсла, торговля. Большую роль трактат отводил строительству, поддержанию оросительных систем, которые квалифицировались как основа урожая. Ущерб, наносимый оросительной системе, рассматривался как тяжкое злодеяние. "Артхашастра" содержит богатые сведения об общественном разделении труда и обмене. Учение о торговле составляло в ней неотъемлемую часть всего учения о ведении народного хозяйства.

"Артхашастра" уделяла большое внимание толкованию экономической роли государства. В ней проводилась типичная для экономической мысли стран Древнего Востока идея об активном вмешательстве государства в экономическую жизнь, в регламентацию общественных отношений. Более того, трактат непосредственно возлагал на царскую власть заботы о выполнении многих хозяйственных дел, включая колонизацию окраин, поддержание ирригационных систем, строительство колодцев, создание новых деревень, организацию прядильно-ткацкого производства с привлечением специфического контингента работников (вдовы, сироты, нищие, инвалиды, отрабатывающие штраф и т.д.). Подробно описывалась экономическая политика царской администрации, налоговая система, ведение царского хозяйства, основные источники доходов и т.д.

Трактат "Артхашастра" даёт представление о том, как индийская экономическая мысль трактовала основные вопросы социально-экономических отношений, хозяйственной жизни типичного для стран Древнего Востока раннерабовладельческого общества.

Лекция 2. *Экономические учения Древней Греции*

Наибольшую роль в истории экономических учений Древней Греции сыграли произведения известных мыслителей Ксенофонта, Платона и Аристотеля.

Ксенофонт родился в Афинах в 430 г. до н.э. (умер в 355 г. до н.э.), принадлежал к богатой рабовладельческой аристократии. Он — ученик известного древнегреческого философа Сократа. По своим

политическим взглядам выступал как сторонник аристократической Спарты и противник афинской демократии.

Экономические взгляды Ксенофонта изложены в работе "Домострой", подготовленной как руководство для ведения рабовладельческого хозяйства. Определяя предмет домоводства, он характеризовал его как науку о ведении и обогащении хозяйства. Основной отраслью рабовладельческой экономики Ксенофонт считал земледелие, которое он квалифицировал как наиболее достойный вид занятия. По словам Ксенофонта, "земледелие — мать и кормилица всех искусств". Основную цель хозяйственной деятельности он видел в обеспечении производства полезных вещей, т.е. потребительных стоимостей. К ремёслам Ксенофонт относился отрицательно, считал их занятием, пригодным только для рабов. Не включалась в разряд достойных видов деятельности свободного грека и торговля. Вместе с тем в интересах рабовладельческого хозяйства Ксенофонт допускал использование товарно-денежных отношений.

"Домострой" содержал многочисленные советы рабовладельцам в области хозяйственной деятельности. Их уделом являлось руководство хозяйством, эксплуатация рабов, но ни в коем случае не физический труд. Ксенофонт выражал презрение к физическому труду, квалифицируя его как занятие, пригодное только для рабов. Давая советы по рациональному ведению хозяйства и эксплуатации рабов, он учил обращаться с рабами как с животными.

Ксенофонт одним из первых среди мыслителей древности уделил большое внимание вопросам разделения труда, рассматривая его как естественное явление, как важное условие увеличения производства потребительных стоимостей. Он близко подошёл к принципу мануфактурного разделения труда. Ксенофонт впервые указал на взаимосвязь между развитием разделения труда и рынком. По его мнению, от объёма рынка зависело расчленение профессий.

Ксенофонт — идеолог прежде всего натурального рабовладельческого хозяйства. Вместе с тем он считал полезным для этого хозяйства развитие торговли, денежного обращения. В них видел один из источников обогащения и советовал использовать в своих интересах. Ксенофонт признавал деньги как необходимое средство обращения и концентрированную форму богатства. Осуждая деньги как торговый и ростовщический капитал, он рекомендовал накапливать их в качестве сокровищ.

У Ксенофонта наметилось понимание двоякого назначения вещи как потребительной стоимости, с одной стороны, и меновой стоимости — с другой. Будучи идеологом натурального хозяйства, он не придавал особого значения меновой стоимости. Ценность вещи ста-

вилась в зависимость от полезности, а цена непосредственно объяснялась движением спроса и предложения.

Экономические идеи занимали значительное место в сочинениях древнегреческого философа **Платона** (427–347 гг. до н.э.). Наиболее известна его работа "Политика или государство". Социально-экономическая концепция Платона получила концентрированное выражение в проекте идеального государства. Платон рассматривал государство как сообщество людей, порождённое самой природой, впервые высказав мысль о неизбежности деления государства (города) на две части: на богатых и бедных.

Платон уделял большое внимание проблеме разделения труда, рассматривая его как естественное явление. В его концепции обосновывалось прирождённое неравенство людей. Деление на свободных и рабов он толковал как нормальное состояние, данное самой природой. Рабы рассматривались в качестве основной производительной силы, а их эксплуатация — как средство обогащения рабовладельцев. Свободными гражданами могли быть только греки. В рабов превращались варвары, иностранцы.

Главной отраслью хозяйства Платон считал земледелие, но одобрительно относился и к ремёслам. Экономическую основу государства он видел в натуральном хозяйстве, базирующемся на эксплуатации рабов. С естественным разделением труда Платон связывал необходимость обмена. Он допускал мелкую торговлю, которая призвана была обслуживать разделение труда. Однако в целом к торговле, особенно крупной, к торговой прибыли Платон относился весьма отрицательно. По его мнению, торговлей должны заниматься в основном иностранцы, рабы. Для свободного грека занятие торговлей он считал недостойным и даже постыдным.

В идеальном государстве Платона свободные люди делились на три сословия: 1) философов, призванных управлять государством; 2) воинов; 3) землевладельцев, ремесленников и мелких торговцев. Рабы не включались ни в одно из этих сословий. Они приравнивались к инвентарю, рассматривались как говорящие орудия производства. Философы и воины составляли высшую часть общества, о которой Платон проявлял особую заботу. Он предполагал обеспечить им обобществлённое потребление, что дало повод толковать это как некий "аристократический коммунизм".

Наибольший вклад в развитие экономической мысли Древней Греции внёс величайший мыслитель древности **Аристотель.** Он родился в 384 г. до н.э. в семье врача (умер в 322 г. до н.э.). Будучи учеником Платона по Академии, Аристотель не разделял, однако, платоновского идеализма. Проявляя колебания между материализмом и идеализмом, он шёл к материализму. Аристотель известен как воспитатель наследника престола в Македонии знаменитого

Александра Македонского. В дальнейшем он основал философскую школу Ликей в Афинах, занимался научной и педагогической деятельностью, явился автором многочисленных произведений по естественнонаучной тематике, философии, логике, экономике, литературе, истории и т.д. Его политические взгляды изложены в работе "Политика" и других произведениях. Он — противник аристократического строя, олигархической власти, сторонник рабовладельческой демократии. Аристотель оправдывал деление людей на рабов и свободных, воспринимая его как естественное. По его мнению, свобода была уделом лишь эллинов. Что касается иностранцев (варваров), то они по своей природе могли быть только рабами. Граждан Греции он делил на пять групп (классов): 1) земледельческий класс, 2) класс ремесленников, 3) торговый класс, 4) наёмные рабочие, 5) военные. Рабы составляли отдельную группу, не включавшуюся в гражданскую общину. Рабство Аристотель связывал с естественным разделением труда, считая, что рабы по своей природе являются таковыми и способны только к физическому труду. Раб приравнивался к другим вещам, принадлежавшим свободным, включался в их имущество. Рабы, по мнению Аристотеля, должны были обеспечивать все виды физического труда.

Выдающейся заслугой Аристотеля в развитии экономической мысли является его попытка проникнуть в сущность экономических явлений, вскрыть их закономерности. В этом Аристотель существенно отличался от своих предшественников (Ксенофонта, Платона), положив начало экономическому анализу, что проявилось в подходе к определению предмета экономической науки, в изучении обмена, форм стоимости и т.д.

Являясь сторонником натурального хозяйства, основанного на эксплуатации рабов, Аристотель рассматривал экономические явления с точки зрения наибольшей пользы. Всё, что соответствовало интересам укрепления хозяйства, принималось как естественное и справедливое. Напротив, всё, что расшатывало и разлагало хозяйство, относилось к разряду явлений противоестественных. С этой точки зрения оценивалось богатство и его источники, средства удовлетворения потребностей общества. Естественные явления Аристотель относил к экономике, которая раскрывала источники "истинного богатства", состоящего из потребительных стоимостей. Экономика обеспечивала изучение путей укрепления натурального хозяйства; возможности расширения производства потребительных стоимостей. Это соответствовало поддержанию умеренных размеров богатства, сторонником которых был Аристотель, отвергавший чрезмерное накопление денег, обогащение за счёт формы обращения, спекулятивной торговли, ростовщичества и т.п. Он допускал меновую

торговлю, поскольку она не нарушала преобладающей роли потребительной стоимости, и относил её к экономике.

Противоестественные явления Аристотель связывал с чрезмерным развитием сферы обращения и включал в хрематистику, которая рассматривалась как искусство "делать деньги", создавать богатство, не имеющее границ. Он отвергал крупную, спекулятивную торговлю, преследующую цель накопления денежных богатств, осуждал ростовщичество. Являясь сторонником ведения хозяйства на основе экономики, великий мыслитель древности решительно выступал против того, что относилось к хрематистике.

Гениальные догадки высказал Аристотель по поводу обмена, меновой стоимости. Он понимал, что обмениваемые товары без тождества их сущностей не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины. По его мнению, обмен не может иметь места без равенства, а равенство — без соизмеримости. В обмене приравниваются все ремёсла и искусства, а участвующие в нём потребительные стоимости обладают чем-то общим, хотя такое приравнивание Аристотель не мог объяснить. Гений Аристотеля проявился в том, что в выражении стоимости товара он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чём же состоит "в действительности" это отношение равенства.

Представляет интерес и то, как Аристотель рассматривал форму стоимости. Денежная форма товара принималась как развитие простой формы стоимости. Хотя он не мог научно объяснить происхождение и сущность денег, однако важно то, что он связывал их с развитием обмена, положил начало рассмотрению функций денег в качестве меры стоимости и средства обращения. "В истории экономических учений древнегреческие мыслители обнаруживают такую же гениальность и оригинальность, — отмечал К. Маркс, — как и во всех других областях. Исторически их воззрения образуют поэтому теоретические исходные пункты современной науки"[1].

Лекция 3. *Литература об организации рабовладельческих латифундий в Древнем Риме*

Экономическая мысль древнего мира получила дальнейшее развитие и завершение в Древнем Риме. Она отразила очередную ступень эволюции рабовладения, новые формы организации рабовла-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 238.

дельческих хозяйств, характерную для них более жестокую эксплуатацию рабов, обострение противоречий и усиление борьбы в условиях разлагавшегося рабовладельческого общества. Важнейшей проблемой древнеримской литературы оставалась проблема рабства, его оправдания, организации и методов ведения крупных рабовладельческих хозяйств (латифундий). По этим вопросам выступали Катон Старший (234–149 гг. до н.э.), Варрон (116–27 гг. до н.э.), Колумелла (I в. н.э.).

Обоснование древнеримской формы рабовладения, методы ведения крупного земледельческого хозяйства подробно изложены в сочинении "Землевладение" **Катоном Старшим,** являвшимся крупным землевладельцем. Трактат Катона отразил период подъёма римского рабовладельческого производства. Его идеалом было в основном натуральное хозяйство, обеспечивавшее прежде всего свои потребности. Однако не исключалась торговля, призванная реализовывать часть продукции и приобретать то, что не могло производиться собственными силами. Большое место в сочинении Катона занимали советы по содержанию рабов, использованию их труда, методам эксплуатации. Автор относил рабов к орудиям производства, рекомендовал содержать их в строгости, в зависимости от прилежания, рационально эксплуатировать их труд. Катон считал целесообразным приобретать рабов в малолетнем возрасте, воспитывая их в повиновении, в духе, угодном хозяину. Предусматривая возможные возмущения и выступления рабов, Катон советовал поддерживать в их среде рознь, разжигать конфликты, несогласие между ними, своевременно освобождаться от дряхлых и больных. Рабы жестоко наказывались за малейшие проступки. Питание, одежда, жилище должны были соответствовать их положению говорящих орудий. Все эти советы Катона нацелены на обеспечение рационального ведения крупного рабовладельческого хозяйства.

Разработку проблем латифундийского хозяйства в I в. до н.э продолжил римский учёный **Варрон.** Его взгляды изложены в трактате "О сельском хозяйстве". Он отразил, с одной стороны, более развитые формы рабовладения, высшую степень эволюции крупных рабовладельческих экономик; с другой — новые моменты социально-экономической обстановки, связанные с углублявшимися противоречиями, всё более пронизывавшими экономику Римского рабовладельческого государства.

В своём трактате Варрон высказывает серьёзную тревогу о судьбах рабовладельческого хозяйства. Он упрекает рабовладельцев в том, что они отошли от дел, живут в городах, перепоручив латифундии управляющим. Автор ищет пути укрепления экономики не только в развитии земледелия, но и скотоводства, в применении агрономи-

ческой науки, росте интенсивности производства, совершенствовании методов эксплуатации рабов, в использовании материальной заинтересованности и т.д. Его заботы связаны не только с сохранением натурального характера рабовладельческих латифундий, но и с повышением их доходности, ростом эффективности производства. Варрон уделяет большое внимание обращению с рабами, методам их эксплуатации. Рабов он относил к одному из трёх видов сельскохозяйственных орудий: говорящим. Два других вида орудий в его классификации составляли немые (инвентарь) и издающие нечленораздельные звуки (рабочий скот).

Кризис рабовладения отразил в своём сочинении "О сельском хозяйстве" **Колумелла.** В обширном трактате, состоящем из 12 книг, подробно рассматривается состояние рабовладельческих латифундий. Колумелла писал о крайне низкой производительности рабского труда, о том, что рабы приносят полям величайший вред, плохо относятся к работе, к содержанию скота, инвентаря, воруют, обманывают землевладельцев и т.п. Картина, нарисованная Колумеллой, свидетельствует об упадке сельского хозяйства, о том, что экономика рабовладельческого общества находилась уже в состоянии кризиса, который продолжал углубляться. По словам Колумеллы, "латифундии погубили Италию".

В поисках выхода из кризиса римский учёный отдаёт предпочтение более производительному труду свободных производителей, ставит вопрос об отказе от рабского труда, использовании колонов.

Одна из страниц истории экономических учений Древнего Рима связана с гракховским аграрным движением, выражавшим интересы безземельного и малоземельного крестьянства в борьбе против латифундистов. Его возглавляли братья **Тиберий** (163–132 гг. до н.э.) и **Гай** (153–121 гг. до н.э.) **Гракхи.** Требуя ограничения крупного землевладения и наделения землей безземельных и малоземельных крестьян, они предполагали осуществить такую реформу в рамках рабовладельческого строя и таким путём укрепить его.

В Древнем Риме большого размаха достигла борьба рабов за свое освобождение. Их требования в обобщённом виде выдвигались во время восстаний. Главными из них являлись уничтожение рабовладельческих латифундий, освобождение от рабства. Наиболее яркие страницы антирабовладельческих выступлений связаны в Древнем Риме с крупнейшим восстанием рабов под руководством Спартака (74–71 гг. до н.э.).

II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Эпоха средневековья охватывает большой исторический период: в Западной Европе — с V в. до буржуазных революций XVII–XVIII вв., в России — с IX в. до реформы 1861 г. В ряде стран Азии и Африки феодальные отношения сохранились и в XX в.

Экономическая мысль западного средневековья развивалась вместе с эволюцией общества.

Изучая экономические учения средневековья, следует прежде всего обратить внимание на экономические идеи, содержащиеся в документах и использовавшиеся для обоснования юридических норм. Сюда относятся: записи обычного права и так называемые "Правды" отдельных племён, хозяйственные регламенты феодальных имений, цеховые уставы, экономическое законодательство городов и т.д.

Лекция 4. Экономические идеи в Западной Европе и в России

Экономическая мысль средневековья тесно связана с экономической политикой государств, рассчитанной на поддержание феодального порядка, его стабилизацию. Защитники интересов феодалов отрицательно относились к торговле и ростовщичеству. Натурально-хозяйственная ограниченность производства считалась преимуществом и выдавалась за социальную добродетель.

В связи с тем что церковь в средние века играла исключительную роль, экономическая мысль в ряде случаев облекалась в религиозную оболочку, принимала богословское оформление.

Представление об экономических идеях раннего средневековья (VI–X вв.) даёт старинная запись судебных обычаев франков "Салическая правда", составленная в начале VI в. н.э.

Приводя перечень штрафов за всевозможные преступления, она характеризует экономические воззрения франков: общинного крестьянства, с одной стороны, и служилых людей, или дружинников — с другой. В её предписаниях сельское хозяйство выступает как естественное занятие франка. Городам и промышленности не уделялось особого внимания. Проблемы торговли полностью отсутствуют.

"Салическая правда" отстаивала позиции общины, устойчивость общинного землевладения, приоритет общинной собственности над частной. Вместе с тем общинные принципы экономической жизни совмещались в ней с признанием рабства, колоната, крупного землевладения и королевской власти как правомерных явлений.

"Салическая правда" отразила разложение родового строя, начавшийся процесс феодализации, дифференциации франкского общества и интересы служилой аристократии, группировавшейся вокруг короля.

Спустя три столетия экономические вопросы средневекового поместья получили отражение в "Капитулярии о виллах" (закон о поместьях), изданном при Карле Великом. В нём закреплялась крепостная зависимость крестьян, задача экономической политики сводилась к утверждению крепостничества.

Экономические воззрения канонистов

Своеобразие экономической мысли средневековья ярко отразилось в экономических учениях католицизма. В средние века католическая церковь усиливает своё могущество. Обладая колоссальными богатствами и земельной собственностью, церковники оправдывают господство крепостничества и отстаивают его позиции с помощью церковных правил, так называемых канонов церкви.

Завершителем взглядов канонистов был итальянский богослов **Фома Аквинский** (1225–1275), создавший обширное сочинение "Сумма богословий". Он выделяется как крупный представитель экономической мысли средневековья. Сочинение Аквинского стало своего рода энциклопедией католицизма. И поныне его учение широко используется Ватиканом.

Аквинский рассматривал такие экономические проблемы, как собственность, торговля, "справедливая цена", процент.

Общественное разделение труда он характеризовал как естественное природное явление и считал, что оно лежит в основе разделения общества на сословия. Аквинский утверждал, что люди рождаются разными по своей природе, и, исходя из естественных различий, делал вывод, что крестьяне созданы для физического труда, а привилегированные сословия должны посвящать себя духовной деятельности "во имя спасения остальных". Подобно античным мыслителям, он ставил интеллектуальный труд выше физического и трактовал последний как рабское занятие.

Много внимания Ф. Аквинский уделял частной собственности. В ней он видел основу хозяйства и полагал, что человек от природы имеет право на присвоение богатства. Отсюда собственность, приобретаемая для удовлетворения необходимых нужд, является естественным и необходимым институтом человеческой жизни.

Библиотека
Бух. ТИП и ЛП
№ 71023

Важное место в учении Аквинского занимает теория "справедливой цены". Идею справедливой цены каноническая теория унаследовала от античности. В средние века как крестьянин, так и ремесленник имели более или менее точное представление о затратах труда на производство своих товаров и при обмене определяли их цены в зависимости от труда, затраченного на производство. Закон стоимости действовал задолго до возникновения капиталистического способа производства. Цена, которая основывалась на трудовых затратах, т.е. на обмене эквивалентов, считалась справедливой ценой

С одной стороны, Аквинский считает "справедливой ценой" правильные цены, соответствующие трудовым затратам, а с другой — доказывает правомерность отступления от этой цены, если она не гарантирует каждому участнику обмена приличное его рангу существование.

Следовательно, с точки зрения Аквинского, справедливой считалась не одинаковая, а разная для различных сословий цена на один и тот же товар.

С теорией "справедливой цены" тесно связаны рассуждения Аквинского о прибыли и проценте. Безоговорочно оправдывая получение земельной ренты, он по отношению к прибыли и проценту занимал двойственную позицию. Аквинский был сторонником натурализации хозяйственной жизни и, подобно своим предшественникам, враждебно относился к крупной торговле, ростовщичеству. Один из вопросов своего основного сочинения он посвятил проблеме греховности взимания процента.

Прибыль, получаемая купцами, не противоречит, по его мнению, христианской добродетели, и её следует рассматривать как плату за труд. Уровень прибыли является нормальным, если он обеспечивает семье купца возможность жить соответственно его месту в сословной иерархии общества.

Отдавая дань времени, Аквинский делает попытки найти компромиссное решение вопроса о взимании процента, которое в середине XIII в. было запрещено и осуждалось церковью. Он трактует его как вознаграждение кредитору за риск неуплаты, за предоставление отсрочки должнику в платеже его долга или как получение от должника бескорыстных подарков, а также в случае использования должником ссуженных денег с целью извлечения прибыли.

Экономические идеи в средние века в России. "Правительница" Ермолая-Еразма

Экономическая мысль Русского государства, как и в других странах, развивалась вместе с развитием общества. Долгое время она

существовала в тесной связи с религиозными воззрениями людей, их нравственными понятиями. Поэтому при изучении экономической мысли Древней Руси следует обратить внимание на летописи, договоры, грамоты князей, церковную литературу. Важное место среди них занимает "Русская правда" — первый в истории кодекс законов Русского государства. Содержание её отражало существовавшие в Киевской Руси в XI–XIII вв. производственные отношения.

Конец XV — начало XVI в. — один из важных этапов в истории русского народа. В этот период завершается процесс ликвидации раздробленности страны и образования Русского централизованного государства. Это способствовало экономическому прогрессу, развитию товарно-денежных отношений. Наряду с наследственной собственностью бояр начало расширяться поместье, дворянское землевладение как вознаграждение за службу. С образованием централизованного государства роль поместного дворянства значительно возросла.

Экономические интересы поместного дворянства выражал в XVI в. **Ермолай** — священник Московской дворцовой церкви. Позднее он постригся в монахи под именем Еразма. Большая часть его произведений посвящена богословской и нравоучительной тематике, но и в них он освещал актуальные социальные вопросы. По своим политическим воззрениям Ермолай-Еразм — противник боярского своевластия.

Значительное для своего времени произведение Ермолая-Еразма под названием "Благохотящим царем правительница и землемерие", или короче "Правительница", представляет собой первый в России специальный экономико-политический трактат, написанный в 40-х или начале 50-х годов XVI в. В нём изложена система мер, направленная на решение актуальных задач того времени.

Большое место в "Правительнице" занимает вопрос о положении крестьянских масс. Еразм отводил им первостепенное значение в жизни общества и обращал внимание на их тяжёлое, бедственное положение. Стремясь облегчить положение крестьян, он считал необходимым освободить их от денежных уплат землевладельцу и от выполнения ямской повинности, которую предлагал переложить на население городов. Повинности землевладельцам крестьяне, по его мнению, должны выполнять только в форме натурального оброка в размере пятой части добываемого ими продукта.

Размер обеспечения землёй и крестьянами Еразм ставил в зависимость от служебных достоинств и выполнения служебного долга. Нетрудовое богатство вельмож отвергалось им как несправедливое.

В "Правительнице" рассматривался вопрос о создании экономической основы Русского централизованного государства. Такую основу Еразм видел в поместном землевладении служилых людей Предложенная им реформа в области землевладения — раздача земли крестьянам и служилым людям — отражала прежде всего интересы новой, прогрессивной для того времени части общества — служилого дворянства, и была направлена на укрепление государства В этом смысле она имела прогрессивное значение.

Возникновение утопического социализма

В позднее средневековье (XVI–XVII вв.) в экономической мысли Западной Европы происходят значительные изменения, вызванные глубоким процессом развития мануфактурного производства. Великие географические открытия, ограбление колоний ускорили процесс накопления капитала.

В этот период возникают социальные утопии. Одним из основоположников утопического социализма был **Томас Мор** (1478–1532), выдающийся мыслитель-гуманист, политический деятель тюдоровской Англии, казнённый за оппозицию абсолютизму (отказался принести присягу королю как главе церкви). Сын богатого судьи и сам юрист по образованию, Мор занимал высокие государственные должности. Но несмотря на это, он сочувствовал бедствиям народных масс.

В 1516 г. им было опубликовано знаменитое сочинение "Утопия"[1], положившее начало утопическому социализму и давшее ему название.

Мор подверг резкой критике господствовавшие в Англии социальные порядки, методы первоначального накопления капитала. Первопричину возникновения нищеты он видел в частной собственности, выступал её противником.

Мор был первым критиком капитализма. Взгляды Мора не представляли особой научной теории. Это были лишь мечты.

К числу ранних представителей утопического социализма принадлежит итальянский мыслитель **Томмазо Кампанелла** (1568–1639), вышедший из среды бедного крестьянства. Он известен как активный участник борьбы за освобождение Южной Италии от гнёта испанской монархии. Оказавшись в руках врагов, Кампанелла 27 лет провёл в казематах. Там он написал своё знаменитое сочинение "Город Солнца"[2] (1623), в котором подверг резкой критике социальный строй Италии того времени.

[1] *Мор Т.* Утопия. М.: АН СССР, 1935.

[2] *Кампанелла Т.* Город Солнца. М.: АН СССР, 1954.

В нём Кампанелла выдвинул проект идеального утопического государства — город Солнца, основу которого составляла общность имущества. Отражая традиции экономической мысли средневековья, он ориентировался на хозяйство натурального типа. Общество будущего рисовалось ему как совокупность сельскохозяйственных общин, к работам в которых привлекаются все граждане. Кампанелла признавал индивидуальность жилья и семьи, всеобщность труда, отвергал тезис о том, что после отмены собственности никто не будет работать. Потребление в городе Солнца, считал он, будет общественным при изобилии материальных благ, исчезнет нищета. Отношения между людьми должны основываться на принципах дружбы, товарищеского сотрудничества и взаимопонимания.

Однако ни Т. Мор, ни Т. Кампанелла не знали реальных путей к новому обществу. Они ограничились описанием утопического государства с необычными порядками, в чём проявилась историческая ограниченность их экономических проектов.

III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В ПЕРИОД ЗАРОЖДЕНИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Лекция 5. *Меркантилизм как первая школа политической экономии*

Первой школой экономической науки был меркантилизм (от итальянского слова "мерканте" — торговец, купец), получивший распространение и занимавший ведущие позиции в экономической мысли многих стран до конца XVII в.

Меркантилизм выражал прежде всего экономическую политику государства. Меркантилисты представляли интересы торгового капитала. Его представители практически решали проблемы первоначального накопления.

Одну из главных черт меркантилизма составляло отождествление богатства с золотом и серебром. Меркантилисты считали, что золото и серебро по своей природе являются деньгами. Это неверно, поскольку природа не создаёт денег, так же как и банкиров и вексельного курса. Критикуя положение меркантилистов о том, что "золото по природе своей суть деньги", К. Маркс указывал, что "деньги по природе своей суть золото". Это означает, что именно золото в отличие от всех других товаров наиболее подходит для выполнения роли денег.

Источником богатства меркантилисты считали внешнюю торговлю. Такое толкование не было случайным. Оно являлось неотъемлемым звеном всей концепции меркантилистов.

Видя источник национального богатства во внешней торговле и прибыли от отчуждения, меркантилисты заботились об активном внешнеторговом балансе. Его осуществление, как и в целом накопление денежных богатств, связывалось с активной деятельностью государства, которое системой административных мер и экономической политикой должно было способствовать притоку в страну золота и серебра. Для осуществления этой задачи меркантилисты выдвинули целую систему мероприятий, рекомендовавшихся королевской власти, которая должна была вмешиваться в экономическую жизнь, способствовать активной внешней торговле.

В своём развитии меркантилизм прошёл две стадии. Первая — ранний меркантилизм (XVI в.), связанный с утверждением моне-

тарной системы (монетаризм). Вторая стадия — развитой меркантилизм, получивший название мануфактурной системы (XVII в.).

Для монетарной системы характерна концепция денежного баланса. Её видный представитель **Уильям Стаффорд** (Англия). Согласно этой концепции задача накопления денежных богатств в стране решалась главным образом административными мерами, обеспечивавшими жёсткую регламентацию денежного обращения, внешней торговли. Монетаристы, рассматривая золото как сокровище, абсолютную форму богатства, искали пути притока его из-за границы и удержания внутри страны. Категорически запрещался вывоз денег за пределы данного государства, строго контролировалась деятельность иностранных купцов, ограничивался ввоз зарубежных товаров, устанавливались высокие пошлины и т.д.

Переход к мануфактурной системе не привёл к изменению основных догм меркантилистской концепции, однако вызвал существенные изменения в способах накопления. Зрелый меркантилизм представлял более развитую экономику, что и сказалось на экономической доктрине. Наиболее известным её выразителем являлся английский экономист **Томас Мен.** Во Франции развитой меркантилизм был представлен кольберизмом. В Италии концепцию торгового баланса развивал **Антонио Серра.**

Как и монетаристы, представители мануфактурной системы отождествляли богатство наций с золотом и единственным его источником считали внешнюю торговлю. Они были убеждены во всемогуществе денег. По словам Колумба, золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открывать дорогу в рай.

Представители развитого меркантилизма в значительной мере преодолели иллюзии монетаристов. Их экономическая теория более обоснована. Вместо административных методов накопления, значение которых упало, на первый план выдвигаются экономические методы. Меркантилисты отказались от запрещения вывоза золота за пределы страны, от жёсткой регламентации денежного обращения. Они намечают меры для стимулирования внешней торговли, которая должна была обеспечивать постоянный приток золота в страну. Основным правилом внешней торговли считалось превышение вывоза над ввозом. Чтобы обеспечить его реализацию, меркантилисты заботились о развитии мануфактурного производства, внутренней торговле, росте не только экспорта, но и импорта товаров, закупки сырья за границей, рационального использования денег. Рост мануфактурного производства и активизация экономических методов накопления не исключали административного воздействия со стороны государства, хотя характер такого воздействия менялся. В соответ-

ствии с концепцией торгового баланса проводилась экономическая политика протекционизма в интересах собственных мануфактуристов и купечества. Поддерживался запрет на вывоз сырья, ограничивался ввоз ряда товаров, особенно предметов роскоши, устанавливались высокие ввозные пошлины и т.д. Меркантилисты требовали, чтобы королевская власть поощряла развитие национальной промышленности и торговли, производство товаров на экспорт, поддерживала высокие таможенные пошлины, строила и укрепляла флот, расширяла внешнюю экспансию.

Меркантилизм в отдельных странах имел свои особенности. Его развитие было связано с уровнем зрелости капиталистических производственных отношений, что определяло и практические результаты национальных меркантилистских теорий.

Наибольшего развития меркантилизм достиг в Англии. Раннюю его стадию представлял Уильям Стаффорд, автор книги "Критическое изложение некоторых жалоб наших соотечественников" (1581). Развивая концепцию монетаризма, Стаффорд высказал тревогу по поводу отлива за границу денег. Задачу накопления денежных богатств он предлагал решать в основном административными мерами, требуя от государства запрещения вывоза монет, ввоза предметов роскоши, ограничения импорта ряда других товаров. Стаффорд высказался за расширение переработки английской шерсти, производства сукна.

Зрелый меркантилизм представлен в Англии трудами **Томаса Мена** (1571–1641). Классический представитель мануфактурной системы Т. Мен являлся вместе с тем крупным коммерсантом своего времени, одним из директоров Ост-Индской компании. Отстаивая интересы компании от нападок противников, критиковавших её за вывоз монет, Т. Мен в 1621 г. выступил с памфлетом "Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией". Концепции монетаристов автор противопоставил теорию торгового баланса. В 1630 г. Т. Мен пишет работу "Богатство Англии во внешней торговле или баланс внешней торговли как регулятор богатства". Это его основное произведение, в самом названии которого формулировалось кредо развитого меркантилизма. Т. Мен считал вредной жёсткую регламентацию денежного обращения, выступал за свободный вывоз монет, без которого невозможно нормальное развитие внешней торговли. Главной заботой он считал обеспечение правила: "Продавать иностранцам ежегодно на большую сумму, чем мы покупаем у них"[1]. Только с помощью активной внешней торговли, по его мнению, можно привлечь в страну те "единственные деньги, которые у нас остаются и которыми мы обогащаемся"[2]. Требуя отмены закона "об истрачивании" монет для иностранцев, Т. Мен исходил из того, что запрет вывоза

[1] Меркантилизм. М.: Соцэгиз, 1935. С. 155.
[2] Там же. С. 169.

денег тормозит спрос на английские товары за границей, а избыток денег в стране способствует росту цен.

Благодаря тому, что в своём капиталистическом развитии Англия обогнала другие страны мира, программа меркантилистов оказалась здесь наиболее эффективной. Её осуществление способствовало созданию условий для превращения Англии в первую промышленную державу мира.

Идеи меркантилизма получили большое распространение во Франции в XVI–XVII вв. Меркантилизм представлен здесь прежде всего **Антуаном Монкретьеном** (1576–1621), автором знаменитого "Трактата политической экономии" (1615). Наиболее полезным сословием он считал купцов, торговлю характеризовал как главную цель ремёсел. А. Монкретьен искал пути увеличения денежного богатства, которые рекомендовал Людовику XIII. Активное вмешательство государства в экономику рассматривалось в качестве важнейшего фактора накопления, укрепления и развития хозяйства страны. А. Монкретьен советовал развивать мануфактуры, создавать ремесленные школы, повышать качество изделий и расширять торговлю товарами национального производства, вытесняя с французского рынка иностранных купцов, которых он сравнивал с насосом, выкачивающим богатства из страны. Программа А. Монкретьена предусматривала расширение внешнеторговой экспансии Франции. Она отражала частично идеи монетаризма, а также концепцию торгового баланса, к которой приближался автор.

Доктрина меркантилизма настойчиво проводилась в жизнь во второй половине XVII в. в период господства кардинала Ришелье (1624–1642) и деятельности министра финансов Людовика XIV Кольбера (1661–1683). Предпринимались усилия по созданию мануфактурного производства, условий, способствовавших его росту (предоставление ссуд, различных льгот промышленникам и торговцам, привлечение иностранных мастеров и т.д.). Франция строила флот, создавала колониальные компании, развёртывала внешнеторговую деятельность. С помощью меркантилистской политики Кольбер пытался преодолеть социально-экономическое отставание страны, догнать Англию. Однако его усилия оказались тщетными. Осуществление меркантилистской доктрины на первых порах принесло свои плоды, но одолеть феодальные порядки, расчистить дорогу для капиталистического развития страны без социальной революции было нельзя. К концу XVII в. французский меркантилизм оказался в состоянии глубокого кризиса, являвшегося отражением кризиса феодализма.

Идеи меркантилизма получили распространение и в таких странах, как Италия, Испания, Германия, Венгрия, Польша, Россия и др. Социально-экономическое развитие каждой из них отличалось своими

особенностями, которые неизбежно проявлялись в национальных экономических теориях, воплощавших в той или иной мере концепции меркантилизма. Их степень зрелости определялась тем, насколько далеко продвинулось развитие капитализма, какое соотношение складывалось между стоявшим у власти дворянством и нарождающейся буржуазией.

Развитие меркантилизма в Испании задержалось на стадии монетаризма, в соответствии с которым поддерживалась строгая регламентация денежного обращения, жестоко преследовался вывоз золота и серебра за пределы страны. На эволюцию меркантилизма в Германии, кроме отмеченных выше факторов, накладывала отпечаток политическая раздробленность страны. Мероприятия раннего меркантилизма сочетались здесь с экономической политикой, типичной для феодальных княжеств. Они лишь усугубляли царивший в стране экономический хаос, порождённый раздробленностью.

В Италии эволюция меркантилизма продвинулась дальше. Его ранняя стадия представлена сочинением "Чтение о монете", принадлежавшем перу флорентийца Е. Даванцати (1582), а также книгой Скаруффи "Рассуждение о монете" (1579), главное место в которых заняли вопросы денежного обращения и его регламентации. Однако появление "Краткого трактата" А. Серра (1613) ознаменовало стадию зрелого меркантилизма, для которой свойственна теория торгового баланса. А. Серра подверг критике монетаризм. Он ратовал за развитие ремесленного производства, поощрение трудолюбия и изобретательности населения, развитие торговли, проведение благоприятной экономической политики правительства. Меркантилизм не дал существенных практических результатов в силу отсталости социально-экономического развития Италии.

Наибольшей спецификой меркантилизм отличался в России. Его концепции не получили здесь законного оформления и не определяли основного содержания русской экономической мысли, хотя идеи меркантилизма нашли в ней своё отражения в сочинениях А.Л. Ордын-Нащокина, Ю. Крижанича, И.Т. Посошкова и оказали влияние на формирование экономической политики. Однако преимущественно аграрный характер экономики России XVII в. ставил проблемы, не укладывавшиеся в прокрустово ложе концепции меркантилизма. Русская экономическая мысль выдвинула широкую программу развития.

В области экономической теории меркантилизм был весьма примитивен. Это первая школа политэкономии, соответствовавшая эпохе первоначального накопления капитала, составила, по существу, предысторию экономической науки. Однако меркантилизм не ушёл со сцены с появлением классической школы. Его видным представите-

лем был английский экономист XVIII в. **Джеймс Стюарт** (1712–1780), изложивший свою концепцию в книге "Исследование принципов политической экономии" (1767). Стюарт одним из первых пытался дать систематическое изложение основ политэкономии, показал "процесс отделения условий производства, как собственности определённого класса, от рабочей силы".

Для меркантилизма характерна интерпретация экономических явлений, вытекающая из признания определяющей роли обращения. Такой подход не был случайным, представляя собой продукт определённых исторических условий, порождённых эпохой первоначального накопления капитала. Меркантилизм сыграл прогрессивную роль, способствуя переходу к рыночной капиталистической экономике.

Выдвинутые меркантилистами интерпретации экономического процесса, согласно которым источником богатства являлась сфера обращения, а образование прибыли объяснялось как результат продажи товара по цене, превышающей его стоимость (прибыль от отчуждения), в значительной мере преодолеваются представителями классической политической экономии

Лекция 6. *Экономические идеи в России в XVII–XVIII вв. И.Т. Посошков и его книга "О скудости и богатстве"*

При изучении русской экономической мысли XVII в. и первой половины XVIII в. необходимо обратить внимание на условия, в которых она развивалась.

В XVII в. Россия вступила в новую полосу своего развития. Были ликвидированы остатки прежней обособленности. Укреплялось Русское централизованное государство. Политика закрепощения крестьян получила своё завершение в Соборном уложении 1649 г.

Характерным для данного периода явилось зарождение внутри общества новых явлений. Среди них — формирование всероссийского рынка, связанное с ростом общественного разделения труда, и выделение в среде городского населения новой социальной силы — купцов.

В промышленности появляется крупное производство в форме мануфактуры, которые были немногочисленны; господствующим же оставалось мелкое производство.

Хозяйство феодалов и крестьян в основном было натуральным. Вместе с тем заметно увеличивается и производство на рынок.

Зарождение всероссийского рынка означало развитие торговых связей. Возникли крупные торговые центры, быстро росла и развивалась внешняя торговля России.

В XVII в. государственный строй России всё более приближается к абсолютной монархии.

Всё это оказало влияние на развитие русской экономической мысли рассматриваемого периода. Новым явилось ясное понимание и развёрнутое обоснование передовыми мыслителями и деятелями той эпохи необходимости ликвидации экономической отсталости России, сохранения и укрепления её независимости. Их отличает широта кругозора, общегосударственный и общехозяйственный подход к экономическим вопросам.

Путь ликвидации экономической отсталости страны они видели в создании крупной отечественной промышленности, развитии внутренней и внешней торговли, создании в стране собственного флота, путей сообщения, развитии сельскохозяйственного производства, реорганизации финансовой системы. Всё это носило прогрессивный характер и отвечало назревшим потребностям общественной жизни Русского государства.

Наиболее ярким выразителем нового направления русской экономической мысли XVII в. явился выдающийся государственный деятель, политик и дипломат, инициатор важных государственных постановлений **А.Л. Ордын-Нащокин** (1605–1680). Изданный им Новоторговый устав 1667 г. явился крупным законодательным актом XVII в., регулирующим торговые пошлины. Новоторговый устав пронизан идеями меркантилизма, стремлением привлечь в страну и удержать драгоценные металлы, покровительством отечественной торговле и купечеству. Все эти задачи были связаны с достижением благоприятного торгового баланса.

Меркантилистские мотивы обнаруживаются и в работах хорвата **Ю. Крижанича** (1616–1683), написанных им во время длительного пребывания в России. В своём основном сочинении "Думы политичны" Крижанич разрабатывал вопрос о способах увеличения богатства в стране. Защита русской торговли от иностранцев и создание благоприятных условий как во внутренней, так и во внешней торговле русскому купечеству являются основными требованиями Крижанича. Считая необходимым развитие производительных сил страны, он наметил широкие мероприятия в области промышленности, торговли, сельского хозяйства, финансов, государственного устройства. Крижанич писал свои проекты для России — в то время аграрной страны. Его работа была опубликована лишь в середине XIX в.

Отсталость России от западноевропейских стран особенно ощутимо стала сказываться в конце XVII в. Необходимы были коренные реформы. Эти реформы и были проведены Петром I. Они охватили государственный аппарат, армию, флот, военное дело, а также хозяйственную жизнь.

Вокруг Петра I было немало соратников, стремившихся внести свой вклад в дело экономического развития России. Среди них — **Иван Тихонович Посошков** (1652–1726) — оригинальный экономист-мыслитель, пытавшийся решать острые проблемы жизни.

Посошков вышел из семьи мастера серебряного дела, сам был весьма разносторонним мастером, затем служил на винокуренном заводе, занимался торгово-промышленной деятельностью. Его перу принадлежит ряд работ, в которых рассматриваются вопросы денежного обращения, военное дело, богословские проблемы, вопросы морали.

К концу жизни Посошков написал книгу "О скудости и богатстве". Она была закончена в 1724 г. и предназначалась для Петра I. В августе 1725 г. Посошков был арестован и заключён в Петропавловскую крепость, где 1 февраля 1726 г. скончался.

Книга "О скудости и богатстве" принадлежит к числу выдающихся произведений не только русской, но и мировой экономической литературы. Устранение скудости и умножение богатства России — центральная её тема. Книга Посошкова является не только экономической работой. В ней всесторонне анализируется жизнь страны, её недостатки, содержатся практические указания к их устранению. Вместе с тем в ней рассматриваются и теоретические вопросы. В этом произведении ярко проявился литературный талант Посошкова, острота его мысли и всесторонность знания жизни. Книга проникнута глубоким патриотизмом, заботой о благополучии родины, большой любовью к своему народу и верой в его великое будущее.

Корни экономических воззрений Посошкова лежат в окружающей реальной действительности, которую он воспринимал и оценивал в соответствии со своими идеалами. Взгляды Посошкова оригинальны, экономические предложения полны жизненного и практического смысла.

По своим политическим взглядам Посошков был сторонником монархии. Вместе с тем он критически относился к системе и порядкам управления в России, видел в них препятствие к устранению скудости и умножению богатства в стране.

У Посошкова нет свойственного представителям меркантилизма Западной Европы отождествления богатства с деньгами. Он считал, что богатство общества воплощается не только в драгоценных металлах, но и в материальных благах. Посошков различает богатство вещественное и невещественное. Под вещественным богатством он разумел богатство государства (казны) и богатство народа, под невещественным — "истинную правду", т.е. законность, правовые условия, хорошее управление страной.

Задачей экономической политики государства Посошков ставил "всенародное обогащение". Он писал: "... в коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем будут убоги, то и царству тому не можно слыть богатому"[1]. Рост народного богатства выгоден и народу и государству — такова основная мысль Посошкова по этому поводу. Его высказывания носили прогрессивный характер и выходили за рамки меркантилистских представлений о богатстве.

Для уничтожения скудости и достижения богатства в стране наибольшее значение имеют два следующих наставления Посошкова: заставить всех людей работать, причём прилежно и производительно, уничтожить праздность во всех её видах; решительно бороться с непроизводительными затратами, осуществлять строжайшую экономию во всём.

Требование бережливости во всём, экономного расходования материальных благ и денег красной нитью проходит через всю книгу Посошкова.

Исходя из общегосударственных интересов, он решительно восстаёт против хищнического отношения к естественным богатствам страны и излагает наиболее целесообразные, с его точки зрения, принципы их эксплуатации.

Особенно большое внимание Посошков уделял вопросам развития русской промышленности. Он писал о необходимости строительства железорудных, стекольных, полотняных заводов. При этом указывал, что развитие крупной отечественной промышленности будет содействовать "соблюдению" денег в стране. В числе мер, направленных на развитие производства, Посошков рекомендовал строить заводы на средства государства и передавать их затем в частные руки, предлагал организовать поощрение и охрану изобретательства; ссылаясь на богатства страны, доказывал необходимость разведки её недр; много писал об охране природных ресурсов, рыбных богатств и лесов.

Являясь идеологом купечества, Посошков много места в своём сочинении отводит вопросам торговли. Из всех видов хозяйственной деятельности наибольшее значение он придавал торговле, а из общественных сословий — купечеству. "Торг — дело великое! Купечеством всякое царство богатитца, а без купечества никакое и малое государство быть не может"[2], — писал Посошков. В стремлении сделать русское купечество монополистом в торговле он предлагал запретить дворянам и крестьянам заниматься торговлей. Преследуя цель устранить конкуренцию и игру цен на рынке, Посошков высказывался за "установленную цену", регулируемую сверху системой надзо-

[1] *Посошков И.Т.* О скудости и богатстве. С. 77.

[2] Там же. С. 200.

ра и контроля. В этом отношении его взгляды устарели, но в отрицательной оценке системы внутренних пошлин, которые существовали тогда во всех странах и сильно стесняли внутренний товарооборот, Посошков опередил своё время. Предложенное им установление одного сбора с товаров, причём пониженного против суммы существовавших тогда внутренних сборов, действительно содействовало бы развёртыванию внутренней торговли.

Внимательно относился Посошков и к проблемам внешней торговли. Он предлагал такую систему организации внешней торговли, которая, по его мнению, способна обеспечить русским купцам господствующее положение и защитить их от конкуренции со стороны иностранного торгового капитала. Меры по организации внешней торговли проникнуты заботой Посошкова о сохранении и приумножении денег в стране. Он считал необходимым ввозить из-за границы только то, что не производится в России и без чего обойтись совершенно невозможно. Предлагал запретить ввоз предметов роскоши, которые уже производятся в России, называя в их числе соль, стеклянную посуду, зеркала, шляпы и другие товары. Чтобы иметь возможность не ввозить эти товары и тем самым сохранить деньги в стране, Посошков рекомендовал создавать собственную промышленность в России. В целях поощрения собственного производства, по его мнению, следовало прекратить вывоз из страны промышленного сырья и вывозить за границу лишь готовые изделия.

Оригинальны взгляды Посошкова на деньги. Исходя из исключительной роли государственной власти в развитии производительных сил, он отстаивал номиналистическую теорию денег. Его теория учитывала интересы русского купечества, укрепления экономической независимости России и теоретически обобщала финансовую практику того времени.

Книга "О скудости и богатстве" отличается широтой содержания. Посошков не ограничивался проблемами торговли, промышленности, денег. Он останавливался и на других вопросах народного хозяйства и государственного устройства. Значительное место в его сочинении занимал крестьянский вопрос.

Оставаясь идеологом купечества, Посошков вместе с тем выражал и интересы крестьянства. Его книга рисует яркую картину их тяжёлого положения в эпоху Петра I. Он подверг резкой критике ничем не ограниченную эксплуатацию крестьян помещиками, хотел понять причины скудости крестьянства, найти пути к её устранению. Не требуя открыто отмены крепостного права, Посошков стремился ограничить власть помещиков определёнными рамками. Весьма радикальными и прогрессивными для своего времени были предло-

жения определить законом размер крестьянских повинностей в со-
ответствии с количеством земли и посевов, значительно понизить
размер податей, взимаемых с крестьян, установить обязательное
обучение крестьянских детей грамоте.

Заслуга Посошкова состоит в том, что он сумел правильно, в
пределах своей эпохи, понять основные задачи России. Это был один
из первых русских писателей-экономистов, давших развёрнутую и
стройную систему экономических взглядов. В его лице русская эко-
номическая мысль конца XVII — начала XVIII вв. прочно стояла на
уровне мировой экономической мысли того времени.

Лекция 7. *Возникновение классической политической экономии в Англии и во Франции*

Исторические условия возникновения и общая характеристика классической политической экономии

Классическая школа сменила меркантилизм. Она формировалась и получила большое развитие только в двух странах: в Англии и во Франции, хотя меркантилизм имел несравненно более широкое распространение.

Исторические условия, подготовившие возникновение классической школы, сложились прежде всего в Англии. Здесь быстрее, чем в других странах Европы, завершался процесс первоначального накопления капитала. Были заложены основы мануфактурного производства, получившего большое развитие уже в XVII в. В результате обострения социальных противоречий в 1640 г. в Англии началась буржуазная революция, покончившая с феодально-абсолютистским строем и ускорившая развитие капиталистических отношений. Вместе с ростом мануфактурного производства, развёртыванием внешнеторговой экспансии, Англия в капиталистическом развитии значительно обогнала другие страны Европы.

Во Франции, где до последней трети XVIII в. сохранялся феодальный строй, капитализм с большим трудом пробивал себе дорогу.

Классическая политическая экономия возникла в Англии в XVII в. Её основатель — У. Петти. В XVIII в. она развивалась А. Смитом, а затем в первой четверти XIX в. была завершена Д. Рикардо. Основатель классической школы во Франции — П. Буагильбер. Её положения развивали в своих работах физиократы (Ф. Кенэ, А. Тюрго), а завершил Ж. Сисмонди.

Классическая политэкономия, в отличие от меркантилизма, ориентировалась прежде всего на развитие производства и представляла интересы той части предпринимателей, которая вкладывала свои капиталы в мануфактуры.

Классики политэкономии создали учение о "естественных" законах экономики. Эти законы они отождествляли с законами природы.

Английские и французские учёные исследовали производство, положив начало экономическому анализу. Классики политэкономии впервые применили абстрактный метод исследования. Всё это имело большое значение для решения методологических проблем политэкономии, в чём одна из научных заслуг классической школы.

В её рамках началась разработка трудовой теории стоимости. Было провозглашено, что богатство нации создаётся в производстве, а его источником является затрачиваемый на производство товаров труд. Это явилось выдающимся научным приобретением, сыгравшим громадную роль в дальнейшем развитии политэкономии.

Одно из важных достижений классиков политэкономии связано с разработкой научных элементов теории прибавочного продукта.

К числу научных элементов относится также анализ общественного воспроизводства в "Экономической таблице" главы школы физиократов Франсуа Кенэ.

Экономическая теория У. Петти

Основателем классической буржуазной политэкономии в Англии был **Уильям Петти** (1623–1687). Родился он в семье ремесленника, трудовую деятельность начал корабельным юнгой, затем работал моряком. В дальнейшем У. Петти — врач, учёный, политический деятель Англии.

У. Петти был выдающимся ученым, которого К. Маркс называл "отцом английской политической экономии". Он написал ряд произведений: "Трактат о налогах и сборах" (1662), "Слово мудрых" (1664); "Политическая анатомия Ирландии" (1672), "Политическая арифметика" (1676), "Кое-что о деньгах" (1682).

Экономические воззрения У. Петти в истории английской политэкономии представляли переходную эпоху от меркантилизма к классической школе. В вопросах экономической политики У. Петти во многом ещё стоял на позициях меркантилизма, постепенно преодолевая его догмы. Так, например, золото и серебро он считал преимущественной формой богатства, а заботу о пополнении денег — одной из важнейших забот государства. По его мнению, драгоценные металлы нужны для всех времён, для всех мест. Он поддерживал идею

торгового баланса, считал, что промышленность доставляет больш барыша, чем сельское хозяйство, а торговля — больше, нежели про мышленность. У. Петти ратовал за торговую экспансию. Вместе с тем укреплялось его убеждение в том, что основная часть населе ния должна заниматься производством, а не торговлей. В процессе эволюции своих взглядов У. Петти преодолел влияние меркантилизма.

В отличие от меркантилистов У. Петти выяснил внутренние зависимости, сущность изучаемых экономических явлений. Хотя его интересовала главным образом количественная сторона изучаемых процессов, он сделал большой шаг вперёд в развитии экономической теории.

Это проявилось прежде всего в учении о стоимости. Трудовая теория стоимости, которая берёт своё начало от У. Петти, явилась важнейшим отправным пунктом, от которого началось исследование внутренних зависимостей производства.

У. Петти различал рыночные и естественные цены, меняющиеся в зависимости от соотношения спроса и предложения. Такую цену он называл политической ценой. Вместе с тем Петти приходит к выводу, что основу цены составляет "естественная цена", или стоимость. Он определял её затраченным на производство товара трудом. Такая цена, по его мнению, выражается определённым количеством серебра. "Если одну унцию серебра можно добыть и доставить в Лондон из перуанских рудников с такой же затратой времени, какая необходима для производства одного бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; и если вследствие открытия новых, более богатых рудников две унции можно будет добывать так же легко, как и теперь одну, то при прочих равных условиях хлеб будет так же дёшев при цене в 10 шил. за бушель, как теперь при цене в 5 шил."[1]

У. Петти рассматривал стоимость только в денежной форме. Он не исследовал меновое отношение двух товаров, не видел, что в нем заключён зародыш денежной системы, беря её в таком виде, как она проявляется в процессе обмена. "Опутанный представлениями монетарной системы, он объявляет этот особый вид реального труда, которым добывается золото и серебро, трудом, создающим меновую стоимость"[2].

Высказав исходную идею трудовой теории стоимости, Петти не сумел развить её в стройное учение и последовательно проводить в своих исследованиях. Не понимая двойственного характера труда

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26, ч. 1. С. 164.
[2] Там же. Т. 19. С. 40.

при товарном производстве, он смешивал стоимостную и натуральную формы богатства, не мог согласовать такие его источники, как труд и земля. "Труд есть отец и активный принцип богатства, а земля его мать", — говорил Петти. Это верно по отношению к потребительной стоимости, производство которой требует сочетания конкретного труда и вещества природы. Распространив данное положение на стоимость, Петти впал в глубокое противоречие и вынужден был отойти от первоначального определения стоимости. Так, стоимость ирландской хижины он сводил к числу дневных пайков продовольствия, потребных её строителям, т.е. по существу, к заработной плате.

Опираясь на трудовую теорию стоимости, Петти рассматривал другие экономические категории, высказав ряд весьма ценных для политической экономии положений. Это проявилось прежде всего в определении ренты как разницы между стоимостью товара и заработной платой. Рента представляла излишек стоимости над издержками производства, сводившимися в основном к стоимости рабочей силы. Рента у Петти — единственная форма прибавочной стоимости. Он высказал догадку о природе прибавочного продукта, указал, что рента как выражение совокупной сельскохозяйственной стоимости выводится не из земли, а из труда, и определяется как созданный трудом избыток над тем, что необходимо для поддержания жизни работника

Характеризуя заработную плату, Петти исходил из того, что она имеет объективную основу, установил её зависимость от стоимости средств существования рабочего. Петти сводил заработную плату к минимуму средств существования. Он был сторонником низкой заработной платы, считая, что только в этом случае рабочий будет трудиться с достаточным напряжением сил.

Опираясь на трудовую стоимость, Петти сделал существенный шаг вперёд в вопросе о цене земли. Он рассматривал её в тесной связи с проблемой ренты. По его мнению, цена земли должна представлять капитализированную ренту, т.е. сумму годовых рент за определённое число лет. Петти дал оригинальный расчёт, по которому цена земли включала такое количество годовых рент, которое определялось продолжительностью совместной жизни представителей трёх поколений: деда (50 лет), сына (28 лет) и внука (7 лет). Это составило 21 год. Такой расчёт был произвольным и не решал проблемы. Для её научного понимания требовалось знание природы ссудного процента, который у Петти выступал не в качестве заранее данной величины, связанной с движением прибыли, а лишь как особая форма ренты. Прибыли как особой, отличной от ренты, категории, Петти не выделял.

Во Франции зарождение классической политэкономии связано с именем **Пьера Буагильбера** (1646–1714). Автор ряда работ ("Розничная торговля Франции", "Трактат о природе возделывания, торговле и пользе зерна", "Рассуждение о природе богатства, денег и налогов"), Буагильбер во времена Людовика XIV занимал высокие судебные и административные должности.

П. Буагильбер выступал с критикой меркантилизма, считая его главным виновником бедственного экономического положения страны, в особенности доведённого до нищеты французского крестьянства. Он отверг концепцию и экономическую доктрину кольберизма, ратуя прежде всего за улучшение положения сельского населения. Для этого Буагильбер считал необходимым проведение покровительственных мер по отношению к сельскому хозяйству, которые уменьшили бы гнёт крестьянства и облегчили его положение.

По мнению П. Буагильбера, богатство нации заключается не в деньгах, а в полезных вещах, прежде всего в продуктах земледелия. Он рассматривал богатство в противоположность меркантилистам как сумму потребительных стоимостей, а его основу видел в сельском хозяйстве. Деньги, по его мнению, должны находиться в постоянном движении, их роль сводится к средству обмена.

П. Буагильбер уделил большое внимание экономической теории. Независимо от У. Петти он положил начало учению о трудовой стоимости. Буагильбер различал рыночную цену и "истинную стоимость". Если рыночные цены — случайны, то "истинная стоимость" закономерна, определяется трудом, затраченным на производство товара. Её величину Буагильбер определял рабочим временем. Стоимость выступала у него в пропорциях между обмениваемыми товарами, отражающими равные затраты труда.

"Истинную стоимость" Буагильбер принимал за основу пропорционального обмена. Его идеальной формой, обеспечивавшей сохранение пропорциональности, он считал обмен товара на товар. Такой обмен должен был развиваться на основе свободной конкуренции.

Не понимая связи между товарной и денежной формами стоимости, П. Буагильбер выступил против денег, которые он назвал "всеобщим палачом". Они, по его словам, "объявляют войну всему роду человеческому". В деньгах он видит причину нарушения правильных пропорций между обмениваемыми товарами, основное зло и источник бедствий народа.

Будучи основателем классической политической экономии во Франции, П. Буагильбер в своих работах широко отразил специфику экономической мысли страны. Она определялась резким разрывом

с меркантилизмом, возросшим вниманием к аграрным проблемам, сочувственным отношением к находившемуся в бедственном положении крестьянству.

Лекция 8. *Экономическое учение физиократов*

Классическую политэкономию во Франции после П. Буагильбера представляла школа физиократов, основанная в середине XVIII в. **Франсуа Кенэ** (1694–1767). В неё входила большая группа экономистов (А. Тюрго, В. Мирабо, В. Дюпон де Немур, Г. Летрон и др.).

Исходным в концепции физиократов было учение о "естественном порядке". Оно означало признание объективной реальности окружающего мира, существование которого объяснялось соответствием "естественному порядку" или "естественному праву". Кенэ рассматривал такое право как выражение высшей справедливости, идущей от Бога. По его мнению, соблюдение "естественного порядка" обязательно для всех людей уже потому, что представляющее его "естественное право" признаётся "светом разума". Кенэ не разделял выводов просветителей. Он считал, что человек не может претендовать "на всё" (это равносильно праву ласточки на всех летающих мошек), а должен исходить из того, что в состоянии обеспечить своим трудом. Физиократы опирались на идею "естественного права" для определения существующих норм поведения человека. В соответствии с учением о "естественном порядке" Кенэ и его коллеги признавали экономические и политические законы в качестве естественных (не зависящих от людей и политической власти). Такие законы трактовались как вечные.

Школа физиократов выступила с резкой критикой монетаризма. Она отвергала ошибочные исходные положения его концепции о том, что единственной формой богатства является золото, а его источником — внешняя торговля. Ф. Кенэ и его коллеги считали, что богатство складывается из потребительных стоимостей. Деньгам отводилась роль посредника в обращении. Источник богатства они видели в производстве, а не в торговле, для которой характерен, по их мнению, только обмен равных ценностей (эквивалентный обмен). Заслуга физиократов в том, что они перенесли исследование о происхождении прибавочного продукта в сферу непосредственного производства и тем самым заложили основу для анализа капиталистического производства. Физиократы одними из первых дали анализ капитала.

Вместе с тем толкование производства у них одностороннее: сфера производства ограничена лишь сельским хозяйством. Отсюда единственно производительным трудом считался труд земледельцев.

Физиократическая система выступала как выражение нового капиталистического общества, пробивающего себе дорогу в рамках феодального. Для объяснения процесса физиократы брали такую отрасль труда, которая "выступает наружу независимо от процесса обращения", что они видели только в земледелии. С их точки зрения, промышленность не являлась производительной отраслью хозяйства.

Центральное место в учении физиократов занимала проблема "чистого продукта" и его производства. Это избыток над той частью, которая возмещала заработную плату. Иными словами, под "чистым продуктом" имелся в виду прибавочный продукт. Исходя из того, что "земля есть единственный источник богатства", Кенэ полагал, что "чистый продукт" производится только в земледелии. С этой точки зрения промышленность оказывалась "бесплодной". Единственной формой чистого продукта считалась рента.

Физиократы противоречиво толковали производство "чистого продукта". С одной стороны, он представлялся как результат естественного процесса роста, свойственного земледелию, следовательно, как дар природы. Вместе с тем "чистый продукт" выступает у них и как результат земледельческого труда, избыток над заработной платой. Прибыль рассматривалась как разновидность заработной платы.

В соответствии со своим пониманием производства Ф. Кенэ делил общество на три класса: 1) собственников (дворянство, духовенство, король со свитой, чиновничество); 2) фермеров, к которым относил и капиталистов, и наёмных рабочих; 3) "бесплодных", включавших торгово-промышленное население страны.

Физиократы категорически отвергли экономическую доктрину меркантилизма. В области экономической политики они выступали как сторонники невмешательства государства в экономическую жизнь страны, противники всякого рода монополий, защищая свободу предпринимательской деятельности в условиях капиталистической конкуренции.

Вершину физиократической системы составила попытка анализа воспроизводства общественного капитала, предпринятая Ф. Кенэ в знаменитой "Экономической таблице" (1758).

Рассматривая процесс воспроизводства, Ф. Кенэ анализировал происхождение доходов, обмен между капиталом и доходом, отношение между производительным и окончательным потреблением. В качестве момента процесса воспроизводства он пытался представить "обращение между двумя большими подразделениями производственного труда — между производством сырья и промышленностью". Всё это воплощалось в одной экономической таблице.

При построении "Экономической таблицы" Кенэ исходил из определенных предпосылок, делал ряд допущений. Он абстрагировался от влияния внешнего рынка, колебаний цен, рассматривая простое воспроизводство, что правомерно для начала анализа. Анализируя общественное воспроизводство, Кенэ взял движение товарного капитала, обнаружив верный экономический такт, поскольку проблема воспроизводства есть прежде всего проблема реализации общественного продукта.

"Экономическая таблица" воплотила в себе все основные положения физиократов: деление общества на три класса (земельных собственников, фермеров и "бесплодных"); чистый продукт (прибавочная стоимость) производится только в сельском хозяйстве; для промышленности характерно лишь сложение стоимостей; обмен эквивалентов в торговле как результат свободной конкуренции. Капитал фермеров делится на первоначальные ежегодные авансы. Кенэ ввёл различие стоимостной и натуральной формы совокупного общественного продукта, разграничил категории капитала и дохода.

Автор "Экономической таблицы" исходил из того, что существует крупное земледелие, где землёй владеют собственники, получающие ренту, а хозяйство ведут фермеры, арендующие землю и владеющие капиталом. Капитал фермеров складывается из двух частей: 1) первоначальных авансов (основной капитал) в сумме 10 млрд ливров, которые служат в течение 10 лет, ежегодно десятая часть (1 млрд ливров) входит в стоимость годового продукта; 2) ежегодных авансов (оборотный капитал) в сумме 2 млрд ливров, за счёт которых покрываются расходы на сырьё, заработную плату всех работников сельскохозяйственного производства; эта часть капитала служит в течение одного года, а стоимость её входит в стоимость продукта; она полностью подлежит возмещению. Стоимость годового продукта фермеров, кроме перенесённой капитальной стоимости (3 млрд ливров), включает стоимость чистого продукта в сумме 2 млрд ливров и составляет в целом 5 млрд ливров.

По своей натуральной форме сельскохозяйственный продукт состоял из: 1) семян и продовольствия, потребных для возмещения оборотного капитала; 2) продовольствия для обмена и 3) сырья для промышленности.

В стоимость совокупного общественного продукта входит также стоимость продукта, произведенного "бесплодными" (2 млрд ливров). По натуральной форме это — промышленные изделия. Стоимость совокупного общественного продукта в целом составляет, таким образом, 7 млрд ливров.

"Экономическая таблица" Кенэ включает, по существу, две таблицы: большую, отражающую движение "чистого продукта", и ма-

лую, содержащую изображение всего процесса воспроизводства и обращения общественного капитала. Реализация общественного продукта приурочена к окончанию хозяйственного года (сбору урожая). Весь процесс в укрупнённом виде можно представить в виде нескольких крупных актов.

Он начинается с того (акт 1), что земельные собственники, обладающие деньгами в сумме 2 млрд ливров (рента, полученная за предыдущий период), приобретают продовольствие у фермеров на 1 млрд ливров, а на второй млрд ливров покупают промышленные изделия у "бесплодных" (акт 2). Класс "бесплодных" на вырученные деньги (1 млрд ливров) приобретает у фермеров продовольствие (акт 3). Фермеры в свою очередь на 1 млрд ливров покупают у "бесплодных" мануфактурные изделия для возмещения сношенной части орудий труда (акт 4). "Бесплодные" у фермеров приобретают на 1 млрд ливров сырьё, потребное для продолжения производства (акт 5).

Процесс реализации опосредован движением денег. Первая их половина (1 млрд ливров) после первого акта выходит из обращения и остаётся у фермеров. Второй млрд ливров обслуживает реализацию и в итоге тоже оседает у фермеров. Деньги в сумме 2 млрд ливров будут выплачены земельными собственниками в качестве ренты. Учитывая это обстоятельство, Ф. Кенэ выдвинул требование, чтобы все налоги в государстве выплачивались получателями ренты — земельными собственниками.

В "Экономической таблице" рассматривалось только простое воспроизводство, отсутствовала проблема накопления. Кенэ не показывал, каким образом реализовывалась оставшаяся у фермеров часть сельскохозяйственного продукта. Игнорировалась необходимость восстановления средств труда у "бесплодных".

Тем не менее "Экономическая таблица" Ф. Кенэ впервые показала условия, необходимые для осуществления воспроизводственного процесса.

Завершил учение физиократов выдающийся экономист, видный государственный деятель Франции **Анн Робер Жак Тюрго** (1727–1781). С 1761 г. он занимал должность королевского интенданта в Лиможе, а с 1774 по 1776 г. — пост генерального контролёра финансов. Основное его произведение "Размышления об образовании и распределении богатств" вышло в свет отдельной книгой в 1776 г. Излагая концепцию физиократов, Тюрго внёс в неё ряд существенных дополнений. Именно у него физиократическая система приняла наиболее развитый вид.

Тюрго обратил внимание на зарождение экономического неравенства. Причину возникновения наёмного труда он видел в отделении

производителей от земли. Тюрго выдвинул более зрелое толкование классовой структуры общества, выделив среди фермеров и "бесплодных", с одной стороны, хозяев, с другой стороны — наёмных рабочих. Он приблизился к пониманию значения собственности на средства производства и дифференциации общества.

Тюрго пытался толковать проблему накопления капитала. Он впервые указал на различие между деньгами и капиталом. У него наметилось выделение прибыли как особого вида дохода. Рассматривая заработную плату, Тюрго связывал её движение с конкуренцией между рабочими на рынке труда. Он считал, что это обеспечивает сведение заработной платы к минимуму средств существования.

Будучи генеральным контролёром финансов, Тюрго предпринимал усилия для проведения в жизнь доктрины физиократов. Он упразднил цехи, освободил крестьян от дорожной повинности, ввёл свободу хлебной торговли, пытался установить единый налог на земельную ренту. Однако даже такие ограниченные нововведения встретили упорное сопротивление со стороны дворянства, придворной знати, и Тюрго вынужден был уйти в отставку.

ИЗ ЖИЗНИ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЁНЫХ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Антуан Монкретьен (1576–1621). Человека, который впервые ввёл в социально-экономическую литературу термин "политическая экономия", звали Антуан Монкретьен, сьер де Ваттевиль. Он был небогатым французским дворянином времён Генриха VI и Людовика XIII. Жизнь Монкретьена наполнена приключениями, достойными д'Артаньяна. Поэт, дуэлянт, изгнанник, приближённый короля, мятежник и государственный преступник, он кончил жизнь под ударами шпаг и в дыму пистолетных выстрелов, попав в засаду, устроенную врагами. Впрочем, такой конец был для мятежника удачей, потому что, будь он захвачен живым, не миновать бы ему пыток и позорной казни. Даже его тело по приговору суда было подвергнуто поруганию: кости раздроблены железом, труп сожжён и пепел развеян по ветру. Монкретьен был одним из руководителей восстания французских протестантов (гугенотов) против короля и католической церкви. Погиб он в 1621 г. в возрасте 45 или 46 лет, а его "Трактат политической экономии" вышел в 1615 г. в Руане. Неудивительно, что "Трактат" был предан забвению, а имя Монкретьена смешано с грязью. К сожалению, случилось так, что главным источником биографических данных о нём являются пристрастные и прямо клеветнические отзывы его недоброжелателей. Эти отзывы несут на

себе печать жестокой политической и религиозной борьбы. Монкретьена честили разбойником с большой дороги, фальшивомонетчиком, низким корыстолюбцем, который якобы перешёл в протестантскую религию только ради того, чтобы жениться на богатой вдове-гугенотке.

Прошло почти 300 лет, прежде чем доброе имя Монкретьена было восстановлено, а почётное место в истории экономической и политической мысли прочно закреплено за ним. Теперь ясно, что его трагическая судьба не случайна. Участие в одном из гугенотских мятежей, которые были в известной мере формой классовой борьбы бесправной французской буржуазии против феодально-абсолютистского строя, оказалось закономерным исходом жизни этого простолюдина по рождению (отец его был аптекарь), дворянина по случаю, гуманиста и воина по призванию.

Получив хорошее для своего времени образование, Монкретьен в 20 лет решил сделаться писателем и опубликовал трагедию в стихах на античный сюжет. За ней последовало несколько других драматических и поэтических произведений. Известно также, что он сочинял "Историю Нормандии". В 1605 г., когда Монкретьен был уже известным писателем, он был вынужден бежать в Англию после дуэли, которая закончилась смертью противника.

Четырёхлетнее пребывание в Англии сыграло в его жизни такую же роль, как через несколько десятилетий в жизни У. Петти — пребывание в Голландии: он увидел страну с более развитым хозяйством и более развитыми буржуазными отношениями. Монкретьен начинает живо интересоваться торговлей, ремёслами, экономической политикой. Глядя на английские порядки, он мысленно примеряет их к Франции. Возможно, для его дальнейшей судьбы имело значение то обстоятельство, что в Англии он встретил много французских эмигрантов-гугенотов. Большинство из них были ремесленники, многие весьма искусные. Монкретьен увидел, что их труд и мастерство принесли Англии немалую выгоду, а Франция, понудив их к эмиграции, понесла большую потерю.

Во Францию Монкретьен вернулся убеждённым сторонником развития национальной промышленности и торговли, защитником интересов третьего сословия. Свои новые идеи он начал осуществлять на практике. Женившись на богатой вдове, он основал мастерскую скобяного товара и стал сбывать свой товар в Париже, где у него был свой склад. Но главным его занятием была работа над "Трактатом". Несмотря на громкое название, он писал сугубо практическое сочинение, в котором пытался убедить правительство в необходимости всестороннего покровительства французским промышленникам и купцам. Монкретьен выступает за таможенный

протекционизм — высокие пошлины на иностранные товары, чтобы их ввоз не мешал национальному производству.

Уильям Петти (1623–1687). Читатели, наверное, помнят, как юный Робинзон Крузо, герой романа Дефо, вопреки воле отца и мольбам матери тайком бежал из дома и ушёл в море. Так начались все его приключения. Подобная история, возможно, произошла в семье суконщика Энтони Петти из городка Ромси в Хэмпшире (Южная Англия): его 14-летний сын Уильям отказался заниматься наследственным ремеслом и нанялся в Саунтхэмптоне юнгой на какой-то корабль. Выдуманный писателем Робинзон и вполне реальный Уильям Петти принадлежали к одному поколению: Дефо заставил своего героя родиться в 1632 г., У. Петти родился в 1623 г. Они принадлежали к одному и тому же классу — мелкой городской буржуазии, хотя суровый старик Крузо был, видимо, побогаче скромного суконщика.

Петти был своего рода вундеркиндом. Несмотря на скромное образование, которое могла ему дать городская школа в Ромси, он настолько знал латынь, что обратился к отцам иезуитам, имевшим свой колледж в городе Кане, со стихотворным латинским "заявлением" о приёме. То ли бескорыстно, изумлённые способностями юноши, то ли с расчётом — сделать ценное приобретение для католической церкви, иезуиты приняли его в колледж и взяли на своё содержание. Петти пробыл там около двух лет и в результате, по его собственным словам, "приобрёл знание латыни, греческого и французского языков, всей обычной арифметики, практической геометрии и астрономии, важных для искусства навигации..."[1]. Математические способности Петти были замечательны, и он до конца жизни оставался в этой области на уровне достижений тогдашней науки.

В 1640 г. Петти в Лондоне зарабатывает на жизнь черчением морских карт. Потом он три года служит в военном флоте, где его способности к навигационному делу и картографии оказываются весьма полезными. Покидая флот в 1643 г., он имеет наличными 60 фунтов стерлингов — немалую по тем временам сумму.

Он уезжает в Голландию и Францию, где изучает в основном медицину. Такая разносторонность — не только признак личной талантливости Петти: в XVII в. выделение отдельных наук только начиналось и учёная универсальность не была редкостью.

Следуют три счастливых года странствий, бурной деятельности, напряжённого поглощения знаний. В Амстердаме Петти зарабатывает на жизнь в мастерской ювелира и оптика. В Париже он служит секретарём философа Гоббса, живущего там в эмиграции. К 24 годам Петти имеет за спиной уже 10 лет самостоятельной жизни.

[1] Цит. по: *Strauss E.* Sir William. Portrait of Genius. L., 1954. P. 24.

Это вполне сложившийся человек, обладающий широкими знаниями, большой энергией, жизнерадостностью и личным обаянием. Правда, его положение в жизни до сих пор не упрочено, но он твёрдо идёт к этому.

Вернувшись в Англию, Петти скоро становится в Оксфорде, где он продолжает изучать медицину, и в Лондоне, с которым его связывает работа ради денег, видным членом группы молодых учёных. Эти люди сначала в шутку называли себя "невидимой коллегией", потом получили прозвище "знатоков", а вскоре после Реставрации создали Королевское общество — первую Академию наук нового времени. Когда в 1650 г. Петти получил от Оксфордского университета степень доктора физики и стал профессором анатомии и вице-принципалом (нечто вроде проректора) одного из колледжей, "невидимая коллегия" стала собираться в его холостяцкой квартире, которую он снимал в доме аптекаря.

Петти, очевидно, был хорошим врачом и анатомом. Об этом говорят его успехи в Оксфорде, наличие у молодого профессора медицинских сочинений и последующее высокое назначение. В это время с Петти произошёл случай, который впервые сделал его известным сравнительно широкой публике. Он заслуживает внимания и с точки зрения истории медицины, так как речь идёт, возможно, о первом опыте "лечения" клинической смерти.

В декабре 1650 г. в Оксфорде, по варварским законам и обычаям той эпохи, была повешена некая Энн Грин, бедная крестьянская девушка, соблазнённая молодым сквайром и обвинённая в убийстве своего ребёнка (впоследствии выяснилось, что она была невиновна, ребёнок родился недоношенным и умер своей смертью). После установления факта смерти она была положена в гроб. В этот момент на месте действия появился доктор Петти со своим помощником: целью их состояла в том, чтобы забрать труп для анатомических исследований. К своему изумлению врачи обнаружили, что в повешенной теплится жизнь. Приняв срочные меры, они "воскресили" её! Интересно дальнейшее развитие событий. Петти сделал три вещи, которые с разных сторон характеризуют его натуру. Во-первых, он проделал серию наблюдений не только над физическим, но и над психическим состоянием своей необычной пациентки и чётко зафиксировал их. Во-вторых, он проявил не только врачебное искусство, но и человечность, добившись от судей прощения Энн и организовав сбор денег в её пользу. В-третьих, он со свойственной ему деловой хваткой использовал это происшествие для громкой рекламы: через несколько дней по его инициативе в Оксфорде была выпущена сенсационная листовка (газет тогда ещё не было!) под интригующим заглавием: "Новости из мира мёртвых, или Правдивый и точный рассказ

об избавлении от смерти Энн Грин". Он организовал подобные издания и в Лондоне.

В 1651 г. доктор Петти внезапно оставил свою кафедру и вскоре получил должность врача при главнокомандующем английской армией в Ирландии. В сентябре 1652 г. Петти впервые сошёл с корабля на ирландскую землю. Что побудило его так резко изменить течение жизни? Видимо, жизнь оксфордского профессора была слишком спокойной и малоперспективной для молодого энергичного человека с изрядной долей авантюризма в характере.

Петти взял у правительства и армейского командования подряд на "обзор земель армии". Платили ему в основном деньгами, собранными с солдат, которые должны были получить землю. Петти заказал в Лондоне новые инструменты, набрал целую армию землемеров в тысячу человек, составил карты Ирландии, которые употреблялись в судах при разрешении земельных споров вплоть до середины XIX в. И это было сделано немногим более чем за один год. Поистине, всё удавалось этому человеку, всё ладилось у него!

"Обзор земель армии" оказался для Петти, которому было в это время немного за тридцать, настоящим золотым дном. Приехав в Ирландию скромным медиком, он через несколько лет превратился в одного из самых богатых и влиятельных людей в стране.

Огромная энергия Петти, его страсть к самоутверждению, авантюризм — всё это на некоторое время нашло своё выражение в мании обогащения. Он вкладывал в земельные спекуляции такую же страсть, как в оживление и лечение Энн Грин. Разумеется, здесь это говорится не для оправдания морального облика Петти. Такая цель была бы нелепа. Но разобраться в этой сложной личности интересно с научной и человеческой точки зрения.

Получив, по его собственным данным, 9 тыс. фунтов стерлингов чистой прибыли от выполнения подряда, он использовал эти деньги для скупки земли у офицеров и солдат, которые не могли или не хотели дожидаться своих наделов и занимать их. Кроме того, землей он получил часть причитавшегося ему вознаграждения от правительства. Точно неизвестно, какие ещё способы применял ловкий доктор для увеличения своей собственности, но успех превзошёл все ожидания. В итоге он оказался собственником нескольких десятков тысяч акров земли в разных концах острова. Позже его владения ещё более расширились. Одновременно он стал ближайшим помощником и секретарём лорда-наместника Ирландии Генри Кромвеля, младшего сына протектора.

Достоверно известно из документов и из переписки Петти, что королевская власть дважды предлагала ему пэрство. Однако он не без основания расценивал эти предложения как желание отделать-

ся от просьб, которыми он действительно докучал королю и двору, дать ему реальный государственный пост, на котором он мог бы осуществить свои смелые экономические проекты. Очень характерно для личности и стиля Петти объяснение причин его отказа от королевской милости в одном из писем: "Я скорее согласен быть медным фартингом[1], но имеющим свою внутреннюю ценность, чем латунной полукроной, как бы красиво она ни была отчеканена и позолочена"[2]. При всём его честолюбии и корыстолюбии этот человек был иной раз принципиален до упрямства.

Лишь смерть сэра Уильяма Петти сняла препятствия. Через год его старший сын, Чарлз, был сделан бароном Шелберном. Однако это было ирландское баронство, не дававшее право заседать в палате лордов в Лондоне. Только правнук Петти занял это место и вошёл в историю Англии как крупный политический деятель и лидер партии вигов под именем маркиза Лэнсдауна.

Между прочим, в Англии XX в. крупнейших экономистов, оказавших важные услуги правящим классам, стали делать пэрами за их научные труды. Первым таким "аристократом от политической экономии" стал Дж. Кейнс.

Пьер Буагильбер (1646–1714). Экономические прожектёры — особый тип людей, который встречается, наверное, во все времена и во всех странах. Они похожи на другое особое племя — изобретателей и нередко наталкиваются на такие же препятствия: эгоистические интересы сильных мира сего, консерватизм и обыкновенную человеческую глупость.

Буагильбер был одним из самых неистовых, честных и бескорыстных экономических прожектёров. Во Франции Людовика XIV его неизменно ждала неудача, и эта неудача была для него более глубокой личной трагедией, чем даже для Петти. Личность Буагильбера, может быть, не отличается такой многогранностью и колоритностью, как фигура сэра Уильяма. Но уважения он внушает, пожалуй, больше. Уже современники, давая характеристику смелому руанцу, обращались за примерами подобных гражданских добродетелей к классической древности.

Пьер Лепезан[3] Буагильбер родился в 1646 г. в Руане. Семья его принадлежала к нормандскому "дворянству мантии" — так называли в старой Франции дворян, занимавших наследственные судебные и административные посты; кроме того, имелось "дворян-

[1] Самая мелкая монета, грош.

[2] Цит. по: Dictionary of National Biography / Ed. by L. Stephen and S. Lee. Vol. 15. P. 116.

[3] Это и была, собственно, фамилия экономиста: Буагильбер — название земельного поместья, приобретённого его предками. Такое дополнение к фамилии делалось обычно, когда буржуа получал дворянство. Однако Пьер Лепезан всегда был известен под именем де Буагильбера.

ство шпаги", служившее королю оружием. "Дворянство мантии" в XVII и XVIII столетиях быстро пополнялось за счёт разбогатевших буржуа. Таково было происхождение и Буагильберов.

Юный Пьер Лепезан получил отличное для своего времени образование, по его завершении поселился в Париже и занялся литературой. Он опубликовал несколько переводов с древних языков и в 1674 г. издал написанную им историческую хронику о шотландской королеве Марии Стюарт. Однако на этом его литературная карьера прервалась.

Он обратился к традиционной в семье юридической профессии и, женившись в 1677 г. на девушке своего круга, получил вскоре судебно-административную должность в Нормандии. По каким-то причинам он находился в ссоре со своим отцом, был лишён наследства в пользу младшего брата и вынужден был сам "выходить в люди". Делал он это весьма успешно, так что уже в 1689 г. смог купить за большие деньги доходную и влиятельную должность генерального лейтенанта судебного округа Руана. В своеобразной системе тогдашнего управления это означало нечто вроде главного городского судьи вместе с функциями полицейского и общего муниципального управления. Эту должность Буагильбер сохранил до конца дней и за два месяца до смерти передал её старшему сыну.

Экономическими вопросами Буагильбер начинает заниматься, видимо, с конца 70-х годов. В 1691 г. он уже говорит о своей "системе" и, очевидно, излагает её на бумаге. "Система" представляет собой серию реформ, как мы теперь сказали бы, буржуазно-демократического характера. При этом Буагильбер выступает не столько как выразитель интересов городской буржуазии, сколько как защитник крестьянства. "С Францией обращаются как с завоёванной страной" — этот рефрен пройдёт через все его сочинения.

Можно сказать, что "система" Буагильбера и в её первоначальной форме, и в окончательном виде, какой она приобрела к 1707 г., состояла из трёх основных элементов.

Во-первых, он считал необходимым провести большую налоговую реформу. Не вникая в детали, можно сказать, что он предлагал заменить старую, ярко выраженную регрессивную систему пропорциональным или слегка прогрессивным обложением. Вопрос об этих принципах обложения сохраняет свою остроту и в настоящее время, поэтому стоит разъяснить его. При регрессивной системе чем больше доход данного лица, тем меньше в процентном отношении налоговые изъятия; при пропорциональной системе изымаемая доля дохода одинакова; при прогрессивной она растёт вместе с повышением дохода. Предложение Буагильбера было исключительно смелым для своего времени: ведь знать и церковь, как уже говорилось, по существу вовсе не платили налогов, а он хотел обложить их по меньшей мере в такой же пропорции, как и бедняков.

Во-вторых, он предлагал освободить внутреннюю торговлю от ограничений; как он выражался — "очистить дороги" (от таможенных застав). От этой меры он ждал расширения внутреннего рынка, роста разделения труда, усиления обращения товаров и денег.

Наконец, в-третьих, Буагильбер требовал ввести свободный рынок зерна и не сдерживать естественное повышение цен на него. Он находил политику поддержания искусственно низких цен на зерно крайне вредной, так как эти цены не покрывают издержек производства в сельском хозяйстве и исключают возможность его роста. Буагильбер считал, что экономика будет лучше всего развиваться в условиях свободной конкуренции, когда товары смогут находить на рынке свою "истинную ценность". Однако он не был последователен в проведении этой идеи и, в частности, считал, что ввоз зерна во Францию должен быть запрещён.

Эти реформы Буагильбер считал исходными условиями хозяйственного подъёма и повышения благосостояния страны и народа. Только таким путём можно увеличить доходы государства — убеждал он правителей. С таким проектом Буагильбер стал пробиваться к министру Поншартрену. Полная неудача, о которой говорилось выше, не обескуражила его, не поколебала веру в успех. Стремясь донести свои идеи до публики, он выпускает в 1695–1696 гг. анонимно свою первую книгу под характерным названием: "Подробное описание положения Франции[1], причины падения её благосостояния и простые способы восстановления, или Как за один месяц доставить королю все деньги, в которых он нуждается, и обогатить всё население".

Упоминание о простых способах и о возможности всего достичь за один месяц носит в известной мере рекламный характер. Но вместе с тем оно отражает искреннюю веру Буагильбера в то, что стоит только принять ряд законов (а для этого, как он писал, надо всего два часа работы министров), и хозяйство поднимется "как на дрожжах".

Но цепь разочарований только начинается. Книга остаётся почти незамеченной. В 1699 г. место Поншартрена занимает Шамильяр, который лично знает Буагильбера и, как будто, сочувствует его

[1] По-французски: "Le détail de la France". Во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (Т. 13. С. 41, 79, 109) это заглавие переведено неверно: "Розничная торговля Франции". Исследователи отмечают, что Буагильбер, с его тонким чувством языка, сознательно ввел в заглавие двусмысленность: в старофранцузском языке слово détail означает также развал, разорение. Столь же своеобразно называется более подробно его сочинение: "Factum de la France". Factum — юридический термин, означающий иск, обвинение. Он, очевидно, хотел сказать, что выдвигает иск от имени Франции к тем, кто разоряет её.

идеям. Руанец вновь полон надежд, он работает с новой энергией, пишет новые работы. Но главная его продукция в следующие пять лет — серия длинных писем-меморандумов для министра. Эти удивительные документы — не только докладные записки, но вместе с тем личные письма, крик души. Чего только он не делает, чтобы убедить Шамильяра принять его план, проверить этот план на практике!

Буагильбер доказывает и уговаривает, грозит экономическими бедствиями, упрашивает и заклинает. Натолкнувшись на стену непонимания и даже на насмешки, он вспоминает о своём достоинстве и замолкает. Но, сознательно жертвуя личной гордостью ради отечества, вновь взывает к тем, кто обладает властью: спешите, действуйте, спасайте! Одно из писем 1702 г. заключается так: "На этом я кончаю; тридцать лет усердия и забот дают мне силу предвидения, и я публично писал, что тот способ, которым Франция управляется, приведёт её к гибели, если это не будет остановлено. Я говорю лишь то, что говорят все купцы и земледельцы"[1].

В другом письме, датированном июлем 1704 г., он говорит, что предшественники Шамильяра на министерском посту "полагали, что власть заменяет всё и что законы естества, справедливости и разума действуют лишь для тех, кто не обладает абсолютной властью... Они поступали, как глупец, который заявляет: овёс вовсе не нужен, чтобы заставить лошадь идти; для этого достаточно кнута и шпор. Эту лошадь можно использовать лишь для первой поездки, от которой она сдохнет, и её хозяин должен будет идти пешком. Ваши предшественники придерживались правила кнута и шпор; вы останетесь верхом, лишь если будете давать лошади овёс... только на этой основе я предлагаю вам свои услуги"[2].

Идут годы. Министр запрещает Буагильберу публиковать его новые сочинения, и тот до поры до времени ждёт, надеясь на практическое осуществление своих идей. В 1705 г. Буагильбер наконец получает округ в Орлеанской провинции для "экономического эксперимента". Не совсем ясно, как и в каких условиях проводился этот опыт. Во всяком случае, он уже в следующем году закончился провалом в небольшом изолированном округе и при противодействии влиятельных сил он и не мог закончиться иначе.

Теперь уж ничто не останавливает Буагильбера. В начале 1707 г. он публикует два тома своих сочинений. Наряду с теоретическими трактатами там есть и резкие политические выпады против прави-

[1] Цит. по: *D. van H. Roberts.* Boisguillebert, Economist of the Reign of Louis XIV. N.-Y., 1935. P. 40.
[2] Ibid. P. 51.

тельства, суровые обвинения и грозные предупреждения. Ответ не заставляет себя долго ждать: книгу запрещают, автора ссылают в провинцию. Но и тут упрямец не замолкает! Из ссылки он вновь обращается с письмом к Шамильяру и получает грубый ответ.

Буагильберу уже 61 год. Дела его расстроены, у него большая семья: пятеро детей. Родные уговаривают его утихомириться. Младший брат, добропорядочный советник парламента (провинциального суда) в Руане, хлопочет за своего старшего брата. Заступников у него хватает, да и Шамильяр понимает нелепость наказания. Но неистовый прожектёр должен смириться! Стиснув зубы, Буагильбер соглашается: бессмысленно дальше биться головой о стену. Ему позволяют вернуться в Руан. Как сообщает мемуарист той эпохи герцог Сен-Симон[1], которому мы обязаны многими деталями этой истории, горожане встретили его с почётом и радостью.

Буагильбер больше не подвергался прямым репрессиям. Он выпустил ещё три издания своих сочинений, опустив, правда, самые острые места. Но морально он был уже сломлен. В 1708 г. Шамильяра на посту генерального контролёра сменил племянник Кольбера, умный и дельный Демаре. Он хорошо относился к опальному Буагильберу и даже пытался привлечь его к управлению финансами. Но было уже поздно: и Буагильбер был не тот, и финансы быстро катились в пропасть, готовя почву для эксперимента Джона Ло. Буагильбер умер в Руане в октябре 1714 г.

Цельная и сильная личность Буагильбера выступает из его сочинений, писем и немногих свидетельств современников. И в делах, и в личном общении он не был, видимо, лёгким человеком: его характерными чертами были напористость, настойчивость, упрямство. Сен-Симон коротко замечает, что "его живой характер был единственным в своём роде". Видно, однако, что он испытывал к Буагильберу уважение, граничащее с изумлением. Артур Буалиль, обнаруживший и опубликовавший переписку Буагильбера, говорит о нём на основе изучения документов: "Буагильбер непрестанно затевал конфликты, вступал в споры и борьбу, и всюду проявлялся его беспокойный, неугомонный, непримиримый характер".

Как и все ранние экономисты, Буагильбер подчинял свои теоретические построения практике, обоснованию предлагавшейся им политики. Его роль как одного из основателей экономической науки определяется тем, что в основу своих реформ он положил цельную и глубокую для того времени систему теоретических взглядов. Он задался вопросом о том, чем определяется экономический рост страны; Буагильбера конкретно волновали причины застоя и упадка

[1] Предок великого социалиста-утописта К.А. Сен-Симона.

французской экономики. Отсюда он перешёл к более общему теоретическому вопросу: какие закономерности действуют в народном хозяйстве и обеспечивают его развитие?

Стремление найти закон образования и изменения цен проходит через всю экономическую теорию, начиная с Аристотеля. Буагильбер сделал свой вклад в этот многовековой поиск. Он подошёл к задаче с позиций, как мы сказали бы теперь, "оптимального ценообразования". Он писал, что важнейшим условием экономического равновесия и прогресса являются пропорциональные или нормальные цены, обеспечивающие в среднем в каждой отрасли покрытие издержек производства и известную прибыль, чистый доход. Это цены, при которых бесперебойно совершается процесс реализации товаров, при которых будет поддерживаться устойчивый потребительский спрос. Наконец, это такие цены, при которых деньги "знают своё место", обслуживают платёжный оборот и не приобретают тиранической власти над людьми.

Понимание закона цен, т.е., в сущности, закона стоимости, как выражения пропорциональности народного хозяйства, было совершенно новой и смелой мыслью. С этим связаны основные теоретические идеи Буагильбера.

Франсуа Кенэ (1694–1767) родился в 1694 г. в деревне Мерэ, недалеко от Версаля, и был восьмым из 13 детей Никола Кенэ. В своё время считалось, что Кенэ-отец был адвокатом или судейским чиновником. Но потом выяснилось, что эту версию дал зять доктора Кенэ врач Эвен, опубликовавший вскоре после его смерти первую биографию своего тестя и стремившийся хоть немного облагородить его происхождение. Теперь документально доказано, что Никола был простым крестьянином и заодно занимался мелкой торговлей.

До 11 лет Франсуа не знал грамоты. Потом какой-то добрый человек, огородник-подёнщик, научил его читать и писать. Дальше — учение у сельского кюре и в начальной школе в соседнем городке. Всё это время ему приходилось тяжело работать в поле и дома, тем более что отец умер, когда Франсуа было 13 лет. Согласно рассказу Эвена, страсть мальчика к чтению была такова, что он мог иной раз выйти на заре из дому, дойти до Парижа, выбрать нужную книгу и к ночи вернуться домой, отмахав десятки километров. Это говорит также об истинно крестьянской выносливости. Кенэ до конца дней сохранил крепкое здоровье, если не считать подагры, которая сравнительно рано начала его мучить.

В 17 лет Кенэ решил стать хирургом и поступил подручным к местному эскулапу. Главное, что он должен был уметь делать, — это открывать кровь: кровопускание было тогда универсальным способом лечения. Как бы плохо ни учили в то время, Кенэ учился

усердно и серьёзно. С 1711 по 1717 г. он живёт в Париже, одновременно работая в мастерской гравёра и практикуя в госпитале. К 23 годам он уже настолько стоит на собственных ногах, что женится на дочери парижского бакалейщика с хорошим приданым, получает диплом хирурга и начинает практику в городке Мант, недалеко от Парижа. Кенэ живёт в Манте 17 лет и благодаря своему трудолюбию, искусству и особой способности внушать людям доверие становится популярнейшим врачом во всей округе. Он принимает роды (этим Кенэ особенно славился), открывает кровь, рвёт зубы и делает довольно сложные по тем временам операции. В числе его пациентов постепенно оказываются местные аристократы, он сближается с парижскими светилами, выпускает несколько медицинских сочинений.

В 1734 г. Кенэ, вдовец с двумя детьми, покидает Мант и по приглашению герцога Виллеруа занимает место его домашнего врача. В 30-х и 40-х годах он отдаёт много сил борьбе, которую вели хирурги против "факультета" — официальной учёной медицины. Дело в том, что согласно старинному статуту хирурги были объединены в один ремесленный цех с цирюльниками и им было запрещено заниматься терапией. Кенэ становится во главе "хирургической партии" и в конце концов добивается победы. В это же время Кенэ выпускает своё главное естественнонаучное сочинение, своего рода медико-философский трактат, где раскрываются основные вопросы медицины: о соотношении теории и врачебной практики, о медицинской этике и др.

Важным событием в жизни Кенэ был переход в 1749 г. к маркизе Помпадур, которая "выпросила" его у герцога. Кенэ обосновался на антресолях Версальского дворца, которым было суждено сыграть важную роль в истории экономической науки. К этому времени Кенэ был уже, разумеется, очень состоятельным человеком. Достаточно сказать, что поместье, которое он купил после получения дворянства и где поселился его сын с семьёй, стоило 113 тыс. ливров.

Медицина занимает большое место в жизни и деятельности Кенэ. По мосту философии он перешёл от медицины к политической экономии: человеческий организм и общество; кровообращение или обмен веществ в человеческом теле и обращение продукта в обществе. Эта биологическая аналогия вела мысль Кенэ, и она остаётся небесполезной до сих пор.

В своей квартире на антресолях Версальского дворца Кенэ прожил 25 лет и был вынужден съехать оттуда лишь за полгода до своей смерти, когда умер Людовик XV и новая власть выметала из дворца остатки прошлого царствования. Квартира Кенэ состояла всего из одной большой, но низкой и темноватой комнаты и двух

полутемных чуланов. Тем не менее она скоро стала одним из излюбленных мест сборищ "литературной республики" — учёных, философов, писателей, сплотившихся в начале 50-х годов вокруг "Энциклопедии". Здесь часто бывали Дидро, д'Аламбер, Бюффон, Гельвеций, Кондильяк. Это не были большие блестящие обеды в особняке барона Гольбаха — "генеральные штаты" философии, а более скромные и интимные собрания. В 1766 г. здесь провёл несколько вечеров Адам Смит.

Каков был Кенэ?

Из множества довольно разноречивых свидетельств современников складывается образ лукавого мудреца, слегка таящего свою мудрость под личиной простоватости: его сравнивали с Сократом. Говорят, он любил притчи с глубоким и не сразу понятным смыслом. Он был очень скромен и лично не честолюбив: без всякого сожаления Кенэ часто отдавал своим ученикам честь публикации его идей. Внешне он был даже неприметен, и новый человек, попав в его "антресольный клуб", мог не сразу понять, кто же здесь хозяин и председатель. "Умён, как дьявол" — сказал брат маркиза Мирабо, побывав у Кенэ. "Хитёр, как обезьяна" — заметил какой-то придворный, выслушав одну из его побасенок. Таков он на портрете, написанном в 1767 г.: некрасивое плебейское лицо с иронической полуулыбкой и умными, пронизывающими глазами.

IV. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Лекция 9. *Основные идеи экономического учения А. Смита и Д. Рикардо*

В своём экономическом учении **Адам Смит** (1723–1790) ставил две цели. С одной стороны, он старался проникнуть во внутреннюю физиологию общества, с другой — описать явления капитализма, проявляющиеся внешним образом. Поэтому он использовал два метода — эзотерический и экзотерический.

Человеческое общество Смит рассматривал как меновой союз, а основным признаком человеческой природы считал склонность к обмену, торговле. По его мнению, стремление отдельного индивида к выгоде совпадает с интересами всего общества. Смит был сторонником свободной конкуренции, выступал против вмешательства государства в экономику.

Знаменитый труд А. Смита "Исследование о природе и причинах богатства народов" состоит из пяти книг. В 1-й книге содержится учение о труде как источнике богатства, о разделении труда, о стоимости, о ценообразовании, деньгах, прибыли, различных формах доходов. Во 2-й книге Смит исследовал капитал, уделив основное внимание его структуре. Третья книга посвящена истории развития хозяйства. В 4-й книге рассматриваются экономические системы. В 5-й книге Смит исследует вопросы финансово-налоговой политики, анализирует расходы и доходы государства.

Политика Смита, которую он обосновывал, получила название фритредерства[1]. Однако главные заслуги в истории экономической мысли принадлежат его экономической теории.

Произведение Смита "Исследование о природе и причинах богатства народов" начинается с анализа проблемы разделения труда — крупной проблемы, всегда интересовавшей экономистов. Систематизировав уже имеющиеся знания, начиная с древних учений, Смит рассмотрел разделение труда внутри мастерской, в мануфактуре, в обществе, показал, как с развитием разделения труда рас-

[1] От англ. free trade — свободная торговля.

тёт его производительность. При этом он сформулировал зависимость количества продукта от числа лиц, занятых полезным трудом, и от производительности труда.

Смит не сумел разрешить проблему различия между разделением труда внутри мануфактуры и в обществе. Он рассматривал общество как большую мастерскую, утверждая, что нельзя охватить процесс разделения труда в целом; связь между отдельными производствами затемняется благодаря разбросанности отраслей и большому числу занятых рабочих в каждой отрасли.

Источник разделения труда Смит видел в обмене. С ростом разделения труда и развитием обмена он связал происхождение денег.

Взгляды Смита на деньги значительно отличаются от взглядов меркантилистов и физиократов. Не считая деньги единственной формой богатства, он оценивал их как техническое средство обмена. Выделяя функции денег как меры стоимости и средства обращения, главной Смит считал последнюю. Деньги он считал товаром, продуктом стихийного объективного процесса развития общества, всеобщим орудием торговли. Однако различия между металлическими и бумажными деньгами Смит не проводил.

Большое место Смит отводил вопросам стоимости. Он выделял рыночные цены, считая их случайными, зависящими от спроса и предложения в обществе. Основу цены, по его мнению, составляет определённое количество труда, воплощённого в товаре. Это количество труда Смит называл меновой стоимостью, или стоимостью. В каждом товаре он выделял два свойства: 1) полезность, или потребительную стоимость; 2) свойство обмениваться на другую вещь.

Смит подчёркивал, что труд представляет собой действительное мерило меновой стоимости всех товаров. Стоимость товара, по Смиту, — это естественное свойство вещи, которое она имеет от природы. Поэтому Смит концентрировал внимание на количественных аспектах стоимости, её величине, не понимая качественного содержания стоимости.

Стоимость он рассматривал неоднозначно по отношению к первобытному и цивилизованному обществам. Для первобытного состояния Смит считал возможным определение стоимости двояким путём: 1) трудом, затраченным на производство товара; 2) трудом, покупаемым в процессе обмена. В цивилизованном обществе количество первого и второго видов труда, в отличие от первобытного общества, не совпадает, поскольку это разные величины: второй вид труда меньше первого. Пытаясь разрешить этот вопрос, Смит ставит проблему: из каких частей складывается стоимость? Ответ на этот вопрос получил название "догмы Смита". В результате размышлений Смит пришёл к выводу, что стоимость равна сумме трёх видов доходов: заработной платы, прибыли и ренты.

Анализируя капитал, Смит показал, что рост производства, создание мануфактурной промышленности — это результаты деятельности капитала. Под капиталом он понимал особый фонд производства, сумму средств производства, вещественный фактор производства. Смит разделял капитал на основной и оборотный. Под оборотным капиталом Смит понимал ту его часть, которая находится в обращении. Та часть капитала, которая не вступает в обращение, получила название основного капитала. Как основной, так и оборотный капитал, по Смиту, приносит прибыль: основной — в производстве, оборотный — в сфере обращения.

Под заработной платой Смит понимал сумму денег, которую получает товаропроизводитель, реализуя свой товар. Заработная плата в его учении характеризуется как стоимость труда.

Прибыль, по Смиту, является вычетом из продукта труда рабочего. Это результат неоплаченного труда, присвоение чужого труда капиталистом.

Характеризуя ренту, Смит дал несколько её определений: 1) рента как вычет из продукта труда рабочего, который присваивают землевладельцы; 2) рента как результат действия природных факторов; 3) рента как результат монополии на сельскохозяйственную продукцию.

Анализируя воспроизводство в целом, Смит отождествляет стоимость совокупного продукта с суммой доходов в обществе, считает, что весь произведенный продукт идёт в потребление. Игнорируя средства производства, Смит сделал шаг назад по сравнению с Ф. Кенэ.

В трактовках труда Смит выделял производительный и непроизводительный труд. Производительным он считал труд, который обменивается на капитал, непроизводительным — труд, который обменивается на доход. Всю сферу нематериального производства Смит считал непроизводительной.

Давид Рикардо (1772–1823) все экономические категории стремился объяснить на базе основной, по его мнению, категории стоимости.

В экономической политике Рикардо был сторонником фритредерства, свободного предпринимательства в условиях конкуренции, невмешательства государства в экономическую деятельность.

Рикардо считал, что общество всегда было однотипным, развиваясь только по количественным параметрам. В своём учении большое место он отводил проблемам распределения, считая их ключевыми. Распределение Рикардо анализировал на основе выяснения законов производства.

Главное произведение Рикардо "Начала политэкономии и налогового обложения" состоит из 32 глав. Вопросы экономической тео-

рии занимают первые 6 глав. Остальные главы посвящены практическому применению теории.

Рикардо критиковал Смита за его "догму", писал, что стоимость должна определяться трудом, затраченным на производство товара. Он считал, что стоимость первична и не может определяться доходами.

В своём анализе Рикардо пытался определить различие между относительной и реальной стоимостью. Под реальной стоимостью он понимал овеществлённый в товаре труд, под относительной — меновую стоимость (отношение одного товара к стоимости другого). Рикардо интересовала величина стоимости товара, её изменение, факторы, воздействующие на величину стоимости. Он утверждал, что стоимость имеет своим источником живой труд.

На базе трудовой теории стоимости Рикардо начал анализ денег. Он приходит к выводу, что в обращении может находиться любое количество не только бумажных денег, но и золотых монет, не делая различий между золотым и бумажно-денежным обращением. Рикардо считал, что соотношение товаров и денежной массы определяет уровень цен и стоимость денежной единицы, а стоимость последней зависит от количества денег в обращении.

Характеризуя капитал, Рикардо показал его как главный фактор развития производительных сил в обществе. Капитал он определяет как фонд производства, запас средств производства.

Вслед за Смитом Рикардо характеризовал прибыль как избыток стоимости товара над заработной платой, результат неоплаченного труда рабочего.

Трактуя заработную плату, Рикардо рассматривал её как часть стоимости, которая покрывает стоимость средств существования рабочего, как цену труда, при этом основное внимание он сосредоточил на количественных изменениях заработной платы. Теория заработной платы Рикардо базируется на положениях теории Т. Мальтуса. Он считал, что динамика заработной платы связана с движением численности работающего населения, которое воздействует на предложение рабочей силы. В зависимости от естественного прироста рабочего населения формируется спрос и предложение труда, а следовательно, колеблется и заработная плата.

Теория земельной ренты Рикардо впервые в истории экономической мысли содержит определение ренты как добавочной прибыли на капитал, вложенный в сельское хозяйство. Он характеризует ренту как вычет из продукта труда, как часть стоимости, которая создаётся трудом рабочих в сельском хозяйстве.

Рикардо описал и сосредоточил внимание на дифференциальной ренте, которая связана с различием плодородия земель, связав образование этой ренты с действием закона убывающего плодородия почвы.

Рикардо отрицал возможность экономических кризисов, перепроизводства. Он считал, что любая сумма капитала во всякой стране может быть применена производительно. Производство, по Рикардо, не может превысить потребление, ибо потребности безграничны и не могут быть удовлетворены одновременно.

Лекция 10. *Теории Ж.Б. Сэя, Ф. Бастиа, Т. Мальтуса. Историческая школа в Германии*

Французский экономист **Жан Батист Сэй** (1767–1832) вошёл в историю экономической мысли как автор теории полезности. Он выдвинул новое положение о том, что в производстве создаётся полезность, а полезность определяет ценность вещи. Труд, по Сэю, не является единственным источником богатства. В создании полезности, считал Сэй, участвуют три самостоятельных фактора: труд, капитал, земля, с деятельностью которых связано всё производство. Так возникла теория трёх факторов производства, сохранившаяся до наших дней.

По мнению Сэя, прибыль нельзя рассматривать как вычет из продукта труда рабочего, она есть результат функционирования капитала. В своей триединой формуле Сэй закрепил за каждым фактором часть совокупного общественного продукта: за трудом – заработную плату, за капиталом — прибыль, за землёй — ренту.

Широкое распространение получил закон Сэя о реализации – закон сбыта. Сэй пришёл к выводу, что в условиях рыночной экономики процесс реализации обеспечивается внутренними силами, самой экономической жизнью, соотношением факторов производства. Рыночные силы, по мнению Сэя, исключают возможность общего перепроизводства товаров, экономических кризисов.

Другой французский экономист — **Фредерик Бастиа** (1801–1850) выдвинул и обосновал теорию услуг, а также концепцию "экономических гармоний". В теории услуг производство трактовалось как обмен услугами. В результате такого обмена, по мнению Бастиа, создаётся полезность, представляющая одну из частей совокупного продукта в виде товаров или услуг. Таким образом, идея Бастиа близка идее Сэя. Рабочий создаёт определённую полезность, которая воплощается в готовом продукте.

На основе теории услуг Бастиа разработал идею утверждения экономических гармоний, складывающихся в условиях развития свободной торговли и свободного предпринимательства. По его мнению, капитал создаётся в результате усилий или лишений с целью приобретения каких-либо выгод в будущем. Следовательно, уступить капитал — значит лишить себя выгоды, оказать услугу другому

му лицу. Оказавший услугу, таким образом, имеет право на получение соответствующего вознаграждения, которое имеет место в виде арендной платы, ренты, процента и т.д.

Рыночная экономика в учении Бастиа — это подлинное царство свободы и гармоний, поскольку все члены рыночного общества "вынуждены оказывать друг другу взаимные услуги и взаимную помощь ради общей цели".

Идеи **Томаса Мальтуса** (1766–1834) становятся известными в экономической литературе после выхода в свет его работы "Опыт о законе народонаселения" (1798). Второе, дополненное издание "Опыта..." было опубликовано в 1803 г.

Рассматривая проблему народонаселения, Мальтус делает вывод о том, что все бедствия народа связаны с естественными законами природы, в частности, с общим и вечным законом народонаселения. В силу этого закона, по мнению Мальтуса, население является избыточным по сравнению с необходимыми ему жизненными средствами. Одновременно, благодаря чрезмерному потреблению земельной аристократии, капиталистов в целом, в экономике обеспечивается отсутствие перепроизводства товаров, достаточный спрос на товары.

Одной из главных причин войн Т. Мальтус считал "недостаток места и продовольствия". Он подчёркивал постоянное стремление всех живых существ размножаться быстрее, чем это допускает имеющееся количество пищи. Население, по расчётам Мальтуса, удваивается каждые 25 лет, возрастая в геометрической прогрессии, а средства существования при самых благоприятных условиях не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии.

В своей теории стоимости Мальтус опирался на "догму Смита".

В теории издержек производства стоимость рассматривалась как результат сложения издержек производства и прибыли, причём прибыль трактовалась как часть издержек производства.

Историческая школа в Германии

Германия, в отличие от Англии и Франции, в рассматриваемый период была экономически менее развитой страной, разделённой на мелкие государства вплоть до 70-х годов XIX в. Поэтому развитие экономической науки в Германии имеет свои особенности. Немецкая политическая экономия формировалась под влиянием английских и французских теорий, в частности учений Мальтуса и Бастиа.

Немецкая политэкономия не приняла идеи единства экономической теории для различных стран. Вводится национальная политэкономия. Большое влияние на её развитие оказали работы **Адама**

Мюллера (1799–1829), разрабатывавшего вопросы взаимодействия государства и религии, этики и государства.

Основы протекционистской политики были разработаны **Фридрихом Листом** (1789–1846), выступавшим против учений Смита и Рикардо, трудовой теории стоимости. В системе Листа содержались идеи превосходства немецкой нации над другими народами, являвшиеся одним из источников фашизма.

Предмет политэкономии Лист определял как политику, которой "должны следовать нации, чтобы достигнуть прогресса в экономическом развитии".

В первой половине XIX в. большую известность в Германии приобрела историческая школа политической экономии, унаследовавшая идеи Мюллера и Листа, а также исторической школы права (Густав Гуго, Клод Савиньи).

Историческая школа политэкономии представлена **Вильгельмом Рошером** (1817–1894), **Бруно Гильдебрандом** (1812–1878), **Карлом Книсом** (1821–1898)[1]. Введённый немецкими экономистами исторический метод характеризуется тем, что процесс развития общества, экономики представляется в виде количественных изменений. Сторонники этого метода отрицали качественные скачки в развитии, стояли на эволюционистских позициях. Подобно Мюллеру, на первый план выдвигалось государство, его роль и значение, а также морально-этический фактор. Политэкономия практически отождествлялась с историей экономики.

Основными работами в рамках исторической школы считаются "Краткие основы курса политэкономии с точки зрения исторического метода" и "Начала политэкономии" Рошера, "Политэкономия настоящего и будущего" Гильдебранда, "Политэкономия с точки зрения исторического метода" Книса.

Критикуя историческую школу, К. Маркс назвал её "могилой политэкономии", а Ф. Энгельс подчёркивал, что, хотя природу следует понимать как исторический процесс развития, нельзя полностью отождествлять законы развития общества с законами природы, так как в истории общества ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели.

Выступая за национальную политэкономию, предметом которой должно быть развитие определённого народа, представители исторической школы развивали учение о частной собственности. Гильдебранд писал, что частная собственность способствует духовному и нравственному совершенствованию её владельцев, она применима в любой эпохе и любой стране, вне времени и пространства.

[1] В данном случае речь идёт о старой исторической школе. Несколько позднее, в 70-х годах, в Германии возникнет новая историческая школа.

Лекция 11. *Проблемы политической экономии в русской экономической мысли XVIII–XIX вв.*

Направления экономических учений, их проблематика формировались в соответствии с социально-экономическим развитием России, ростом капитализма.

Экономические взгляды А.Н. Радищева

Главной причиной отсталости экономического развития страны, по глубокому убеждению **Александра Николаевича Радищева** (1749–1802) было крепостное право. Его антикрепостнические настроения, воплотившиеся во многих произведениях, в частности, в книге "Путешествие из Петербурга в Москву" (1790), привели его к заточению в Петропавловскую крепость и ссылке в Илимский острог. В Сибири Радищев написал одно из главных политэкономических произведений — "Письмо о китайском торге".

Большое место в его работах занимали вопросы земельной собственности. Допуская сохранение помещичьей собственности на землю в ограниченных размерах, Радищев считал необходимым условием свободу крестьян от крепостной зависимости и наделение их землёй.

Развивая идеи И.Т. Посошкова и М.В. Ломоносова, Радищев проявлял заботу о промышленном развитии страны. Он считал необходимым увеличение собственного производства промышленных товаров и рост их внутреннего потребления, повышение народного благосостояния. Радищев не исключал развития мануфактур, но не в виде преимуществ крупного производства, и исходя из реальных условий России отдавал предпочтение мелкому производству, крестьянским промыслам, основанным на личном труде свободных предпринимателей.

Проявляя глубокое понимание реального состояния тогдашней экономики России, заботясь об укреплении её самостоятельности и ликвидации отставания от западноевропейских стран, Радищев выступал за проведение в жизнь системы покровительственных мер. Если для внутренней торговли он рекомендовал свободное развитие, то для внешней считал необходимым проведение оградительной, протекционистской политики со стороны государства. Такая экономическая политика явилась для того времени наиболее реалистичной и экономически обоснованной.

В работах Радищева дано толкование некоторых вопросов экономической теории, отдельных экономических категорий. Под богатством он понимал совокупность потребительных стоимостей, а его источником считал труд, занятый в производстве, прежде всего

в земледелии. Радищев различал "истинную" и "прибавочную" цену товара. Первую он определял затратами в производстве и обращении, считая, что она в равной мере вознаграждает участников сделки. Здесь подразумевались по существу издержки производства. Под прибавочной ценой имелся в виду излишек над затратами в производстве и обращении, иными словами, прибыль. Такую цену создавали люди труда, а присваивали в качестве прибыли помещики, предприниматели, купцы.

Большой интерес представляют взгляды Радищева по вопросам теории денег, денежного обращения, кредита, налогов. Он рассматривал деньги как товар и приближался к пониманию их роли в качестве всеобщего эквивалента. По его словам, деньги — это знаки всякого богатства, мерило "всех вещей, в торгу обращающихся", особый товар, на который любой другой "товар менять можно". "Фундаментальной монетой" он считал серебро и золото, бумажные деньги называл "сократительной монетой", рассматривая в качестве знаков, представляющих золотые или серебряные деньги. Выделялись также медные деньги как "раздробительная монета".

Радищев показал весьма глубокое понимание природы и закономерностей бумажно-денежного обращения. Он видел опасность чрезмерного выпуска бумажных денег, их обесценения. По его словам, "прилив денег бумажных — зло: поток плотины разорвавшейся... число монеты бумажной возрастёт до того, что цена её будет меньше, нежели лист бумаги, для неё употребляемой". Критикуя финансовую политику, приводящую к этому, Радищев писал: "Государь, который деньги делает, есть вор общественный, если не вор, то насильник".

Радищев подверг резкой критике существовавшую в России налоговую систему, требуя отмены подушной подати и установления подоходно-поимущественного налога. Высказываясь за широкое развитие кредита, он обосновал идею его производительного использования.

Экономические идеи в России в первой половине XIX в.

В числе известных мыслителей, экономистов первой половины XIX в. — П.И. Пестель, Н.И. Тургенев, Н.М. Муравьёв, В.Ф. Раевский и др. В произведениях П.И. Пестеля ("Русская правда", "Делёж земель" и др.), Н.И. Тургенева ("Опыт теории налогов"), Н.М. Муравьева ("Конституция"), В.Ф. Раевского ("О рабстве крестьян") и др. разрабатывались вопросы политической и экономической программы, содержалось её теоретическое обоснование. В них рассматривались проблемы политической экономии. В архиве П.И. Пестеля была об-

наружена рукопись неизвестного автора "Практические начала политической экономии", включающая две части: 1) земледелие, 2) фабрика (здесь рассматривались вопросы торговли). В рукописи была предпринята попытка применить идеи западной политэкономии для обоснования программы капиталистического развития экономики России.

Главное место в трудах русских ученых занимали аграрные проблемы.

В аграрном проекте **Павла Ивановича Пестеля** (1793–1826) предусматривались: уничтожение крепостного права, ликвидация монополии помещиков на землю со значительным сокращением их землевладения. Пестель предлагал конфисковать часть земли у помещиков с частичным выкупом, установить максимальные размеры земельного владения, разрешить частную собственность крестьян на землю, создать общественный земельный фонд, из которого наделять нуждающихся для ведения своего хозяйства.

По замыслу Пестеля, создание общественного фонда должно было предупредить обезземеливание крестьян. С его помощью он предполагал бороться с нищетой народных масс. Эти идеи носили утопический характер. Проект автора "Русской правды" не был свободен от дворянской ограниченности. Вместе с тем это наиболее радикальный проект преобразования аграрных отношений среди других аграрных проектов.

С осуждением крепостного права выступил **Николай Иванович Тургенев** (1789–1871). Антикрепостнические идеи составили основу его работы "Опыт теории налогов" (1818). Аграрный проект Тургенева был весьма умеренным. Он ориентировал на личное освобождение крестьян. По первоначальному варианту предусматривалось освободить их без земли. В дальнейшем автор включил требование о наделении крестьян небольшими участками (одна десятина на душу или три десятины на тягло[1]). Такое освобождение привязало бы крестьян к помещичьим хозяйствам, сохранило бы их экономическую зависимость. Близким к этому был аграрный проект, выдвинутый в "Конституции" **Никитой Михайловичем Муравьёвым.** Он предусматривал освобождение крестьян с небольшими наделами (2–3 десятины), сохранение помещичьей собственности на землю.

Аграрные проекты Н.И. Тургенева и Н.М. Муравьёва в большей мере, чем проект П.И. Пестеля, учитывали интересы помещиков. Рассматривались также вопросы развития промышленного производства, торговли. Считалось, что главным препятствием на пути к этому является крепостное право, уничтожение которого расчистит путь для подъёма промышленности и торговли.

[1] Дом с лошадью.

Вопросы налоговой политики, денежного обращения, финансов рассматривались Н.И. Тургеневым в работе "Опыт теории налогов". Это оригинальное произведение, оставившее большой след в развитии прогрессивной экономической мысли России. Тургенев раскрыл социально-экономическую сущность налогов, подверг резкой критике феодальную налоговую систему, налоговые льготы и привилегии дворянства, требовал ликвидировать феодальные повинности крестьян. Он развивал западную концепцию налогообложения, согласно которой все граждане обязаны платить налоги в соответствии с доходами, включая и дворян. По мнению Тургенева, налоги должны способствовать развитию производительных сил. Они тем охотнее выплачиваются, чем свободнее общество, его политическая система.

В теории денег, денежного обращения Н.И. Тургенев развивал учение А.Н. Радищева и показал глубокое понимание этих сложных экономических проблем. Он проводил различие между обращением золотых и бумажных денег. Бумажные деньги рассматривались в его книге в качестве заместителя золотых монет, выполняющего роль средства обращения. Тургенев отмечал, что бумажные деньги только в том случае равны в действии металлическим монетам, если их количество соответствует потребностям обращения. Если количество бумажных денег превышает потребность, то неизбежно происходит их обесценение, развивается инфляция, тяжёлые последствия которой падают на плечи трудящихся. Рассматривая этот процесс, Тургенев сделал важный вывод о том, что бумажные деньги, выпущенные сверх потребности обращения, "есть не что иное, как налог, и притом налог весьма неравно разделённый между гражданами".

Вместе с тем Тургенев считал, что выпуск бумажных денег сверх потребностей товарного обращения может стать необходимым в определённые периоды и оправданным. В качестве примера он назвал французскую буржуазную революцию конца XVIII в., войну за независимость Северной Америки.

"Крестьянский социализм" А.Н. Герцена и Н.П. Огарёва

Александр Иванович Герцен (1812–1870) и **Николай Платонович Огарёв** (1813–1877) оставили обширное литературное наследие, внеся большой вклад в отечественную экономическую мысль. Центральное место в их экономических взглядах заняли вопросы борьбы с крепостничеством. Крепостное право явилось, по словам Герцена, "ошейником рабства" на шее народа, позором русского быта. Герцен и Огарёв с возмущением разоблачали алчность и паразитизм крепостников. Герцен писал, что "Россия не может сделать ни шага

вперёд, пока не уничтожит рабство. Крепостное состояние русского крестьянства — это рабство всей Российской империи"[1]. По словам Герцена, крепостничество обрекло русский народ на "податное состояние, отданное не только на разграбление, но и на сечение помещикам и полиции". Он с особым негодованием писал о торговле людьми, поскольку нельзя быть свободным человеком и иметь крепостных, дворовых людей, "купленных как товар, проданных как стадо"[2].

Критикуя крепостническую систему, Герцен и Огарёв выдвинули и обосновали требование её уничтожения. Борьбе с крепостничеством они подчинили все свои интересы, на это направили все усилия.

Существенные изменения претерпела аграрная программа Герцена и Огарёва. Обнародованный в середине 50-х годов на страницах "Полярной звезды" её первоначальный вариант исходил из уничтожения крепостного права и наделения крестьян землёй. Однако он не включал требований об уничтожении помещичьей собственности на землю и передачи всей земли крестьянам. Предполагалась передача только общинных земель. В дальнейшем, особенно после реформы 1861 г., аграрная программа Герцена и Огарёва включила требования полной ликвидации помещичьей собственности на землю и передачи всей земли в собственность крестьян. Герцен и Огарёв выступили с резкой критикой "Положения 19 февраля 1861 г.".

Герцен выступил как основоположник теории "русского крестьянского социализма". Её разделял и Огарёв. Они исходили из ошибочного представления о том, что после падения крепостного права Россия пойдёт по социалистическому пути. Их идеалом стал социализм, а борьба с крепостничеством приобрела социалистическую окраску. Зародыш социализма Герцен видел в крестьянской общине. Потеряв веру в победу революции в Западной Европе после поражения революции 1848 г., он возлагал свои надежды на Россию. В 1851 г. в статье "Русский народ и социализм" Герцен утверждал, что именно русский народ таит в себе основы социализма. По его мнению, Россия с её крестьянской общиной ближе к социализму, чем страны Западной Европы.

Под социализмом Герцен имел в виду: 1) право крестьян на землю, 2) общинное землевладение, 3) мирское самоуправление. Он намечал создание такого общества посредством использования готовых частичек зародышей социализма, которые, по его мнению, содержала крестьянская община.

В действительности во взглядах Герцена не было ничего социалистического. Он создал и развивал одну из утопических теорий.

---

[1] Герцен А.И. Соч. Т. 12. М., 1957. С. 35.
[2] Там же. С. 292.

Антикрепостническая направленность, революционный демократизм отличали теорию "русского крестьянского социализма" от учения социалистов-утопистов Запада. "Крестьянский социализм" был тем идеалом, который поднимал на борьбу многих революционеров-разночинцев. И это не удивительно, ибо, как писал В.И. Ленин, идея "права на землю" и "уравнительного раздела земли" есть не что иное, как "формулировка стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения"[1].

Экономическое учение Н.Г. Чернышевского

Особое место среди произведений экономистов XIX в. в России занимают труды **Николая Гавриловича Чернышевского** (1828–1889). Его научное творчество наиболее плодотворно протекало в 50-е — начале 60-х годов XIX в., в период подъёма общественного движения в России. Чернышевский — крупнейший мыслитель и учёный своего времени. Он оказал громадное влияние на современников и последующие поколения революционеров. Его труды по философии, политической экономии и истории составили целую эпоху в развитии этих наук. В.И. Ленин называл его самым большим и талантливым представителем социализма до К. Маркса.

Н.Г. Чернышевский являлся идеологом трудящихся, в первую очередь крепостного крестьянства.

Экономические произведения Чернышевского содержали глубокий анализ и критику крепостничества, обоснование экономической программы крестьянской революции, критику капитализма и западной политэкономии. В них создавалась новая экономическая теория — "политическая экономия трудящихся", развивалось и обосновывалось социалистическое учение.

Центральное место в трудах Чернышевского заняли вопросы критики крепостничества, разработка демократической программы решения аграрного вопроса.

Одной из первых экономических работ Чернышевского была статья "О земле как элементе богатства" (1854), написанная в связи с изданием книги либерального экономиста А. Львова. Чернышевский выступил в ней с критикой западной политэкономии. Вслед за тем появились другие экономические произведения, написанные в течение 50-х годов, в числе которых статьи "О поземельной собственности", "О новых условиях сельского быта", "Устройство быта помещичьих крестьян", "Славянофилы и вопрос об общине", "Критика философских предупреждений против общинного владения", "Сущ-

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 258.

рие и правда логики" и др. Важные экономические работы были написаны в начале 60-х годов, в том числе: "Капитал и труд", "Замечания к книге Д.С. Милля "Основания политической экономии"; "Очерки из политической экономии по Миллю", "Письма без адреса".

В своей аграрной программе Чернышевский исходил из необходимости полной ликвидации помещичьей собственности на землю, помещичьего землевладения. Земля должна была стать государственной собственностью с передачей её в пользование крестьянским общинам. Требование национализации земли составляло важнейший пункт его аграрной программы. Помещичьи хозяйства ликвидировались и заменялись крестьянскими. Но такие хозяйства представляли только первый шаг на пути создания новой экономической системы. В дальнейшем предусматривался переход к крупным коллективным хозяйствам, которые в состоянии обеспечить прогресс производства, основанного на широком применении достижений науки и техники. Осуществление такой программы Чернышевский связывал с народной революцией.

В решении аграрной проблемы значительное место отводилось крестьянской общине. Отношение к ней изложено Чернышевским в ряде произведений, в частности, в статьях "О поземельной собственности", "Критика философских предупреждений против общинного владения", "Суеверие и правила логики" и др. Учитывая сохранение крестьянской общины в России, Чернышевский считал необходимым использовать её в социально-экономических преобразованиях, отводил ей важное место в структуре того аграрного строя, который должен был утвердиться после ликвидации крепостничества. Выступая за полное уничтожение класса помещиков, национализацию земли, он считал, что на основе общины следует строить систему землевладения и землепользования.

Социализм Чернышевского не вышел за рамки утопического. "Чернышевский, — писал В.И. Ленин, — был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма способно создавать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма"[1].

"Политическая экономия трудящихся" рассматривала все основные проблемы экономической теории. Отвергая определение предмета политэкономии как науки о богатстве, Чернышевский называл её наукой о материальном благосостоянии человека, насколько оно зависит от вещей и положений, производимых трудом.

В качестве метода исследования Чернышевский выдвинул метод гипотез, получивший название гипотетического. Это, по суще-

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 175.

ству, метод абстракций, нацеленный на то, чтобы с помощью научных предположений (гипотез) освободиться от влияния второстепенных, усложняющих условий и установить главное.

Чернышевский отметил заслугу А. Смита и Д. Рикардо в создании трудовой теории стоимости. Он считал, что стоимость принадлежит только вещам, произведенным трудом, а труд — единственный источник производства. С позиции трудящихся из трудовой теории стоимости был сделан вывод о том, что если продукт обязан своим возникновением труду, то весь должен составлять принадлежность того самого организма, трудом которого создан. "Прежняя теория говорит: всё производится трудом, новая теория прибавляет: и потому всё должно принадлежать труду"[1].

"Политэкономия трудящихся" по-иному, чем западные экономисты, трактовала проблему труда, его купли-продажи. Чернышевский исходил из того, что труд не является продуктом, а представляет собой производительную силу, его источник. Отсюда следовал вывод, что труд не может быть предметом торговли, хотя это, как само собой разумеющееся, принималось буржуазной политэкономией.

В подходе к капиталу Чернышевский также не ограничился позицией классиков западной политэкономии. Он делал отличный от них вывод: поскольку капитал является продуктом труда, то и принадлежать он должен тем, кто его создал. Разделяя теорию Рикардо и, по существу, отождествляя прибыль с прибавочной стоимостью, он делал ударение на обратной зависимости прибыли и заработной платы, подчёркивал несовместимость интересов стоящих за этими категориями двух классов. В интересах повышения материального благосостояния трудящихся следовало, по его мнению, объединить прибыль с заработной платой.

"Политэкономия трудящихся" означала существенный шаг вперёд в толковании земельной ренты. Ещё в статье "О земле как элементе богатства" содержалась мысль о том, что существует рента и с худших участков, т.е. абсолютная земельная рента. Хотя данное положение не получило теоретического обоснования, тем не менее оно представляло шаг вперёд в развитии теории ренты. Чернышевский определил ренту как излишек прибыли и выступил с критикой "закона" убывающего плодородия почвы.

Чернышевский дал характеристику капиталистической конкуренции, экономических кризисов и некоторых других вопросов. Он исходил из того, что социализм будет свободен от конкуренции и анархии производства, место которых займёт планомерность, сотрудничество. Социалистическое производство должно, по его мнению,

[1] *Чернышевский Н.Г.* Избранные экономические произведения. Т. 2. М., 1948. С. 68

руководствоваться рациональным расчётом общественных потребностей и реальных возможностей их удовлетворения на каждом конкретном этапе развития производительных сил общества.

"Политэкономия трудящихся" явилась выдающимся достижением не только русской, но и мировой экономической мысли.

ИЗ ЖИЗНИ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЁНЫХ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Адам Смит (1723–1790) родился в маленьком городке Керколди близ Эдинбурга. Его отец, таможенный чиновник, умер за несколько месяцев до рождения сына. Адам был единственным ребёнком молодой вдовы, и она посвятила ему всю жизнь. Мальчик рос хрупким и болезненным, сторонясь шумных игр сверстников. Семья жила небогато, но и настоящей нужды не знала. К счастью, в Керколди была хорошая школа и учитель, не забивавший, по примеру многих, головы детей только цитатами из Библии и латинскими спряжениями. Кроме того, Адама с детства окружали книги. Таковы были первые зачатки той необъятной учёности, которая отличала Смита.

Очень рано, в 14 лет (это было в обычаях того времени) Смит поступил в Глазговский университет. После обязательного для всех студентов класса логики (первого курса) он перешёл в класс нравственной философии, выбрав тем самым гуманитарное направление. Впрочем, он занимался также математикой и астрономией и всегда отличался изрядными познаниями в этих областях. К 17 годам Смит имел среди студентов репутацию учёного и несколько странного малого. Он мог вдруг глубоко задуматься среди шумной компании или начать говорить с самим собой, забыв об окружающих. Эти маленькие странности остались у него на всю жизнь. Успешно окончив в 1740 г. университет, Смит получил стипендию на дальнейшее обучение в Оксфордском университете. Стипендия выплачивалась из наследства одного богача-благотворителя. В Оксфорде он почти безвыездно провёл шесть лет.

Жизнь Смита в Оксфорде была тяжёлой, и он всегда вспоминал свой второй университет с ненавистью. Он тосковал и к тому же часто болел. Опять его единственными друзьями были книги. Круг чтения Смита был очень широк, но никакого особого интереса к экономической науке он в то время ещё не проявлял.

Бесплодность дальнейшего пребывания в Англии и политические события (восстание сторонников Стюартов в 1745–1746 гг.) заставили Смита летом 1746 г. уехать в Керколди, где он прожил два года, продолжая заниматься самообразованием. В свои 25 лет Смит

поражал эрудицией и глубиной знаний в самых различных обла-тях. Во время одной из своих поездок в Эдинбург он произвёл силь-ное впечатление на Генри Хьюма (позже — лорд Кеймс), бога-того помещика и мецената, что тот предложил организовать для молодого учёного цикл публичных лекций по английской литерату-ре. В дальнейшем тематика лекций, имевших значительный успех, изменилась. Их основным содержанием стало естественное право, это понятие включало в XVIII в. не только юриспруденцию, но и политические учения, социологию, экономику. Первые проявления специального интереса Смита к политической экономии также от-носятся к этому времени.

В 1751 г. Смит переехал в Глазго, чтобы занять там место про-фессора в университете. Сначала он получил кафедру логики, а потом — нравственной философии, т.е. практически общественных наук. В Глазго Смит прожил 13 лет, регулярно проводя 2–3 месяца в году в Эдинбурге. В старости он писал, что это был счастливей-ший период в его жизни. Он жил в хорошо знакомой и близкой ему среде, пользуясь уважением профессоров, студентов и видных го-рожан. Он мог беспрепятственно работать, и от него многого ждали в науке. У него появился круг друзей, он начал приобретать те характерные черты британца — холостяка и "клабмена" (клубного человека), — которые сохранились у него до конца дней.

Как в жизни Ньютона и Лейбница, в жизни Смита женщина не играла никакой заметной роли. Сохранились, правда, смутные и недостоверные сведения, что он дважды — годы жизни в Эдинбурге и Глазго — был близок к женитьбе, но оба раза всё по каким-то причинам расстроилось. Однако это, по-видимому, не нарушило его душевного равновесия. По крайней мере, никаких следов такого нарушения невозможно найти ни в его переписке (кстати, весьма скудной), ни в воспоминаниях современников.

Его дом всю жизнь вели мать и кузина — старая дева. Смит пережил мать только на шесть лет, а кузину — на два года. Как записал один приезжий, посетивший Смита, дом был "абсолютно шотландский". Подавалась национальная пища, соблюдались шотландские традиции и обычаи. Этот привычный жизненный уклад стал для него необходим. Он не любил надолго уезжать из дома и стремился скорее вернуться. Как истый шотландец, он любил кра-сочные народные песни, пляски и поэзию. Однажды он изумил гос-тя-француза своим энтузиазмом на конкурсе народных музыкантов и танцоров. Одним из его последних заказов на книги было несколь-ко экземпляров только что вышедшего первого томика стихов Роберта Бёрнса. Читателю будет, вероятно, интересно узнать, что великий шотландский поэт в свою очередь высоко ценил Смита. В письме

другу от 13 мая 1789 г. Бёрнс отмечает: "Маршалл с его Йоркширем[1] и особенно этот исключительный человек Смит со своим "Богатством народов" достаточно занимают мой досуг. Я не знаю ни одного человека, который обладал бы половиной того ума, который обнаруживает Смит в своей книге. Я очень хотел бы узнать его мысли насчёт нынешнего состояния нескольких районов мира, которые являются или были ареной больших изменений после того, как его книга была написана"[2]. В переписке Бёрнса есть также ссылки на другие книги Смита.

В 1759 г. Смит опубликовал свой первый большой научный труд — "Теорию нравственных чувств". Смитова "Теория нравственных чувств" не пережила XVIII в. Не она обессмертила имя Смита, а, напротив, слава автора "Богатства народов" предохранила её от полного забвения.

Между тем уже в ходе работы над "Теорией" направление научных интересов Смита заметно изменилось. Он всё глубже занимался политической экономией. К этому его побуждали не только внутренние склонности, но и внешние факторы, запросы времени. В торгово-промышленном Глазго экономические проблемы особенно властно вторгались в жизнь. В Глазго существовал своеобразный клуб политической экономии, организованный богатым и просвещённым мэром города. На еженедельных собраниях деловых людей и университетских профессоров не только хорошо ели и пили, но и толковали о торговле и пошлинах, заработной плате и банковском деле, условиях аренды земли и колониях. Скоро Смит стал одним из виднейших членов этого клуба. Знакомство и дружба с Юмом также усилили интерес Смита к политической экономии.

К концу своего пребывания в Глазго Смит уже был глубоким и оригинальным экономическим мыслителем. Но он ещё не был готов к созданию своего главного труда. Трёхлетняя поездка во Францию (в качестве воспитателя юного герцога Баклю) и личное знакомство с физиократами завершили его подготовку.

Что означали три года во Франции для Смита лично, в человеческом смысле? Во-первых, резкое улучшение его материального положения. По соглашению с родителями герцога Баклю он должен был получать 300 фунтов в год не только во время путешествия, но в качестве пенсии до самой смерти. Это позволило Смиту следующие 10 лет работать только над его книгой; в Глазговский университет он уже не вернулся. Во-вторых, все современники отмечали изменение в характере Смита: он стал собраннее, деловитее, энер-

[1] Имеется в виду книга агронома Уильяма Маршалла о сельском хозяйстве Йоркшира (1788 г.).

[2] Цит. по: *Fay C.R.* Adam Smith and the Scotland of his day. Cambridge, 1956. P. 75

гичнее и приобрёл известный навык в обращении с различными людьми, в том числе и сильными мира сего. Впрочем, светского лоска он не приобрёл и остался в глазах большинства знакомых чудаковатым и рассеянным профессором. Рассеянность Адама Смита скоро срослась с его славой и для обывателей стала её составной частью.

Смит провёл в Париже около года — с декабря 1765 г. по октябрь 1766 г. Поскольку центрами умственной жизни Парижа были литературные салоны, там он в основном и общался с философами. "Антресольный клуб" в Версале составлял в этом смысле исключение. Он был сразу же введён в большой салон мадам Жоффрен, но особенно любил бывать у мадемуазель Леспинасс, подруги д'Аламбера, где собирался более узкий и интимный круг друзей. Нередко посещал он и дома богачей-философов Гельвеция и Гольбаха, являвшиеся своего рода штаб-квартирами энциклопедистов.

Смит всегда любил театр, хотя в Шотландии пуританская церковь почти не допускала это "богопротивное зрелище". Особенно ценил он французскую классическую трагедию. Его гидом по парижским театрам была мадам Риккобони, писательница и в прошлом актриса, друг многих философов. От неё он получил при отъезде рекомендательное письмо в Лондон к знаменитому актёру и режиссёру Давиду Гаррику, который незадолго до этого побывал в Париже. Письмо наполнено похвалами уму и остроумию Смита. Это могло бы быть преувеличением и лестью, если бы не повторялось в другом письме, которое мадам Риккобони вскоре послала Гаррику по почте. Впоследствии Смит был довольно хорошо знаком с Гарриком.

При всём том Смит, конечно, вовсе не занимал в парижских салонах такого места, которое в течение трёх предыдущих лет занимал его друг Юм, а через 10 лет — Франклин. Смит не был создан, чтобы блистать в обществе, и хорошо сознавал это.

Можно думать, что особое значение для Смита имело знакомство с Гельвецием, человеком большого личного обаяния и замечательного ума. В своей философии Гельвеций объявил эгоизм естественным свойством человека и фактором прогресса общества. Новая этика строилась на интересе, на естественном стремлении каждого к своей выгоде, ограничиваемом только таким же стремлением других людей. Гельвеций сравнивал роль своекорыстного интереса в обществе с ролью всемирного тяготения в природе. С этим связана идея природного равенства людей: каждому человеку, независимо от рождения и положения, должно быть предоставлено равное право преследовать свою выгоду, и от этого выиграет всё общество.

Такие идеи были близки Смиту. Они не были новы для него: нечто схожее он воспринял от философов Локка и Юма и из парадоксов Мандевиля. Но конечно, яркость аргументации Гельвеция оказала на него особое влияние. Смит развил эти идеи и применил их к политической экономии. Созданное Смитом представление о природе человека и соотношении человека и общества легло в основу взглядов классической школы.

Давид Рикардо (1772–1823). Есть такая английская шутка. Кто такой экономист? Человек, который не имеет ни гроша в кармане и даёт другим такие советы, что если они будут следовать им, то окажутся тоже без гроша. Однако нет правил без исключений. Рикардо составил себе миллионное состояние и порой давал друзьям, в частности Мальтусу, такие советы насчёт помещения денег, что те не имели оснований жаловаться.

Давид Рикардо происходил из той же социально-этнической среды, из которой вышел столетием раньше Спиноза. Его предки, испанские евреи, бежали от преследований инквизиции в Голландию и осели там. Отец экономиста в 60-х годах XVIII в. перебрался в Англию, где сначала занимался оптовой торговлей товарами, а потом перешёл к торговле векселями и ценными бумагами. Авраам Рикардо был богат, влиятелен и благочестив. Давид был третьим из его семнадцати детей. Он родился в Лондоне в апреле 1772 г., обучался в обычной начальной школе, а затем был отправлен на два года в Амстердам, где начал постигать в конторе своего дяди тайны коммерции.

По возвращении Рикардо ещё некоторое время учился, но в 14 лет его систематическое образование окончилось. Правда, отец разрешил ему брать уроки у домашних учителей. Однако скоро выяснилось, что интересы юноши выходят за пределы того, что отец считал необходимым для дельца. Это ему не понравилось, и уроки прекратились. В 16 лет Давид уже был ближайшим помощником отца в конторе и на бирже. Наблюдательный, сообразительный, энергичный, он быстро сделался заметным человеком на бирже и в деловых конторах Сити. Авраам Рикардо стал поручать ему самостоятельные дела и неизменно оставался доволен.

Однако такой человек не мог не тяготиться деспотизмом и консерватизмом отца. Он был равнодушен к религии, а дома его заставляли строжайшим образом следовать всем догмам иудаизма и выполнять его обряды. Конфликт вышел наружу, когда в 21 год Рикардо заявил отцу, что он намерен жениться на христианке. Невеста была дочерью врача-квакера, такого же домашнего тирана, как старый Рикардо. Брак был заключён против воли обоих семейств. Женитьба на христианке означала для Рикардо изгнание из иудейской общины. По древнему обычаю, о нём надо было молиться как о

мёртвом. Рикардо не перешёл в квакерскую общину, а остановился на унитарианстве — самой свободной и гибкой из сект, откололись от государственной англиканской церкви. По всей видимости, это было просто благопристойным прикрытием его атеизма

Счастливый конец этой романтической истории мог бы быть омрачён бедностью, так как молодые, естественно, ничего не получили от родителей. А в 25 лет Рикардо уже был отцом троих детей (всего их было восемь). Он не знал никакого другого дела, кроме биржевой спекуляции, и теперь занимался ею не как подручный отца, а самостоятельно. Ему повезло, помогли также связи, репутация и способности. Через пять лет он уже был очень богат и вёл крупные операции.

В наше время на фондовых биржах Англии, США и других стран продаются главным образом акции крупных частных компаний. В конце XVIII в. акционерных обществ было ещё очень мало. Сделки с акциями Английского банка, Ост-Индской компании и нескольких других обществ составляли ничтожную долю биржевых операций, и Рикардо ими почти не занимался. Золотым дном для него, как для многих ловких дельцов, оказался государственный долг и сделки с облигациями государственных займов. За первые 10 лет войны — с 1793 по 1802 г. — английский консолидированный государственный долг возрос с 238 млн до 567 млн фунтов стерлингов, а к 1816 г. превысил 1 млрд. Кроме того, в Лондоне размещались иностранные займы. Курсы облигаций менялись под влиянием разных экономических и политических факторов. Игра на курсах стала первым источником обогащения молодого дельца.

Как рассказывают современники, Рикардо отличался феноменальной проницательностью и чутьём, быстротой реакции и вместе с тем большой осторожностью. Он никогда не зарывался, не терял хладнокровия и трезвости оценок. Умел продавать вовремя, порой удовлетворяясь скромным выигрышем на каждой облигации, наращивая прибыль за счёт больших оборотов.

В эти годы начались операции, из которых впоследствии выросло ивестиционное банковское дело, а с ним состояния и власть таких финансовых магнатов, как Ротшильды и Морганы. Богатые финансисты, объединявшиеся в небольшие группы, брали у правительства подряд на размещение вновь выпускаемых займов. Проще говоря, они оптом покупали у него все облигации нового займа, а затем распродавали их в розницу. Прибыли от этих операций были огромны, хотя порой они были сопряжены с большим риском: курс облигаций мог внезапно упасть. Заем доставался той группе финансистов, которая называла на торгах, устраиваемых казначейством, самую выгодную для правительства цену. В 1806 г. Рикардо в ком-

ашин с двумя другими дельцами неудачно выступил на торгах, и заем достался другой группе. В следующем году Рикардо и его группа добились права размещения 20-миллионного займа. После этого он в течение 10 лет неизменно участвует в торгах и несколько раз проводит размещение займов.

В 1809–1810 гг. Давид Рикардо — одна из крупнейших фигур лондонского финансового мира. Покупается роскошный дом в самом аристократическом квартале Лондона, а затем большое поместье Гэткомб-парк в Глостершире, где Рикардо устраивает свою загородную резиденцию. После этого Рикардо постепенно отходит от активной деятельности в мире бизнеса и превращается в крупного землевладельца и рантье. Его состояние достигает 1 млн фунтов, что по тем временам представляло огромную величину. Он, возможно, один из сотни самых богатых людей в Англии.

Это биография талантливого финансиста, ловкого дельца, рыцаря наживы. При чём тут наука?

Но этот биржевой волк и почтенный отец семейства был человеком с детски любознательным умом и ненасытной жаждой знаний. В 26 лет Рикардо, добившись финансовой независимости и даже некоторого богатства, вдруг обращается к наукам, которыми обстоятельства не позволили ему заняться в юности: естествознанию и математике. Какой контраст! В первой половине дня на бирже и в конторе — не по годам выдержанный и хладнокровный делец. Вечером у себя дома — симпатичный, увлекающийся молодой человек, который с наивной гордостью показывает родным и знакомым опыты с электричеством и демонстрирует свою коллекцию минералов.

Яркий интеллект Рикардо развивался под влиянием этих занятий. Они способствовали выработке тех качеств, которые сыграли столь важную роль в его экономических трудах: мышление его отличалось строгой, почти математической логичностью, большой четкостью, неприязнью к слишком общим рассуждениям. В это время Рикардо впервые столкнулся с политической экономией как наукой. В ней еще безраздельно царил Смит, и молодой Рикардо не мог не попасть под его влияние. Вместе с тем на него сильное впечатление произвёл Мальтус, чей "Опыт о законе народонаселения" вышел первым изданием в 1798 г. Позже, лично познакомившись с Мальтусом, Рикардо писал ему, что при чтении этого сочинения нашёл идеи Мальтуса "такими ясными и так хорошо изложенными, что они пробудили во мне интерес, уступающий только интересу, вызванному прославленным трудом Адама Смита"[1].

[1] Цит. по: *Hollander J.H.* David Ricardo. A Centenary Estimate. Baltimore, 1910. P. 47–48.

В начале века в Лондоне появился молодой шотландец Джеймс Милль, острый публицист и писатель по социально-экономическим вопросам. Рикардо познакомился с ним, знакомство вскоре перешло в тесную дружбу, которая связывала их до смерти Рикардо. В первые годы Милль играл роль наставника. Он ввёл Рикардо в круг учёных и писателей, подтолкнул его к публикации первых сочинений. Позже роли в известном смысле переменились. После выхода главных трудов Рикардо Милль объявил себя его учеником и последователем. Правда, в своих работах он развивал не сильнейшие стороны учения Рикардо и защищал его от критиков отнюдь не лучшим образом, чем, по существу, способствовал разложению рикардианства. Тем не менее Милля нельзя не помянуть здесь добрым словом: искренний поклонник таланта Рикардо, он постоянно наседал на него, требуя писать, переделывать, публиковать. Иной раз Милль брал на себя слегка комическую роль, задавая Рикардо "уроки" и требуя отчётов. В октябре 1815 г. он пишет Рикардо: "Я надеюсь, вы в настоящее время уже в состоянии что-то сообщить мне о том, насколько вы продвинулись в вашей книге. Я считаю теперь, что эта работа — ваш определённый обет"[1].

Некоторым талантливым людям такие друзья очень нужны!

Рикардо всегда страдал от неуверенности в своих силах, от некоторой литературной робости. У него не было и такого чувства долга, "призванности", с которым Смит много лет работал над своей книгой. Вне пределов своего бизнеса Рикардо был мягкий и даже немного застенчивый человек. Это проявлялось в повседневной жизни, в общении с людьми. В 1812 г. он поехал в Кембридж, где его старший брат Осман первый год обучался в университете. И вот в непривычной обстановке он, 40-летний богач и уважаемый человек, чувствует себя неуверенно, неловко.

Теория денег — одна из самых сложных и в то же время политически острых областей экономической науки. В Англии начала XIX в. вопрос о деньгах и банках оказался в центре страстной полемики и борьбы партийных и классовых интересов. Естественно, что Рикардо, который хорошо знал кредитно-денежную практику, впервые попробовал свои силы как экономист и публицист на этой арене. Ему было тогда 37 лет.

Жан Батист Сэй (1767–1832) родился в Лионе. Он происходил из гугенотской буржуазной семьи. В детстве Сэй получил неплохое образование, но рано начал службу в торговой конторе. Он усиленно занимался самообразованием. Изучая политическую экономию, Сэй прежде всего штудировал "Богатство народов" Смита

[1] Цит. по: *Ricardo D.* The Works and Correspondence / Ed. by P Sraffa and M Dobb. V. 6. Cambridge, 1952. P. 309.

Он восторженно принял революцию. Его патриотического пыла хватило на то, чтобы пойти волонтёром в революционную армию, воевавшую с европейскими монархами на западных границах Франции. Но якобинской диктатуры для Сэя оказалось уже слишком много. Он ушёл из армии и вернулся в Париж, где стал редактором довольно солидного журнала. Власть консервативной буржуазии, правящей в эти годы после свержения якобинцев, в общем устраивала Сэя, хотя он и критиковал многие действия правительства.

Консульство Бонапарта сначала принесло Сэю дальнейшее выдвижение. Он получил пост члена трибунала в комитете финансов. Одновременно Сэй работал над большим сочинением, которое вышло в 1803 г. под заглавием "Трактат политической экономии, или Простое изложение способа, которым образуются, распределяются и потребляются богатства". Эта книга, которую Сэй впоследствии многократно переделывал и дополнял для новых изданий (при жизни автора их вышло пять), так и осталась главным его произведением.

"Трактат..." Сэя представлял собой упрощённое, схематизированное и очищенное, как он считал, от ненужных абстракций и сложностей изложение Смита. Трудовая теория стоимости, которой, хотя и не вполне последовательно, следовал шотландец, уступала место "плюралистической" трактовке, где стоимость ставилась в зависимость от ряда факторов: субъективной полезности товара, издержек его производства, спроса и предложения. Идеи Смита об эксплуатации наёмного труда капиталом (т.е. элементы теории прибавочной стоимости) совершенно исчезли у Сэя, уступив место теории факторов производства. Сэй следовал Смиту в его экономическом либерализме. Он требовал "дешёвого государства" и выступал за сведение к минимуму его вмешательства в экономику. В этом отношении он примыкал также к физиократической традиции. Экономический либерализм Сэя имел особое значение для судьбы книги и автора.

Экономическая политика Консульства и Империи, хотя и буржуазная по своему общему характеру, была решительно направлена против смитианской свободы торговли. Наполеону для его войн и для борьбы с Англией была нужна промышленность, но он рассчитывал, что она сможет быстро вырасти благодаря жёсткому протекционизму и всестороннему регулированию хозяйства. Это открывало простор для бюрократического произвола и фаворитизма. Хозяйство, финансы и торговлю Наполеон рассматривал только как орудия своей завоевательной политики. Один современник писал: "Он хотел управлять торговлею, как батальоном, совершенно не считаясь с какими бы то ни было чисто торговыми соображениями".

Наполеону была нужна лишь такая экономическая теория, которая оправдывала и обосновывала бы его политику.

Книга Сэя привлекла внимание публики и была замечена Наполеоном. Скромный чиновник был приглашён к первому консулу для беседы по вопросам, затронутым в его книге. Сэю было дано понять, что если он хочет быть в милости у власти, то ему надлежит переработать "Трактат..." в духе взглядов и политики Наполеона. Однако Сэй отказался это сделать и был вынужден уйти в отставку.

Будучи человеком энергичным, практически сметливым и предприимчивым, он обратился к новой для него области промышленного предпринимательства: купил пай в текстильной фабрике. Сэй разбогател. Это наложило печать на всю его дальнейшую научную и литературную деятельность. Теперь это был не только буржуазный интеллигент, но буржуа-практик, знаток конкретных нужд и потребностей своего класса. Его неприязнь к абстракциям ещё более возросла, на экономическую науку он всё больше смотрел как на источник практической мудрости для буржуа-предпринимателей. У него появилась тенденция сводить политическую экономию к проблемам организации производства и сбыта, управления предприятиями. Особенно важную роль в капиталистическом хозяйстве он отводил теперь фигуре предпринимателя, которого он наделял чертами смелого новатора, способного наиболее эффективно объединить в процессе производства капитал и труд.

В 1812 г. Сэй продал свой пай в фабрике и поселился в Париже довольно состоятельным рантье. Падение Наполеона и реставрация Бурбонов позволили ему наконец выпустить второе издание "Трактата...". Оно принесло Сэю славу крупнейшего французского экономиста. Сэй был обласкан новым правительством. Он легко отказался от республиканизма своей молодости и стал верно служить Бурбонам: ведь буржуазия удержала свои завоевания, а экономическая политика теперь склонялась к свободе торговли.

Сэй был плоть от плоти третьего сословия, того французского буржуазного третьего сословия, которое совершило революцию, потом испуганно отшатнулось от неё, кинулось в объятия генерала Бонапарта и отреклось от императора Наполеона, когда он не оправдал надежд буржуазии. Личная судьба Сэя отражает этот исторический и классовый поворот позиций французской буржуазии.

Сэй с его культом трезвого рассудка и коммерческого расчета был точно создан для этой эпохи, когда буржуазия консолидировала свои позиции. Он начал читать публичные лекции по политической экономии, а в 1819 г. получил кафедру "промышленной экономии" в Национальной консерватории искусств и ремёсел. Лекции

Сэя были весьма популярны. Как и в своих сочинениях, он упрощал проблемы политической экономии, сводя их до уровня обывательского рассудка. Искусный систематизатор и популяризатор, он создавал у слушателей иллюзию ясности и доступности. Политическая экономия прежде всего Сэю обязана тем, что в 20-х годах она была во Франции почти так же популярна, как и в Англии. Сочинения Сэя переводились на многие языки, в том числе и на русский. Он был иностранным членом Петербургской академии наук.

В 1828–1830 гг. Сэй издал 6-томный "Полный курс практической политической экономии", в котором, однако, не давал ничего теоретически нового по сравнению с "Трактатом...". Он занял специально созданную для него кафедру политической экономии в Коллеж де Франс.

Сэй последних десятилетий мало симпатичен. Купаясь в лучах славы, он, по существу, прекратил всякие научные поиски и только без конца повторял свои старые идеи. В печатных выступлениях он отличался нескромностью и бахвальством, в полемике применял недобросовестные приёмы и грубый тон. Он умер в Париже в ноябре 1832 г.

Томас Роберт Мальтус (1766–1834) родился в сельской местности недалеко от Лондона и был вторым сыном просвещённого сквайра (помещика). Поскольку состояния в английских семьях не делятся между детьми, он не получил наследства, но зато получил хорошее образование — сначала дома, а потом в колледже Иисуса Кембриджского университета. Окончив колледж, Мальтус принял духовный сан в англиканской церкви и получил скромное место второго священника в сельском приходе. В 1793 г. он стал также членом (преподавателем) колледжа Иисуса и оставался им до своей женитьбы в 1804 г.: условием членства в колледже было безбрачие.

Много времени молодой Мальтус проводил в доме отца, с которым вёл бесконечные беседы и споры на философские и политические темы. Как это ни странно, старик был энтузиастом и оптимистом, а молодой человек — скептиком и пессимистом. Мальтусу-старшему были близки идеи французских энциклопедистов и английского утопического социалиста Уильяма Годвина о бесконечной возможности совершенствования общества и человека, о близости "золотого века" человечества. Мальтус-младший был настроен ко всему этому критически. На будущее человечества он смотрел мрачно, в утопии Годвина не верил. Подыскивая аргументы в спорах с отцом, он наткнулся у нескольких авторов XVIII в. на идею о том, что люди размножаются быстрее, чем растут средства существования, что население, если его рост ничем не сдерживается, может удваиваться каждые 20-25 лет. Мальтусу казалось очевидным, что

производство пищи не может расти столь же быстрыми темпами. Значит, силы природы не позволяют человечеству выбиться из бедности. Чрезмерная плодовитость бедняков — вот главная причина их жалкого положения в обществе. И выхода из этого тупика не предвидится. Никакие революции тут не помогут.

В 1798 г. Мальтус анонимно опубликовал небольшой памфлет под заглавием "Опыт о законе народонаселения в связи с будущим совершенствованием общества". Свои взгляды он излагал резко, бескомпромиссно, даже цинично. Мальтус, например, писал: "Человек, пришедший в занятый уже мир, если его не могут прокормить родители, чего он может обоснованно требовать, и если общество не нуждается в его труде, не имеет права на какое-либо пропитание; в сущности, он лишний на земле. На великом жизненном пиру для него нет места. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести свой приговор в исполнение"[1].

Впрочем, в жизни Мальтус, как сообщают современники, был общительным и даже приятным человеком: его дружба с Рикардо косвенно это подтверждает. Он отличался удивительной уравновешенностью и спокойствием духа, никто никогда не видел его рассерженным, слишком радостным или слишком угнетённым.

В 1805 г. Мальтус получил кафедру профессора современной истории и политической экономии в только что основанном колледже Ост-Индской компании. Он исполнял также в колледже обязанности священника. В 1815 г. Мальтус опубликовал свою работу о земельной ренте, в 1820 г. — книгу "Принципы политической экономии", в основном содержащую полемику с Рикардо. По политическим взглядам он был вигом, но весьма умеренным, всегда стремился, как сказано о нём в английском биографическом словаре, к золотой середине. Умер он скоропостижно от болезни сердца в декабре 1834 г.

Александр Николаевич Радищев (1749–1802), выдающийся русский учёный, родился в Москве в богатой дворянской семье, получил прекрасное образование. Хорошо знал труды Руссо, Гельвеция, Мабли, физиократов, А. Смита. С 1773 по 1775 г. работал военным прокурором, затем служил в Сенате, в Коммерц-коллегии. В эти годы Радищев разработал проект нового таможенного тарифа, представил записку о податях в России, описание Петербургской губернии. Главное произведение Радищева — "Путешествие из Петербурга в Москву" (1790), где он выступил противником самодержавия, и за которое Екатерина II отдала распоряжение о заточении его в Петропавловскую крепость. Радищев был приговорён к смерт-

[1] Мальтус счёл необходимым снять это место в ряде последующих изданий "Опыта". Цит. по: *Keynes J.M.* Essays and Sketches in Biography. N.Y., 1956. P. 26.

ной казни, которую затем заменили ссылкой в Илимский острог. После смерти Екатерины II вернулся в родовое имение, а при Александре I стал проживать в Петербурге.

Главными экономическими произведениями Радищева считаются "Письмо о китайском торге", написанное в Сибири, и "Описание моего владения". Радищев исследовал проблемы земельной собственности, промышленного развития страны, внутренней и внешней торговли. В работах Радищева дано толкование отдельных экономических категорий, таких как богатство, цена товара, издержки производства, прибыль, деньги. Радищев предвидел последствия инфляции "Прилив денег бумажных — зло; поток плотины разорвавшейся число монеты бумажной возрастёт до того, что цена её будет меньше, нежели лист бумаги, на неё употребляемой". Он разрабатывал также вопросы налоговой системы, кредита.

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) — крупнейший учёный своего времени в области философии, политической экономии, истории, социологии, этики, эстетики, педагогики. За участие в революционном движении в 1852 г. арестован и заключён в Петропавловскую крепость. После гражданской казни, состоявшейся 19 мая 1864 г. на Мытнинской площади Петербурга, его выслали на каторгу в Забайкалье, а затем в Вилюйский острог, где он провёл 20 лет. В 1883 г. переведён в Астрахань, затем в Саратов. Чернышевский — автор утопического социалистического учения о переходе к социализму через крестьянскую общину, "Политической экономии трудящихся". В 1855 г. им защищена диссертация "Эстетические отношения искусства к действительности".

К основным экономическим произведениям Чернышевского относятся: "О земле как элементе богатства", "О поземельной собственности", "Славянофилы и вопрос об общине", "Капитал и труд". "Очерки из политической экономии по Миллю", "Письма без адреса" и др. Аграрная программа Чернышевского предусматривала ликвидацию крепостного права, привилегий дворянства, предоставление крестьянам личной свободы, передачу земли в государственную собственность.

Чернышевский дал определение предмета политической экономии как науки о материальном благосостоянии человека, "насколько оно зависит от вещей и положений, производимых трудом". В своей экономической теории Чернышевский рассматривал проблемы собственности, труда, ренты, конкуренции, экономических кризисов, планирования.

Лекция 12. *Плюрализм идей в экономической мысли второй половины XIX — начала XX в.*

Экономическая теория Г. Кэри

Наиболее известным экономистом и философом XIX в. в США был **Генри Чарлз Кэри** (1793–1879), автор теории "гармоний интересов" в капиталистическом обществе. Кэри сформулировал, как он считал, универсальный закон "экономических гармоний", весьма близкий идеям Ф. Бастиа. Согласно этому закону, в сформировавшемся в США обществе существует полное соответствие интересов различных социальных групп.

В основу закона Кэри легла его теория стоимости, где стоимость определяется количеством труда, необходимого для воспроизводства продукта. Поскольку, по мнению Кэри, земельная рента тождественна проценту, отношения между земельными собственниками и предпринимателями являются гармоничными. Прибыль и рента — естественные формы доходов владельцев капитала и земли (поскольку прибыль — это произведение капитала, а рента — результат природного фактора).

Взгляды Кэри на экономическую политику постепенно эволюционировали от фритредерства к протекционизму. Экономические беды он объяснял существующим тогда централизующим влиянием Англии — мастерской мира, обрекающей якобы все остальные страны на аграрный характер развития. В связи с этим Кэри обосновывал необходимость государственного вмешательства в экономику, системы протекционизма. Он выступал за национальное развитие США, противопоставляя интересы этой страны интересам Англии, обосновывая необходимость конкуренции между США и Англией.

К системе Рикардо Кэри относится резко отрицательно, считая, что в ней заложены основы вражды между классами.

Новая историческая школа в Германии

Одной из самых влиятельных школ второй половины XIX — начала XX в. явилась новая историческая школа в Германии, сформировавшаяся к 70-м годам XIX в. Её представителями были **Густав фон Шмоллер** (1838–1917), **Луйо Брентано** (1844–1931), **Карл Бюхер** (1847–1930).

Экономическая теория в работах Бюхера приняла вид экономической истории, в которой выделились три периода: 1) домашнее хозяйство, 2) городское хозяйство (где производитель встречается с потребителем), 3) народное хозяйство (где продукт производится не

неизвестный рынок, преобладает обмен). В основу такого деления Бюхер положил степень развития обмена.

Шмоллер развивал теорию "социального мира" в условиях рыночного хозяйства. По его инициативе в Германии был создан Союз социальной политики.

Брентано — автор теории "организованного капитализма", стоящий на позициях преодоления кризисов с помощью монополий, разработавший программу достижения социального мира с помощью профсоюзов, рабочих кооперативов жилищного строительства.

Австрийская школа

Австрийская школа объединила экономистов и преподавателей австрийских университетов. Её виднейшими представителями явились **К. Менгер** (1840–1921), **Э. фон Бём-Баверк** (1851–1919), **Ф. Визер** (1851–1926).

Начало австрийской школе, сформировавшейся в 70-х годах XIX в., положили работы **Томаса Госсена.** Эта школа получила большой резонанс и оказала значительное влияние на другие школы в разных странах.

Теории, близкие австрийской школе, развивали англичанин **Уэсли Джевонс** (1835–1882) и **Леон Вальрас** (1834–1910) (Швейцария), положившие начало математическому направлению в экономической теории.

Австрийскую школу называют ещё школой предельной полезности. Её представители выдвинули положение о том, что экономическая теория должна изучать явления хозяйственной жизни с точки зрения хозяйствующего субъекта. Движущими мотивами в экономике являются психологические мотивы. Психология субъекта всегда первична по отношению к экономике. Метод австрийской школы называют методом робинзонад, нацеливающим на изучение индивидуального хозяйства.

Представители этой школы отказались от определения стоимости трудом. Для определения товара был предложен термин "материальное благо", стоимости — термин "ценность", определяющий полезность вещи. Вводится новый вид определения стоимости — предельная полезность. Ценность материальных благ рассматривалась как свойство тех вещей, которые подвержены закону редкости.

Процесс образования ценности представлен двумя этапами: 1) образование субъективной ценности; 2) образование объективной ценности. Под субъективной ценностью понимается индивидуальная оценка материального блага отдельным потребителем. Ценность зависит от насыщенности потребления данных благ (стакан воды у источника и в пустыне). Для определения ценности была введена

категория предельной полезности. Предел берётся как крайняя величина в ряду материальных благ. Под объективной ценностью представители австрийской школы понимали среднюю величину, образующуюся на рынке при столкновении многих субъективных оценок, спроса и предложения.

Принцип предельности распространился и на средства производства. Была создана теория "производительного блага", которая обосновывала, что процент, прибыль, рента возникают помимо стоимости.

Идеи австрийской школы легли в основу *маржинализма* (marginal — предельный). На её базе сформировалась методология значительного числа направлений современной экономической науки.

Кембриджская школа в Англии

К концу XIX в. в Англии формируется Кембриджская школа, основателем которой явился **Альфред Маршалл** (1842–1924), вошедший в историю экономической мысли в первую очередь как автор синтетической теории цены.

Под стоимостью Маршалл понимал цену равновесия — среднюю цену, формирующуюся на рынке. Он соединил существовавшие до него теории ценности в единую теорию цены, на основе которой объяснил процесс ценообразования.

Маршалл исходил из того, что в создании стоимости участвуют два фактора: производительный фактор (издержки производства) и субъективный фактор (полезность). Цена образуется в результате соотношения действия этих факторов. Полезность определяет цену предложения. В результате спроса и предложения получается цена равновесия.

А. Маршалл — создатель теории оптимальных цен, объясняющих образование монопольных цен.

Большой вклад в историю экономической мысли внёс ученик Маршалла **Артур Пигу** (1877–1959), разработавший экономическую теорию благосостояния.

Синтетическая экономическая концепция Дж.Б. Кларка

Американский экономист **Джон Бейтс Кларк** (1847–1938) выдвинул синтетическую экономическую концепцию, разделив экономическую теорию на три части: 1) универсальная экономика, задача которой состоит в определении формулировок всеобщих экономических законов — предельной полезности, убывающего плодородия почвы и т.д.; 2) экономическая статика; 3) экономическая ди-

намика. Вводя термин экономической статики, Кларк считал необходимым исследовать вменённые доли продукта, зависящие от каждого фактора производства. Он воспринял теорию трёх факторов производства Сэя, утверждая, что каждый из факторов обладает самостоятельной производительностью, вменяя труду — заработную плату, капиталисту — прибыль, земле — ренту. Величина доли ограничивается определённым пределом, зависящим от закона убывания производительности каждого фактора. Заработную плату Кларк поставил в зависимость от численности работающих и производительности их труда; ввёл категорию предельной производительности труда, связав её с последним принятым на предприятие наемным рабочим.

Лекция 13. *Экономическое учение К. Маркса и Ф. Энгельса*

Марксизм возник в 40-е годы XIX в., во времена, когда были сделаны важные научные открытия, создана техническая основа капитализма, мир пережил три экономических кризиса (1825, 1836, 1847 гг.), имели место выступления рабочих, выдвигавших политические требования (лионских и силезских ткачей), созданы чартистские организации в Англии. Источниками марксизма явились немецкая философия (Гегель, Фейербах), французский утопический социализм (Оуэн, Фурье, Сен-Симон), английская классическая политэкономия (Смит, Рикардо).

Первым политэкономическим произведением марксизма считается работа **Фридриха Энгельса** (1820–1895) "Наброски к критике политической экономии". В ней рассматриваются проблемы частной собственности как исходной базы капитализма; накопления капитала, концентрации и централизации капитала; экономические кризисы.

"Экономико-философские рукописи" **Карла Маркса** (1818–1893) посвящены проблемам соотношения труда и капитала, динамики заработной платы. Капитал Маркс характеризует как накопленный чужой труд. Впервые отмечается, что основу человеческого общества составляет материальное производство.

Положение рабочих при капитализме на примере наиболее развитой страны очень подробно анализирует Энгельс в работе "Положение рабочего класса в Англии" (1845). Он показывает, что становление капиталистической промышленности является результатом промышленного переворота, дает характеристику кризисов, хотя еще не дает полного представления о цикле и его фазах.

В совместной работе Маркса и Энгельса "Немецкая идеология" (1845–1846) создаётся учение об общественно-экономических формациях, исторический процесс характеризуется как смена этих формаций революционным путём.

Работа "Нищета философии" Маркса[1] посвящена экономическим категориям. В ней Маркс пишет, что экономическое понятие имеет основой не разум человека, а отношения производства, является их отражением. Он формулирует закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил, рассматривает развитие капиталистических производственных отношений.

В этой работе Маркс определяет стоимость как результат труда рабочих.

В целом учение Маркса о стоимости, механизме её образования изложено в "Наёмном труде и капитале" (1849)[2]. Маркс считал, что закон стоимости действует через отклонения цен от стоимости.

Анализ простого товарного и капиталистического производства стоимости, товара, денег, капитала (постоянного и переменного), прибыли Маркс проводит в первом варианте "Капитала" — рукопись 1857–1858 гг.; земельной ренты (дифференциальной и абсолютной) — во втором наброске "Капитала" (1861–1863 гг.). Рукопись 1861–1863 гг. содержит также анализ социально-экономических последствий применения машин, воспроизводства общественного капитала.

Главный труд Маркса "Капитал" состоит из четырёх томов. Первый том был издан в 1867 г. и посвящён анализу производства прибавочной стоимости. Маркс подробно рассматривает товар и его свойства (потребительную стоимость и стоимость); содержание стоимости, её источники, величину, факторы, её изменяющие. Маркс считал, что стоимость товара создаёт труд, сама стоимость меняла форму от простейшей до денежной, и что это — общественное, а не природное свойство вещи. Товар, по Марксу, содержит противоречия между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, абстрактным и конкретным трудом, частным и общественным трудом. Здесь же выводится всеобщая формула капитала:

$$Д — Т — ... П ... — Т'' — Д''.$$

Центральной проблемой первого тома "Капитала" считается производство абсолютной прибавочной стоимости, двойственный характер труда при капитализме (процесс труда и процесс возрастания стоимости). Капитал, по Марксу, — это стоимость, приносящая прибавочную стоимость.

Маркс выделяет три ступени роста производительности труда, с которыми связано производство относительной прибавочной стоимости (простая кооперация, разделение труда и мануфактуры, машинная стадия развития).

[1] Написана как ответ экономисту Прудону на его работу "Философия нищеты" (1847).

[2] Полностью издана Энгельсом в 1891 г.

Маркс считал, что заработная плата — это превращенная стоимость (цена) рабочей силы. Он анализирует факторы, воздействующие на изменение заработной платы, её формы, национальные особенности.

Кроме вышеперечисленных проблем, Маркс рассматривает накопление капитала, воспроизводство, превращение прибавочной стоимости в капитал, безработицу.

Второй том "Капитала" был издан в 1885 г. и посвящен анализу процесса обращения капитала, тех превращений, которые капитал претерпевает в своём движении. Маркс характеризует основные функциональные формы кругооборота производительного, денежного и торгового капитала, а также оборот капитала во времени.

Третий том "Капитала" издаётся в 1894 г. В нём Маркс анализирует процесс производства капитала в целом, превращение прибавочной стоимости в прибыль, образование нормы прибыли. Совокупный общественный продукт, по Марксу, равен сумме издержек производства и прибыли:

$$w = c + v + m = k + p,$$

где: c — постоянный капитал; v — переменный капитал; m — прибавочная стоимость; k — издержки производства; p — прибыль.

Маркс рассматривает торговый капитал и торговую прибыль, ссудный капитал и ссудный процент, распределение прибавочной стоимости.

Маркс считал, что все доходы в капиталистическом обществе имеют своим источником прибавочную стоимость, они суть превращённые формы прибавочной стоимости.

Анализируя земельную ренту, Маркс рассматривает её эволюцию, образование дифференциальной ренты I и II. Он считал, что земельная рента — это сверхприбыль, образующаяся в сельском хозяйстве в результате прибавочного труда сельскохозяйственных рабочих.

Четвертый том "Капитала" подготавливал к изданию К. Каутский, рассматривавший его как работу, параллельную "Капиталу". В 1905–1910 гг. работа была издана. После второй мировой войны рукопись издавалась в СССР Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Четвертый том "Капитала" носит название "Теории прибавочной стоимости". В нём изложена критика предшествующих экономических учений, а также детальная разработка учения о производительном и непроизводительном труде, земельной ренте, национализации земли, возможности и неизбежности экономических процессов.

Важнейшим произведением Ф. Энгельса считается работа "Анти-Дюринг"[1], изданная в 1878 г. В ней Энгельс ставит вопрос о политэкономии в широком и узком смысле слова. В узком смысле он понимал политэкономию, изучающую только капитализм. Политэкономия в широком смысле — это наука, изучающая все общественные экономические формации и экономические законы, "управляющие производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе".

Энгельс рассмотрел процесс возникновения частной собственности, классов, государства, товарного производства, стоимости, накопления капитала, экономических кризисов. Энгельс выделил противоречия, возникающие в рыночной экономике: между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением, между рабочим классом и буржуазией (трудом и капиталом), между организацией производства в отдельной фирме и анархией общественного производства в целом, между производством и потреблением.

Лекция 14. *Экономические идеи В.И. Ленина*

Владимир Ильич Ленин (Ульянов) (1870–1924) разрабатывал общие вопросы теории капитализма и применения её к конкретной действительности России, а также теорию социализма.

Анализ социально-экономических процессов в русской деревне закономерности расслоения и разложения русской общины, образование класса предпринимателей имеет место уже в первом произведении Ленина "Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни" (реферат на книгу русского марксиста Постникова "Южнорусское крестьянское хозяйство") (1893).

В ответ на реферат Л. Красина[2] Ленин выступает на собрании кружка марксистов (1893) с рефератом "По поводу так называемого вопроса о рынках", в котором показывает ошибочность отрицания образования внутреннего рынка в России. В нём он доказал, что процесс воспроизводства сопровождается дальнейшим развитием внутреннего рынка, степень развития которого характеризует развитие капитализма. Ленин строит схемы расширенного воспроизводства с учётом технического прогресса, роста органического строения капитала. Он формулирует закон преимущественного роста производства средств производства в условиях расширенного воспроизводства. Критикуя Красина, Ленин рассматривает процесс

[1] Е. Дюринг (1833–1921) немецкий философ и экономист, заметно влиявший на немецкую социал-демократию, автор работы "Философия действительности".

[2] Красин Леонид Борисович (1870–1926) — государственный деятель.

разложения натурального хозяйства, закономерности развития товарного производства, капиталистические отношения.

Предмет политэкономии Ленин определяет как общественные отношения людей в производстве (работа "К характеристике экономического романтизма", 1897).

В известной книге "Развитие капитализма в России" (1896–1899) содержится определение рынка как экономической категории, совокупность актов купли-продажи. Ленин показывает, что развитие рынка зависит от степени развития разделения труда в обществе. Появление новых отраслей, специализация производства являются важнейшими факторами развития рынка, которое идёт по двум направлениям: 1) рост средств производства, расширение производства, 2) возрастающий спрос на предметы потребления.

Анализируя аграрную эволюцию России, Ленин показывает развитие мелких крестьянских хозяйств на основе данных по 21 уезду 7 губерний России (более 0,5 млн. хозяйств) с населением более 3 млн человек. Ленин раскрывает сущность барщинной системы, экономическую основу сохранения крупных помещичьих хозяйств, отработочной системы, кабальной аренды земли, выкупных платежей и т.д.

В книге "Развитие капитализма в России" анализируется также развитие капиталистических отношений в промышленности.

В работе "Аграрный вопрос и "критики" Маркса" (1901) Ленин критикует "закон убывающего плодородия почвы", рассматривая основу образования капиталистической земельной ренты, два вида монополии на землю (как на объект хозяйства и монополию частной собственности на землю), в результате которых образуется дифференциальная рента I и II, а также абсолютная рента.

Критикуя концепцию устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, Ленин показывает процесс образования крупных хозяйств в России. Рассматривая применение техники в сельском хозяйстве, он показал, что степень развития индустриализации в сельском хозяйстве ниже, чем в промышленности. Ленин разработал теоретические основы национализации и муниципализации земли, обосновал учение о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве, показал, что аграрный вопрос в то время являлся основным в социально-экономическом развитии России. Ленин считал, что в результате национализации уничтожается абсолютная рента, а получателем дифференциальной ренты будет государство.

В годы первой мировой войны (1914–1918) Ленин возвращается к аграрной проблеме в работе "Новые данные о законах развития капитализма в земледелии", доказав развитие капитализма в сельском хозяйстве на примере трех регионов США — промышленного севера, колонизируемого запада и рабовладельческого юга.

Итоговым произведением Ленина в анализе современного ему общества явилась работа "Империализм, как высшая стадия капитализма" (1916). В результате обработки массы данных Ленин раскрыл экономические особенности и основные тенденции капитали-тической экономики. Ленин считал, что современное ему общество — империализм — следует рассматривать как особую стадию в развитии капиталистической социально-экономической формации. Он показал, что колоссальный рост крупного производства усиливает процесс концентрации производства, и на этой основе происходит смена свободной конкуренции монополией.

Ленин был глубоко убеждён, что современная ему эпоха — это эпоха обострения противоречий капитализма на его высшей стадии, подготовка социалистической революции.

В своей теории социализма Ленин показывал, что социализм — это государственно-монополистическая структура, обращённая на пользу всего народа. Государственно-монополистический капитализм (ГМК), по мнению Ленина, особенно усиливает свои позиции в период войн. Ленин рассматривал ГМК как особую форму капитализма, для которой характерна наивысшая ступень обобществления производства; переплетение частных и государственных монополий, сращивание государственного аппарата с монополиями. ГМК, по его мнению, является важнейшей материальной предпосылкой социализма, осуществляя подготовку условий для общественного регулирования экономики.

Создавая учение о социализме, Ленин разрабатывал вопросы соотношения экономики и политики, подчёркивая, что экономика является основой, а политика является концентрированным выражением экономики.

Ряд работ посвящён экономической структуре переходного к социализму периода. В работе "О левом ребячестве и о мелкобуржуазности" Ленин характеризует пять существующих в хозяйстве России укладов: патриархальный, мелкотоварный, частно-хозяйственный капитализм, государственный капитализм, социализм.

В своих произведениях Ленин решал теоретические вопросы применения в условиях социализма товарно-денежных отношений: "О продналоге", "О значении золота теперь и после полной победы социализма" (1921). Ленин показал, что рыночные отношения не являются чужеродным телом для социалистического общества, они совместимы с экономической структурой социализма.

Экономическая программа построения социализма развивалась в работах: "Грозящая катастрофа и как с ней бороться", "Удержат ли большевики государственную власть?" (1917). В них Ленин обосновывал необходимость национализации банков, объединения всех

банков в один, государственный банк; национализации синдикатов; отмены коммерческой тайны; принудительного синдицирования; принудительного объединения населения в потребительские общества. Ленин считал необходимыми национализацию земли, банков, промышленности, создание современной крупной промышленности, сельского хозяйства, ориентированных на новейшие достижения НТП.

В учении о кооперации Ленин раскрыл преимущества кооперации в преобразовании мелких хозяйств в крупные, рассматривая кооперацию как форму государственного капитализма. Он писал о кооперации как социалистической форме хозяйства ("О кооперации", 1923).

Ленин отвергал все попытки Бухарина[1], Троцкого[2] и их сторонников ликвидировать теоретическую экономическую науку, показав необходимость политической экономии в любом обществе.

Разрабатывая вопросы собственности, Ленин дал анализ общенародной и кооперативной форм собственности.

Ленину принадлежит также разработка основ учения о социалистическом планировании. Планомерность, по Ленину, — это сознательно поддерживаемая пропорциональность экономики ("Набросок плана научно-технических работ", "Об едином хозяйственном плане", "Очередные задачи Советской власти", 1918–1921). Ленину принадлежит также разработка вопросов о соотношении текущих и перспективных планов, учёте и контроле, директивном планировании, организации труда, социалистическом соревновании.

Лекция 15. *Кейнсианство и неокейнсианство*

Английский экономист **Джон Мейнард Кейнс** (1883–1946) стал широко известен в связи с опубликованием в 1919 г. книги "Экономические последствия Версальского мирного договора". Но знаменитым его сделал труд "Общая теория занятости, процента и денег" (1936), в котором Кейнс выдвинул вопрос о необходимости государственного вмешательства в экономику в целях исправления ее недостатков.

На первый план Кейнс поставил проблему "эффективного спроса", потребления и накопления. Он выдвинул макроэкономический метод исследования, т.е. исследование зависимостей и пропорций между макроэкономическими величинами — национальным доходом, сбережениями и накоплениями.

В качестве основы экономических процессов у Кейнса выступает психологическая характеристика природы человека. Причиной

[1] Бухарин Николай Иванович (1888–1938) — советский партийный государственный деятель.

[2] Троцкий (Бронштейн) Леонид Дмитриевич (1879–1940) — политический деятель

экономических кризисов Кейнс считал изменения в настроениях капиталистов — переход от оптимизма к пессимизму. Решающее значение он придавал "склонности к потреблению" и "склонности к сбережению".

Общая теория занятости

Кейнс утверждал, что с увеличением занятости растёт национальный доход и, следовательно, увеличивается потребление. Но потребление растёт медленнее, чем доходы, так как по мере роста доходов у людей усиливается стремление к сбережениям. "Основной психологический закон, — пишет Кейнс, — состоит в том, что люди склонны, как правило, увеличивать своё потребление с ростом дохода, но не в той мере, в какой растёт доход"[1]. Последнее выражается в уменьшении эффективного (действительно предъявляемого, а не потенциально возможного) спроса, а спрос влияет на размеры производства и уровень занятости.

Недостаточный потребительский спрос может быть компенсирован увеличением затрат на новые инвестиции, т.е. ростом спроса на средства производства. Общий объём инвестиций играет решающую роль в определении размеров занятости. Объём инвестиций зависит от склонности к инвестированию. Предприниматель расширяет инвестиции до тех пор, пока норма прибыли не упадёт до уровня процента. Трудность заключается в том, что норма прибыли снижается, а уровень процента сохраняет устойчивость. Это создаёт узкие границы для новых инвестиций и роста занятости. Снижение нормы прибыли ("предельной эффективности капитала") Кейнс объяснял увеличением массы капитала и склонностью предпринимателей терять веру в будущие доходы.

Общий объём занятости, по Кейнсу, определяется тремя факторами: склонностью к потреблению, предельной эффективностью капиталовложений[2] (измеряемой нормой прибыли) и нормой процента[3].

Роль инвестиций. Мультипликатор

Основным положением общей теории Кейнса является тезис о решающей роли инвестиций в определении общего объёма занятости.

[1] *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 157.

[2] Отношение перспективной выгоды, обеспечиваемой одной добавочной единицей данного вида капитальных благ к издержкам производства этой единицы (*Кейнс Дж.М.* Указ. соч. С. 199–211).

[3] Процент зависит от предпочтения ликвидности и от количества денег в обращении. Ликвидность — превращение функционирующего капитала в ссудный

Рост инвестиций означает вовлечение в производство дополнительных рабочих, что ведёт к увеличению занятости, национального дохода и потребления. Первоначальное увеличение занятости, вызванное новыми инвестициями, обусловливает дополнительный рост занятости, вызванный необходимость удовлетворения спроса дополнительных рабочих. Этот коэффициент дополнительного роста занятости Кейнс назвал *мультипликатором*, который показывает соотношение между ростом инвестиций, с одной стороны, и ростом занятости и дохода — с другой.

Формула мультипликтора:

$$K = \Delta y_w \ / \ \Delta J_w,$$

где K — мультипликатор, или коэффициент пропорциональности; Δy_w — прирост дохода; ΔJ_w — прирост инвестиций. Чем больше предельная склонность к потреблению, тем больше мультипликатор, тем выше занятость.

В своей *экономической программе* Кейнс придерживался того, что "государство должно оказывать своё руководящее влияние на склонность к потреблению, частично путём системы налогов, частично фиксированием нормы процента и другими способами"[1].

Кейнс предлагал регулировать не только инвестиции, но и национальный доход. Средством для этого он считал налоги, требуя их повышения в целях изъятия сбережений для увеличения государственных инвестиций.

Кейнсианство не является единым направлением. В нём различают правое, левое, либеральное течения. Большое распространение кейнсианство получило в Германии, Франции, Америке. В Германии теория Кейнса использовалась для обоснования национал-социалистской экономики. Во Франции некоторые экономисты (Г. Ардан, П. Мендес-Франс) восприняли теорию Кейнса без поправок. Другие (Ф. Перру) выступили против регулирования ссудного процента, считая этот метод неэффективным. В целях достижения согласованных действий и обеспечения гармоничного роста Перру выдвинул теорию "доминирующих единиц", к которым отнёс мощные промышленные корпорации, а главной доминирующей единицей считал государство.

Наиболее развёрнутое изложение американского варианта кейнсианства содержится в работах профессоров Гарвардского университета **Элвина Хансена** (1887–1975) и **Стэнли Харриса** (1897–1974). Хансен дополнил объяснения Кейнсом причин кризисов теорией стагнации, распространившейся в США в конце 30-х годов и в годы второй мировой войны. Согласно этой теории, к началу второй ми-

[1] Кейнс Дж. М. Указ. соч. С. 452.

ровой войны прекратилось бурное развитие капитализма в силу следующих факторов: замедление темпов прироста населения, отсутствие свободных земель, замедление технического прогресса. Одни кейнсианцы предлагали делать огромные государственные заказы и закупки, другие — увеличивать налоги (до 60% заработной платы), государственные займы, третьи — использовать дополнительный выпуск бумажных денег в обращение для покрытия государственных расходов.

Американские кейнсианцы объявили госбюджет главным механизмом регулирования капиталистической экономики.

Э. Хансен, **Джон Морис Кларк** (1884–1963) и другие американские кейнсианцы, рассматривая действие мультипликатора как непрерывный процесс, дополнили концепцию мультипликатора принципом *акселератора*. "Числовой множитель, на который каждый доллар приращённого дохода увеличивает инвестиции, называется коэффициентом акселерации, или просто акселератором"[1]. Акселератор, или коэффициент ускорения, равен отношению прироста инвестиций к приросту дохода. В силу длительности срока изготовления оборудования накапливается неудовлетворённый спрос на него, что стимулирует чрезмерное расширение производства оборудования. Акселератор означает воздействие роста доходов (посредством увеличения спроса) на капиталовложения в сторону их повышения.

Исходя из принципов мультипликатора и акселератора, американские кейнсианцы разработали схему непрерывного роста экономики, отправным пунктом которого являются государственные капиталовложения.

Они назвали госбюджет "встроенным стабилизатором", призванным автоматически реагировать на циклические колебания и смягчать их. К "встроенным стабилизаторам" относятся также подоходный налог, выплаты по социальному страхованию, пособия по безработице и др. По мнению Хансена, общая сумма налогов возрастает во время подъёма и уменьшается во время кризисов. Выплаты государства, наоборот, увеличиваются во время кризисов и уменьшаются во время подъёма. Таким образом автоматически стабилизируются размеры эффективного спроса.

В периоды подъёма американские кейнсианцы предлагали ограничивать государственные расходы, а в периоды кризисов — компенсировать сокращение частных расходов увеличением государственных, не останавливаясь перед бюджетным дефицитом.

Э. Хансеном, **Евсеем Домаром** (род. 1914) и **Роем Харродом** (род. 1900) были созданы теории экономического роста, центральной про-

[1] *Хансен Э.* Экономические циклы и национальный доход. М., 1959. С. 243.

кризисов которых является проблема реализации. Согласно этим теориям, экономика будет находиться в состоянии динамического равновесия, если движение спроса способствует полному использованию производственных ресурсов. Рост национального дохода, от которого зависит спрос, является, по их мнению, только функцией накопления капитала, а спрос на капитал определяется только темпом роста национального дохода.

Важное место в неокейнсианских моделях экономического роста занимает рассмотрение количественных взаимосвязей между накоплением и потреблением, система "мультипликатор — акселератор". Главными факторами экономического роста считаются инвестиции (норма накопления капитала) и капиталоёмкость производства (отношение капитала к выпускаемой продукции).

Неокейнсианцы подметили тенденцию повышения капиталоёмкости во время индустриализации и понижения в период "зрелой экономики". Превышение сбережений над инвестициями в экономике ведёт к недогрузке предприятий и безработице. Превышение инвестиционного спроса над сбережениями вызывает рост цен.

Были разработаны модели цикла[1], в которых на первом месте были проблемы спроса. Домар и Харрод рассматривали экономический рост в зависимости только от одного фактора — от накопления капитала.

Неокейнсианцы разработали меры косвенного и прямого регулирования экономики. К методам косвенного воздействия относятся: налоговая политика, бюджетное финансирование, кредитная политика, ускоренная амортизация. Эти методы получили название автоматических стабилизаторов, кредитных стабилизаторов, институциональных стабилизаторов и т.п.

Широко используется регулирование ссудного процента, предложенное Кейнсом. Изменение нормы процента проводится в первую очередь по отношению к долгосрочному кредитованию для поощрения капиталовложений в основной капитал. Государственный кредит стал играть важную роль в изменении отраслевой структуры производства, в стимулировании экспортных отраслей, поддержании отстающих звеньев экономики, в развитии инфраструктуры, в форсировании технического прогресса.

ИЗ ЖИЗНИ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЁНЫХ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Альфред Маршалл (1842–1924) — основоположник "Кембриджской школы". Родился в Лондоне в клерикальной семье. Учился

[1] Экономико-математическая модель — это система алгебраических уравнений и неравенств, отражающих количественные связи экономических процессов.

в Оксфордском колледже Сент-Джон, затем в Кембриджском колледже. В 1868 г. был назначен преподавателем колледжа в Кембридже, в 1885 г. возглавил кафедру политической экономии в Кембриджском университете. В 1875–1878 гг. читал лекции на тему "Экономические условия в Америке в Кембридже и Бристоле". Первая книга, опубликованная в 1879 г., называлась "Экономика промышленности" и была написана в соавторстве с женой, Мэри Пэйли, правнучкой знаменитого архидиакона.

Экономические теории Маршалла приобрели завершённую форму к 1883 г. В 1890 г. вышла в свет его знаменитая книга "Принципы экономической науки", а его работа "Деньги, кредит и торговля", написанная в 1875 г., была опубликована только в 1923 г. Обобщённая система графического анализа была предана гласности в докладах о "Чистой теории внешней торговли и внутренней стоимости продукции" в 1873 г.

С 1891 по 1894 г. Маршалл состоял членом Королевской комиссии по труду, для которой подготовил "Меморандум о классификации имперских и местных налогов и контингенте налогоплательщиков" к 1899 г., а также меморандум "О фискальной политике в международной торговле" в 1903 г.

В 1885 г. после возвращения Маршалла в Кембридж сочинения по политэкономии были включены в программу экзаменов по гуманитарным наукам и истории. С поста руководителя кафедры политэкономии Маршалл вышел в отставку в 1908 г. в возрасте 66 лет. В 1919 г. на 77-м году жизни была издана книга "Промышленность и торговля".

Антуан Огюстен Курно (1801–1877) — французский ученый, одним из первых сознательно и последовательно применивший математические методы в экономическом исследовании. Произведение Курно, принесшее ему впоследствии славу, вышло в 1838 г. и называлось "Исследование математических принципов теории богатства". Поскольку оно не вызвало при его жизни почти никакого интереса, в литературе по истории экономической мысли сложилось представление, что Курно был талантливым неудачником, "мучеником науки". Это не совсем верно. Курно прожил спокойную и обеспеченную жизнь профессора высшей школы и администратора учебных заведений. Он был автором ряда математических сочинений, имевших в своё время успех. Курно находился в хороших отношениях со всеми режимами, сменявшими друг друга во Франции на протяжении его долгой жизни, и занимал видное место в официальной науке и на государственной службе.

Но вместе с тем верно то, что Курно болезненно ощущал не признание его научных заслуг в гораздо более глубоком смысле. Он

пытался найти с помощью математики и философии какой-то синтез естественных и общественных наук. Его сочинения последних двух десятилетий жизни посвящены в основном философии естествознания. Не применяя формул, Курно попытался также в двух работах 60-х и 70-х годов вернуться к экономической науке, но и они не привлекли внимания публики. Эти работы Курно не имеют оригинальности его первой книги и, в отличие от неё, так навсегда и остались пылиться на библиотечных полках. Они никогда не переиздавались. Биограф Курно пишет: "Имеется явный контраст между его блестящей служебной карьерой и совершенно недостаточным признанием его при жизни как учёного... Печально и гордо говорит он в своих записках, что какой бы малый сбыт ни находили его сочинения, особенно во Франции, они всё же содержали более или менее новые идеи, способные больше, чем ранее, осветить общую систему наук"[1].

Курно родился в маленьком городке Гре (в Восточной Франции) в состоятельной мелкобуржуазной семье, среди членов которой были хорошо образованные люди. Дед его был нотариусом и оказал на воспитание мальчика большое влияние. Курно был необычайно тихим и усидчивым ребёнком, склонным к чтению и размышлению. Возможно, этому способствовала рано развившаяся сильная степень близорукости. До 15 лет он учился в школе, затем около четырех лет жил дома, занимаясь чтением и самообразованием, и некоторое время посещал колледж в Безансоне. В 1821 г. он поступил на естественное отделение Высшей нормальной школы в Париже, где его увлечение математикой проявилось в полной мере. Однако вскоре школа была временно закрыта правительством по причине антироялистских настроений студентов, и Курно, несмотря на свою аполитичность, попал на некоторое время в числе других студентов под надзор полиции.

С 1823 по 1833 г. Курно жил в семье маршала Сен-Сира как воспитатель его сына и секретарь маршала, писавшего мемуары о временах Империи. Все эти годы Курно много занимался науками, посещал лекции в разных учебных заведениях, опубликовал несколько статей. В 1829 г. он получил от Парижского университета докторскую степень за работу по математике. Он сблизился со многими видными учёными, особенно с математиком Пуассоном, который считал Курно одним из своих талантливейших учеников и до конца жизни покровительствовал ему. Благодаря протекции Пуассона Курно получил место профессора в Лионе и начал там преподавать высшую математику. Через год он был переведён ректором

[1] Цит. по: *Reichardt H.* Augustin A Cournot. Sein Betrag zur exacten Wirtschaftswissenschaft. Tübingen, 1954. S. 8.

академии (университета) в Гренобль, где проявил себя деловым администратором. В 1838 г. он получил ещё более высокий пост в системе народного образования, став генеральным инспектором учебных заведений. В начале 40-х годов вышли в свет и главные математические труды Курно.

Для биографов представляет своего рода загадку, каким образом среди этих многообразных трудов и, по внешней видимости, совершенно неожиданно появилось на свет экономическое сочинение Курно. Не обнаружено никаких признаков того, что до этого он проявлял интерес к политической экономии. Надо, однако, иметь в виду, что Курно был человеком энциклопедического ума и широких интересов. Очевидно, в круг его чтения входили весьма популярные в то время труды Сэя. Возможно, через Сэя он познакомился с произведениями Смита и Рикардо. К этому надо прибавить здравый смысл и своего рода экономическую интуицию, которые очень ощущаются в книге Курно.

Успешная карьера Курно продолжалась до 1862 г. В период Второй республики (1848–1851) он был членом комиссии по высшему образованию, при Второй империи — членом имперского совета по народному образованию. Восемь лет он был ректором университета в Дижоне, где заслужил своей принципиальностью и широтой взглядов уважение студентов и профессоров. Из области чистой и прикладной математики его научные интересы в эти годы переместились в основном в сферу философии. Выйдя в отставку, Курно поселился в Париже и до конца своих дней вёл педантично размеренную жизнь: вставал и ложился всегда в одно время и первую половину дня неизменно отдавал работе. На первый взгляд он казался человеком строгим и суровым. Но с друзьями и хорошими знакомыми был общителен и разговорчив, не лишён юмора. Курно умер в Париже в 1877 г.

Очень любопытно, к какому читателю обращался Курно со своей экономико-математической книгой. Он опасался, что она может показаться слишком сложной для обычных читателей и в то же время не привлечёт внимания профессиональных математиков. Курно писал, однако, что "имеется большой класс людей... которые, получив основательную математическую подготовку, занялись затем теми науками, которые особенно интересуют общество. Теории богатства общества должны привлечь их внимание. Но, рассматривая эти теории, они наверняка почувствуют, как почувствовал я, необходимость с помощью известных им символов сделать определённым и точным тот анализ, который является обычно неопределённым и часто тёмным у авторов, считающих достаточным ограничиваться возможностями обычного языка".

Курно был, возможно, первым из характерного для последующей эпохи типа математиков, инженеров, учёных-естественников, которые, увлёкшись своеобразными и острыми проблемами общественных наук, пытаются применить к ним точный язык математики.

Карл Маркс (1818–1883). Сила воздействия его учения велика. Он создал нечто вроде религии, в основе которой лежали простые идеи: социальное равенство, свобода, демократия. Родился в еврейской семье в г. Трире в Германии. Отец, Генрих Маркс, был юристом. Семья имела средний достаток. В годы студенчества Карл, как и молодежь во все времена, вёл бурную студенческую жизнь. Отец упрекал его в расходах не по средствам семьи. В 1841 г. окончил юридический факультет Берлинского университета. С 1842 по 1843 г. он работал в Кёльне редактором "Рейнской газеты". После закрытия газеты в 1843 г. переехал в Париж, где начал работать над проблемами политэкономии совместно с Арнольдом Руге. С 1844 г. — работа во Франции, Бельгии, Англии над новым учением, которое впоследствии мир узнает как марксизм. Был женат на Женни фон Вестфален, принадлежавшей к аристократическому роду. Похоронен на кладбище Хайгет в Лондоне. Совместно с Фридрихом Энгельсом создал теорию марксизма, стройную и логичную систему взглядов на сущность капиталистического общества той эпохи. Они разработали также: философский материализм, распространили на общественную жизнь диалектику, материалистическое понимание истории.

Основные работы Маркса: "Капитал", "Экономическо-философские рукописи 1844 года", "Нищета философии", "Наёмный труд и капитал", "Британское владычество в Индии", "Предисловие. К критике политической экономии", "Манифест Коммунистической партии" и т.д. В СССР было издано наиболее полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, состоящее из 41 тома.

К. Маркс создал новое экономическое учение, открыл экономические законы движения современного ему общества, исследовал производственные отношения этого общества, конкретно-исторического, которого сейчас уже не существует, в его возникновении, развитии и упадке.

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) считается основоположником современной макроэкономики.

В 1935 г. Дж. Бернард Шоу получил письмо от Дж. Мейнарда Кейнса, в котором Кейнс отмечал: "Мне кажется, я пишу книгу по экономической теории, которая совершит революцию в подходах к экономическим проблемам". И действительно, книга Кейнса "Общая теория занятости, процента и денег" (1936) совершила революцию в анализе экономики и сделала Кейнса одним из самых блестящих и

влиятельных экономистов всех времён. Кейнс был сыном известного английского экономиста. Он получил образование в Итоне и Кембридже. Сначала его интересовали математика и теория вероятностей, но в конце концов он переключился на экономику.

Кейнс был не только экономистом. Он был невероятно активным, многосторонним человеком. Он был главным представителем Британского казначейства на Парижской мирной конференции во время первой мировой войны, заместителем канцлера казначейства, членом Совета директоров Английского банка, членом попечительского совета Национальной галереи, председателем Совета по поддержке музыки и искусств, казначеем в Королевском колледже, редактором кембриджского "Экономического журнала", возглавлял журналы "Нейшн" и "Нью стейтсмен", а также Национальное общество по страхованию жизни. Кроме того, он был управляющим инвестиционной компании, организовал балетную группу Камарго (его жена Лидия Лопокова была знаменитой звездой русского императорского балета) и построил художественный театр в Кембридже.

Кейнс нажил личное богатство в 2 млн долл. игрой на фондовой и товарной биржах.

В своих книгах Кейнс рассматривал проблемы теории вероятностей, монетарной экономики, последствия мирного договора, заключённого после первой мировой войны. В его "Общей теории..." убедительно критикуется утверждение экономистов классической школы о том, что экономический спад может самоисцелиться; нет автоматического механизма, способного привести её к полной занятости. Экономика может долго оставаться в состоянии депрессии и бедности. Его основная рекомендация правительству, поразившая всех в то время, состояла в том, что оно должно увеличить расходы, чтобы стимулировать производство и вернуть безработных на рабочие места.

V. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ XX ВЕКА

Настоящий раздел курса "Истории экономических учений" посвящен эволюции современной экономической науки. Данный раздел курса знакомит с современным состоянием экономических учений, продолжающейся дифференциацией направлений, их основными школами, важнейшими проблемами, которые привлекают внимание экономистов.

Следует помнить, что современный мир представляет собой единство противоположностей, именно единство, противоречивую единую целостность. Перед ним стоит множество сложнейших и жизненно важных человеческих проблем. Острейшая из них — проблема выживаемости земной цивилизации, связанная с предотвращением ядерной катастрофы, экологических катаклизмов и т.п. Её решение не под силу отдельным странам, требует общечеловеческих усилий. Надо помнить, что новое мышление нацеливает на творческое осмысливание и обобщение современных процессов в экономике, политике, на преодоление схематизма и догматизма в толковании наиболее сложных общественных явлений нашего времени. Новое мышление неизбежно приводит к пересмотру и переоценке многих устоявшихся положений в подходе к экономической теории, к отказу от привычных стереотипов.

Необходим глубокий объективный анализ современной западной науки, в котором выделялись бы и осмысливались её реальные аспекты. Вместе с тем обоснованно раскрывалась бы несостоятельность того, что противоречит опыту, фактам, реальным процессам. Нельзя скатываться к экзальтированной конфронтации, к гиперболизации искусственной идеологической чистоты и даже "стерильности". Всё это мешает научному анализу, ограничивает изучение вопросов по существу. Мы многое потеряли в результате неконструктивной позиции по отношению к современной западной экономической мысли в результате полного отрицания накопленных ею знаний, обобщений и рекомендаций хозяйственной практике. Тем более, что западная экономическая наука добилась заметных успехов в изучении функциональных взаимосвязей общественного производства, их количественном анализе. Эти работы имеют практическое значение и дают большой эффект в решении задач макро-

экономического характера (государственное регулирование экономики, антициклические, антиинфляционные мероприятия, экологические программы и т.п.).

Западная экономическая наука в современных условиях традиционно занимает большое место в арсенале средств, используемых для поддержания экономической стабильности, функционирования государственно-монополистических образований, совершенствования хозяйственного механизма и повышения его эффективности. Её эволюция представляет собой сложный, многосторонний процесс, развивающийся в различных формах, испытывающий воздействие многих факторов и отражающий многообразие социально-экономических и политических условий современного чрезвычайно сложного мира.

Западная наука занимается разработкой рекомендаций стратегического характера, обосновывает экономические теории и программы, мероприятия экономической политики, в реализации которых принимают участие экономисты. Всё это невозможно без систематического изучения экономических процессов, разработки соответствующих методик, широкого использования и постоянного совершенствования экономического анализа, без профессиональной познавательной деятельности.

Исследование наиболее распространённых хозяйственных форм хозяйственного механизма, обеспечивающих функционирование капиталистической системы, — не только один из важных самостоятельных объектов экономики. Это к тому же условие познания сущностных процессов и их закономерностей, поскольку производственные отношения не существуют в отрыве от хозяйственных структур, хозяйственного механизма, где они непосредственно проявляются. В них реализуются отношения собственности и присвоения, особенности развития производительных сил. Без изучения хозяйственного механизма нельзя проникнуть в сущностные категории и представляемые ими производственные отношения.

Западная экономическая наука преимущественно изучает проблемы хозяйственного механизма и имеет дело с реальной капиталистической экономикой. Она, по меткому выражению И.М. Осадчей, представляет собой "многослойный пирог", включающий громадную сферу социально-институциональных исследований, охватывающих своим анализом "важнейшие институты и социально-экономические механизмы капитализма — монополии, олигополии, конкуренции, государства, особенности трансформации капиталистического общества под воздействием поистине революционных изменений в развитии производительных сил"[1].

В этом анализе проявляются возможности и эффективность выполняемой западной наукой практической функции. Её развитие

[1] Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 10. С.16.

сопровождается, с одной стороны, широким вовлечением экономистов в хозяйственную практическую деятельность, использованием их в решении практических задач различного уровня от фирмы до национальной экономики и мирохозяйственных проблем. Наряду с расширением сферы деятельности совершенствуется и экономический анализ, его методы. Экономика утилизирует возможности НТР, широко применяет достижения естественных, технических наук, в особенности математики, электроники и т.п.

Отказываясь от догматизма и устоявшихся стереотипов, мы неизбежно приходим к признанию того, что западная экономика в состоянии решать и решает в той или иной мере познавательные и практические задачи, что является результатом присущих ей познавательной и практической функций. Последние охватывают не только проблемы фирмы, микроэкономики, но и макроэкономики, мирохозяйственные проблемы, вопросы экономического равновесия, экономической динамики и др. Круг решаемых ею проблем весьма обширен; все они, как правило, связаны с исследованием хозяйственных форм, механизма функционирования экономики. Познавательный процесс идёт, и весьма успешно, обеспечивая разработку практических рекомендаций, экономических доктрин, мероприятий экономической политики, давая необходимый материал для принятия экономических решений. Её основная часть известна под названием "экономикс". Наряду с экономикс существуют и функционируют вполне конкретные экономические дисциплины, связанные с определённой областью экономики (финансы, банковское дело, учёт, статистика и др.) или с отраслью производства, экономической деятельностью. Сама экономикс, кроме основной политико-экономической части, включает большой аналитический, экономико-математический аппарат, нацеленный на решение конкретных экономических проблем функционального характера. Экономикс составляет основу учебных курсов, изучаемых в университетах и колледжах капиталистических стран.

Экономикс по своему содержанию неоднородна, поскольку на неё оказывают влияние различные направления и школы политэкономии, отражающие продолжающуюся дифференциацию западной экономической науки. В их числе экономические концепции неолибералов, посткейнсианцев, институционалистов, леворадикалов и др. Вместе с тем в учебных курсах экономикс проявляется стремление к синтезу различных школ. Как учебная дисциплина экономикс представляет собой систематизированное изложение экономической теории, концентрирующее внимание на проблемах рынка, воздействии государства на экономику, хозяйственного механизма, обеспечения интересов крупного бизнеса при минимуме затрат и максимизации

прибыли. Наибольшее распространение в капиталистических странах получил учебник "Экономикс" известного американского экономиста П. Самуэльсона, выдержавший уже 12 изданий[1]. Готовится к выпуску очередное издание. Весьма популярен выдержавший 11 изданий учебный курс "Экономикс" американских профессоров К. Макконнелла и С. Брю, "Экономикс" В. Баумола и А. Блиндера и др.

В учебниках экономикс обобщаются знания, полученные за все периоды развития западной экономической теории. В них наглядно проявляются познавательная и практическая функции экономической науки. Все основные проблемы трактуются на микро- и макроэкономическом уровнях. Западные экономисты достигли определенных успехов в изучении проблем спроса и предложения, конкуренции и её форм, в разработке методов внутрифирменного хозяйствования, монополии, олигополии, экономического анализа, в том числе с применением экономико-математических и статистических методов, а также в использовании кредита, финансово-бюджетных методов регулирования и др. Экономикс, как правило, ориентируется не на человека вообще, а на конкретных субъектов экономических отношений, уделяет большое внимание разработке показателей качественного уровня хозяйства. Всё это требует вдумчивого критического анализа эволюции в экономикс, извлечения всего, что полезно и может быть использовано в российской экономике.

Структура западной экономической науки не остаётся неизменной. Продолжается дифференциация внутри направлений, формирование новых школ. В современной экономической мысли Запада выделяются три основных направления: неоклассицизм (неолиберализм), кейнсианство и социально-институциональное направление. Хотя такое деление не исчерпывает всей современной структуры, оно даёт о ней общее представление.

В конце 70-х — начале 80-х годов произошло очередное возрождение традиционного направления западной экономической науки — неоклассического. Его идейными предшественниками в первой половине XX столетия являлись лондонская школа в Англии, школа свободного предпринимательства в США, экономический либерализм во Франции, неолиберализм в Германии и др. Сторонники неоклассицизма по-прежнему выступают за невмешательство государства в экономику, хотя это весьма относительно с точки зрения современных условий капиталистического хозяйствования. Тем не менее они исходят из того, что капитализм с помощью рыночного механизма способен сам, без вмешательства извне регулировать экономический процесс, обеспечивая необходимое динамическое равно-

[1] 12-е издание было подготовлено П. Самуэльсоном совместно с профессором Йельского университета У. Нордхаузом: *Samuelson P., Nordhaus W.* Economics. N.Y., 1985.

между производством и потреблением, спросом и предложением. Неоклассики — сторонники свободного предпринимательства, равных возможностей, свободы рыночных сил, саморегулирования экономики.

Вместо обеспечения кейнсианской полной занятости на первый план выдвигаются вопросы борьбы с инфляцией, повышением эффективности производства, конкурентоспособности, забота о максимизации вложений капитала. Теоретики неоклассицизма учитывают, что важнейшим условием осуществления новых задач является всемерное поощрение НТП, эффективная утилизация его результатов, получение максимальных выгод от структурной перестройки производства. Рынок и конкуренция приобрели в этих условиях особый приоритет. Вместе с тем отодвигаются на задний план либерально-реформистские заботы о реализации социальных программ. Вместо кейнсианского обеспечения эффективного спроса важнейшей заботой в условиях интенсификации хозяйственной деятельности становится забота о повышении нормы накопления.

Современное неоклассическое направление, как и в предшествующие периоды своей эволюции, не является однородным. В нём различают несколько школ, в числе которых монетаристы, сторонники экономики предложения, "новой классической макроэкономики" и др.

Лекция 16. *Современный монетаризм*

Монетаризм представляет собой одно из наиболее влиятельных течений в современной экономической науке, относящееся к неоклассическому направлению. Он рассматривает явления хозяйственной жизни преимущественно под углом зрения процессов, протекающих в сфере денежного обращения. Термин "монетаризм" был введён в современную литературу Карлом Бруннером в 1968 г. Обычно он применяется для характеристики экономической школы (преимущественно Чикагской — *Н.Т.*), утверждающей, что совокупный денежный доход оказывает первоочередное влияние на изменение денежной массы.

Первоначально монетаризм отождествлялся с антикейнсианством, что подтверждается названиями некоторых работ видных представителей монетаристской теории (книга Г. Джонсона "Кейнсианская революция и монетаристская контрреволюция"). Одновременно с критикой кейнсианской макроэкономической теории и экономической политики лидер монетаристов **Милтон Фридмен** (род. 1912) и его сторонники разработали монетарную теорию определения уровня национального дохода и теорию цикла. Последовавший за этим

рост влияния и популярности монетаризма, особенно в США и Великобритании, где он был принят в качестве основной теории при разработке экономической политики, связан с обострением инфляционных процессов и их воздействием на состояние экономики.

За более чем три десятилетия существования монетаризм расширил своё влияние, претерпел определённые изменения. Он стал претендовать на роль универсальной общеэкономической доктрины, способной решить такие экономические проблемы, как эффективность экономического регулирования, роль государства в хозяйственной жизни и т.п. Монетаризм широко пропагандируется его представителями как кредитно-денежная политика, специально направленная на контроль роста денежной массы.

Значительное влияние на формирование монетаристской теории оказали американские экономисты 20–40-х годов **Г. Саймонс, И. Фишер, Ф. Найт** и др. Они придавали большое значение сфере денежного обращения, которую впоследствии недооценивали кейнсианцы. Именно поэтому одной из заслуг монетаристов ряд зарубежных исследователей считает "реабилитацию" денег в системе экономических категорий. Определённую респектабельность монетаризму придают ссылки на А. Смита и основоположников количественной теории денег Д. Рикардо, Д. Юма, Р. Кантилона, Г. Тортона.

В основе монетаризма лежит ряд теоретических и методологических предпосылок: количественная теория денег, теория относительной цены А. Маршалла, теория рыночного равновесия Л. Вальраса, краткосрочный вариант концепции кривых Филлипса, кейнсианские модели ИСТД (инвестиции — сбережения — труд — деньги), неопозитивизм как основа методологии исследования экономических процессов.

В конце 60-х годов М. Фридмен реформировал количественную теорию денег, основываясь на существующих разработках (трансакционном варианте И. Фишера, кембриджской версии наличных остатков, доходном варианте И. Фишера и К. Снайдера). Её основная идея состоит в признании непосредственного влияния изменений денежной массы на уровень цен. По мнению Фридмена, "деньги имеют значение для динамики цен", и, что важно, "именно количество денег, а не процентные ставки, влияют на состояние денежного рынка или условия выдачи кредитов"[1].

Монетаристский вариант количественной теории можно свести к следующим положениям: 1) количественная теория есть прежде всего теория спроса на деньги, она не является теорией производства, денежного дохода или уровня цен; 2) для экономических агентов

[1] *Friedmen M.* Money and Economic Development. N.Y., 1973. P. 3–4.

владельцев собственности деньги являются одним из видов активов, формой владения богатством; 3) анализ спроса на деньги со стороны экономических агентов формально идентичен анализу спроса на потребительские услуги[1]. Такая трактовка свидетельствует о том, что монетаристы не проводят различий между деньгами как капиталом и деньгами как таковыми. Капитал рассматривается как совокупность денежных активов.

В монетаристском варианте количественной теории денег важное место отводится ожидаемым изменениям уровня цен как фактора, действующего на размеры кассовых денежных резервов и других финансовых активов, находящихся в распоряжении экономических агентов.

Основываясь на собственном варианте количественной теории, монетаристы связывают её с производством. Поскольку динамика денежной массы имеет у них первостепенное значение для объяснения колебаний процесса производства, то делается вывод о том, что кредитно-денежная политика — это наиболее эффективный инструмент регулирования экономики.

Одно из ключевых положений монетаризма, на основе которого его представители строят свой вариант объяснения экономического цикла, состоит в том, что деньги играют исключительно важную роль в изменении реального дохода, занятости и общего уровня цен. Они утверждают, что существует взаимосвязь между темпом роста количества денег, темпом роста номинального дохода, а при быстром росте денежной массы также быстро растёт номинальный доход, и наоборот. Изменение денежной массы оказывает влияние как на уровень цен, так и на объём производства (в рамках ограниченного периода). Отсюда следует, что монетаристский вариант количественной теории денег выполняет функцию управления денежным спросом, а через него — и хозяйственными процессами. Основываясь на положении об экстраординарной роли денег и утверждая, что капиталистическое хозяйство представляет собой стабильную систему, способную за счёт саморегулирования достигать состояния равновесия, монетаристы выстраивают свою модель экономического цикла, в которой определяющую роль играют изменения денежной массы.

Основными элементами монетаристской теории экономического цикла являются следующие: модернизированный вариант количественной теории денег, концепция номинального дохода, передаточ-

[1] Studies in the Quantity Theory of Money / Ed. by M. Friedmen. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1956. P.4.

ный механизм, разработанный с целью иллюстрации воздействия денег на хозяйственные процессы.

Как отмечают Т. Майер и К. Брунер, в модели передаточного механизма превалирующую роль играют "монетарные силы" среди всех "импульсов, воздействующих на экономический процесс". Такими "монетарными силами" они считают деньги и цены. Монетаристская схема функционирует следующим образом. Величина спроса на деньги является результатом оптимизации различных альтернативных вложений в капитал и зависит от существующих или ожидаемых относительных цен различных активов. Когда величины предельных доходов на все из возможных объектов вложения капитала становятся равными, тогда достигается оптимум. В том случае, когда величины предельных доходов не равны, экономические агенты меняют структуру своих активов путём увеличения доли активов, способных принести большой доход, либо за счёт сокращения менее доходных объектов вложения. Следовательно, колебания экономической конъюнктуры приводят к изменению относительных цен, т.е. цен на товары, рассматриваемые по отношению к ценам на другие товары, и выгодности вложений капитала в различные активы.

Важнейшей детерминантой спроса на деньги в этой схеме считается величина номинального дохода, зависящая в свою очередь от спроса и предложения денег. Для того чтобы схема на этом не замкнулась, предполагается, что величина предложения денег определяется за рамками модели (экзогенно). Основываясь на одном из важнейших положений монетарной теории номинального дохода о "полном и мгновенном приспособлении предлагаемого количества денег к требуемому", а также используя неоклассическую модель равновесия Л. Вальраса, монетаристы делают вывод о том, что величина номинальных доходов зависит от скорости обращения денег, обусловленной изменениями спроса на деньги и от определяемого экзогенно предложения денег[2]. На основании этого делается один вывод о том, что посредством изменения денежной массы можно добиться желаемого изменения номинального дохода.

Изменение номинального количества денег, устанавливаемого Федеральной резервной системой, считает М. Фридмен, оказывает значительный эффект на объём производства и занятость в краткосрочном периоде, а на цены — в долгосрочном. В книге "Монетарная история Соединённых Штатов. 1867–1960" М. Фридмен и

[1] *Mayer T.* The Structure of Monetarism (1) // Kredit und Kapital (Berlin), 1978. B. 8. H. 2. S. 192–196; *Brunner K.* The "Monetarist Revolution" in Monetary Theory // Weltwirschaftliches Archiv (Tübingen), 1970. B. 105. H. 1. S. 7.

[2] Milton Friedman's Monetary Framework. A Debate with his Critics / By M. Friedman, K. Brunner a. A. Meltzer. e.a.; Ed. by R.J. Gordom. Chicago, 1974. P. 42–43.

А. Шварц отмечают высокую стабильность отношения между изменениями денежной массы и циклическими колебаниями экономической активности[1].

Монетаристскую схему действия "передаточного механизма", элементами которой являются деньги и цены, достаточно точно описал английский экономист П. Браунин. Исходя из предположения, что заработная плата определяется соотношением спроса и предложения на рабочую силу на рынке, экономические агенты с целью повлиять на объём производства приспосабливают свой спрос на деньги к их предложению. Величина дохода также ставится в зависимость от спроса и предложения денег. Занятость определяется уровнем реальной заработной платы, а абсолютный уровень цен не зависит от денежной массы. Полная занятость в этой схеме, отмечает П. Браунин, может быть достигнута только за счёт снижения заработной платы[2]. Следовательно, все экономические процессы у монетаристов связаны с колебаниями денежной массы. Любое отклонение объёма производства от равновесия в данной схеме устраняется корректировкой спроса на деньги и их предложения, поэтому очевидной является приверженность монетаристов к денежному регулированию.

Исследователи монетаристской теории выделяют в ней четыре основные группировки: ортодоксальную, сторонников концепции рациональных ожиданий, градулистов и прагматистов. Основное, что позволяет производить различия между ними, состоит из трёх пунктов: степень эластичности цен; сущность функционирования передаточного механизма; природа рациональных ожиданий.

К ортодоксальным монетаристам следует отнести **М. Фридмена** и **Р. Селдена**, к сторонникам рациональных отношений (правым монетаристам), являющимся противниками макроэкономического регулирования, сваливающим на ошибки в экономической политике все проблемы функционирования капиталистической экономики, — **Т. Саржента, Р. Бэкона, У. Элтиса** и др.

Прагматисты, или левые монетаристы, во главе с **Д. Лсйдером**, занимают промежуточное положение между ортодоксальными экономистами монетаристского течения и кейнсианцами. Исходя из требований "денежной конституции", они допускают использование государственных займов для дефицитного финансирования бюджета. Монетаристский свод правил государственного регулирования по-

---

[1] Monetarism and the FRS's conduct of monetary policy: Compendium views prepared for use of the Subcomm. on monetary a. fiscal policy of the Joint Econ. Congr. of the U.S. Wash., 1982. P. 224.

[2] Browning P. Economic images: Current economic controversies. London, 1989. P. 201–203.

хож на систему законодательных актов, разрешающих или запрещающих те или иные формы экономической политики; отсюда и его название — "денежная конституция".

В соответствии с монетаристской денежной конституцией сумма ежемесячных изменений денежной массы должна быть равна заранее определённому годовому темпу роста предложения денег около 5% ежегодно. По мнению монетаристов, изменения, обусловленные другими целями государства или выходящие за условленные границы, совершенно недопустимы, поскольку неизбежно ведут к росту инфляции и безработицы.

Для обоснования своих выводов монетаристы широко применяют экономико-математические модели, которые существенно не отличаются от кейнсианских.

В основу монетаристских принципов регулирования экономики наряду с концепцией экономического цикла положены разработанные ими теории инфляции и безработицы.

Трактуя инфляцию как исключительно денежное явление, монетаристы считают, что в основе её развития лежат изменения в соотношении между находящейся в обращении денежной массой и реальной потребностью населения в денежных средствах, т.е. соотношение между предложением денег и спросом на них.

Монетаристская теория инфляции и безработицы и связанные с ними рекомендации по регулированию экономики формировались как ответная реакция на кейнсианские аналоги. Монетаристы подвергли критическому анализу концепцию кривых Филлипса, в которой обосновывается взаимосвязь краткосрочных и долгосрочных изменений уровня безработицы и темпа инфляции, необходимость краткосрочного регулирования. Они выступают против этой концепции, признавая только краткосрочную связь уровня безработицы и темпа "непредвиденной" инфляции, являющейся результатом ошибочной экономической политики. Необходимость краткосрочного регулирования категорически отрицается. Кривые Филлипса, считают монетаристы, не отражают стабильное соотношение и количественную зависимость между изменением безработицы и цен в длительном периоде или в условиях высокого уровня инфляции. Следовательно, данная концепция не может быть использована государством в качестве эффективного инструмента прогнозирования и регулирования темпов инфляционного роста цен.

Монетаристы в своей концепции инфляции проводят различие между ожидаемой и непредвиденной инфляцией. Первая предполагает долгосрочный темп роста цен, соответствующий рациональным ожиданиям агентов хозяйственной системы применительно к изменению цен. Под рациональными ожиданиями понимаются индиви-

дуальные долгосрочные прогнозы динамики цен, которые используются для принятия рыночных решений о величине факторов производства. В данном случае рационализм инфляционных ожиданий состоит в их адекватности установкам рационального поведения хозяйствующего индивида на рынке.

В результате действия фактора ожидаемой инфляции, по мнению монетаристов, инфляционный процесс всегда будет значительно превышать темпы, которые должны были бы следовать из концепции Филлипса. Таким образом, всякий раз, как только правительство попытается повысить уровень занятости и уровень безработицы окажется ниже "естественной" нормы, произойдёт наложение ожидаемой инфляции на реальные темпы роста цен, в результате чего инфляция резко усилится.

Монетаристы исходят из того, что занятость связана лишь с краткосрочной непредвиденной инфляцией, поскольку она отклоняет уровень безработицы от естественного. Непредвиденную инфляцию они считают следствием ошибочной деятельности правительственных органов. Содержание монетаристской концепции естественного уровня безработицы заключается в том, что в условиях равновесия сохраняется стабильный и оптимальный для экономики естественный уровень безработицы. По мнению широко известных монетаристов М. Фридмена, Т. Саржента и Р. Люкаса-младшего, естественная безработица не зависит от макроэкономических факторов и определяется только микроэкономическими. Они считают, что снизить естественный уровень безработицы с помощью государственного регулирования можно только сокращением расходов на социальные программы и жёсткой финансово-бюджетной политикой. Другие государственные меры по регулированию занятости — установление минимальных ставок заработной платы — неизбежно содействуют росту инфляции.

Монетаристская теория безработицы, отрицающая регулирующее воздействие на занятость макроэкономических факторов, ими же и опровергается. Являясь продуктом капиталистического накопления, безработица становится рычагом этого накопления, условием развития рыночной экономики.

Монетаристское объяснение причин инфляции исключительно денежными факторами и государственным регулированием занятости слабо согласуется с действительностью. Инфляция порождается государственно-монополистической структурой, элементами механизма которой являются скрытая форма перелива капитала, рост правительственных расходов и образование в связи с этим хронических дефицитов государственных бюджетов, рост государственного долга и инфляционные по сути методы его покрытия, чрезмерная кредитная экспансия коммерческих банков, внешнеэконо-

мическая политика. Весь этот достаточно сложный механизм современногокапитализма своим функционированием порождает и углубляет инфляцию.

На основе теории инфляции и безработицы монетаристы рекомендуют государству целый комплекс регулятивных мероприятий: снижение государственных расходов за счёт сокращения социальных программ, расходов на выплаты различного рода пособий; поддержание минимальных ставок заработной платы; ослабление влияния профсоюзов; проведение кредитно-денежной политики на основе денежной конституции; приспособление налоговой системы к антиинфляционной политике (снижение налогов); обеспечение Федеральной резервной системой стабильного роста денежной массы; сокращение роста дефицита федерального бюджета, в том числе и за счёт снижения расходов на оборону.

Монетаристская программа государственного регулирования нашла широкий отклик среди правительств капиталистических стран, в частности в США, Великобритании, а в последнее время — в ФРГ.

Применение на практике рекомендаций монетаристов не дало ощутимых результатов и вызвало серьёзную критику со стороны экономистов. Так Дж.К. Гэлбрейт в результате анализа экономической политики администрации США высказал серьёзные сомнения по поводу её конечного эффекта, поскольку, как он выразился, "и монетаристы, и теоретики концепции "предложения" предполагают классический рынок, которого сейчас не существует"[1].

Монетаристы сделали определённый шаг в исследовании хозяйственного механизма современного капитализма, в изучении функциональных связей капиталистической экономики, факторов, влияющих на динамику инфляции и безработицы. В известной мере их концепция оказала положительное воздействие на разработку антиинфляционных мероприятий в США и Англии в 80-е годы. Заслуживает внимания монетаристская оценка негативных проявлений кейнсианской теории государственного регулирования в части дефицитного финансирования, чрезмерного выпуска денег в обращение.

Вместе с тем монетаристы — типичные представители меновой концепции. Первопричину экономических процессов они видят не в производстве, а в обращении. Монетаристы не в состоянии объяснить внутреннее содержание, истоки рассматриваемых тенденций капиталистической экономики. Полагаясь на эмпиризм, они рекомендуют определять размеры денежной массы приближенно к темпам роста выпуска продукции. Вопрос о том, каким образом денежные

[1] *Galbrait J.K.* The Market and Mr. Reagan // The New Republic. (Wash.). 1991. Sept. 23. No 12. P. 16

фактор воздействует на динамику и результаты производства, по существу, обходится молчанием, поскольку авторы концепции не могут на него ответить. Ссылки на многолетний опыт, статистические данные из истории денежного обращения многими воспринимаются скептически.

Лекция 17. *Теория предложения*

В конце 70-х — начале 80-х годов в западной экономической науке стала разрабатываться концепция "экономики предложения". Это течение представляет собой разновидность неоклассицизма, и оно оказало заметное влияние на формирование экономической политики администрации США в годы президента Р. Рейгана, а также правительств М. Тетчер в Англии, христианских демократов в ФРГ. Рекомендации теоретиков экономики предложения явились одним из источников "рейганомики" и "тетчеризма".

В разработке и распространении теории большая роль принадлежит Американскому институту предпринимательства, являющемуся, по словам И. Стоуна, "вашингтонской фабрикой мысли, которую, пожалуй, можно считать ведущим источником консервативных идей"[1].

Авторы теории предложения используют концепции различных школ, включая английскую, американскую, западногерманскую. Их теоретические источники восходят к работам Ф. Найта, Г. Саймонса, Л. Мизеса, В. Ойкена. Ведущими авторитетами для них являются Ф. Хайек, М. Фридмен, У. Бернс, М. Уэйденбаум, Г. Стайн. Большое влияние на формирование экономической концепции предложения оказала работа Ф. Хайека "Новые исследования в области философии, политики и истории идей" (1978), а также монетарная теория М. Фридмена. Отсюда прежде всего были восприняты основные оценки современного состояния капиталистической экономики, толкования причин её неустойчивости, негативное отношение к сложившейся на основе кейнсианства практике государственного регулирования. Основателями теории экономики предложения явились американские экономисты А. Лаффер, Р. Мандель, М. Фелдстайн, Дж. Гилдер, М. Эванс и другие. Приверженцами этой концепции и ее внедрения в экономическую практику выступили экономисты-практики, тесно связанные с администрацией США.

Колебания темпов экономического роста, структурные и циклические кризисы, хроническая безработица и инфляция, по мнению сторонников теории предложения, были спровоцированы прежде

[1] New York Times Magazine. 1991. May.

всего ростом государственных расходов. В них они видят причину бюджетного дефицита, высоких налогов на корпорации, расстройства кредитно-денежной системы. Не только М. Фридмен, но и теоретики экономики предложения считают, что систематическое вмешательство государства в хозяйственную жизнь, его политика доходов, занятости, социального обеспечения оказывают разрушающее воздействие на экономику. Такое вмешательство отвергается, а роль государства ограничивается осуществлением политики, способствующей свободной хозяйственной деятельности, а также поддержке необходимого уровня денежной массы, проведению кредитных мероприятий, ограничению социальных расходов.

Отвергая кейнсианскую систему антициклического регулирования экономики с её заботой об обеспечении эффективного спроса, полной занятости и противопоставляя ей экономику предложения, неоклассики переносят акцент с формирования спроса на проблемы предложения ресурсов и их эффективного использования. Ориентируя не на формирование спроса, а на предложение факторов производства, сторонники рассматриваемой концепции предлагают одновременно активизировать побудительные мотивы и стимулы предпринимательской деятельности экономических агентов. Соответственно меняется характер и содержание рекомендаций в области экономической политики, методов её реализации. Основную задачу своей концепции неоклассики видят в повышении долговременного темпа роста экономики при сохранении её динамического равновесия и недопущении инфляции.

Как отмечает американский экономист Л. Туроу, сторонники концепции экономики предложения руководствуются прописной истиной: "если экономика плохо функционирует, значит что-то мешает хорошо смазанному механизму рыночного хозяйства"[1]. Они видят основу всех неурядиц экономической системы капитализма в том, что вмешательство государства в хозяйственный процесс нарушает её стабильность, базирующуюся на свободном рынке, расстраивая его нормальный механизм. В результате ослабляется главный стимул хозяйственной деятельности — частная инициатива, без которой невозможны хозяйственные успехи. Отсюда низкий уровень использования ресурсов, их предложения. Рассматривая проблемы экономики сквозь призму предложения, неоклассики исходят из того, что они могут быть решены с помощью рынка. Только рынок обеспечивает экономическим агентам свободный выбор оптимальных хозяйственных решений, видов деятельности, выбор между потре-

[1] *Thurow L.C.* Dangerous currents: The State of Economics. Oxford: Oxford Univ Press, 1993. P. 125.

лением в настоящем и будущем и т.д. Только таким путём, считают они, экономика способна набрать максимальный темп роста и дать наибольшую отдачу.

Вместе с тем следует отметить, что неоклассики всё же полностью не отвергают вмешательства государства в экономику, давая свое толкование этой проблеме. Они допускают использование государства, обусловливая ограничение его регулирующей деятельности пределами, устраивающими монополии. Рамки такого вмешательства резко сужены. Оно допускается на основе всемерного оживления рыночного механизма, устранения всех ограничений, мешающих деятельности крупного бизнеса. Как утверждает А. Лаффер, "теория предложения — это по сути дела та отрасль экономической теории, которая концентрирует внимание на самых личностных и самых частных стимулах и мотивах"[1]. Неограниченная частная инициатива в условиях максимальной свободы действия рыночного механизма — вот тот исходный принцип, который взят за основу экономики предложения. Обосновывая необходимость трансформации экономики США в направлении "дальнейшей передачи власти" от государству частному сектору, М. Уэйденбаум выступает за возрождение всех принципов свободного предпринимательства: чтобы противопоставлять инфляционным тенденциям более высокий уровень производства, доходов, занятости.

Большое место в работах авторов экономики предложения занимает проблема инфляции. Они во многом воспринимают монетаристское толкование этого явления. Преувеличивая роль денег в функционировании хозяйства, монетаристы исходят из денежной природы инфляции, оказывающей большое влияние на состояние экономики. По словам К. Бруннера, денежные импульсы оказывают определяющее воздействие на колебания производства, занятости, цен. Основным виновником роста цен монетаристы считают кейнсианцев, а также профсоюзы с их программой повышения заработной платы и уровня занятости в обществе. Они считают, что инфляция растет благодаря высоким налоговым ставкам на предпринимателей, государственным расходам на социальные программы, административным мерам, ограничивающим и ущемляющим свободное предпринимательство, а также в связи с громадным ростом бюджетного дефицита. В соответствии с этим теория предложения предусматривает меры антиинфляционного характера, в том числе снижение налогов, сокращение расходов государства на социальные нужды, ликвидацию бюджетного дефицита, отмену административных ограничений, мешающих свободной предпринимательской деятельности.

---

[1] The New Economics: A Debate // Economic Impact. 1991. March. P. 23.

Теория предложения не исключает использования бюджетных и кредитно-денежных методов воздействия на экономический процесс. Однако в отличие от сторонников регулируемой экономики, предлагаемый характер такого воздействия и его масштабы иные. Сторонники экономики предложения категорически отвергают наращивание бюджетных расходов для стабилизации или формирования спроса, квалифицируя их как фактор дестабилизации экономики и подталкивания инфляции. Отвергая политику бюджетной экспансии, они выступают за сбалансированный бюджет, оздоровление финансов. По мнению М. Уэйденбаума, основанное на кейнсианских методах государственное регулирование способствовало лишь возникновению трудностей и хаоса в экономике Соединённых Штатов Америки, включая галопирующую инфляцию, стагфляцию, снижение производительности труда, замедление темпов научно-технического прогресса и др. М. Уэйденбаум считает, что федеральному правительству следует в своей деятельности ограничиваться формированием политики общего надзора, для чего необходимо сократить тот обширный спектр правительственных законов, правил, которые стимулируют инфляционные процессы в экономике и часто сокращают возможности занятости. Что касается обеспечения экономических и социальных программ, то, по мнению американского экономиста, они должны составлять прерогативу частного бизнеса и местных органов власти.

Сторонники теории предложения ориентируются на внутренние, свойственные индивидууму субъективные мотивы поведения и стимулы. Считается, что таким путём наилучшим образом импульсируется экономическая активность как отдельных лиц, так и фирм. Основным препятствием называют систему налогообложения, высокие налоговые ставки. По словам Л. Лаффера, люди работают не для того, чтобы платить налоги. В отличие от кейнсианцев, сторонники экономики предложения по-иному относятся к сбережениям. Они исходят из того, что рост сбережений оказывает не отрицательное, а положительное влияние на экономический процесс, являясь источником наращивания инвестиций и повышения темпа динамического равновесия. как пишет Л. Лаффер, люди "сберегают для того, чтобы получить доходы на сбережения ... И это не тот "прекрасный" подход со стороны совокупного спроса, который так ужасно подвёл нас в 70-е годы"[1].

Так же как и монетаристы, авторы теории предложения отвергают использование налогов как средства антициклического воздействия на экономику. Прогрессивно возрастающий налог на доходы отдельных лиц и корпораций рассматривается как препятствие для

[1] The New Economics: A Debate // Economic Impact. 1989. March. P 23

роста сбережений, а следовательно, и новых вложений капитала, нарациванию деловой активности, устойчивого экономического роста. Заботясь о тех, кто получает монопольные прибыли, о получателях высоких доходов, сторонники экономики предложения включили в свою теорию в качестве важнейших требований снижение налогов и сокращение степени прогрессивности налогового обложения доходов. Такие меры рассматриваются как эффективное средство стимулирования частной инициативы, создания благоприятных условий для поддержания деловой активности на основе неограниченного рыночного саморегулирования, расширения инвестиций и оптимального долговременного темпа экономического роста. Естественно, что всё это представляется как забота об общем благе, поскольку, по словам Дж. Ванниски, каждый "работает по единственной причине — максимизировать своё благосостояние"[1].

Обосновывая курс на снижение налогов, теория предложения опирается на "эффект Лаффера", базирующийся на математической модели, проектирующей соотношение и взаимосвязь государственных доходов и налогов. Согласно построению А. Лаффера, рост государственных доходов происходит лишь до определённого уровня налоговых ставок. Затем он замедляется, а при достижении критической отметки начинает снижаться. Если налоги поглощают всю предпринимательскую прибыль, что можно представить в основном как абстракцию, то произойдёт снижение темпов роста производства или даже его прекращение. Это повлечёт за собой резкое сокращение поступлений налогов в казну. Иллюстрируя действие механизма "эффекта Лаффера", сторонники экономической теории предложения настоятельно рекомендовали администрации США произвести налоговую реформу, что и имело место в начале 80-х годов.

Таким образом, экономическая теория предложения ориентирует на стимулирование широкой частной инициативы, частного предпринимательства. Её сторонники видят в этом ключ к решению наиболее острых экономических проблем. Важнейшим рычагом стимулирования частной инициативы считается снижение налоговых ставок и обеспечение привилегий корпорациям. Только через стихийный рыночный механизм и всемерное повышение предложения — утверждают они — возможно обеспечить эффективное использование ресурсов и стимулировать спрос на продукцию. Любое увеличение бюджетных расходов на эти цели отвергается, как и повышение расходов на социальные нужды. Бюджетный дефицит, как один из отрицательных показателей состояния экономики, предлагается устранить. Как отмечает Дж. Тобин, представляющие "фискальную

[1] *Wannicki J.* The way the world works. N.Y., 1989. P. 71.

ортодоксию" сторонники экономической теории предложения выступают за экономию на государственных расходах и сбалансированный бюджет.

Экономическая теория предложения вызвала резкую критику со стороны известных западных авторов. По словам Дж. Гэлбрейта, экономическая теория предложения носит более чем преходящий характер, являясь "временным отклонением в государственной политике". Он убеждён, что эта теория вместе с монетаризмом будет "отвергнута и даже сейчас отвергается опытом и здравым смыслом"[1]. Низкую практическую эффективность экономики предложения отмечает американский экономист Б. Босворт. Хотя, по его мнению, проблема предложения ресурсов заслуживает большего внимания, авторы не сумели разработать обоснованных рекомендаций по её реализации. Исключение составляет лишь рост инвестиций в результате налоговой реформы 1981 г. В целом же экономическая политика администрации США в 80-е годы имела серьёзные просчёты. Так, например, несмотря на принятые меры по стимулированию сбережений, их доля в ВНП фактически не изменилась. Босворт считает, что эти просчёты рейганомики связаны главным образом с гиперболизацией налоговых льгот корпорациям в ущерб другим методам государственного регулирования экономики[2]. Авторы популярного в США и других странах учебника "Экономикс" П. Самуэльсон и У. Нордхауз убеждены в том, что оздоровление американской экономики связано не с предложением, как утверждают неоклассики, а со спросом[3].

По рекомендациям монетаристов и сторонников экономики предложения американская администрация с начала 80-х годов рассчитывала достаточно быстро стабилизировать экономику и обеспечить равновесие федерального бюджета. Сокращение государственных расходов на социальные нужды и ограничение деятельности профсоюзов должно было привести если не к ликвидации, то, во всяком случае, к существенному сокращению крупномасштабного бюджетного дефицита. Одновременно рассчитывали ослабить действие инфляционных факторов, стабилизировать цены. Однако надежды не оправдались. Практический эффект теории оказался намного ниже рекламируемого. Если рекомендации по устранению препятствий свободной предпринимательской инициативе, развязыванию рыночных сил способствовали оживлению экономической конъюнктуры после экономического спада на рубеже 80-х годов и последовавшего

[1] Цит. по: *Меньшиков С.* Капитализм, социализм, сосуществование. М., 1988. С. 105.

[2] *Bosworth B.P.* Tax incentives and economic growth. Wash.: Brookings Institution, 1984. P. 125, 128, 185.

[3] *Samuelson P., Nordhaus W.* Ibid. 1985. P. 192.

затем циклического подъёма, а налоговая реформа 1981 г. несколько стимулировала деятельность корпораций, то в решении других вопросов прогнозы не только не оправдались, но и вызвали негативные проявления в экономике. "Отцы" рейганомики, ориентировавшиеся на рекомендации монетаристов и сторонников экономики предложения, вынуждены были вскоре отказаться от полного прекращения антициклических регулирующих мероприятий со стороны государства, системы неограниченных валютных ресурсов.

С 1983 г. в США Федеральная резервная система вновь вернулась к краткосрочному антициклическому регулированию процентных ставок, производства и занятости. В этом повороте просматриваются мероприятия кейнсианского характера. Тем более это проявляется в отношении бюджетного дефицита.

Таким образом, отказ от кейнсианских методов государственного регулирования не привёл к обновлению экономики.

Лекция 18. *Теория рациональных ожиданий и "новая классическая макроэкономика"*

Английский экономист У. Бьюттер пишет о том, что появление школы рациональных ожиданий представляет собой "очередной революционный переворот в макроэкономической теории"[1].

Насколько школа рациональных ожиданий связана с монетаристами, можно судить по тому, что её считают вторым изданием или монетаризмом второго поколения. Вместе с тем их всё же не следует отождествлять. Школа рациональных ожиданий — продукт новейшей эволюции неоклассицизма, отражающий характер ее особенностей.

В долгосрочном плане монетаристы исходят из того, что капиталистической экономике присущ естественный уровень безработицы и инфляции. Он связывается со структурными и институциональными характеристиками экономической системы. Этот уровень устанавливается в результате действия рыночных сил и соответствует состоянию экономического равновесия. Всякую безработицу, превышающую его, монетаристы рассматривают как добровольную, связанную с отклонением заработной платы от равновесного уровня. М. Фридмен и его коллеги оставляли в стороне вопросы краткосроч-

[1] Buiter W. The Role of Economic Policy After the New Classical Macroeconomics // Macroeconomic Analysis: essays in macroeconomics and econometrics) / Ed. by D. Currie, D. Peel. L., 1981. P. 269.

ной динамики, что подтолкнуло к новым теоретическим поискам в рамках его основных постулатов, в результате чего усилилось влияние приверженцев теории рациональных ожиданий.

Претендуя на новизну своего теоретического варианта, они не склонны считать себя только продолжателями учения М. Фридмена, представляя выдвинутую концепцию как "новую классическую макроэкономическую теорию" или "новую классику". Такое название обусловлено тем, что теория рациональных ожиданий имеет дело именно с макроэкономическим уровнем хозяйства, применяет соответствующие модели.

Школа рациональных ожиданий сформировалась в США. Ее сторонники поставили своей целью разработать собственную теорию динамического равновесия в соответствии с принципами оптимального поведения хозяйственных агентов, которая ответила бы на вопрос о причинах и степени колебаний основных экономических показателей, включая выпуск, масштабы занятости, цены, заработную плату. Авторы теории исходят из того, что в макроэкономическом анализе особая роль принадлежит субъективным ожиданиям и прогнозам участников хозяйственного процесса. Возникла идея разработки новой равновесной модели, опирающейся на данный фактор. По словам Т. Саржента, "ключевым элементом новой классической макроэкономики является приверженность к общему равновесию и оптимизированному стратегическому поведению"[1].

Теория рациональных ожиданий означает, по существу, в более широком плане возрождение неоклассических принципов, базирующихся на методологических посылках теории общего равновесия Л. Вальраса, учениях А. Маршалла и Дж. Кларка, трудах К Викселя, И. Фишера, Ф. Хайкера.

Первую попытку разработки общего принципа формирования субъективных прогнозов экономических агентов предпринял американский экономист Ф Кейтан, но он не вышел за рамки гипотезы адаптивных ожиданий, широко применяемой монетаристами. Ограниченность её механизма в том, что экономические агенты регулируют свои действия в принятии экономических решений в зависимости только от прошлого опыта и информации. Иными словами, прогнозы будущих значений экономических параметров определяются здесь только на основе их прошлой траектории. Теоретики новой классики исходят из того, что концепция адаптивных ожиданий, составляющая основу монетаристской модели поведения хозяйственных агентов на рынке, не обеспечивает возможности полного учета роста цен. Это неизбежно влечёт за собой ошибки в прогнозах и

[1] The New Classical Macroeconomics. Brighton, 1994. P. 70.

отрицательно сказывается на результате хозяйственной деятельности. "Такой способ формирования ожиданий, — пишет Р. Лукас, — постоянно обнаруживает свою ошибочность и, более того, всегда наносит ущерб субъекту"[1]. Гипотеза адаптивных ожиданий в силу ограниченности своей информационной базы не соответствует неоклассическому принципу оптимального поведения субъекта на рынке. Последний предусматривает реализацию такой стратегии поведения, которая обеспечивает наиболее полное и скорейшее достижение целей.

В начале 60-х годов американский экономист Дж. Мут ввёл в экономический оборот понятие "рациональные ожидания". В отличие от адаптивных, под рациональными он подразумевал ожидания, складывающиеся не только с учётом информации прошлых периодов, а главным образом на основе всей имеющейся в определенный момент информации о современном состоянии и перспективах хозяйства. Дж. Мут исходил из того, что индивиды располагают именно всей доступной для них информацией и используют её в такой модели экономики, какую они себе представляют и считают правильной. В своей гипотезе Дж. Мут исходит из того, что ожидания максимизирующих своё положение экономических агентов рациональны. Основу такого превращения, по его мнению, и составляют доступные в данный момент наиболее исчерпывающие сведения о состоянии экономики. В результате на базе всей полученной экономическими агентами информации формируются представления о положении в экономике, которые автор гипотезы принимает как условные математические ожидания. Экономическая информация является первичным материалом для построения моделей рациональных ожиданий, формирующихся на основе математических методов, таких, в частности, разделов математики, как теория вероятностей, стохастическое программирование и др. Одну их первых подобных моделей построил профессор Чикагского университета Р. Лукас, исходивший из того, что если вся имеющаяся в наличии информация оптимально используется участниками хозяйственного процесса при формировании своих ожиданий, то такие ожидания можно считать рациональными.

Гипотеза Дж. Мута положила начало развитию концепции рациональных ожиданий. Её разрабатывали Р. Берроу, Р. Лукас, Н. Уоллес, Т Саржент, Л. Лейдерман, П. Минфорд и др. Обоснованию этой концепции посвящены работа Т. Саржента и Н. Уоллеса "Теория рациональных ожиданий и экономическая политика (современная мак-

[1] Lucas R.E., Sargent T.T. After Keynsian Macroeconomics. In: Rational Expectations and Econometric Practice. L., 1991. P. 301.

роэкономика)" (1989), обширное исследование Р. Лукаса и Т. Сарджента "Рациональные ожидания и экономическая практика" (1991), книга Р. Лукаса "Исследование теории делового цикла" (1991) и др. На основе гипотезы Дж. Мута американские экономисты стремились обновить, рационализировать теоретическое наследие неоклассицизма, включая монетаризм. Утверждая, что поведение экономических субъектов в условиях саморегулирующейся рыночной экономики носит рациональный характер, они подчёркивают не только незыблемость принципов свободного предпринимательства, но и идеальный хозяйственный механизм, соответствующий этой системе. Школа рациональных ожиданий обновила неоклассицизм и оказала большое воздействие на модернизацию его экономической теории.

Теоретики рациональных ожиданий полностью полагаются на механизм рыночного саморегулирования экономики. Рыночные связи занимают в их построениях особое место. Они исходят из того, что рынки постоянно находятся в состоянии равновесия. Принимается как непреложный факт, что спрос всегда равен предложению, поскольку механизм рыночного саморегулирования оперативно устраняет любые отклонения в их соотношении. Так, если спрос превысит предложение — вступает в действие рост цен, приводящий спрос в соответствие с предложением. Падение спроса на товары, напротив, ведёт к снижению цен до необходимого уровня, уравновешивающего спрос и предложение. Концепция рациональных ожиданий предполагает, что в ходе конкуренции приводятся в действие все рычаги саморегулирования, эффективно самонастраивающие экономическую систему и обеспечивающие её равновесие. Сторонники этой концепции исходят из того, что колебания производства или занятости наиболее характерны, как правило, для уровня фирмы или отрасли. В рамках национальной экономики преобладает тенденция к их выравниванию. Рациональные ожидания способствуют расчищению всех видов рынков, приведению их в состояние, обеспечивающее устойчивость экономики, поскольку хозяйственные агенты могут гибко реагировать на любые отклонения экономической конъюнктуры, действовать в соответствии с принципами оптимизации, ориентируясь на реальные экономические показатели и результаты. Авторы теории рациональных ожиданий не отрицают возможности циклических колебаний производства. Однако игнорируя действительную основу циклических колебаний, они рассматривают их как результат ошибок, допускаемых экономическими субъектами в течение краткосрочного периода. Причиной возможных ошибок считается некачественная, искажённая информация, мешающая правильно оценить конъюнктуру и разработать реальные прогнозы.

Одним из факторов, с которыми необходимо считаться хозяйственным агентам при разработке на основе рациональных ожиданий таких прогнозов своего экономического положения и доходов, авторы новой классики называют государственное вмешательство в хозяйственный процесс, действия правительственных органов. Они убеждены в том, что хозяйственные агенты в состоянии улавливать, рационально ожидать и учитывать в своей деятельности любые меры экономической политики государства и соответственно реагировать на них своими хозяйственными решениями. Сторонники концепции рациональных ожиданий отвергают государственное регулирование экономики, а меры экономической политики считают неэффективными и бесперспективными. Более того, регулирующее вмешательство государства, представленное чаще всего непоследовательной, а то и некомпетентной экономической политикой, они рассматривают в качестве основы цикла, главной причины отклонений от естественного уровня производства и безработицы. Кейнсианская система антициклического регулирования считается причиной развязывания в 70-е годы галопирующей инфляции и стагфляции.

Ещё до того, как заявила о себе школа рациональных ожиданий, М. Фридмен, включив в свою модель адаптивные ожидания, доказывал неэффективность кейнсианского государственного антициклического регулирования. Это положение обосновывалось тем, что долгосрочные значения занятости и выпуска продукции в условиях рыночной экономики неизбежно соответствуют определённым естественным уровням, зависящим от институциональных, структурных характеристик экономической системы и не подвластным государственному регулированию, политике точной настройки. Применительно к краткосрочным периодам положение, по его мнению, меняется. Здесь экономическая политика правительства в состоянии оказывать стимулирующее воздействие на занятость и выпуск продукции, что возможно, однако, только за счёт наращивания темпов инфляции. В краткосрочном плане монетаристы допускают использование кривой Филлипса, хотя в долгосрочном плане, по их мнению, она теряет смысл, вырождается, превращаясь в вертикальную прямую.

Теоретики рациональных ожиданий не удовлетворены даже позицией М. Фридмена. По их мнению, государственное вмешательство в хозяйственный процесс в принципе абсолютно неприемлемо и вредно. При этом возможность существования кривой Филлипса отрицается не только в долгосрочном, но и в краткосрочном плане. С хаотичной и непредсказуемой экономической политикой государства представители новой классики связывают капиталистический цикл, поскольку случайный характер правительственных мероприя-

тий привносит в экономику значительный элемент неопределенности. Любое из этих мероприятий вызывает соответствующую контрреакцию экономических агентов, что усиливает колебания, ведет к нарушению равновесия. Они категорически отвергли основанную на кейнсианских рецептах систему антициклических мероприятий, поскольку правительство не в состоянии позитивно влиять на экономический процесс. Любое его вмешательство с целью стимулирования спроса, ущемляющее интересы хозяйственных агентов, вызывает соответствующее противодействие. В условиях саморегулирующейся равновесной экономики нарушения стабильности неизбежно выливаются в рост цен, заработной платы, повышение процентных ставок.

Большое место сторонники рациональных ожиданий отводят созданию равновесной модели цен, которая заложена в основу обобщающей макроэкономической модели функционирования хозяйства. Равновесные цены ставятся в зависимость от денежной массы, ее движения. Систематические изменения последней проявляются в ценах. При этом делается вывод, что изменения денежной массы в результате определённой государственной политики влияют лишь на общий уровень цен, не отклоняя экономику от естественного состояния. Теоретики рациональных ожиданий уповают на стабильность денежной политики, поскольку именно от неё, по их мнению, зависит устойчивость цен.

Теоретики новой классики связывают цикл и с непредсказуемостью изменений государственной политики в предложении денег. Неожиданные изменения денежной массы в обращении они рассматривают в качестве причины изменения цен и циклических колебаний в экономике. Как отмечает Р. Лукас, даже на небольшие колебания цен предприниматели отвечают резкими изменениями производства и занятости. Увеличение денег в обращении вызывает рост цен, что является сигналом для экономических агентов к увеличению производства.

Снижение цен, следующее за сокращением денежной массы в обращении, напротив, даёт сигнал к снижению объёмов производства. Такой источник информации, как считают сторонники концепции рациональных ожиданий, находится постоянно в поле зрения экономических агентов, согласующих с ним свои действия. По мнению Р. Лукаса, степень отклонения от намеченного уровня производства зависит от того, считают ли экономические агенты обнаруженные колебания цен временными или устойчивыми. Стабилизация рыночной ситуации, в свою очередь, подсказывает им, насколько правильны были их действия, повлекшие за собой либо расширение, либо сокращение производства. Если меняется общий уро-

ень, в чем предприниматели убеждаются незамедлительно, то это свидетельствует о том, что денежный фактор не оказал серьезного влияния на хозяйственное положение в данном конкретном случае.

Наряду с государственной экономической политикой дестабилизирующим фактором экономики авторы новой классики называют несовершенство информации, её ограниченность и искаженность. Одним из главных источников ошибок считается та же экономическая политика государства. Действием этого фактора объясняют появление необоснованных, ошибочных решений, принимаемых экономическими агентами. В качестве надёжного противодействия предлагается получение дополнительной достоверной информации и доведение её до необходимого уровня. В этом случае последствия неверных решений и дестабилизированная рациональная рыночная активность восстанавливает стабильное равновесие без внешнего вмешательства.

М. Фридмену и его коллегам не удалось дать обоснованное решение проблемы инфляции. Сторонники концепции рациональных ожиданий пришли к выводу, что инфляционные ожидания рациональны лишь в том случае, если совпадают с математическим ожиданием будущей динамики цен. Основу их составляют вероятностные прогнозы, полученные в результате всестороннего изучения всей рыночной информации.

Сравнительно недавно представители новой классики категорически отрицали необходимость какой-либо регулирующей деятельности государства по отношению к хозяйственному процессу. Однако жизнь поставила их перед необходимостью отказаться от такой категоричности и ввести в интерпретацию данного вопроса определённые коррективы. В связи с этим появились высказывания о том, что некоторые регулирующие мероприятия могут приносить пользу и их надо иметь в виду. При этом, однако, следует помнить, что мероприятия регулирующего характера со стороны государства сопряжены с опасностью нарушения экономической стабильности. Последние исследования сторонников теории рациональных ожиданий подтверждают изменения в их отношении к оценке политики государства. Имеет место отход от первоначальной установки, согласно которой всякая активная экономическая политика объявлялась неэффективной. Отвергая сложившуюся на основе кейнсианства широко распространённую систему государственного вмешательства в хозяйственный процесс, в связи с её полнейшей неэффективностью и вредными последствиями, сторонники новой классики теперь всё же признают возможность проведения "четко ориентированной" правительственной политики и считают её полезной. Такую мысль высказал, например, Т. Саржент, заявивший, что он в

принципе не против государственного вмешательства в экономику. Анализ показывает, что в данном вопросе они пошли на сближение с монетаристами, оговариваясь, что признают политику правительства только стабильную и чтобы последствия её можно было предвидеть.

Отражая отдельные специфические черты современной экономики, сторонники теории рациональных ожиданий пытаются преодолеть тупики, с которыми столкнулся монетаризм и другие течения неоклассицизма. В связи с этим не только вопросы инфляции и безработицы, но прежде всего проблема цикла привлекла их внимание, составив главную заботу.

Однако при анализе американским экономистом М. Ловеллом результатов одного из обследований краткосрочных ожиданий предпринимателей, проведённого министерством торговли США, выяснилось, что полученные данные свидетельствуют скорее против этой теории, чем подтверждают её. Они, по существу, показали невозможность полного использования экономическими агентами имеющейся информации. Такой вывод подтверждает практика уточнения официальных предварительных оценок ВНП и других экономических показателей. Она свидетельствует о наличии систематических отклонений, связанных с нереальностью условий рациональности. М. Ловелл считает, что в рамках гипотезы рациональных ожиданий нельзя решить проблему построения реальных прогнозов[1].

Концепция рациональных ожиданий ориентирует на крайнюю степень абстрагирования от реального экономического процесса. Это характерно и для построенных на основе данной гипотезы рафинированных математических моделей. В связи с этим новая классическая макроэкономическая теория оказывается за непреодолимым барьером академизма и весьма далека от самой возможности вскрыть подлинные причины и механизмы инфляции, стагфляции, нарушения общего динамического равновесия. Абстракции теоретиков новой классики не отражают в обобщённом виде современную экономическую систему со всеми присущими ей специфическими особенностями. Построение внутренне непротиворечивых равновесных моделей, по существу, далеко не достаточно для ответа на злободневные вопросы реального экономического процесса.

Один из патриархов современной американской экономической науки П. Самуэльсон весьма скептически оценивал практические рекомендации этой школы, даже касающиеся антиинфляционных мероприятий. Отмечается, что оторванность её моделей от реальных процессов исключает саму возможность извлечь из них какие-либо полезные для практики советы и предложения.

[1] American Economic Review. Menacha, 1990. V. 76. No 1. P. 115.

Теория рациональных ожиданий предполагает существование идеальной экономической системы, где все предусмотренные автором модели параметры имеются налицо. При этом экономические агенты должны весьма точно оценивать хозяйственную ситуацию, включая её ближайшие перспективы. Может ли такая идеальная система постоянно пробивать себе дорогу? По-видимому, нет. Ответ на этот вопрос следует однозначный.

Рассматриваемая концепция не даёт убедительного ответа и на вопрос о том, насколько обоснованы ожидания, какова степень соответствия прогнозов реальной действительности. Не оправдывается и подвергается критике одно из важнейших положений теории рациональных ожиданий о равной доступности информации всем участникам экономического процесса.

Лекция 19. *Эволюция кейнсианства*

В современной западной экономической литературе и в практике государственного регулирования экономики сохраняет определённое влияние кейнсианское направление, хотя его сторонники оттеснены на второстепенные позиции и критика в их адрес не прекращается. До середины 70-х годов в большинстве развитых стран кейнсианство составляло теоретическую основу государственного регулирования экономики. Дж. Кейнс разработал макроэкономическую теорию эффективного спроса, составившую основу его теории государственного регулирования. Считая одной из важнейших задач такого регулирования экономики достижение "полной занятости", он концентрировал внимание на образовании и движении национального дохода, рассматривая все экономические процессы сквозь призму реализации, обеспечения эффективного спроса. Многие теоретические положения Дж. Кейнса были восприняты многочисленными последователями, претерпели определенную эволюцию и используются до сего времени.

Современное кейнсианство не является чем-то единым. В нём выделяется течение ортодоксальных кейнсианцев, считающих себя главными хранителями концепции Дж. Кейнса. Этот вариант разрабатывался такими известными экономистами, как Э. Хансен, Дж. Хикс, С. Харрис, П. Самуэльсоном и др. Непосредственным воплощением кейнсианской ортодоксии явилась прежде всего инвестиционная теория цикла, составившая основу антициклического регулирования экономики, ориентирующая на гибкое использование доходов и расходов бюджета в связи с изменением конъюнктуры, налоговой системы, выплат по социальному страхованию и др. Ор-

тодоксальное кейнсианство включилось также в решение проблем экономической динамики. В дальнейшем кейнсианская ортодоксия пошла по пути интеграции с неоклассической теорией, в результате чего появился неоклассический синтез Пола Самуэльсона, сформировавшего модель смешанной экономики. Новая концепция базировалась на соединении кейнсианства с традиционными положениями неоклассицизма. Этот ортодоксальный вариант включил, с одной стороны, инструментарий кейнсианской теории с бюджетными, налоговыми, финансово-кредитными методами государственного регулирования экономики, а с другой — ориентировал на более строгий учёт и широкое использование рыночных условий (конкуренция, динамика цен и др.). В неоклассическом синтезе ортодоксальное кейнсианство во многом теряло своё лицо, поскольку низводилось до частного случая неоклассической теории, которая в свою очередь рассматривалась в качестве общей основы функционирования экономической системы, включая оптимальное распределение ресурсов, рыночное саморегулирование, распределение доходов. Как утверждал П. Самуэльсон, "с одной стороны, надо проводить политику кредитно-денежной экспансии, способствующей развитию капитала вглубь и значительным масштабам капиталовложения; с другой стороны, тенденция к возникновению инфляционного разрыва в результате такого увеличения инвестиционных расходов должна быть нейтрализована при помощи жёсткой фискальной политики, предусматривающей достаточно высокие налоговые ставки (и достаточно низкие правительственные расходы). Это должно привести к такому сокращению доходов, оставшихся у населения (после уплаты налогов), чтобы заставить его сократить потребление и, таким образом, освободить средства для инвестиций не вызывая при этом инфляции"[1].

Формальное объединение кейнсианства с неоклассицизмом не дало ожидаемых результатов. Однако идея синтеза продолжает привлекать внимание экономистов до сего времени. Признавая бесплодность очередных попыток создания на основе ортодоксального кейнсианства эффективной экономической теории, как это было с неоклассическим синтезом, сторонники данного направления вынуждены вновь и вновь возвращаться к идее синтеза двух ведущих экономических концепций. На такой же основе предпринимались усилия по модификации концепции регулируемого капитализма сторонниками так называемой "новой экономической теории" (new economics) У. Хеллером, Дж. Тобином, А. Оукеном и др. Они пытались усовершенствовать систему кратковременного антициклического регу-

[1] *Самуэльсон П.* Экономика. М., 1964. С. 785–786.

...ирования как средства обеспечения устойчивого экономического роста. Одним из главных рычагов воздействия на конъюнктуру признавалось снижение налогов. Отмечая близость своей концепции неоклассическому синтезу, Дж. Тобин писал: "Мы отстаивали неоклассический синтез, который подчёркивает, что денежные и фискальные элементы можно смешивать в различных пропорциях с целью достичь требуемых макроэкономических результатов"[1]. Приверженцы new economic обосновывали экспансионистский внешний курс, недооценивавший угрозу инфляции. В результате весьма высокое влияние, каким данная теория пользовалась в США, было подорвано.

Вмешательство государства в экономику в качестве регулирующей силы имеет свои границы. В 70-е годы отношение к кейнсианской концепции резко изменилось.

Критика кейнсианства в это время усилилась. Последователей Дж. Кейнса обвинили прежде всего в том, что их теория нарушала принципы свободного предпринимательства, мешала естественному ходу экономического процесса, его саморегулированию. Кейнсианцев упрекали и в том, что они не проявили должного внимания к вопросам движения денежной массы, ценообразования, динамики цен, нормы процента, отбросив их на второстепенные позиции как несущественные. Всё это в значительной мере не принималось в расчёт при формировании антициклических программ, моделей экономической динамики.

К ортодоксальному кейнсианству относятся также некоторые экономисты старой кембриджской школы в Англии, которую в 70-х годах представляли М. Познер, Р. Кан и др. Они исходили из принятого кейнсианцами толкования природы и причин нестабильности экономики и роли государственного регулирования в её преодолении. Отличительной особенностью этой группы был анализ воспроизводительных процессов, которые рассматривались с учётом основных хозяйственных потоков, получавших реальные количественные оценки. Полагаясь на инструменты бюджетной политики и методы регулирования валютного курса, сторонники старой кембриджской школы были убеждены, что всё это одновременно в состоянии обеспечить как достижение полной занятости, так и стабильность цен и равновесие платёжного баланса.

Современное кейнсианство включает несколько течений. Наряду с приверженцами кейнсианской ортодоксии многие экономисты — сторонники теории Дж. Кейнса — отвергают ортодоксальный вариант, обосновывают необходимость очищения и обновления кейнсианской концепции. С одной стороны, они ратуют за восстановление чистоты теории Дж. Кейнса, удаление из неё различных наслое-

[1] *Tobin J.* The new Economics One Decade. Princeton. N. Y., 1992. P. 12.

ний, внесённых в неё его многочисленными последователями. С этой — стремятся дополнить кейнсианскую концепцию недостающими, на их взгляд, элементами, обновить её на собственной основе, влить в кейнсианство новую кровь, оживить его, придать ему современное звучание и сделать вновь дееспособным. Такой вариант обновления был начат, например, группой представляющих монетаристское посткейнсианство влиятельных американских экономистов, в числе которых А. Лейонхуфвуд, С. Вайнтрауб, Д. Давидсон, Р. Клауэр, Х. Мински и др.

По мнению американских экономистов, различия между учением Дж. Кейнса и неоклассической концепцией более глубокие, нежели их представляли его ортодоксальные последователи, рассматривавшие кейнсианскую концепцию как теорию равновесия в условиях неполной занятости. Р. Клауэр, а вслед за ним А. Лейонхуфвуд, отвергая эти утверждения, квалифицировали кейнсианство как теорию неравновесия, как макроэкономическую теорию приспособления к нарушению экономического равновесия.

Современные кейнсианцы считают, что сама теория Дж. Кейнса в состоянии дать обоснованное решение этих вопросов, если ее очистить от всех чуждых наслоений.

Выступая за возрождение кейнсианства с учётом современных потребностей, С. Вайнтрауб, Д. Давидсон, А. Лейонхуфвуд и другие экономисты стремятся не только очистить её от всего, по их мнению, не свойственного самому основанию учения, но и устранить упрощённые подходы к экономическим процессам. "Для того, чтобы вернуться на утерянные позиции, — пишет Х. Мински, — теорию денег Кейнса следует возродить в том виде, в каком она изложена в книге "Общая теория", что позволит продемонстрировать упущения и ошибки как традиционной "кейнсианской теории", так и современного монетаризма"[1]. Восстановлению денежных аспектов придаётся особое значение, поскольку в этом случае, как считают авторы, кейнсианская концепция будет пригодна и для анализа инфляционных ситуаций, и для разработки антиинфляционных мероприятий. Большое место при этом отводится вопросам организации оперативных и надёжных источников достоверной экономической информации.

Однако экономическое развитие в 80-е годы, НТР потребовали снижения издержек государственного регулирования за счёт сокращения прямого вмешательства государства и его бюрократического аппарата в экономику. Всё это привело к расширению рамок свободного предпринимательства на основе рынка, конкуренции и уси-

[1] Современная экономическая мысль. М., 1991. С. 432.

...роли внутрифирменного планирования экономической деятельности. В таких условиях о восстановлении прежнего положения, утраченного доверия и престижа кейнсианской теории не может быть и речи.

Наряду с этим в 80-е годы экономисты не отказались от идеи синтеза, от того, чтобы интегрировать макроанализ и неоклассическую теорию, что в отличие от неоклассического синтеза получило название кейнсианизма. Кейнсианизм по-прежнему ориентирует на использование таких кейнсианских категорий, как эффективный спрос, макроэкономический анализ рынка, рациональные предпочтения денег и др. Вместе с тем сторонники кейнсианизма не противопоставляют кейнсианские постулаты неоклассической концепции. Напротив, принципы неоклассицизма рассматриваются как универсальные. Особое внимание уделяется использованию рынка, конкуренции в распределении ресурсов в соответствии с агрегативными предпочтениями индивидуумов.

Современные кейнсианцы считают, что экономическая теория требует обновления и дальнейшего развития. По-прежнему уделяется большое внимание таким факторам, как инвестиция, инвестиционный спрос. Пытаются найти новые подходы, расширяющие возможности регулирования. Примером этого может служить обоснование концепции бюджета капиталовложений, разработка методов его сбалансирования. Большое внимание исследователей привлекает также теория *"финансовой нестабильности"*, рассматриваемая как основа для определения антикризисных мероприятий, регулирования бюджетного дефицита. Вместе с тем современные кейнсианцы ищут средства эффективного воздействия на рыночный механизм, регулирования конкуренции, выясняют влияние рынка на динамику инвестиций, движение безработицы, инвестиционный процесс. Современные последователи Дж. Кейнса настойчиво продолжают поиски обновления кейнсианства. Процесс этот сложный, неоднозначный, развивающийся далеко не гладко, но дающий и определенные позитивные результаты, которые продлевают его жизнеспособность.

В свое время на основе учения Кейнса сложилось левое течение, выступившее с антимонополистических позиций — левое кейнсианство. Оно получило наибольшее распространение в Англии. Его основу составила влиятельная группа экономистов Кембриджского университета, являющегося цитаделью кейнсианства. Возглавила левое кейнсианство Джоан Робинсон. Сторонниками его были Н. Калдор, П. Сраффа, Дж. Итуэлл, Л. Пазинетти и др. Дж. Робинсон одна из первых заявила о кризисе ортодоксального кейнсианства. Отвергая неоклассическую теорию, левые кейнсианцы подвергли критике и

концепцию кейнсианской ортодоксии. Они критиковали ортодоксальную концепцию за то, что в ней не нашли отражения и не получили решения социальные проблемы (например, неравенство в распределении доходов), без которых немыслимо позитивное решение вопросов функционирования экономики, её регулирование.

В дальнейшем левое кейнсианство эволюционировало в более широкое течение — посткейнсианство. Левые кейнсианцы составили его основу. Посткейнсианцы продолжили критику ортодоксального варианта, в особенности неоклассицизма. Резкую критику у них вызывает маржинализм. Поставив своей задачей обновление учения Дж. Кейнса и завершение "кейнсианской революции", посткейнсианцы одновременно стремятся довести до логического конца и критику неоклассицизма. Посткейнсианцы опираются не только на теорию Дж. Кейнса. Они используют и другие источники: институционализм, учение Рикардо, концепцию радикалов, экономическую теорию К. Маркса. Примечательна в этом отношении неорикардианская ветвь посткейнсианства, разрабатываемая П. Сраффой, а также Дж. Итуэллом, П. Гареньяни, П. Пазинетти и др., преследующая цель восполнить пробелы в теории стоимости и эффективного спроса. Посткейнсианство представляет также одну из современных разновидностей западных интерпретаций марксистской политэкономии.

Посткейнсианцы обосновали один из вариантов реформирования экономики. Дж. Робинсон и её коллеги ищут не только пути обеспечения устойчивого динамического равновесия, важнейшим элементом которого является государственное регулирование экономических процессов. В их теории большое место занимает устранение неравенства в распределении доходов на просвещение, здравоохранение и другие социальные нужды, развитие социального страхования. Всё это свидетельствует о том, что посткейнсианцы делают акцент на использовании социальных факторов, предусматривая их реализацию через широкую регулирующую деятельность государства, демократизацию экономической политики, в особенности в области распределения доходов.

В начале 80-х годов в английском посткейнсианстве обособилась ещё одна ветвь, получившая название новой кембриджской школы. Её представляет группа экономистов, в которую входят У. Годли, К. Куттс, Р. Тарлинг, М. Фезерстон и др. Выделение ветви новой кембриджской школы произошло не столько под влиянием теории самого Дж. Кейнса, сколько в результате переосмысления и модернизации концепции одного из его учеников Н. Калдора. Более того, как отметил, например, профессор Мельбурнского университета Р. Диксон, "доктрина новой кембриджской школы представляет

собой резкий разрыв с идеями Кейнса"[1]. В интерпретации проблем воспроизводства капитала экономисты данной ветви кейнсианства сделали большой шаг в сторону традиционных положений неоклассицизма. Так, например, отдавая дань идее саморегулирования экономики, они согласны с тем, что колебания производства чаще всего являются следствием регулирующего вмешательства государства по поддержанию совокупного спроса. Отсюда делается вывод о необходимости отказа от политики точной настройки. Не отвергая полностью государственное вмешательство в экономику, теоретики новой кембриджской школы предлагают ограничить его рамками среднесрочных или дальних целей. Изменилось и отношение к традиционным для кейнсианства бюджетным методам регулирования. Но, несмотря на это, связь с кейнсианской концепцией здесь всё достаточно прочная. С ней тесно связаны корни новой кембриджской школы. Признаётся положение о том, что занятость зависит прежде всего от процесса производства, безработица носит вынужденный характер, а мультипликационный процесс составляет основу увеличения национального дохода.

Наиболее заметной работой экономистов новой кембриджской школы является книга У. Годли и Ф. Криппса "Макроэкономика" (1983), в которой предпринята попытка обосновать важнейшие параметры концепции. Как и другие разновидности кейнсианства, новая кембриджская школа поставила некоторые новые вопросы, требующие как теоретической разработки, так и практического решения. Они связаны с исследованием влияния фактора интернационализации экономической деятельности на открытую систему, а также с проблемой взаимосвязи динамики доходов и расходов с движением активов. Концепция новой кембриджской школы вышла за рамки одной из ветвей, образовавшихся в процессе эволюции современного кейнсианства.

Таким образом, кейнсианство сегодня весьма многолико. Эволюция учения последователей Дж. Кейнса продолжается. Кейнсианская теория оказывает влияние на систему хозяйствования, проявляется в инструментарии хозяйственного механизма. Поскольку проблема соотношения между государством и частным предпринимательством с учётом влияния современного этапа НТР и интернационализации экономики остаётся одной из актуальных в определении оптимального и наиболее рационального их соотношения, эволюция посткейнсианства будет развиваться и далее. Не исключено, что новые варианты посткейнсианства в дальнейшем могут приобрести большее влияние в разработке теоретических основ хозяйствования.

[1] Journal of Post Keynesian Economics. Winter 1982–83. P. 294.

В начале XX в. в США возник институционализм, виднейшими представителями которого выступили **Торстейн Веблен**[1], **Джон Коммонс**[2], **Уэсли Митчелл**[3].

Методология институционалистов предусматривала: 1) широкое использование описательно-статистического метода; 2) историко-генетический метод; 3) как исходное — категорию института (совокупность правовых норм, обычаев, привычек).

В рамках этого течения были образованы социально-психологическое (Веблен), социально-правовое (Коммонс), институционально-статистическое (Митчелл) направления.

Веблен связал основу экономики с действием психологического фактора. Коммонс основной упор делал на правовые категории, юридические учреждения, определяющие, по его мнению, развитие экономики. Разработка методов борьбы с экономическими кризисами проводилась Гарвардской школой конъюнктуроведения. Её ведущий теоретик Митчелл ставил задачу создания методов ослабления экономических кризисов. В его теории отсутствовала цикличность, а кризис был заменён рецессией — плавным снижением темпов роста. Митчелл создал теорию регулируемого капитализма.

Своё название это направление получило после того, как американский экономист У. Гамильтон в 1916 г. впервые применил термин "институционализм". Заметное влияние на формирование этого направления оказали труды английского экономиста Дж. Гобсона. Распространение институционализма было связано в первую очередь с эволюцией экономической теории в США, где в 20-х годах текущего столетия он занял лидирующее положение.

В дальнейшем идеи институционализма развивались в работах Дж.М. Кларка, Г. Минза, А. Берли, Э. Богарта, Д. Бернхема, Ж. Фурастье, Ж. Эллюля, У. Ростоу, Г. Кольма, А. Лоува, Р. Арона и др. Современный институционализм, или неоинституционализм, во многом отличается от своего предшественника — раннего институционализма, хотя и сохраняет многие исходные понятия, сложившиеся

[1] Веблен Торстейн (1857–1929) — американский экономист и социолог. Под влиянием К. Маркса считал основой социальной жизни материальное производство, но сводил его к технологии. Критиковал некоторые стороны капитализма с утопических позиций.

[2] Коммонс Джон (1862–1945) — американский экономист и психолог, автор известных книг "Правовые основания капитализма" (1924), "Институциональная экономика" (1934), "Экономика коллективных действий" (1950).

[3] Митчелл Уэсли Клэр (1874–1948) — американский экономист и статистик, представитель Гарвардской школы политэкономии.

в период становления и развития этого учения. Его идеи развивают такие влиятельные экономисты, как Дж. Гелбрейт, Г. Мюрдаль, Р. Хейлбронер, Д. Белл, О. Тоффлер, Я. Тинберген и др.

Свое название рассматриваемое направление получило в связи с тем, что его сторонники активно использовали социальный элемент и интерпретировали экономические процессы с помощью неэкономических факторов, включая социально-политический, технологический, правовой, социально-психологический, этический и др. Такое сочетание различных факторов объясняется тем, что в области методологии институционалисты ориентируются не только на материалистическое начало, но одновременно и на субъективный идеализм в толковании общественных процессов. Институционалисты широко используют социологию, соединяя её с политэкономией, дополняя экономическую науку социологическими категориями. Идея синтеза социологического и экономического анализа лежит в основе исследований. Термин "институционализм" (англ. institutionalism от лат. institutio — образ действия, обычай, направление, указание) был принят для обозначения системы взглядов на общество и экономику, в основе которой лежит категория института, составляющая костяк социально-экономических построений сторонников данного направления. По определению У. Гамильтона, институт — это "словесный символ для лучшего описания группы общественных обычаев", "способ мышления", ставший привычкой для группы людей или обычаем для народа. У. Гамильтон утверждал, что "институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспосабливаем нашу жизнь, представляет собой сплетение и непрерывную ткань институтов". В основу системы взглядов институционалисты положили принцип естественного отбора институтов, представленный Т. Вебленом как содержание эволюции общественной структуры, основа общественного прогресса.

Таким образом, согласно логике институционалистов, способ мышления, словесный символ, обычаи и привычки выступают как первопричина социально-экономического развития общества. Реально существующие экономические отношения оказываются производными, преподносятся как проявление воплощенных в институтах нравов людей, их способа мышления. Экономический строй общества в подобных интерпретациях предстает в искажённом виде.

Формируя свое понимание общественной структуры, факторов общественного развития, институционалисты исходят в основном из внешнего относительно поверхностного подхода к этим явлениям, не проникают в сущностные, глубинные связи, не обнажают их. Они игнорируют примат производства, не признают определяющей

роли отношений собственности на средства производства, обусловленного ими классового состава общества. Отвергая идею о производственных отношениях как основы социально-экономической структуры, институционалисты сформировали свой специфический подход к изучению общественных явлений, экономического процесса.

По словам американского экономиста А. Грачи, "неоинституционализм и традиционная теория представляют собой, по существу, два совершенно различных способа отражения экономической реальности, первый — с позиций её эволюции, а другой — с позиций статики и структуры"[1]. Отношение институционалистов к кейнсианству иное. Между ними больше точек соприкосновения, общих подходов, сказывается общность социально-классовых позиций. Наиболее близок институционализм к посткейнсианству в Англии.

Концепцию неоклассиков сторонники социально-институционального направления отвергают и подвергают суровой критике. Они критикуют их прежде всего за узость толкования экономических проблем в рамках саморегулирующейся рыночной экономики, за отрыв от социальных вопросов, от политики. Отвергается методологическая концепция неоклассиков — маржинализм. Ориентируясь на систему, базирующуюся на социальных отношениях, институционалисты, как отмечает А. Грачи, не приемлют механического равновесия, определяющего сущность традиционной экономической концепции. Споры между институционалистами и неоклассиками не прекращаются на протяжении многих десятилетий. В последнее время они вновь разгорелись в связи с очередным неоклассическим возрождением. Институционалисты резко критикуют монетаристов, сторонников теории экономики предложения, новой классики. Как отметил американский экономист В. Брейт, споры между Дж. Гэлбрейтом и М. Фридменом существенным образом влияют на официальную экономическую доктрину США и других стран. По его словам, в отличие от М. Фридмена Дж. Гэлбрейт обоснованно полагает, что кейнсианская политика стимулирования агрегативного спроса лучше, чем рынок, способна решать задачи эффективного использования ресурсов, если она сопровождается мерами по контролю над ценами и доходами. Дж. Гэлбрейт не разделяет положения о кризисе кейнсианства. По его мнению, можно говорить лишь о трудностях, переживаемых в настоящее время этой концепцией. Вину за провалы экономической политики администрации США в 80-е годы он возлагает на монетаристов и сторонников экономики предложения.

[1] *Gruchy A.Q.* Contemporary Economic Thought. The Contribution of Neoinstitutional Economics. Clifton, 1992. P. VI.

Коренной порок неоклассической концепции институционалисты видят в том, что она неизменно исходит из идеи незыблемости приоритета рыночной структуры, рынка в экономике. Институционалисты отвергают её, как и неоклассический тезис о суверенности потребителя. Они критикуют сторонников неоклассических школ за игнорирование глубинных и долговременных изменений в развитии общества. И в этом вопросе позиция представителей социально-институционального направления явно предпочтительнее.

По своему составу, социальным симпатиям современный институционализм далеко не однороден. В нём достаточно отчётливо проявляется консервативное крыло, которое представляли такие экономисты, как А. Берли, Д. Берхнем, А. Грачи, У. Ростоу. Но наиболее характерно для данного направления либеральное крыло, отстаивающее либеральные позиции в решении социально-экономических вопросов. Его представляют Дж. Гэлбрейт, Р. Хейлбронер, Я. Тинберген, Л. Туроу и др.

Социализм институционалисты не приемлют. Дж. Гэлбрейт характеризует капитализм как строй, претерпевающий процесс постоянных преобразований. Основу этого, по его мнению, составляет эволюционное обновление общества, его спонтанная трансформация. Институционалисты концентрируют внимание на широком спектре социально-экономических изменений, проявляющихся в обществе в процессе его эволюционного обновления. Они стремятся раскрыть механизмы изменений, объяснить их динамику и выявить рычаги эффективного воздействия. Эволюционный характер концепции институционалистов проявляется при рассмотрении ими характерных для капитализма социально-экономических процессов, хозяйственного механизма, реальных форм организации экономической жизни в их конкретно-исторической национальной определённости.

Проблема трансформации выдвинута на первый план и занимает центральное место в теоретических построениях институционалистов. Вместе с тем концепции институционалистов нацелены на разработку футурологических сценариев, прогнозов развития общества в ближайшем и более отдалённом будущем.

В концепциях институционалистов отчётливо проявляется характерное для современных социальных теорий стремление опираться на реальные процессы. Они исходят из быстрорастущего промышленного производства, базирующегося на крупных корпорациях, возрастающем влиянии НТР, неизбежном усложнении систем управления, возрастающей потребности в планомерной организации производства. В числе важнейших проблем, разрабатываемых институционалистами, следует прежде всего назвать корпорацию — крупное монополистическое объединение, воплощающее в себе экономиче-

скую мощь. Корпорация рассматривается в качестве основы организационной структуры индустриальной системы современного общества, исследование которого призвано ответить на многие вопросы, встающие при рассмотрении индустриальных отношений. Институционалисты активно исследуют взаимодействие монополии и конкуренции, олигополии, управление динамикой доходов, цен, различные стороны хозяйственного механизма. В их поле зрения и такие институты, как государство и его роль в развитии экономики, профсоюзов, различные общественные явления правового, морально-этического, психологического характера. Всё это в совокупности образует весьма многоликий объект исследований сторонников социально-институционального направления, представляющего собой сложное и противоречивое явление в современной экономической теории.

Механизм трансформации общества трактуется исходя из того, что развитие экономической системы и отношения между хозяйственными агентами складываются не только под воздействием непосредственно экономических, но и социальных, политических, психологических, морально-этических факторов. Среди факторов эволюционного обновления общества на первый план институционалисты выдвигают научно-техническую революцию, преобразующую индустриальную структуру общества. Источник перемен они видят в развитии науки, техники, в создании новых технологий. Технологическую трактовку приобретают проблемы экономического роста, экономических кризисов, безработицы, заработной платы, а также сдвиги в социальной структуре общества. Институционалисты исходят из того, что научно-технический прогресс непосредственно определяет экономическое и социальное развитие общества, является решающим фактором его обновления. Техника, технология, по существу, отождествляется с социально-экономическими структурами. На принципе технологического детерминизма созданы теории индустриального, постиндустриального, супериндустриального, технотронного, информационного обществ и др.

Одним из самых главных институтов в индустриальной структуре общества институционалисты считают корпорацию. Признавая как непреложный факт господство крупного производства, они рассматривают корпорацию в качестве его основного звена, уделяя ее исследованию большое внимание. По мнению Дж. Гэлбрейта, "ничто так не характерно для индустриальной системы, как масштабы современного корпоративного предприятия"[1]. Не отрицая возникающих внутри корпорации проблем во взаимоотношениях собственников (акционеров), менеджеров и рабочих, теоретики институционализма акцентируют внимание прежде всего на проблеме взаимоотношений менед-

[1] *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 117.

жерами с собственниками. Вопрос власти и управления рассматривается как один из центральных применительно к корпорации и к индустриальной системе в целом.

Озабоченность судьбами крупных корпораций просматривается в работах многих представителей социально-институционального направления. Американский экономист Д. Мюллер в книге "Современная корпорация: прибыли, власть, рост и функционирование" (1988), анализируя конфликты, возникающие внутри монополий, выделяет не только конфликт по формуле "капиталист — рабочий", но и "менеджер — акционер", возникающий на основе распределения прибыли. Определяя мотивы конфликтов, Д. Мюллер делает акцент на политике максимизации роста компаний, приводящей в конечном счете к сокращению доходов акционеров[1].

Одну из центральных проблем развития и обновления экономики институционалисты видят в создании системы социального контроля над экономикой. Эта проблема трактуется весьма широко: от внутрифирменного корпоративного уровня до организации социального контроля на макроэкономическом уровне, реализация которого связана с активной деятельностью государства. Идея социального контроля над экономикой прошла через все этапы эволюции институционализма и определяет одно из коренных требований его экономической теории. Реализация социального контроля является неотъемлемой чертой теории трансформации капитализма.

Институционалисты предусматривают различные формы социального контроля над экономикой. Сюда относятся реформы, касающиеся крупных корпораций, управления их деятельностью, государственные и регулирующие мероприятия, воздействующие на механизм рыночной конкуренции, ценообразование, занятость, состояние денежно-кредитного рынка, финансово-бюджетной системы и др. Большое место в организации социального контроля отводится планированию, включая создание и развитие государственной системы программирования и индикативного планирования. Все это объективно способствует развитию и совершенствованию государственных форм хозяйствования.

В организации социального контроля институционалисты возлагают надежды на программы "социализации", призванные расширять и укреплять экономическую базу государственного регулирования экономики и повышать его действенность. В результате формируется модель, по определению Р. Хейлбронера и Л. Туроу, "тотально контролируемого общества", где "традиционные опоры ка-

[1] Muller D.C. The modern Corporation: Profits, Powards, Growth and Performance. Brighton: Wheatsheaf books, 1988. P. 74, 134.

питализма — узаконенность частной собственности и функционирование рыночного механизма будут исправлены до неузнаваемости, если не вообще заменены государственными директивами"[1].

В совершенствовании методов социального контроля и управления производством институционалисты ищут резервы формирования и укрепления экономической системы. Этого требует и такая "вечная" проблема, как использование корпорациями рыночных связей различных форм конкуренции. Важной задачей, стоящей перед экономистами, — считает представительница современного американского институционализма Дж. Кэсуэлл, — является разработка институциональной суперструктуры — связующего звена между конкуренцией и координацией, представляющего собой своеобразный внерыночный механизм, активно воздействующий на функционирование экономики. Создание такого механизма Дж. Кэсуэлл связывает с распространением системы "переплетающихся директоров" (ПД), рассматривая её как результат развития "менеджерской революции". "Система ПД, — пишет она, — представляет собой важную грань межличностных и межкорпорационных связей в системе власти США"[2]. Система ПД рассматривается как система контроля, посредством которого корпорации усиливают своё воздействие друг на друга, развивают межфирменные связи на рыночном уровне. Считается, что чем теснее и иерархичнее связи, тем сильнее система переплетающихся директоров воздействует на рыночное поведение фирмы.

В организации социального контроля, в создании тотально контролируемого общества авторы институционализма центральное место отводят государству. Особая роль политического фактора в реформировании капитализма признаётся, по существу, всеми представителями социально-институционального направления. Указывая на наличие двух моторов, обеспечивающих функционирование капиталистической системы — экономического и политического, — Р. Хейлбронер считает, что только такой подход может помочь понять экстраординарное разнообразие институтов, встречающихся в странах с частной собственностью и рыночным базисом.

Институционалисты возлагают на государство большие надежды в организации и стимулировании научно-технического прогресса. В связи с развёртыванием современного этапа НТР внимание к этим вопросам заметно возросло. О необходимости активизации деятельности государства в формировании современного этапа НТР пишет, например, американский экономист У. Ростоу. Он называет этот этап "четвёртой промышленной революцией", связанной с широким

[1] *Heilbroner R., Thurow L.* The Economic Problem. L., 1988. P. 579.

[2] Economic Issues. Sacramento, 1994. V. 18, N 2. P. 625.

внедрением микроэлектроники, новых методов телекоммуникационной связи, лазерной технологии и робототехники, принципиально новых искусственных материалов и т.д. Такая необходимость обусловлена, по его мнению, тем, что усилий частного сектора здесь явно недостаточно. Именно государство — считает У. Ростоу — должно стимулировать НТП, взяв на себя в особенности заботу об организации фундаментальных исследований, улучшении системы образования, профессионального переобучения, по осуществлению экспериментальных, наиболее рискованных в коммерческом отношении проектов и т.п.

Государственное регулирование, несомненно, оказывает большое воздействие на НТП, в особенности на развертывание фундаментальных исследований, разработку и реализацию национальных научных программ комплексного характера, исследование природоохранных проблем. Государственные научные программы активно влияют на развитие научных исследований и внедрение их в производство в рамках частного бизнеса. Они облегчают и расширяют доступ к научной информации, к рекомендациям по её практическому применению. Вместе с тем — и это с сожалением отмечается институционалистами — государственное регулирование научно-исследовательской деятельности, освоения результатов НТР заключает в себе глубокое противоречие. Основная масса научных разработок, финансируемых из государственного бюджета, связана с военной и космической программами, не имеет прямого выхода на гражданское производство. Дж. Гэлбрейт, например, неоднократно критиковал гипертрофию военных корпораций, нарастающее давление военно-промышленного комплекса, союза крупных корпораций и государственной администрации. Институционалисты выступают за ликвидацию монополии военно-промышленных компаний на многие важнейшие достижения науки, за расширение исследований и внедрение их результатов в гражданские отрасли производства.

Современные аспекты методологии, общей концепции институционализма, его целей и задач наиболее ярко и широко представлены в трудах Дж.К. Гэлбрейта. С его исследованиями в течение последних десятилетий связаны наиболее значительные приобретения социально-институционального направления экономической науки. Автор теории уравновешивающей силы, общества изобилия, нового индустриального общества с его зрелой корпорацией и техноструктурой и др., Дж. Гэлбрейт — один из влиятельных современных экономистов. Проблемам трансформации капитализма, её отдельным аспектам посвящены все основные его работы. Рекомендациями практического характера он оказывает большое влияние и на формирование экономической политики американской администрации.

В своих исследованиях Дж. Гэлбрейт посвятил немало стра... индустриальной системе, корпорации, проблеме власти и управле... ния внутри монополии и в обществе, роли государства и вопросам экономической политики, профсоюзам, хозяйственному механизму капиталистической системы и методам хозяйствования. Трансформацию экономики он связывает с возрастанием крупных корпораций в условиях НТР. Дж. Гэлбрейт выдвинул понятие зрелой корпорации по сравнению с обычной производственной корпорацией (монополией), представив её как носителя НТП. Объединение таких корпораций составляет костяк индустриальной системы, которую он называет планирующей системой. Американский экономист Д. Сиссел назвал концепцию планирующей системы заменителем теории рынка. Дж. Гэлбрейт исходит из того, что в зрелых корпорациях и в планирующей системе в целом власть и управление переместились от собственников к технострактуре, состоящей из инженерно-технического персонала, не относящегося к собственникам. Технострактура, по словам Д. Сиссела, — "это социальный класс, господствующие позиции которого в экономике обусловливаются его участием в процессе принятия стратегических решений; этот класс контролирует собственность, не владея ею"[1]. Дж. Гэлбрейт относит к технострактуре тех, кто обладает специальными знаниями, способностями и опытом группового принятия решений. Главная роль в технострактуре принадлежит ведущим менеджерам, принимающим основные управленческие решения.

Анализ и выводы Дж. Гэлбрейта по вопросам структуры и управления корпорацией и планирующей системой опираются на выявление власти технострактуры и институциональной власти корпораций. Его заслугу Д. Сиссел видит в том, что Дж. Гэлбрейт первым среди экономистов обосновал тезис о замене власти рынка решениями менеджеров. Он пришёл к выводу, что с появлением зрелой корпорации и планирующей системы изменились цели и характер их деятельности. Поскольку планирующая система рождала, по его мнению, новую "разумную цель общества", максимизация прибыли якобы уже не является необходимостью.

Дж. Гэлбрейту приходилось не раз пересматривать взгляды по отдельным проблемам экономики и развития общества. В 50-х годах он был убеждён, что уже в ближайшее время трансформация капитализма обеспечит решение основных социальных проблем. Он писал тогда об обществе изобилия. В дальнейшем автор теории индустриального общества вынужден пересматривать некоторые поло...

[1] *Ciscel D.* Galbraith's Planning System as a substitute for Market // Journal of Economic Issues. (Sacramento). V. 18. N 2. P. 412.

жения и вносить коррективы в свою концепцию. Его серьезно тревожат не только неуправляемость рыночного сектора экономики, но и сами зрелые корпорации и возглавляющая их техноструктура. В результате претерпели существенные изменения характеристики зрелой корпорации и её роли, планирующей системы. В зрелой корпорации Дж. Гэлбрейт увидел инструмент сохранения неравенства в обществе и фактор растущей неустойчивости экономической системы. События 70-х годов заставили пересмотреть не только возможности техноструктуры, но и искать средства оздоровления самой планирующей системы. Дж. Гэлбрейт вынужден признать, что планирующая система при отсутствии государственного регулирования, как правило, нестабильна. Она подвержена спадам или депрессиям, которые не самоограничиваются, но могут приобрести кумулятивный характер. На неё воздействует инфляция, носящая хронический характер и не поддающаяся саморегулированию. Он считает необходимым ограничить власть корпораций и техноструктуры, ослабить давление "бюрократического симбиоза" военных концернов и аппарата военного ведомства. Реальную силу, способную задержать негативные процессы, Дж. Гэлбрейт видит в государстве. Только с помощью независимого от корпораций государства, по его мнению, возможно ослабить воздействие негативных процессов и обеспечить дальнейшее развитие системы.

Дж. Гэлбрейт весьма критически оценивает современное состояние экономики, как и перспективы решения социальных проблем. Он отмечает, что "слишком много людей лишены работы и средств к существованию", что "налицо вопиющее неравенство в распределении доходов", "непомерно большая часть остаётся ничтожной горстке людей"[1]. Внимание Дж. Гэлбрейта все больше привлекают проблемы борьбы с засилием бюрократии. "Крупные корпорации и управленческая революция привели к бюрократизации большей части капиталистического производства", в результате чего налицо "корпоративный артериосклероз". Американский экономист отмечает такие реакое ухудшение транспортной системы США, огромный дефицит дешевого жилья, накопившиеся проблемы в области образования и т.д.

Все помыслы Дж. Гэлбрейта направлены на разработку системы реформ, которые в состоянии обеспечить решение острых социально-экономических проблем, существенно улучшить положение общества. Он по-прежнему убежден в необходимости трансформации капитализма, в его обновлении. Для этого, по мнению американского экономиста, необходимо обеспечить "гарантированный доход всем

[1] Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М., 1986. С. 230.

членам общества", существенно расширить социальные программы. Большое внимание уделяется созданию системы переобучения лиц, лишающихся работы. Дж. Гэлбрейт решительно выступает за сокращение военных расходов, наносящих, по его мнению, "огромный ущерб экономическому благосостоянию". Эти средства следует использовать в мирном строительстве.

Осуществление реформ Дж. Гэлбрейт связывает с усилением регулирующей роли государства. Категорически отвергая программы монетаристов и сторонников экономики предложения, он призывает "избавиться от слепого преклонения перед кредитно-денежной политикой и веры, что её магия может направлять и регулировать развитие капитализма"[1]. По его мнению, следует гораздо более полагаться на финансово-бюджетную, нежели на кредитно-денежную политику, совмещая её с повышением налогов, сокращением федерального дефицита и значительным снижением процентных ставок.

Экономическая теория Дж. Гэлбрейта наиболее реалистично отражает современное состояние и проблемы экономики и предусматривает во многом действенные меры для её частичного оздоровления.

Сторонники социально-институционального направления не воспринимают безоговорочно концепцию Дж. Гэлбрейта. Раздаются критические голоса в её адрес. В особенности далеко не все согласны с противопоставлением планирующей и рыночной систем. Это положение встречает возражения у ряда экономистов. Говоря о трёх элементах планирующей системы (корпорация с её техноструктурой, система управления совокупным спросом, управление потребителем), Д. Сиссел обнаружил в их взаимосвязи глубокое противоречие, поскольку "планирующая структура стабильна до тех пор, пока функционирует очень сложная система взаимозависимых институтов"[2]. Он называет это "парадоксом Гэлбрейта". Д. Сиссел считает, что слабость данного построения в игнорировании рыночных сил, действующих в экономике, не исключая и её корпоративный сектор. Подтверждение этому он видит в острой рыночной конкуренции, охватывающей и корпорации внутри самой планирующей системы.

В последнее время имеют место попытки дополнения институционализма за счёт введения в его концепцию новых элементов, пересмотра устаревших положений. Наметилась очередная форма синтеза. На этот раз предпринимаются попытки соединить положения институционализма с неоклассической теорией. Об этом писал, например, У. Ростоу, выдвинувший модель "цивилизованного синтеза", предполагающую максимальное использование частного предпринимательства, свободного рынка в сочетании с административной и финансовой поддержкой инициативы со стороны государства. Выдвигается и обосновывается идея создания новой институциональной экономики. Таким путём предполагается расширить и усилить методологическую и теоретическую основу институционализма, создать "фундаментальную экономическую концепцию институтов", более обоснованную, чем прежде. Сторонники такого обновления опираются на идеи И. Шумпетера и Ф. Хайека, используют эволюционную теорию Р. Нильсона и С. Винтера, правовые концепции собственности.

Таким образом, концепция социально-институционального направления не остаётся без изменений. В современной западной теории институционализм, по-видимому, наиболее подвижная система взглядов, эволюция которой протекает весьма наглядно.

[1] Jornal of Economic Issues. (Sacramento). V. 18. N 3.

[2] Ibidem.

Лекция 21. *Радикальная политическая экономия*

Радикальную политическую экономию можно отнести к числу феноменов в эволюции современной экономической мысли развитых стран, поскольку её появление противоречит на первый взгляд привычной логике экономических учений. В ней отражаются усложнение проблем современной эпохи, новые явления в развитии производительных сил и общества, социальные и экономические противоречия.

Как направление современной экономической мысли радикальная политэкономия сформировалась в конце 60-х годов, хотя радикализм в экономической литературе капиталистических стран не представляет абсолютно нового явления. Его теоретические истоки восходят к работам таких экономистов, философов и социологов, как **П. Баран, П. Суизи, Р. Милс, Е. Фромм, Г. Маркузе** и др. Современные радикалы заявили о себе одновременно с широким размахом студенческого движения в США и других развитых странах. Возрос авторитет и укрепились их позиции в университетской науке. В США был создан союз сторонников радикальной политэкономии, началось издание "Review of Radical Political Economics". К радикалам относятся такие влиятельные экономисты, как **Г. Шерман, Ф. Гордон, Р. Эдвардс, Дж. О'Коннор** и др. За короткое время экономисты-радикалы создали обширную литературу. Одну из первых попыток её систематизации предпринял видный теоретик ра-

дикализма американский экономист Г. Шерман в книге "Полити-ческая экономия".

Критическому анализу радикальной политэкономии посвящен ряд работ отечественных экономистов[1], в которых раскрывается теоретическая основа, содержание, основные черты и особенности свойственных ей концепций. Радикальная политэкономия неоднородна по своему составу, социальной ориентации, задачам, решаемым ее представителями. В ней различают умеренное крыло, представители которого близки к либеральному реформизму, примыкают к посткейнсианству, либо социально-институциональному направлению. Экономисты-радикалы в определённой части опираются на идеи либерализма и развивают их. Наряду с этим оформилось леворадикальное течение, которое выходит за рамки либерализма. Левые радикалы — это представители средних слоёв общества, преимущественно критически мыслящей интеллигенции, университетских кругов, части студенчества, экономисты и социологи, разочарованные в результатах современной эволюции общества, напуганные негативными последствиями НТР, социальными катаклизмами, — они не только критикуют капитализм, но и отвергают его как систему. Отношение к социализму у них также отрицательное. Американский экономист Дж. Гэрли назвал это направление политэкономией "протеста и вызова".

В период формирования теоретики левого радикализма испытывали влияние движения "новых радикалов", развернувшегося в развитых странах. Однако отождествлять их или рассматривать леворадикальную позицию как разновидность движения "новых левых" нет оснований. Они не совпадают по многим позициям. Движение "новых левых" подверглось глубокому разложению и значительно утратило свои позиции. Леворадикальная политэкономия не связана с массовым движением. Деятельность экономистов-радикалов в основном ограничена сферой теории, научных исследований, преподавания, публицистики.

Леворадикалы подвергли критической переоценке западную экономическую теорию. Своим остриём эта критика направлена прежде всего против неоклассицизма. Экономисты леворадикального толка противопоставляют ему более реалистические построения, опирающиеся во многом на концепции посткейнсианства, институционализма, социальную теорию распределения, а также отдельные положения экономической теории К. Маркса. Теоретики радикализма обращаются к социальным проблемам, широко отражают их в своих концепциях.

Теоретики левого радикализма восприняли отдельные методологические и теоретические положения институционализма. Нередко они применяют институционалистскую трактовку общественной структуры, учитывают её влияние на экономический процесс, используют в своих теориях отдельные элементы новейших концепций трансформации экономики, например, таких, как "качество жизни". Вместе с тем леворадикалы не согласны с теоретиками трансформации, идущими по пути сохранения капиталистической системы, ограничивающимися её реформированием, обновлением и улучшением. С этой точки зрения критикуется концепция Дж. Гэлбрейта.

Критика капитализма в концепции леворадикалов образует исходный рубеж, от которого начинаются все последующие построения, формируются представления об альтернативных вариантах общественного устройства, называемых "экономикой участия".

Они обращаются к экономическому учению К. Маркса, используют его отдельные положения в своём анализе. Однако марксистский анализ капитализма как системы с вытекающими из него революционными выводами теоретики левого радикализма не воспринимают. В своей критике они делают различные акценты. Так например, большое место отводится проблеме взаимоотношения между потребителями и производителями, действию различных производных факторов, нарастанию противоречий между суверенитетом потребителей и суверенитетом производителей.

Следует отметить, что критика леворадикалов строится не столько на анализе объективных социально-экономических процессов, сколько на обращении к нормам морали и справедливости, принципам гуманизма, проблемам духовной сферы, подавления свободы личности, её способностей к творчеству и т.д.

Экономические теории левых радикалов не представляют чего-то единого и завершённого. Многие из них выступают за создание "новой радикальной политэкономии". По мнению американского экономиста Дж. Годзона, важнейшим звеном такого учения должны быть связи двух компонентов, воспринятых от К. Маркса и Дж. Кейнса. Однако вопрос о создании единой экономической теории остаётся открытым и учение левых радикалов по-прежнему отличается эклектизмом и разобщённостью.

---

[1] *Козлова К.* Леворадикальная политэкономия в США // Мировая экономика и международные отношения. 1978. № 2; *Наумитель М., Титова Н.* Леворадикальная концепция "благосостояния" // Экономические науки. 1983. № 5; *Наумитель М.Г., Титова Н.Е.* Иллюзии "общества благосостояния". М.: Высшая школа, 1984. 64 с.

Исследование проблем экономической динамики Н.Д. Кондратьевым

Хотя **Николай Дмитриевич Кондратьев** (1892–1938) был универсальным исследователем, проживал он в аграрной стране и интересовался сначала аграрной проблематикой ("Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии" — 1915, "Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции" — 1922). В своих ранних работах он рассматривает модель твёрдой цены на хлеб, модель косвенного ценового воздействия, а также смешанный метод ценообразования, основанный на сочетании твёрдого базиса цены с прогнозами её возможных изменений. Он ставит вопрос о пределах государственного вмешательства на рынке.

Кондратьев вплотную подошёл к концепции смешанных форм воздействия на экономику — со стороны государства, торгово-предпринимательских структур, местных органов власти, отдельных крестьянских хозяйств. Он выдвигал требование рыночной проверки методов государственной политики. Кондратьев исходил из необходимости сочетания на базе нэпа плановых и рыночных начал, выдвинул идею тесной связи и равновесия аграрного и индустриального секторов экономики. Эффективный аграрный сектор, — считал он, — способен обеспечить подъём всей экономики, стать гарантией устойчивости всего народного хозяйства. Кондратьев считал необходимой первоочередную помощь хозяйствам, приближающимся к фермерскому типу, способным обеспечить быстрое наращивание производства товарного хлеба. Его программа ориентировалась на поддержку крепких семейных трудовых хозяйств, способных стать основой экономического подъёма в стране.

Большую часть десятилетия 1920-х годов Кондратьев работал над проблемами народнохозяйственного планирования, составлял первые планы, ставил задачу создания макроэкономической теории планирования и прогнозирования. В решении вопросов конъюнктурных исследований (динамика цен, индексы объёмов производства в промышленности, сельском хозяйстве и т.д.). Кондратьев, будучи директором Конъюнктурного института при Наркомфине СССР, стоял на передовых рубежах мировой науки.

Кондратьев изучал объективные характеристики и тенденции рыночной экономики. Он рассматривал рынок как связующее звено между национализированным кооперативным и частным секторами, а также как важный источник хозяйственной информации. Значение плана учёный видел в обеспечении более быстрого, чем при спонтанном развитии, темпа роста производительных сил, а также

сбалансированного роста производства. Сочетание рыночных и плановых начал Кондратьев считал применимым во всей экономике. Однако указанную концепцию он модифицировал в зависимости от сектора. В сельском хозяйстве должны были преобладать косвенные методы воздействия на рынок, в национализированной промышленности — прямые.

Большую роль в реальности планирования Кондратьев придавал экономическим прогнозам.

Заслуга учёного в разработке стройной концепции научного планирования, сознательного воздействия на экономику при сохранении механизмов рыночного регулирования. Уже в конце 20-х годов Кондратьев подошёл к концепции индикативного планирования, реализованной на Западе после второй мировой войны.

Мировой науке Кондратьев известен прежде всего как автор теории больших циклов хозяйственной конъюнктуры ("Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны" — 1922. "Большие циклы экономической конъюнктуры" — 1925). Он развил идею множественности циклов, выделив различные модели циклических колебаний: сезонные (продолжительность — меньше года), короткие (продолжительность — 3–3,5 года), торгово-промышленные (средние — 7–11 лет) и большие (48–55 лет).

Он изучал статистические данные по Англии, Германии, США (динамику цен, процента на капитал, заработной платы, объёма внешней торговли, производства основных видов промышленной продукции). Период наблюдений и анализа составлял максимально 140 лет. На этот отрезок времени пришлось 2,5 закончившихся больших цикла[1]. Кондратьев во многом предугадал "Великую депрессию" 30-х годов.

"Перед и в начале повышательной волны каждого большого цикла наблюдаются глубокие изменения в условиях экономической жизни общества. Это выражается в изменениях техники, в вовлечении в мировые экономические связи новых стран, в изменении добычи золота и денежного обращения"[2]. Главную роль играют здесь научно-технические новации (изобретения в текстильной промышленности и производстве чугуна, строительство железных дорог, морского транспорта, массовое внедрение электричества, радио, телефона и другие новшества).

Длительные конъюнктурные колебания, считал Кондратьев, сопровождают эмпирические закономерности: а) на периоды повышательной волны каждого большого цикла приходится наибольшее

[1] Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 209.
[2] Там же.

количество социальных потрясений (войн и революций); б) периоды понижательной волны каждого большого цикла сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства; в) в период повышательной волны каждого большого цикла средние капиталистические циклы характеризуются краткостью депрессий и интенсивностью подъёмов; в период понижательной волны больших циклов наблюдается обратная картина.

В последние годы жизни Кондратьев намеревался создать фундаментальный труд по проблемам экономического развития (равновесие и рост, статика и динамика, цикл и кризис) в пяти томах. Последняя работа учёного "Основные проблемы экономической статики и динамики" была написана в Бутырской тюрьме, несколько глав из второй книги — в Суздальском политизоляторе.

ИЗ ЖИЗНИ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЁНЫХ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938) относится к числу выдающихся экономистов XX столетия. Член Американской академии социальных наук, Американской экономической ассоциации, Американского и Лондонского статистических обществ, Американской ассоциации по вопросам сельского хозяйства. После Октябрьской революции был профессором Московской сельскохозяйственной академии, директором Конъюнктурного института при Наркомфине (1920–1928), начальником управления экономики и планирования сельского хозяйства Наркомзема РСФСР. Под руководством Кондратьева разработан первый перспективный план развития сельского и лесного хозяйства СССР на 1923–1928 гг. Вопросам планирования и ценообразования посвящены его работы "Аграрный вопрос" (1917), "Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции" (1922), "К вопросу о дифференцировании деревни" (1927). Теория планирования в регулируемой рыночной экономике разработана в трудах "Проблема предвидения" (1926), "План и предвидение" (1927) и др.

Кондратьев — автор теории больших циклов конъюнктуры, смена которых связана с качественными изменениями в хозяйственной жизни общества. Он считал, что в политизированной советской экономической жизни слишком большой крен делается на подавление хозяйственной инициативы зажиточных крестьян, называемых "кулаками" (за что впоследствии был назван "идеологом кулачества"). В 1930 г. арестован, необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

В своих трудах Кондратьев руководствовался формулой Огюста Конта: "Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы управлять".

Василий Васильевич Леонтьев (р. 1906). Выдающийся учёный-экономист. Родился в России, в 1931 г. эмигрировал в США. В 30-х годах разработал метод экономико-математического анализа "затраты — выпуск" для изучения межотраслевых связей, структуры экономики и составления межотраслевого баланса, который широко применяется в практике прогнозирования и программирования экономики. За разработку межотраслевого баланса был удостоен в 1973 г. Нобелевской премии по экономике, звания почётного доктора МГУ им М.В. Ломоносова. Леонтьев — выпускник Петербургского университета.

Особенность модели Леонтьева состоит в том, что число основных материальных и стоимостных потоков национального хозяйства не ограничено, всё зависит от объёма информации и необходимых вычислительных средств. Межотраслевой баланс производства и распределения общественного продукта с разбивкой на несколько сот отраслей составляется во многих странах мира, он позволяет оценивать пройденный экономикой путь и прогнозировать её развитие.

VI. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Лекция 23. *Эволюция западных теорий благосостояния*

Западная теория благосостояния индивида и общества прошла ряд этапов. На первом этапе А. Смит сформулировал зависимость общественного благосостояния от: 1) количества годового продукта труда и числа потребителей; 2) достигнутого в обществе соответствия потребления годового продукта нуждам потребителей[1]. В общем виде можно сказать, что А. Смит поставил благосостояние в зависимость от производительности общественного труда и его пропорциональности потребностям.

Если А. Смит и его последователи концентрировали внимание на общественном благосостоянии, то неоклассическая теория (Л. Вальрас, К. Менгер, У. Джевонс и др.) поставила во главу угла индивидуальное благосостояние, которое определяется двумя рядами обстоятельств: предпочтениями индивида и наличием условий для осуществления рационального выбора (при использовании ресурсов в сфере производства и потребительских благ в сфере потребления). В начале XX в. В. Парето сформулировал принцип, согласно которому максимум благосостояния достигается при оптимальном размещении ресурсов, когда любое их перераспределение не увеличивает полезности в обществе[2].

Согласно указанному подходу австрийской и математической школ повышение благосостояния достигается через совершенствование механизма конкурентного рынка. Однако другие представители неоклассического направления показали недостаточность такого подхода из-за "провалов рынка". Согласно последователю А. Маршалла Пигу, оптимум благосостояния достижим лишь при государственном воздействии на использование ресурсов и их

[1] См.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., Соцэкгиз, 1962. См. также: *Hunt E.K.* History of Economic Thoryht. Wadsworth, 1979.

[2] *Pareto V.* On the Economic Phenomenon. Internetional Economic Papers. N 3. L., 1953. P. 184.

распределение доходов (поскольку выравнивание доходов максимизирует сумму полезностей в обществе).

Известный английский институционалист Дж. А. Гобсон во главу угла ставил индивидуальное благосостояние, определяя его критерии с точки зрения индивидуального здоровья, предполагающего гармонию физической и умственной деятельности. Обеспечение общественного благосостояния он возлагал на государство[1].

В еще большей мере воздействие государства на индивидуальное и общественное благосостояние подчеркивает теория Дж.М. Кейнса. Государство, влияя своей макроэкономической политикой на уровень занятости ресурсов и национального дохода, определяет тем самым и уровень благосостояния. Кейнсианство в определённом смысле вернулось к анализу благосостояния с общественных позиций, что было характерно для А. Смита[2]. Это выдвинуло на авансцену проблему соотношения индивидуального и общественного благосостояния, которая разрабатывалась видными западными экономистами А. Бергсоном, лауреатами Нобелевской премии К. Эрроу, П. Самуэльсоном и др.

По мнению К. Эрроу, принятие общественного решения требует постоянства системы предпочтений, предполагает выбор между известными обществу альтернативами. Одно из этих условий всегда нарушается (например, при решении вопроса голосованием)[3]. Эрроу отметил, что поскольку в обществе существует столкновение интересов, решение вопросов теории экономического благосостояния можно искать с помощью теории игр. Другой подход к теории благосостояния — это подход П. Самуэльсона, а также Бергсона[4] и Ланге.

А. Бергсон в 1938 г. разработал функцию всеобщего благосостояния придерживаясь, в отличие от своих предшественников, оценочных суждений, которые, по его мнению, могут формулироваться высшим авторитетным органом. С помощью этой функции можно оценить предложения об экономической политике. Концепция общественного благосостояния Бергсона названа ординалистской.

Теоремы общего благосостояния П. Самуэльсона основаны на работе А. Бергсона. По мнению Самуэльсона, из функции полезности нельзя вывести индекс цен на потребительские товары, так как одинаковая эластичность спроса от доходов маловероятна. Функция

[1] *Hobson J.A.* Work and Wealth. L., 1914. P. 9; *Hobson J.A.* Free Thougth in the Social Science. L., 1926.

[2] *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.

[3] *Bergson A.* Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics. Quarterly Journal of Economics. Febr. 1938. P. 310ff. См. также: *Arrow K., Samuelson P.A.* Foundations of Economic Analysis. Cambr., 1947. P. 220.

[4] *Mag K.* Technological Change and Aggregation. Econometrica. 1947. No 51. P. 51–63.

благосостояния не указывала на обязательность выбора одного из возможных состояний общества, но показывала предпочтительность одной ситуации из нескольких. Благосостояние рассматривалось как максимизация соотношений "затраты — выпуск". Так как функция благосостояния Самуэльсона показывала возможность сравнения полезности благ для разных потребителей, она противоречила мнению других теоретиков, считающих, что нужно выработать только критерий изменения благосостояния[1]. Примерами приложения теории благосостояния Самуэльсона служат проблемы государственных расходов и международной торговли. Здесь исходят из принципа, что большее всегда предпочтительнее меньшего. В отношении производства это даёт производственную функцию затрат и выпуска; в отношении индивидуального предложения и спроса это позволяет приравнять отношение предельных полезностей (или предельную норму заменяемости) соответствующему нормативному коэффициенту преобразования в производственной функции. В результате получаем систему уравнений с их числом, меньшим, чем число переменных, на $k - 1$ (где k — число индивидов).

Самуэльсон стремился найти функцию благосостояния общества, представляющую вектор k функций индивидуальной полезности:

$$W = W(U_1, U_2, ..., U_k),$$

где: W — порядковая функция подобно всем функциям индивидуальной полезности U_i ($i = 1, 2, 3, ..., k$), устанавливающая последовательный совместный общественный порядок всех возможных ситуаций. Самуэльсон характеризует функцию W как этическое убеждение всех доброжелательных людей. Каждая U_i зависит от индивидуального потребления и предложения им услуг. Недостающие $(k - 1)$ уравнений составляются, исходя из условий максимизации W при условии подчинения ограничениям, налагаемым остальными уравнениями системы. Для *оптимума* в теории экономического благосостояния требуется только то, чтобы W была заданной функцией (хотя бы и порядковой) — т.е. определимой с точностью до возрастающего монотонного преобразования. Не обязательно равенство или сопоставимость отдельных U_i, а также их суммирование (укрупнение) в форму типа

$$W = \sum_i W_i U_i.$$

Новые варианты теории благосостояния, появившиеся вместе с утверждением идеи социального контроля, регулируемого разви-

[1] *Samuelson P.* Foundations of Economic Analysis. Cambr., 1947. P. 220.

тия, в понятие "благосостояние" включают совокупность условий, определяющих качество жизни индивида[1]. Теория благосостояния активно влияет на экономическое развитие. В отличие от предшествующих вариантов, экономический рост становится функцией благосостояния. Эффективность, степень удовлетворения потребностей — все, что включается в понятие общественного благосостояния, отразилось в оценке отдельных индивидов, зависящей от их образа жизни и соответствующей системы ценностей. Отодвигая на второй план материальные потребности, Дж. Гэлбрейтом, У. Ростоу, Т Парсонсом и другими экономистами был сформулирован единый, общечеловеческий критерий благосостояния[2].

К 30-м годам XX в. относится начало формирования концепции "государства благосостояния". Общественно предоставляемые и субсидируемые услуги определяются как общественное благосостояние в том случае, если их не может предоставить частный рынок (Р Титмус, Э. Хансен, Г. Мюрдаль, П. Самуэльсон, С. Лейден, Д. Нейл, Дж Гэлбрейт и др.). Модели государства благосостояния включают комплекс институтов, призванных осуществить вмешательство в социальную и экономическую жизнь для обеспечения полной занятости, высокого уровня доходов и стабильных цен, а также программы социальной помощи непривилегированным слоям населения.

В общем смысле государство благосостояния — это система политики, в которой ответственность государства распространяется до ответственности общества за благосостояние граждан, а его цель — предоставление всем членам общества юридических, политических, социальных прав путём справедливого распределения доходов.

В последние десятилетия проблема благосостояния в западной теории рассматривается в двух основных аспектах (причём общим для обоих аспектов является стремление приблизить теорию к реальности). Первый аспект — это конкретно-историческое наполнение понятия "индивидуальное благосостояние" с точки зрения критерия "качества жизни", которых насчитывается от 5 до 35 в разных странах (экономических, политических, социальных, психологических), потребление, внерабочее время, изменение окружающей среды, факторы здравоохранения и образования, безопасность существования, участие в управлении, чувство цели, уровень доходов и т.д.

Второй аспект — это такое исследование механизмов реализации благосостояния, которое стремится преодолеть абстракцию "конкурентного рынка" и учесть реальную структуру социально-экономических отношений. Нобелевский лауреат Дж. Бьюкенен полагает,

[1] *Prest C.* Welfare Economics in Theory and Practice. L., 1977. P. 4.

[2] Journal of Economics. 1978. No 4. P. 565–566.

что необходимо исходить из того, что индивиды делегируют свои интересы организованным группам, которые, в свою очередь, стремятся навязать эти интересы через аппарат государства остальному обществу. Как и Эрроу, Бьюкенен приходит к выводу о невозможности сконструировать непротиворечивую функцию общественного благосостояния; однако, он продвинулся гораздо дальше Эрроу, так как исследует проблему выбора такого механизма, который минимизировал бы негативные последствия перераспределительных процессов и максимизировал позитивные.

Государство благосостояния у Бьюкенена — это форма "передающего государства". Передача средств в таком государстве определяется интересами, проявляющимися в политике перераспределения[1]. Институты такого государства должны функционировать, по его мнению, для достижения личных целей индивида-потребителя.

Таким образом, во всех новых тенденциях западной науки признаётся, что в результате расширения индивидуальных возможностей в конце XX в. основным и главным источником общественных преобразований становится индивид, а индивидуальное благосостояние выдвигается в качестве фундаментальной проблемы социально-экономического развития.

Поскольку индивид активно воздействует на жизнь, выявляя направления общественного прогресса, главной обязанностью общества становится вознаграждение индивидуальной инициативы, контроль за мерой труда и мерой потребления.

Аналитическое направление в западной экономической науке — экономика благосостояния — локализует экономические, общественные и политические детерминанты достижений цивилизации. Точный, модельный тип мышления, общий для авторов большинства анализируемых работ, пока ещё не вошёл в практику отечественных экономистов-теоретиков, что определяет отсутствие практической нацеленности, функциональных зависимостей, рекомендаций.

К числу теоретических проблем, которые предстоит решить в процессе формирования отечественной теории благосостояния, относятся: оценка общественной и экономической системы, критерия её эффективности; выбор целей и средств для достижения экономической оптимальности; возможности механизма спроса — предложения в удовлетворении индивидуальных потребностей; разработка программ по социальному обеспечению и преодолению бедности, экологических программ; законодательству по благосостоянию.

Совокупный спрос определяется после того, как каждый потребитель принял решение (например, поставив цель максимизации

[1] *Buchanan J.* The Political Economy of the Welfare State. Stockholm. 1968. P. 9.

полезности). Проблема сравнения общих уровней полезности разных потребителей не ставится. Одновременно необходимо укрупнить или сравнить полезности различных потребителей до того, как начаты поиски оптимальной ситуации (например, максимальное благосостояние общества).

Теория экономического благосостояния отличается от теории спроса тем, что в последней не выдвигается никаких посылок о характере рынка (например, существование чистой конкуренции между потребителями). Напротив, одна из целей теории экономического благосостояния — исследовать, можно ли чистую конкуренцию считать оптимальным условием (социальным), и если можно — то в каком смысле. В этой теории рассматриваются также оптимальные условия, например в отношении распределения доходов, налоговой, таможенной политики (Хотеллинг)[1].

Поскольку экономическое благосостояние зависит от количества годового национального дохода и численности населения, важнейшим представляется исследование соответствия потребления и потребностей индивидов.

В условиях перехода к рынку объектом исследования становятся способы действия и принципы, в соответствии с которыми потребление достигает максимального удовлетворения потребностей. Эта концепция является краеугольным камнем любой теории нормальной рыночной экономики. Осуществление принципа максимизации удовлетворения при минимуме затрат приводит к общему экономическому равновесию. При этом эффективное использование ресурсов должно сочетаться с более равномерным распределением доходов в обществе. Равенство предложения и спроса должно рассматриваться как важнейшее условие динамического равновесия, оценивающегося как равновесие темпов роста совокупных макроэкономических величин — дохода, капитала, рабочей силы и уровня техники. Кроме того, при решении проблемы благосостояния следует учитывать социальный аспект: функция благосостояния должна отвечать индивидуальным предпочтениям, отражать суверенитет потребителя. Важнейшими элементами последнего, а также равновесия экономики в целом являются гарантированный доход, удовлетворение потребностей в образовании, здравоохранении, информации для обеспечения свободы индивидуального выбора.

Экономическое развитие должно быть функцией индивидуального благосостояния, так как общественное благосостояние отража-

[1] *Hotelling H.* The General Welfare in Relation to Problems of Taxation and of Railway and Utility Rates // Econometrica. 1938. N 6. P. 242–269.

ется в оценке отдельных личностей, зависящей от их образа жизни и системы ценностей.

Общественное благосостояние правомерно отождествлять с максимизацией благосостояния предельно большого числа индивидов. Поэтому теория благосостояния призвана изучить уровень благополучия каждого индивида и взаимодействие разнообразных экономических методов, влияющих на индивидуальное благосостояние, а также реакцию индивида на происходящие в результате такого воздействия изменения.

Государство призвано способствовать усилиям индивида по созданию благосостояния: а) устанавливая контроль над бизнесом; б) разрабатывая эффективную систему налогообложения; в) принимая законы о гарантированных доходах; г) развивая художественное творчество и др.

Благосостояние индивида зависит от успешности выполнения его жизненного плана, реализации принципа социальной справедливости и минимума материального обеспечения в обществе. В целом индивидуальное благосостояние можно определить как функцию факторов, создающих окружение (среду) индивида:

$$w_i = f\sum_{1}^{n}\Phi_{\text{окр}},$$

где w_i — благосостояние i-го индивида; n — число факторов, главным из которых является индивидуальный потребительский выбор, присущий соответствующим предпочтениям индивида.

Индикатором экономического благосостояния признан уровень национального дохода на душу населения, а индикатором государственного контроля над благосостоянием — перемещение доходов и ресурсов между индивидами. Для временнуго и территориального анализа благосостояния существуют демографические, экономические, политические, культурные индикаторы.

Наряду с объективными факторами, индивидуальное благосостояние зависит от оценочного отношения индивида к своей жизни, ценностной ориентации и воли к реализации целей.

Проблему благосостояния способна решить экономическая система, производящая продукты с низкими совокупными затратами и наивысшей совокупной полезностью. Максимизация полезности индивидом происходит на рынке, в условиях общего рыночного равновесия, в результате формирования личности как потребителя.

Поскольку блага имеют различную полезность для потребителя, важно выявить его фактические предпочтения, проявляющиеся в

...ения на рынке, которые играют важнейшую роль в ценообразовании, а следовательно, и в формировании доходов потребителя. ...ивает проблема оценки соответствия прироста качества товара ...росту цены.

Максимизация полезности на рынке индивидом происходит при условии сбалансированности его бюджета. Поэтому возникает также проблема наблюдений за поведением потребителя при смене вариантов потребления (для выявления предпочтений).

Главным вопросом теории благосостояния в условиях рынка является экономическая оптимизация, которая понимается как максимальная производительность затрат труда, достижимая при рациональном использовании ресурсов. В точке оптимума производительные силы сопрягаются с суммой потребностей, производственный потенциал соответствует потребительному потенциалу. Исчерпание всех производственных возможностей и насыщение потребностей всех членов общества считаются признаком оптимума. Результатом оптимизации являются цены, так как оценки — это средства определения оптимального состояния экономики. Экономико-математическая теория, разработанная западными и отечественными экономистами-математиками (А. Курно, И. Госсен, Т. Тюнен, Л. Вальрас, Дж. Хикс, П. Самуэльсон, А. Вальд, К. Эрроу, Ж. Дебре, Л. МакКензи, Д. Гейл, А. Гранберг, Л. Канторович, В. Лившиц, В. Полтерович и др.), подтверждает необходимость рынка, децентрализации[1].

Для оптимума требуется определение функций общественного благосостояния. Изменение потребления связано с изменением ресурсов, уровней полезности, технологии производства, структуры предпочтений потребителей.

Для создания оптимальных социальных условий максимизации индивидуального благосостояния необходима устойчивость общего конкурентного равновесия, которое, в свою очередь, зависит от высокой экономической культуры потребителей и производителей, их умения участвовать в ценовой конкуренции, ориентироваться на максимизацию полезности. Конкурентное равновесие в условиях совершенного рынка воплощает форму оптимума.

Следует, однако, учитывать и трудности, возникающие в процессе функционирования рынка. Модели оптимизации не приспо-

[1] Handbook of mathematical economics / Ed. by K. Arrow, M. Intrilligator. Amsterdam ... North-Holland, 1982. V. 2; 1986. V. 3; *Gale D.* The law of supply and demand // Math. Scand. 1955. V. 3. N 1; *McKenzie R.* On equilibrium in Graham's model of world ... and other competitive systems // Econometrica. 1954. V. 22. N 1; *Полтерович В.М.* ... равновесие и оптимум // Экономика и математические методы. 1973. Т. 9, вып. 5; *Лившиц В.Н.* Оптимизация при перспективном планировании и проектировании. М.: Экономика, 1984; *Канторович Л.В.* Экономический расчет ... использования ресурсов. М.: АН СССР, 1959.

соблены для исследования таких проблем, как согласование цен, взаимодействие на рынке, влияние политики доходов на распределение благ.

Максимум эффективности достигается через концентрацию производства, которая определяется пропорциями и размерами рынка, контролем со стороны государства, транспортными издержками, численностью производителей. Кроме того, при анализе проблемы оптимума следует изучать не только снижение общей удовлетворённости при отклонении от точки равновесия на рынке, но и сопоставлять эти точки при различном первоначальном распределении ресурсов.

Определяя индивидуальное благосостояние как сумму благосостояний большинства членов общества, авторы вышерассмотренных концепций выступают одновременно интерпретаторами определённого этапа развития государства и рынка. Во всех этих теориях мы чётко прослеживаем проблему соотношения индивидуального и общественного благосостояния, взаимосвязь этих понятий с развитием экономики, человека и его потребностей, с историческим развитием.

Лекция 24. *Концепции формирования благосостояния на рынке*

Общепризнано, что конкуренция ведёт к снижению удельных затрат и цен через рост производительности труда, экономию ресурсов, отбор наилучших с точки зрения эффективности вариантов НТП, позволяет оценить труд, вознаграждая по результатам. Интерес к ней — это ключ, открывающий отрасли и внутренний рынок для новых экономических агентов, концентрации, картелизации, протекционизма против внешней конкуренции.

Рынок доказывает возможность приближения w к w^*, где w — благосостояние, w^* — оптимальное использование ресурсов. Конкурентное предпринимательство совместимо с высокой социальной мобильностью, выбором стиля жизни и источника доходов соответственно индивидуальным способностям и склонностям. Следовательно, между эффективностью рыночной экономики и индивидуальным благосостоянием существует положительная связь. Рынок задаёт своим участникам цены, ориентирующие производство на удовлетворение потребностей (так как они выражаются в спросе) и на наилучшую комбинацию факторов производства. В условиях рынка потребители быстро формируют и изменяют свои предпочтения в зависимости от цен, вырабатывая рациональное поведение, адекватное коллективному благосостоянию. Но для этого необходимы

определенные условия, главными из которых являются совершенная конкуренция и производственные возможности, основанные на убывающей отдаче последовательных затрат. При совершенной конкуренции рынок имеет свойства максимизации экономической эффективности, поскольку: а) неограниченное количество продавцов на каждом товарном рынке устраняет диктат производителя; б) все имеют равные условия доступа к ресурсам, технологиям и видам деятельности, которые означают единство цен производственных факторов и равный доступ к кредитам. Конкуренция создаёт заинтересованность собственника в реинвестировании прибылей, являясь "дефиницией поведения на рынке".

Современная теория совершенной конкуренции основана на теории предельной производительности и горизонтального спроса, суть которой определяется следующим образом: экономика будет функционировать эффективно, если производственные возможности и ресурсы используются, исходя из принципа экономии[1].

Теория общего рыночного равновесия разрабатывалась Л. Вальрасом (1984), П. Сраффой (1926), К. Чемберлином (1933), Дж. Робинсон (1933), Р. Хиксом (1939), П. Негиши (1961), К. Эрроу (1971), М. Маршаком (1974), Г. Селтеном (1974) и другими учёными. Первая модель общего экономического равновесия была создана Л. Вальрасом. Формальное моделирование рынков началось в 1838 г. с модели количественного набора А. Курно, установившего связь цены и спроса и определившего цены в соответствии с предельными затратами.

Научный анализ системы рыночного равновесия предусматривает применение линейного программирования, сравнительной статики. В частности, в их задачи входят вопросы изменения производства и потребления при изменении: 1) ресурсов; 2) уровней полезности; 3) технологии производства; 4) структуры предпочтений потребителей. Леонтьев и Нейман в замкнутой системе равновесия объединили потребление одной отраслью, назвав потребительские товары затратами, а трудовые услуги — выпуском, игнорируя при этом связи в потреблении (такие, как отраслевые связи в экономике). Однако было бы неверно считать, что устойчивость равновесия вытекает из самого существования рынка. Необходима высокая экономическая культура агентов, умение участвовать в ценовой конкуренции, ориентировка на максимизацию полезности.

Наилучшая из возможных комбинаций индивидуального благосостояния присуща концепции общего рыночного равновесия, отклонение от которого связано со снижением удовлетворения одних индивидов, бóльшим, чем прирост удовлетворения других. Так как

[1] Oxford Economic Papers. 1980. V. 41. N 4. P. 653–671.

оптимум для индивида зависит от его материального положения, т. равновесие зависит от первоначального распределения доходов. По этому следует сопоставлять точки равновесия, не совпадающие при различном первоначальном распределении доходов.

Таким образом, социальный критерий благосостояния должен быть интегрирован с экономическим анализом, что и осуществляет социальная функция благосостояния, без которой невозможно исследование роста индивидуальных полезностей.

Наиболее важной индивидуальной целью считается полезность от обмена доходами. Оптимальный обмен доходами предполагает моральные издержки риска, поэтому здесь целесообразно вмешательство государства. Однако доход индивида складывается под влиянием конкуренции, зависит от рыночного торга в пределах, поставленных минимальной заработной платой и общим объёмом доходов.

Мера благосостояния определяется на рынке с помощью "распределительных весов" и характеризуется индивидуальными оценками изменений в благосостоянии. Оптимальное распределение достигается перераспределением товаров между индивидами при условии увеличения полезности одного индивида без уменьшения полезности другого, что связано с оптимальностью производства. Последняя достигается при невозможности роста благосостояния одного индивида без перемещения ресурсов при существующей занятости[1].

Исследование роста индивидуальных полезностей связано с оптимизированным поведением экономических агентов в рамках теории общего равновесия, чем занимается новая классическая микроэкономика, базирующаяся на учениях Л. Вальраса, А. Маршалла, Дж.Б. Кларка, П. Фишера, Ф. Хайека. Основу моделей поведения на рынке составляет концепция адаптивных ожиданий. На основе всей имеющейся рыночной информации о состоянии и перспективах экономики, на рынке складываются рациональные ожидания, способствующие рыночной стабилизации. Происходит это потому, что экономические агенты гибко реагируют на конъюнктуру в соответствии с принципами оптимизации.

Для выполнения рынком регулирующих функций необходимо, чтобы потребитель мог воздействовать на рыночную ситуацию, а производитель — реагировать на изменение последней. Поэтому проблема мотивации действий экономических агентов является центральной в теории общего равновесия[2]. Важный класс составляют модели, в которых поведение экономического агента интерпретиру-

[1] Oxford Economic Papers. 1989. V. 41. N 4. P. 49.

[2] Review of Economics and Statistics. 1988. V. 70. N 1. P. 140–144.

ется как вектор потребления и производственного выпуска. Назначение этих моделей состоит в исследовании возможностей стабилизированного конкурентного рынка при решении проблемы индивидуального благосостояния агентов. Максимально выгодный обмен происходит только в условиях совершенной конкуренции, изучение которого основано на игровых теоретических методах.

В результате стабилизации рынка возникает излишек потребления, являющийся индикатором индивидуального благосостояния (Б. Райт, Дж. Вильямс), так как в результате стабилизации уменьшается изменение предельной полезности индивидуального дохода. Это показывают графики спроса, составляющиеся при подсчёте уровней потребления. Если известна функция спроса и коэффициент риска, при наличии рыночного равновесия подсчитывают издержки. Потребление меняется с изменением контингента потребителей и цены. Поэтому овладение экономическими методами ценообразования является важнейшим компонентом функционирования рынка.

Важным фактором ценообразования на рынке является информация. Поскольку информация о потребностях потребителя и насыщении рынка происходит через систему цен, совершенствование системы информации о состоянии цен и установление их равновесия входит в число важнейших условий роста благосостояния. В связи с этим проблема оптимизации рассматривается на двух стадиях: 1) получение информативной структуры, характеризующей функцию оптимального решения экономических агентов; 2) оптимизация издержек этой структуры. Каждая информативная структура использует свои функции оптимального решения, для каждого информационного сигнала определяет действия, максимизирующие условную полезность.

Исследование качественных результатов рыночного обмена доказывает, что постоянный высокий динамизм технологий обеспечивается частной собственностью в противоположность общественной собственности, обеспечивающей "технологическое однообразие"[1]. Общественная собственность может быть эффективна при обеспечении производством общего роста доходов, но это происходит в том случае, если собственником является потребитель (Дж. Итвел, М. Милджейт, П. Ньюмен).

Поскольку равновесное состояние экономической системы сохраняется только в условиях неизменных функций полезностей, на-

[1] Bös D., Seidl C. Welfare Economics of the Second Best. Wien, N.Y., 1986. P. 70.

[2] The New Palgrave. Allocation, information, and Markets / Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. L., 1989. P. 295.

чальных запасов, доходов и технологий, необходим постоянный пересчёт нового равновесия при изменившихся параметрах (например, увеличение спроса может сопровождаться падением цены). Этим занимается раздел теории равновесия, называемый сравнительной статикой.

Поскольку равновесие на рынке почти всегда достигается за счет взаимодействия экономических агентов, государство не может установить равновесные цены, имитируя рынок в соответствии с законом спроса и предложения. До сих пор неизвестны универсальные механизмы установления равновесных цен, быстро реагирующие на изменения целей и технологий. Поэтому, очевидно, правомерна мысль о том, что создание рыночного механизма должно являться основой, на которой базируется государственная политика достижения целей индивидуального благосостояния.

Принцип стабильности розничных цен, осуществляемый в нашей стране с конца 50-х годов, обрекал экономику на дестабилизацию, несбалансированность, деформированность. Построение смешанной рыночной экономики подсказывают нормативные модели, используемые в западной экономической литературе.

С помощью рынка возможен гибкий и эффективный контроль за соответствием производства совокупным индивидуальным потребностям, имеющим глубокий смысл как фактор роста индивидуального благосостояния. Потребности связаны с экономическими основами благосостояния, эффективностью, характером распределения, сбалансированностью спроса и предложения и другими проблемами. Имея внутренним содержанием максимум эффективности, потребность выступает как интерес, имеющий форму максимума полезности. В экономическом отношении индивид выступает именно с этим мотивом. Выделение потребностей связано с индивидуальным потреблением, фондом экономического благосостояния.

Реальные потребности выявляет рынок, а потребление зависит от его развития. Однако потребление связано также с традициями, экономической политикой государства, социальной защищённостью потребителя, характером производства, ступенью исторического развития производителей, характером труда, здоровьем индивида, типом его семьи, доходами, психологией и т.д.

В моделях потребления индивидуальное благосостояние связано с распределением доходов, ростом дохода отдельного экономического агента[1]. Потребление — это индивидуализированная функция. Основной элемент конечного общественного спроса — совокупные индивидуальные расходы — воздействуют на тенденцию длитель-

[1] Journal of political economy. 1989. V. 97. N 2. P. 350.

ного экономического роста и являются индикатором напряженности конъюнктуры рынка. От точности оценки потребительского спроса зависят перспективы бизнеса и конкуренции. Макроэкономические показатели индивидуального потребления закладывают и основу анализа общеэкономической конъюнктуры. Важны также микроэкономические показатели потребительского спроса, установление связи его отдельных звеньев с секторами производства. Являясь конечной целью, потребление оказывает активное воздействие на производство, формирует человеческий фактор, обеспечивая жизнедеятельность индивида. Индивидуальное потребление стимулирует и регулирует производство, так как экономическое развитие является функцией от возрастающих потребностей. Потребительский спрос формирует товар и стимулирует деловую активность уже в фазе проектирования. Количественная оценка воздействия обратных связей на производство дана экономистами, исследовавшими механизм "мультипликатор — акселератор". П. Самуэльсон доказал, что высокий уровень потребления способствует новым инвестиционным программам.

Таким образом, формирование потребностей и увязка их с потреблением, управление поведением потребителей на рынке, определение критериев потребления, эволюция структуры расходов и потребления являются важнейшими направлениями в моделировании благосостояния. Необходимо изучать обратное влияние потребления на производство, удовлетворение потребностей как критерий развития индивида и общества, законы, регулирующие потребление, условия роста потребления, закономерности развития непроизводственной сферы как сферы воспроизводства человека, формирование реальных доходов, качество жизни, региональные проблемы благосостояния.

Доказательством тому, что рынок даёт возможность повернуть производство лицом к потребителю, является анализ формирования и развития рынков жилья в западной экономической литературе Л. Смитом, Ж. Розеном, Дж. Фаллисом, Р. Дьюзенберри, Дж. Квиккином, Р. Арноттом, Дж. Мак-Дональдом и др.[1]

Рынок жилья — важнейшего товара — способен поглотить значительную часть потребительского спроса, а обеспеченность жильем является наиважнейшей составляющей индивидуального благосостояния. Обширная литература, в частности, по **новой экономике урбанизации**, доказывает наличие равновесия на рынках жилья в городах. Жилищные услуги оказываются на конкурентной основе в соответствии с неоклассической производственной функцией, использующей в качестве переменных землю и постройки.

[1] Journal of economic literature. 1988. V. 26. N. 1. P. 29–57.

Поскольку рынок жилья тесно связан с государственным сектором, разрабатываются модели уровней услуг и норм налога, капитализированных в ценах на жильё. Проводится политика местного налогообложения.

Спрос на жилищные услуги исследуется в простых одноперио-дных моделях максимизации полезности домовладельцев, использующих в качестве переменных текущие цены, доходы, сбережения (чаще анализируется перманентный доход). В анализе пристранственных рынков жилья используется статическая модель. Доказано, что потребление жилья прямо пропорционально общему потреблению, а улучшать стандарты жилья можно только через рынок.

Рыночная информация о характеристиках каждой единицы жилищных фондов, издержках по сделкам обусловлена разнородностью и их пространственной зафиксированностью. Регулирование рынков жилья основано в основном на предложении различных форм использования земли, так как неземельные факторы (труд, капитал, стройматериалы) влияют в данном случае на спрос незначительно.

Об оптимальности рынков жилья говорить сложно, так как в ценах не отражаются кредиты и закладные. Интерес к кредиту под недвижимость считается индикатором рынка недвижимости. В целом подобный анализ в западной литературе представляет несомненный интерес для отечественных экономистов с точки зрения изучения и разработки программ создания рынков жилья в нашей стране. Таким образом, "рынок был и является аккумулятором благосостояния, основным социальным институтом, формой реализации гигантской энергии и производительности в каждой сфере экономики ... непререкаемой истиной для роста потребления... Рынок изменяет уровень индивидуального благосостояния, объём и структуру предложения, экономно распределяет ресурсы, формирует рациональную при данном уровне доходов структуру потребления"[1].

С другой стороны, в результате действия рыночного механизма происходят отклонения от социального и экономического оптимума, которые призвано корректировать государство.

Для обеспечения относительной независимости каждого индивида (как важного показателя его благосостояния) важны централизованное регулирование занятости, поддержка государством мелких индивидуальных производств, образования, здравоохранения, внешнеэкономических связей, гарантированного минимального дохода, стимулирование НТП.

[1] Journal of economic literature. 1988. V. 26. N 1. P. 53.

Для успешного функционирования рынка необходимы экономическая самостоятельность, отсутствие глубоких дисбалансов в экономике, вовлечённость в мировой рынок, активная экономическая и социальная деятельность государства.

Лекция 25. *Теории государственного воздействия на общественное благосостояние*

Роль государства обосновывается в рамках теорий государственных финансов и социального выбора (Т. Безли, Дж. Бьюкенен, Д. Миллер). В целом по проблеме масштабов экономической деятельности государства, основанного на демократических принципах, ведётся широкая дискуссия с разными точками зрения. Поскольку некоторые современные западные теории государственного вмешательства в экономику имеют общеэкономический характер, их исследование приобретает сейчас особенную актуальность для экономики России. Несомненно, что активное и объёмное участие государства в переходных к рынку процессах следует сохранить, имея в виду обеспечение экономической стабилизации, проведение структурной перестройки хозяйства, обеспечение ведущей роли социальной сферы, сохранение национального пути развития. Государство должно конструировать национальный рынок, преобразуя планово-распределительные структуры управления во вспомогательные структуры конкурентного рынка[1].

Аргумент распределения и перераспределения стоит одним из первых в системе аргументов необходимости государственного осуществления равновесия всех социальных групп[2].

Базовой проблемой государства является выявление путей оптимального использования ресурсов в целях рациональности современного потребления[3]. Ряд благ государство предоставляет в силу их общественной ценности, независимо от индивидуальных предпочтений потребителя. Наилучшим способом коррекции индивидуальных предпочтений считается индикативное планирование.

Успешность функционирования экономики зависит от установлений конституционного порядка и прав собственности, отсутствие которых увеличивает неопределённость и риск в принятии экономических решений, уменьшая ожидаемые выгоды от долгосрочных проектов и вложений.

[1] Экономические науки. 1992. № 1. С. 73.
[2] Journal of public economics. 1988. V. 35. N 3. P. 371–382.
[3] Op. cit. P. 395–398; 1989. V. 37. N 3.

Важнейшей является проблема распределения ресурсов в государственном секторе, решаемая путём анализа пропорции "затраты — доходы" (СВА)[1]. Анализ СВА основан на принципе компенсации убытков потребителя доходами. Самой сложной является проблема определения неудовлетворённости сравнительно с удовлетворённостью. В рамках СВА издержки и доходы рассчитываются в сфере потребления.

С целью получения максимальной общественной и индивидуальной прибыли распределять ресурсы в условиях их ограничения должно государство.

Проблемами благосостояния в результате применения государственных инвестиций занимается сензитивный анализ. Поскольку рыночное распределение не гарантирует права индивида на стандарт благосостояния, обеспечивающий достойную жизнь вне зависимости от экономической деятельности, государство должно вмешиваться в проблему распределения доходов. Эффективность государства измеряется объёмом и динамикой его социальных расходов, так как последние являются средством и условием развития индивидуальности.

Социальные государственные программы по созданию развитой социальной инфраструктуры являются одной из важных функций по снижению неравенства доходов. На этой конкретной деятельности основана концепция "государства благосостояния" (Р. Титмус, Э. Хансен, П. Самуэльсон, С. Лейден, Д. Нейл, Дж. Гэлбрейт и др.).

Как представляется, оптимальность и социальную справедливость можно объединить понятием социального благосостояния. Функция социального благосостояния равна невзвешенной функции индивидуального благосостояния. Социально-экономическая оптимальность означает максимизацию социального благосостояния в условиях ограничений, налагаемых законами природы. Достижение социальной оптимальности посредством государственной политики особенно важно для экономики экологии и производства общественных благ, а также информационной обеспеченности крупных проектов и политических издержек, которые несёт государство.

Равенство благосостояния не подразумевает равенства доходов, поэтому справедливое распределение не связано с получением равных доходов.

Существует, однако, и другая точка зрения, связанная с тем что всякое расширение потребления исторически связано с неравным распределением благ. Вынужденное равенство препятствует прогрессу. Поэтому можно говорить об оптимальном распределении

[1] *Price C.* Welfare economics in Theory ans Practice. L., 1977. P. 97.

покупательной способности. Тогда возникает вопрос: если в результате перераспределения спрос на одни блага возрастёт, на другие — снизится или прекратится, сможет ли государство поддержать утраченную деятельность? Очевидно, сначала следует максимизировать индивидуальную, а затем общую полезность. Отклонение от максимума индивидуального благосостояния представляется нелогичным, так как вмешательство в максимизацию индивидуального благосостояния снижает суммарный показатель благосостояния, является отклонением от достигнутой точки равновесия. Поэтому государственное вмешательство там, где этого не делает рынок, противоречит целям индивидуального благосостояния.

Положительное влияние государственной политики распределения можно принять лишь в плане формирования доходов людей со средними и низкими доходами. Главным здесь представляется государственное стимулирование индивидуальной деятельности через систему налогообложения, так как получающий доход индивид — это предприниматель, косвенно увеличивающий национальный продукт, а индивидуальный доход является социально потребляемым. Государственная политика всегда потенциально опасна в плане подавления индивидуальной активности инфляционными и другими стимулами. Изменения в налоговой структуре влияют на уровень и структуру экономической активности индивида.

Распределение доходов связано с проблемой инфляции. Нельзя допускать потери доходов средних слоёв, самой массовой и экономически активной части общества (увеличивая, например, выплаты бедным). Избирательность в распределении противоинфляционной компенсации усиливает социальную несправедливость, деформирует структуру доходов, подрывает стимулы к труду, растёт социальная напряжённость.

В целом усиление технологической многоукладности экономики, многообразие форм и субъектов присвоения, экономических связей, условий использования ресурсов предопределяет необходимость существования смешанной рыночной экономики, глобальный переход от государства благосостояния к приватизации. Возникают вопросы о возможности производства общественных благ на частном или смешанном предприятии, о единственности критерия общественного блага для решения вопроса о месте его производства и т.д.

Условием для создания общества, в котором максимально удовлетворяются потребности личности, является любая форма смешанной экономики. В обществе, основанном на множестве разнообразных форм собственности и контроля, наряду с государственным планированием и значительной ролью рыночного механизма расширяется автономность личности, позволено делать реальный выбор и

участвовать в различных формах потребления и производства, возрастает возможность создания конституционных и коммуникационных предпосылок для оптимизации удовлетворения основных потребностей.

Социальная смешанная экономика должна быть основана на принципах свободы принятия решения об инвестициях для индивида, свободы выбора работы, свободной конкуренции, разумного соотношения между рыночными экономическими принципами и перераспределением благ через государственную систему социальной помощи. Для эффективности такой экономики политика стимулирования роста должна сочетаться с политикой увеличения занятости, расширения области личных потребностей и потребления, активизации деятельности отдельного человека. Этого можно достичь интенсивным использованием достижений НТП, развитием инициативы и укреплением дисциплины.

Лекция 26. *Теоретические представления о достижении благосостояния в России*

Проанализировав эволюцию западных экономических теорий благосостояния, следует рассмотреть, в какой мере рекомендации западных авторов могут быть применимы к условиям современной России.

Будущее нашей рыночной экономики, тип социально-экономического развития ещё во многом неясны, и поэтому обращение к трудам западных мыслителей позволяет, возможно, приблизиться к некоторому прогнозированию будущего.

Переход к новому типу экономической системы, основанному на взаимодействии разных социальных типов хозяйства, связан с существованием противоречий между максимизацией благосостояния и условиями перехода к смешанной рыночной экономике. Переходный период всегда связан с ухудшением благосостояния народа, поскольку отсутствует налаженный хозяйственный механизм, обеспечивающий рациональное использование производственных ресурсов. Поэтому рассмотрение проблемы благосостояния в переходный период, по нашему мнению, должно сводиться к решению вопроса: как из всех возможных состояний перехода суметь выбрать наилучший, наименее болезненный для народа?

Представляется, что одной из главных задач, стоящих перед Россией в условиях кризиса, является создание рынком надежных источников доходов для большинства населения, а также адекватной оценки фактора трудовых ресурсов. С одной стороны, реальный

переходный период усугубляет противоречие между благосостоянием и методами создания рынка, с другой — оптимизирует выбор.

Известно, что экономическое развитие и высокий уровень использования ресурсов органически связаны с частной инициативой. Рынок, субъективные стимулы гарантируют равновесие экономики. Условиями достижения равновесия являются добровольная безработица на рынке труда, отсутствие избыточного капитала, гибкое реагирование цен и заработков на изменение конъюнктуры и ожиданий экономических агентов.

Создание рыночных отношений в нашей стране, несомненно, должно способствовать преодолению экономического кризиса недопроизводства, гиперинфляции, а также восстановлению важнейших экономических пропорций, повышению уровня индивидуального и общественного благосостояния. Нормальная конкурентная среда, рыночное равновесие ликвидируют дефицит товаров и свободного времени, спекуляцию, другие негативные явления, делающие невыполнимым решение проблемы благосостояния.

Для построения рыночной экономики необходимо уяснить содержание рынка и экономических отношений, пронизывающих социально-экономическую систему. Построение рыночной экономики предполагает необходимость не только теоретического познания законов, экономических методов, но и практического усвоения сути внутренних механизмов рыночных отношений, принципов и регуляторов рынка.

Метод организации рынков ставит, в свою очередь, первоочередную проблему создания детальных экономико-образовательных и научных предпосылок кардинального поворота, механизма рыночной конкуренции, инфраструктуры рынка.

Экономическая ситуация, сложившаяся в России (гиперинфляция в условиях резкого падения производства, грозящая массовая безработица), претензии местных управленческих структур на политическую власть, социальная напряжённость и т.п.), приводит к выводу о необходимости приватизации, налоговой политики, стимулирующей предпринимательство в производстве, создание системы защиты малоимущих.

Перестройка отечественных структур, создание системы конкурентных товарных рынков со свободным ценообразованием, формирование в дальнейшем регулируемого рыночного механизма должны привести к глобальному социальному прогрессу, зрелому этапу трансформации общества на путях гуманизма и демократизации. Ориентация рыночного механизма зависит от методов создания рынка. Демократические методы, основанные на науке и организационных действиях, когда старое заменяется подлинно новым, а не просто упраздняется — таков путь к общему благосостоянию.

Ключевой проблемой при этом является преобразование социальной природы богатства, т.е. отношений собственности.

Экономические агенты, добивающиеся максимальной полезности от своей работы, ответственные за использование ресурсов, должны быть собственниками этих ресурсов.

Современный рынок функционирует лучше всего при многообразии форм собственности, когда каждая из них может доказать наивысшую эффективность. при этом нельзя игнорировать специфику национального аспекта социальной сферы, что может иметь тяжёлые последствия. Нарастание противоречий в отношениях собственности позволяет прогнозировать длительную социальную борьбу в российском обществе. Поэтому актуальна гибкая политика устранения социальной несправедливости, компенсации потерь собственности, доходов, накоплений, рабочего места, социальных прав граждан.

Несомненно, что проведенная в стране ваучеризация ускорила внедрение рыночных отношений. Однако следует иметь в виду, что ваучеризация не решила ряд крупных проблем: не создаётся массовый класс мелких собственников, народное хозяйство не получает финансовых ресурсов от этого процесса и др. Кроме того, обостряется социальная дифференциация в обществе, значительная часть населения отделяется от государственной собственности, сотни миллиардов рублей попадают на потребительский рынок, инвестиции концентрируются в спекулятивно-финансовом обороте.

Наиболее значимым, масштабным, сложным экономическим методом управления, от применения которого зависит экономическое благосостояние, является ценообразование, поскольку деформации в соотношениях цен нарушают социальную справедливость распределения, эквивалентность обмена. Цена несёт не только экономическую, но и социальную нагрузку, обеспечивая распределение созданного продукта. Поэтому все слагаемые системы цен должны быть признаны покупателем, а на рынке должны соединяться интересы производителей и потребителей. Это возможно лишь в состоянии социально-экономического оптимума.

Наряду с качеством товара, численностью покупателей, условиями реализации, цена является основным фактором, влияющим на интенсивность спроса. Сравнительная оценка товара влияет на предпочтения потребителей, связанные с оценкой прироста качества товара. Если последняя соответствует приросту цены, то цена приемлема для покупателя. В свою очередь, издержки производства могут быть признаны основным ценообразующим фактором, если они признаются потребителем. Оценка качества изделия как соответствующего цене, возможна при наличии конкуренции на рынке и

информированности потребителя. Кроме того, качество товара формируется на рынке с учётом потребностей в этом товаре, что предупреждает воспроизводство новых диспропорций в системе "производство — потребление".

Цены, особенно розничные, обратной связью влияют на спрос и предложение. Запоздавшее устранение разрыва между доходами населения и товарным обеспечением, возникающее при превышении спроса над предложением, ведёт к дестабилизации финансов и разбалансированности экономики. Представляется, что налоговое регулирование при плавающих рыночных ценах является лучшим вариантом индикативного планирования цен. Желаемая коррекция в действии механизма рыночной самонастройки (что возможно в условиях развитого рынка) может быть достигнута путём манипуляции налогами.

Негативным последствием нынешнего деформированного ценообразования является не только разбалансированность обменных операций и появление диспропорций в экономике, но и деформация экономических отношений всех фаз воспроизводства по всему жизненному циклу движения товара.

Ценовой механизм и конкуренция не только насыщают рынок, но и вызывают соперничество за потребителя, ответственность перед ним. Условия и требования к продукту диктует потребитель, а производитель переналаживает производство, повышает качество, чтобы остаться на рынке, не допустить снижения дохода. Однако всё это присуще развитой экономике с насыщенным рынком. В процессе же перехода к рынку при сохранении дефицита производитель сохраняет монопольное положение, взвинчивая цены и получая дополнительный доход без увеличения выпуска и улучшения качества. Поэтому необходимо применение государственного контроля над ценами.

Первичной формой регулирования цен является наблюдение за ценами со стороны правительственных органов, которыми занимаются статистические управления, научно-исследовательские центры профсоюзов (которые предстоит создать в России), специальные независимые фирмы, университеты. Цель наблюдения — определение индекса ежегодного номинального роста доходов, влияние роста цен на издержки производства и национальную конкурентоспособность. Государственное вмешательство в ценообразование предусматривает санкционированное правительством завышение издержек производства (за счёт завышения амортизационных отчислений). Прямое государственное воздействие на цены оказывают государственные субсидии, снижающие издержки производителей.

При развитии рыночного ценообразования следует, во-первых, учитывать социальный разряд рынка, наличие различных хозяйственных структур в результате признания многообразных форм собственности. В зависимости от этого определяется соотношение на рынке государственных твёрдых, регулируемых договорных или свободно устанавливаемых цен. Отсутствие этого соотношения нарушает равновесие. Обоснованность цен определяется в конечном счёте степенью пропорциональности народного хозяйства. Поэтому добиться сбалансированности невозможно без оптимизации его структуры, которая должна учитывать тенденции развития мирового рынка.

Во-вторых, цена должна проходить проверку рынком на основе учёта спроса, а на стадии производства следует определять лишь лимитные уровни. В-третьих, для достижения рыночного равновесия (что следует учитывать в ценообразовании) необходима балансировка товарных рынков с ресурсными. В-четвёртых, структура оптовых и розничных цен должна быть приведена в нормальное состояние. Использование до перехода к рынку межотраслевой модели сбалансированной системы оптовых цен как первого приближения к будущей системе рыночных цен, по рекомендации В. Леонтьева, позволило бы избежать резких экономических потрясений при переходе к нормальному рынку. Хотя рынок конкурирующих производителей может привести экономику к социально-экономическому равновесию, этот процесс будет затянут и чрезмерно расточителен из-за неправильно использованных ресурсов.

Универсальная, совершенная модель рыночного механизма, в том числе ценообразования, пока не изобретена. Но для выхода на мировой рынок предстоит решать проблему совершенствования системы цен, расчётов рыночных цен равновесия, эластичности, нахождения оптимального сочетания цен фиксированных, регулируемых и свободных, степени косвенного воздействия государства на цены.

Важнейшее значение в решении проблемы благосостояния имеют продовольственные программы (в социально-экономическом и экологическом плане). От решения проблемы оптимального питания зависит реализация генетического потенциала индивидов, социальных групп, наций.

Бедствия народа с низким уровнем дохода на душу населения и высокой смертностью вызывают самую серьёзную тревогу. Преодоление такого положения неразрывно связано с созданием развитого продовольственного рынка страны, что связано с необходимостью повышения эффективности сельскохозяйственного производства, создания новых форм хозяйств, в том числе фермерских. Известно,

что фермерские хозяйства наиболее приспособлены к росту отраслевой производительности труда, вырабатывают механизмы удешевления продукта, роста благосостояния потребителя, что важно в переходный период в условиях кризиса недопроизводства.

От обеспеченности продовольствием зависит политическая стабильность в обществе. В условиях социальной и политической напряженности переходного периода государство должно способствовать сохранению стабильных цен на продовольствие, субсидируя их. Об этом писал Дж. Гэлбрейт, приезжая в Россию в 1991 г. Государственная поддержка сельского хозяйства и сдерживание роста цен на продовольствие являются важнейшей инфляционной и антикризисной мерой. Спрос на продовольствие мало эластичен по отношению к ценам, и поэтому в результате либерализации цены на сельскохозяйственную продукцию могут быть очень высокими. Рост цен на продовольствие при большой доле затрат на него в доходах населения России ведёт к росту доходов, обеспеченных лишь инфляционной эмиссией. Гиперинфляция наступает тогда, когда в условиях спада производства допускается свободный рост цен на продовольствие.

Оптимальный путь решения продовольственной проблемы видится в расширении инвестиций в сельское хозяйство, повышении урожайности сельскохозяйственных продуктов с уже обрабатываемых площадей, а также в совершенствовании системы распределения.

В целях решения продовольственной проблемы, например, Дж. Уорнок предполагает развитие как "движение к полной реализации человеческого потенциала всех индивидов, то есть осуществление эгалитарного идеала на уже достигнутом уровне материального производства"[1].

Отраслевая структура сельского хозяйства меняется под воздействием индивидуализации спроса, развития потребностей и предпочтений индивида. Фермерский сектор испытывает сильное ценовое и организационно-экономическое давление конкуренции. Усиление качественных аспектов конкуренции в сфере переработки и сбыта способствует снижению отношения расходов на продовольственные товары к доходу, повышению качества продовольствия, удешевлению производства. Эта приспособленность фермерства на Западе является результатом концентрации в фермерском секторе массового производства относительно однородных продуктов. В результате основные функции по снижению совокупных затрат в сельском хозяйстве выполняют именно фермерские хозяйства. С учётом

[1] Warnock J.W. The politics of hunger: the global food system. Toronto. 1987. P. 21.

сложившихся условий развитие фермерства в нашей стране представляется необходимым в период перехода к рыночной экономике.

При анализе данного вопроса особое внимание уделяют полезности продуктов сельского хозяйства, ориентирующегося на дифференцированное и постоянно меняющееся потребление индивидов. Игнорирование этих изменений в потреблении может привести к неверной оценке роли отдельных звеньев в удовлетворении потребностей индивида и общества в целом.

В условиях перехода к рынку, кризиса недопроизводства представляет несомненный интерес анализ спроса через косвенную функцию полезности, которая может быть использована для составления выпуклой программной модели с минимальным количеством значений косвенной функции полезности[1].

Проблема динамики спроса тесно сопряжена с эффективностью сельского хозяйства в условиях рыночных отношений. Спрос доминирует над межсекторным обменом, регулирует цены на продовольствие, что демонстрирует анализ динамических моделей общего рыночного равновесия. Рынок призван ликвидировать отсутствие права распоряжаться своим товаром, слабую координацию промышленного и сельскохозяйственного секторов экономики, их экономическую обособленность от потребителя, практическое отсутствие механизма, связывающего производство и потребление.

Одним из важнейших аспектов благосостояния индивида является его занятость в общественном производстве. При переходе к рынку так же, как и в рамках функционирования развитого рыночного механизма, неизбежна безработица. Но если общество ставит целью достижение целей индивидуального благосостояния, обеспечение эффективной и стабильной занятости должно являться одной из главных задач экономической политики.

Причина безработицы, по мнению Ф. Хайека, кроется в отклонении от равновесных цен и заработков, которые сложились бы в условиях стабильного рынка и стабильных денег. Безработица связана с несовпадением распределения факторов производства между отраслями и распределения спроса на продукцию этих отраслей, что вызвано искажением системы соотношений цен и заработков. Высокий и стабильный уровень занятости достигается созданием рынка, установлением соответствия спроса и предложения в каждом секторе экономики.

Особенности ситуации с занятостью в нашей стране заключаются в плюрализме форм собственности, вызванном низкой эффективностью использования ресурсов. Задача заключается в том, что-

[1] Collaborative Paper. (Luxemburg. Austria). 1983. March. P. 1.

бы найти такие формы и границы связи индивида с частью общественного богатства, при которых он воздействовал бы на эффективность использования ресурсов. Для смягчения влияния спонтанных рыночных сил необходима монетарная и фискальная политика. Первая призвана регулировать спрос на рынке капиталов, обеспечить стабильность стоимости денег. Цель второй заключается в ликвидации бюджетного дефицита.

Начальный этап перехода к рыночным отношениям определяет формирование новых, не всегда положительных тенденций в мобильности рынков труда, понижая интенсивность перераспределения рабочей силы на постоянную и временную работу. Вследствие кризисных явлений, спада производства и сокращения рабочих мест повышается вероятность устойчивой безработицы. Усиление несбалансированности рабочих мест и трудовых ресурсов, ухудшение условий реализации права на труд и доходы связано с дальнейшим углублением различий и понижением уровня экономического благосостояния. В связи с этим возникает проблема создания такой модели управления занятостью, которая сочетает эффективное использование трудовых ресурсов с механизмом социальной защищённости населения. Это предполагает макрорегулирование структуры рабочих мест, максимальную свободу партнёров в выборе вида труда и места жительства.

Современное состояние экономики, возможность появления массовой безработицы выдвигает на первый план проблему сокращения предложения рабочей силы, пересмотра границ совокупного фонда рабочего времени, сокращение продолжительности рабочей недели, неполную занятость, гибкий режим рабочего времени (в развитых странах Запада численность работающих неполное рабочее время составляет 25–55%, у нас — 1%).

Главное — не допустить массовой безработицы, так как в России в условиях низкого уровня экономического благосостояния это будет социальным бедствием. Необходим массовый охват молодежи профессиональным образованием, что позволит государству активно влиять на безработицу. Следует увеличить рабочие места в торговле, общественном питании, здравоохранении за счёт строительства новых предприятий, расширять частный сектор в сфере услуг, стимулировать самозанятость.

В условиях перехода к смешанной рыночной экономике, где имеет место недостаточный совокупный спрос, следует стимулировать инвестиционную деятельность предприятий. Смысл инвестиций заключается не в гарантии полной занятости, а в создании возможностей. Мировая практика показывает, что для того, чтобы в условиях рынка предприятия функционировали в соответствии с мотивом

прибыли, и в этих условиях была обеспечена долговременная занятость, ежегодные темпы роста дохода от капитала должны находиться на уровне 3–6%. Капитал при этом целесообразно расходовать: 1) на выплату социальных дивидендов всем членам общества; 2) на финансирование инвестиций, которые не под силу отдельным предприятиям. В первую очередь это относится к развитию инфраструктуры, связанной с производством общественных благ.

В условиях продолжающегося и нарастающего спада производства обостряется проблема экономического роста. Тенденция экономического роста зависит от совокупных индивидуальных расходов — основного элемента конечного общественного спроса, от точности оценки потребительского спроса. Поэтому в основу анализа общеэкономической ситуации закладывают микроэкономические показатели индивидуального потребления. Во-вторых, необходимо установление связи микроэкономических показателей потребительского спроса с секторами производства. Экономический рост является функцией от потребностей, поэтому индивидуальное потребление стимулирует и регулирует производство.

Изменение уровня капитальных расходов является важнейшим инструментом поддержания инвестиционной активности, так как вызывает рост национального дохода и потребления, наивысшую загрузку мощностей. Интенсивность применения капитала позитивно связана с продолжительностью занятости. Производства с высокой интенсивностью применения капитала в технологии обладают длительным жизненным циклом. Излишек капитала может служить инструментом политики доходов.

Политика доходов, обеспечивающая превышение доли прибылей над инвестициями в национальном доходе, может служить условием эффективности функционирования системы. Это является следствием постоянной динамики бюджетов работающих.

Однако не следует упрощать проблему. Нестабильность может возникнуть в силу ряда причин, например, изменения темпов роста производительности труда при изменении пропорции "издержки — выпуск", либо — изменения результатов инвестирования в кратко- или среднесрочном периоде, или — в зависимости от типа технического прогресса — в долговременном периоде. Кроме того, темп роста производительности труда может измениться в связи с изменениями в интенсивности технического прогресса, колебаниями трудовых ресурсов. На производительность труда непосредственно влияют долговременность занятости, изменение возможностей утилизации в промышленности, возраст производственных фондов, тренды в росте производительности труда, темпы юнионизации в промышленности. Занятость труда и капитала влияют на производи-

тельность позитивно. Изменения в возрасте производственных фондов и вновь созданных фондов (в сторону увеличения) влияют негативно. Кроме того, эффект производительности снижается существованием максимально долговременной занятости, поскольку последняя не способствует росту интенсивности труда[1]. Поэтому цель заключается в достижении не максимальной, а высокой и стабильной занятости, что и обеспечивает функционирующий рынок совместно с государственной политикой.

Занятости способствует система социального обеспечения. Для поддержания социальных программ, по мнению автора, следует: а) расширить социальное обеспечение по месту работы (по болезни, беременности, родам, увольнению в размерах, превышающих законодательно установленный государственный минимум). Предприятия, применяющие частное страхование, должны получать налоговые субсидии; б) расходы на социальные нужды должны составлять примерно 30% государственных расходов; 2/3 социального бюджета следует направлять на здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение; в) обеспечение цели социальной справедливости должно быть возложено на профсоюзы; г) в структуре расходов на 1-м месте должны находиться пенсии, на 2-м — медицина, на 3-м — семейные пособия, на 4-м — пособия по безработице, далее — на профобучение, обеспеченность жильём, несчастные случаи и профзаболевания, жертвам войны; д) производить антиинфляционную индексацию социальных выплат.

Вышеназванные изменения носят сложный, комплексный характер. Поэтому главная задача в условиях перехода к смешанной рыночной экономике — добиться сочетания микроэффективности с макростабильностью.

Частное предприятие (индивидуальное или коллективное), являющееся главной единицей производственного сектора в рыночной смешанной экономике, не должно исключать эффективного макроэкономического вмешательства государства.

Государство должно всемерно расширять и поощрять предпринимательство, которое пока носит характер первоначального накопления финансового капитала и имущества непроизводственного назначения. Известно, что накопление средств инфляционными методами не может продолжаться долго. Коммерческий капитал должен либо принять активную форму инвестиций в производстве дефицитной продукции, либо наступает гиперинфляция и товарный дефицит становится абсолютным.

[1] The Review of Economics and Statistics. 1987. V. 69. N 4. P. 632–634.

В условиях смешанной экономики с её широким негосударственным сектором, частными и кооперативными предприятиями, можно решать вопросы рыночной корректировки деятельности государственных предприятий, создавать рациональные варианты в структуре собственности. Однако следует иметь в виду, что для достижения эффективной и стабильной занятости государственные органы должны воздействовать на производство непосредственно (лицензирование инвестиций, контроль за ценами, политика доходов). Косвенных методов, использующих в качестве главного инструмента капитальные затраты, здесь, очевидно, недостаточно. Основной функцией государства должна быть координация стратегических экономических решений, а главной задачей — перераспределение благосостояния.

Государство необходимо для обеспечения соответствия между динамикой благосостояния и ресурсами; факторами производства; доходами и расходами населения, с одной стороны, и структурой производства — с другой; потреблением и движением общественного богатства и т.д. Хотя рынок — это саморегулирующаяся система, а государство — система сознательного управления, они не исключают друг друга. Проблема разграничения функций этих систем не решается без учёта реальной структуры экономики, что показали Дж.М. Кейнс, О. Ланге, Дж.К. Гэлбрейт и др.

Для достижения сбалансированности экономики планирование должно выступать как индикативный регулятор рынка. Директивное планирование эффективно только при централизации НТП, развитой информационной базе, низком производственном динамизме, ограниченных потребностях, что противоречит современному развитию, диктующему требования высокого уровня экономического благосостояния, качества жизни, сочетания полицентризма с международной интеграцией, роста динамизма производства.

Рост уровня экономического благосостояния зависит от эффективности мероприятий по активизации человеческого фактора, обогащения содержания труда, что обусловлено наличием специальных широких знаний, складывающихся в процессе развития системы образования. Необходима высокая экономическая культура, умение участвовать в ценовой конкуренции, ориентироваться на максимизацию полезности. Расширение системы образования является средством уменьшения разрыва между спросом и предложением различных видов труда. Рост образовательного уровня является одним из факторов роста доходов.

Значение фактора образования в теории благосостояния обусловлено постоянно увеличивающейся ролью профессиональных знаний. Полученные в рамках современной системы образования знания

устаревают в течение 2–3 лет работы. Поэтому необходимое образование — это инвестирование капитала на перспективу в 40 лет.

Э. Хант, Г. Шерман, Г. Джентис, С. Боулз и другие учёные связывают с системой образования достижение подлинного общества благосостояния — гуманизацию жизни, духовное возрождение каждого индивида. По их мнению, основными в таком обществе являются проблемы индивидуализма, развитости рыночных отношений.

Постоянная активизация деятельности индивидов, по мнению этих учёных, является путём к созданию модели общественного благосостояния. Индивидуальный вклад в построение такого общества ставится в зависимость от: а) личных способностей (физических, эмоциональных, умственных); б) социальной среды (семья, производство, общество в целом); в) материального благосостояния индивида. Основой для социальных изменений является борьба за прогрессивное обучение (среди администрации, преподавателей, студентов). Эта борьба за прогрессивное сознание должна стать основой "любого движения, целью которого является устранение противоречий между индивидами и обществом". Кроме того, перестройка духовного мира каждого индивида будет способствовать решению экологических проблем, "ибо его внутренняя разобщённость является главной причиной экологических нарушений"[1].

Взаимодействие личностных и общественных систем в социально ориентированном обществе по Г. Джентису[2]

Рис. 1

[1] Welfare Aspects of industrial markets / Ed. by M. Jong, F. Jacquemin. Leiden, 1977. P. 38–39; *Bowles S., Gintis H.* Schooling in Capitalist America. N.Y., 1988. P. 360–361.
[2] American Economic Review. 1988. V. 78. N 1. P. 216–223.

От состояния образования и культуры в обществе зависит содержание и направление общественного прогресса (Г. Джентис, С. Боулз, В. Розенбаум, Н. Биренбаум, Е. Альтфатер и др.).

Большинство радикальных экономистов связывает разрешение возникающих в обществе благосостояния конфликтов с рынком — "надёжной регулятивной системой, отделяющей экономическую власть от политической в сочетании с корректирующим воздействием государственных структур"[1].

Главная функция государства, по их мнению, должна состоять в социальной защите индивидов, которая немыслима без развитой системы образования. Это "должна быть преимущественно университетская система, которая позволяет совместить образование индивидов с суверенитетом рынка"[2].

Для повышения шансов на рынке работник может инвестировать свой доход в целях роста квалификации, уровня образования. Это подробно анализируется в рамках теории "человеческого капитала" Дж. Бекера, Т. Шульца, Дж. Минцера, доказавших связь вложений капитала в рост квалификации и повышения темпов роста экономики и доходов.

Необходимо в условиях перехода к рынку закрепление за индивидом прав собственности на знания, технологию (публикации, патенты, авторские свидетельства). Приобретать интеллектуальную продукцию на рынке, регулировать рынок через налоговую систему призвано государство. Привлечение в систему образования государственных инвестиций (вклады, безналоговые и беспроцентные кредиты) обусловлено развитием рынков капиталов.

Главным для профессионального образования в нашей стране явится рынок труда. Увеличение расходов на образование наряду с недопущением высокого уровня безработицы всегда считались и считаются в западной теории и практике ключевыми моментами в кризисных ситуациях. В целях роста профессиональной подготовки необходимо создание специальных государственных фондов на основе льготного налогообложения. Обучение основам информатики, иностранным языкам, социальной психологии, экологии, работе на компьютерах, приобретение второй специальности будет облегчать трудоустройство, создаст предпосылки перехода к непрерывному образованию.

Поскольку наивысшую полезность для потребителя товар приобретает, лишь участвуя в мировой конкуренции, проблему индивидуального благосостояния следует решать также на путях актив-

[1] American Economic Review. 1988. V. 78. N 1. P. 222.

[2] Ibidem.

внешнеэкономической деятельности как отдельных фирм, так и государства. Анализ западных моделей показал, что результатом открытой торговли являются ликвидация отечественного монополиста внешними производителями, снижение цен, рост качества и, как следствие, рост индивидуального благосостояния потребителя. В международных условиях торговли, активно влияющих на благосостояние, особенно важны условия конкуренции, экспортные и производственные убытки, энергичная антимонопольная политика государства.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЁНЫХ XX СТОЛЕТИЯ О ПРЕДМЕТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПРЕДМЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ[1]

Введение

Цель этого эссе — изложить наши представления о природе и значении экономической науки. Следовательно, наша первая задача состоит в том, чтобы определить границы её предмета, то есть сформулировать рабочее определение этой отрасли знания.

К сожалению, задача эта не так проста, как кажется на первый взгляд. Усилия экономистов за последние полтораста лет породили систему общих положений, правильность и важность которых может поставить под сомнение только невежда или упрямец. Однако единой точки зрения относительно сущности предмета всех этих обобщений не существует. В центральных главах всех трактатов по экономической теории с незначительными разночтениями излагаются одни и те же основные принципы этой науки. Но во вступительных главах, поясняющих предмет исследования, мы можем заметить значительные расхождения. Все мы говорим об одном и том же, но до сих пор не решили, о чём именно[2].

[1] Автор — Л. Роббинс.

[2] Чтобы читатель не подумал, что я преувеличиваю, приведу несколько типичных определений. Ограничусь при этом англосаксонской литературой, поскольку, как будет показано ниже, в других странах дела обстоят лучше. "Экономическая наука занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния" (Маршалл). "Экономическая наука — это наука, рассматривающая явления с точки зрения цены" (Davenport). "Цель политической экономии — выяснить, каковы общие причины, от которых зависит материальное благосостояние людей" (Cannan-2). "Определение экономической науки как науки о материальной стороне человеческого благосостояния слишком широко [Экономическая наука — это] исследование общих способов сотрудничества людей с целью удовлетворения своих материальных потребностей" (Beveridge). Согласно профессору Пигу, экономическая наука исследует экономическое благосостояние, которое, в свою очередь, определяется как "сфера благосостояния, где можно прямо или косвенно применить денежную шкалу измерения" (Пигу). В дальнейшем мы увидим, какое значение имеют эти различия в определениях.

Однако удивляться этому или укорять экономистов не стоит. Как отметил сто лет назад Милль, определение науки почти всегда не предшествует её созданию, а следует за ним. "Подобно городской стене, оно, как правило, возводится не для того, чтобы окружить здания, которые будут построены впоследствии, а для того, чтобы огородить нечто, уже существующее" (Mill). Действительно, из самой природы науки вытекает, что определить её предмет невозможно до тех пор, пока она не достигла определённой стадии развития. Единый предмет науки можно определить лишь тогда, когда обнаружилось единство тех проблем, которые она в состоянии решить, а для этого, в свою очередь, необходимо установить взаимосвязь её основных объясняющих принципов[1]. Современная экономическая наука возникла на базе практических и философских исследований в различных областях: от изучения торгового баланса до дискуссий о законности взимания процента (Cannan, Schumpeter). Лишь сравнительно недавно экономическая наука стала достаточно единой, чтобы обнаружить идентичность проблем, изучаемых этими различными направлениями исследований. На более ранних стадиях любая попытка определить её сущность была обречена на неудачу и являлась лишь напрасной тратой времени.

Однако как только наука становится единым целым, к напрасной трате времени ведёт уже отказ от определения её предмета. Дальнейшее развитие возможно лишь в случае, если ясно определена его цель. Выбор проблем не может более определяться наивной рефлексией. Он диктуется имеющимися в единой теории пробелами, несовершенством объясняющих принципов. Не осознав, в чём заключается это единство, легко пойти по ложному следу. Несомненно, одна из главных опасностей, подстерегающих современных экономистов, заключается в том, что они очень часто занимаются вещами, не имеющими отношения к решению основных проблем своей науки. Столь же несомненно, что исследование центральных теоретических проблем гораздо быстрее продвигается там, где ставятся и решаются вопросы о предмете науки. Кроме того, если мы хотим удовлетворительно применять нашу теорию и правильно понимать, в каких отношениях она находится с экономической практикой, нам совершенно необходимо знать, в какой области и при каких ограничениях действуют теоретические положения. Следовательно, мы можем с лёгким сердцем приступить к решению проблемы, которая на первый взгляд кажется чисто академической — к определению общего предмета экономической науки.

---

[1] Основные деления наук лежат не "фактические" связи "вещей", а "мысленные" связи проблем (Вебер).

"Материалистическое" определение экономической науки

Наиболее популярные (по крайней мере, в англоязычных странах) определения экономической науки связывают её с изучением причин материального благосостояния. Это можно сказать об определениях Э. Кэннана, А. Маршалла и даже В. Парето, подход которого во многих отношениях отличается от подхода обоих английских экономистов. Такой же смысл имеет и определение Дж.Б. Кларка[1].

Надо признать, что это определение на первый взгляд представляется вполне практичным. В обыденном словоупотреблении слова "экономический" и "материальный" действительно используются как синонимы. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что значат для обывателя такие выражения, как "экономическая история" или "конфликт между экономическими и политическими интересами". Разумеется, некоторые проблемы, которые, очевидно, относятся к предмету экономических исследований, не подходят под это определение, но на первый взгляд кажется, что речь идёт об исключениях, предельных случаях, учесть которые не удаётся при любом определении.

Однако главным критерием правильности такого определения является не его соответствие некоторым аспектам обыденного словоупотребления, а способность точно описать предмет основных обобщений данной науки[2].

Проверяя данное определение по этому критерию, мы обнаруживаем в нём недостатки, которые никак не назовёшь незначительными или второстепенными. Напротив, этих недостатков вполне достаточно, чтобы сделать вывод о том, что оно не отражает ни предмет, ни истинное значение основных положений экономической науки.

---

[1] Кларк признаёт наличие трудностей, которые мы обсудим ниже, но неожиданно вместо того, чтобы отвергнуть данное определение, пытается выйти из положения, изменив значение слова "материальный".

[2] В этой связи, видимо, стоит разъяснить одно недоразумение, часто встречающееся в дискуссиях о терминологии. Нередко утверждают, что научные определения понятий, употребляемых как в обыденной речи, так и в научном анализе, не должны отклоняться от их обыденных значений. Это, конечно, недостижимый идеал, но, в принципе, данное требование можно принять. Разумеется, если одно и то же слово употребляется в деловой практике в одном значении, а в научном анализе этой практики — в другом, то это порождает большую путаницу. Достаточно вспомнить трудности, связанные с разными значениями термина "капитал". Но одно дело — учитывать обыденное словоупотребление, вводя тот или иной термин, и совсем другое — считать обыденную речь высшей инстанцией в вопросе об определении науки. В последнем случае нас интересует именно предмет обобщений данной науки, и только изучая эти обобщения, мы можем определить саму науку. Иной подход не возможен.

Давайте выберем любой раздел экономической теории и проверим, насколько его содержание покрывается приведённым выше определением. Например, теория заработной платы бесспорно является неотъемлемой частью любой системы экономического анализа. Можем ли мы согласиться с тем, что явления, которые она изучает, относятся к "более материальной" части человеческого благосостояния?

Заработная плата, строго говоря, — это денежная сумма, полученная за труд под руководством нанимателя по заранее обусловленной ставке. В более широком смысле, в котором этот термин часто употребляется в экономическом анализе, он обозначает трудовой доход, отличающийся от прибыли. Конечно, некоторые виды заработной платы представляют собой цену труда, увеличивающего материальное благосостояние. Но столь же бесспорно, что другие виды зарплаты, например зарплата музыкантов оркестра, платятся за работу, не имеющую к материальному благосостоянию ни малейшего отношения. Однако оба вида труда получают цену и вступают в кругооборот обмена. Теория заработной платы применима и к тому, и к другому случаям. Её выводы не ограничены видами заработной платы, вознаграждающими труд, который совершается ради "более материальных" аспектов благосостояния.

Аналогичная ситуация возникает, если мы от труда, за который заработная плата выплачивается, перейдём к предметам, на покупку которых она расходуется. Предположим, некто настаивает на том, что теория заработной платы удовлетворяет приведённому выше определению предмета экономической науки не потому, что предметы, производимые наёмным работником, способствуют чужому материальному благосостоянию, а потому, что получаемая им плата увеличивает его собственное. Такая точка зрения также не выдерживает критики. Наёмный работник может купить на свою заработную плату хлеб, а может — театральный билет. Теория заработной платы, игнорирующая суммы, которые выплачиваются за "нематериальные" услуги или ради достижения "нематериальных" целей, никуда не годится. Такая концепция разрывала бы замкнутый круговорот обмена и не позволяла бы создать общую теорию этого процесса. При таком искусственно ограниченном предмете исследования было бы невозможно сформулировать сколько-нибудь существенные обобщающие выводы.

Невозможно себе представить, что какой-либо серьёзный экономист попытался бы таким образом ограничить сферу действия теории заработной платы, даже если он и пробовал ограничить в этом духе предмет всей экономической науки. Однако мы были свидетелями попыток отрицать возможность приложения экономического

анализа к поведению, направленному на достижение не материального благосостояния, а иных целей. Ни кто иной, как профессор Кэннан, настаивал, что говорить о политической экономии войны бессмысленно по определению, поскольку экономическая наука исследует причины материального благосостояния, а война таковой не является. Это заявление профессора Кэннана может быть оправдано как моральное суждение относительно возможного использования абстрактного знания на практике. Однако совершенно ясно — и это показывает деятельность самого профессора Кэннана — что, хотя экономическая наука не может быть использована для успешного ведения боевых действий, организаторы войны вряд ли могут вовсе без неё обойтись.

Парадоксально, что упомянутое высказывание профессора Кэннана содержится в его работе, которая в наибольшей степени во всей англоязычной литературе использует аппарат экономического анализа для исследования многих неотложных и запутанных проблем, возникших в обществе, перестроенном на военный лад.

Привычка некоторых современных английских экономистов связывать экономическую науку с исследованием причин материального благосостояния представляется ещё более загадочной, если мы вспомним, с каким единодушием все они приняли "нематериальное" определение производительного труда. Как известно, Адам Смит различал производительный и непроизводительный труд исходя из того, создавал ли данный вид труда осязаемый материальный объект: "Труд некоторых самых уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой стоимости и не закрепляется и не реализуется ни в каком длительно существующем предмете или товаре, могущем быть проданным, который продолжал бы существовать и по прекращении труда... Например, государь вместе со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собой непроизводительных работников... К одному и тому же классу должны быть отнесены как некоторые из самых серьёзных и важных, так и некоторые из самых легкомысленных профессий — священники, юристы, врачи, писатели всякого рода, актёры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и пр."

Современные экономисты, и в первую очередь профессор Кэннан, отвергли это толкование производительности[1]. Постольку, поскольку труд оперного певца или балетного танцовщика является объектом спроса, будь то частного или коллективного, он должен

[1] Возможно, они зашли при этом слишком далеко. Каковы бы ни были пороки Смитовой классификации, она играла в теории капитала важную роль, которую современные экономисты не всегда понимают.

рассматриваться как "производительный". Но что же он производит? Может быть, материальное богатство, поскольку он доставляет удовольствие бизнесменам, которые вследствие этого с удвоенной энергией берутся за организацию производства материальных благ? Такой ответ отдаёт дилетантизмом и является не более чем бесплодной игрой словами. Он "производительный" потому, что он ценится, потому, что он обладает специфической ценностью для различных "экономических субъектов". Современная теория настолько отдалилась от точки зрения Адама Смита и физиократов, что не признаёт производительным даже труд, создающий материальные объекты, если последние не имеют ценности. Более того, профессор Фишер, как и некоторые другие, убедительно показал, что доход, полученный от использования материального объекта, в конечном счёте является "нематериальным". От пользования своим домом, точно так же как от пользования услугами лакея или оперного певца, я получаю доход, который "исчезает в момент производства" (Fisher).

Но если дело обстоит именно так, значит, описывать экономическую науку как исследование причин материального благосостояния просто неверно. Услуги балетного танцовщика составляют часть богатства, и экономическая наука исследует образование цен на них точно так же, как, например, на услуги повара. Каков бы ни был предмет экономической науки, она, очевидно, не занимается причинами материального благосостояния как таковыми.

То, что данное определение просуществовало до наших дней, объясняется главным образом историческими причинами. Это последний рудимент влияния физиократов. Английские экономисты обычно не интересуются вопросами предмета и метода. В девяти случаях из десяти они просто некритически переписывают определение предмета из более ранних работ. Но в случае с профессором Кэннаном дело обстоит иначе. Нам будет поучительно проследить за ходом рассуждений, заставивших человека столь острого и проницательного ума избрать именно это определение.

Смысл любого определения заключается в его использовании.

Профессор Кэннан выводит своё определение из того, что́ является экономическим, а что́ — нет, и использует его в тесной связи с обсуждением "основных условий, определяющих богатство изолированного человека в обществе"[1]. Это далеко не случайно. Можно утверждать, что, если мы подходим к определению экономического анализа именно в этом контексте, "материалистическое" определение кажется более правдоподобным, чем в других случаях. Это утверждение нуждается в более подробном обосновании.

[1]Так называется глава II ("Богатства") Кэннана в 1-м издании

Профессор Кэннан начинает с того, что рассматривает действия человека, полностью изолированного от общества, и задаёт вопрос, чем определяется его богатство, то есть материальное благосостояние. В таком контексте разделение всех действий на "экономические" и "неэкономические", т.е. направленные на увеличение материального и нематериального благосостояния, имеет какой-то смысл. Копая картошку, Робинзон Крузо увеличивает своё материальное, или "экономическое", благосостояние; разговаривая с попугаем, он занимается "неэкономической" деятельностью. Здесь, правда, есть некоторая трудность, к которой мы должны будем вернуться впоследствии, но, во всяком случае, это разделение хотя бы понятно.

Но предположим, что Крузо спасён, он вернулся домой и зарабатывает на жизнь, разговаривая с попугаем на потеху публике. Очевидно, что теперь эти разговоры имеют экономический аспект. Независимо от того, расходует ли Крузо заработанные деньги на покупку картошки или на занятия философией, его доходы и расходы могут быть выражены с помощью основных экономических категорий.

Профессор Кэннан не задаётся вопросом, насколько полезно его разграничение для анализа экономики, основанной на обмене, хотя именно в этой области экономические обобщения имеют наибольшую практическую ценность. Вместо этого он переходит к рассмотрению "фундаментальных условий богатства" общества в целом независимо от того, построено ли оно на базе частной собственности и свободного обмена или нет. Здесь его определение также имеет смысл: совокупность действий членов общества можно разделить согласно его классификации. Одни действия направлены на достижение материального благосостояния, другие — нет. Представим себе, например, управляющего в коммунистическом обществе, который решает, сколько рабочего времени надо затратить на производство хлеба, а сколько — на устройство цирковых представлений.

Но даже в этом случае, как и в упомянутой ранее экономике Робинзона Крузо, рассуждения профессора Кэннана допускают возражение, которое на поверку оказывается решающим. Будем использовать термины "экономический" и "неэкономический" в том смысле, какой им придаёт профессор Кэннан, т.е. "ведущий к материальному благосостоянию" и "ведущий к нематериальному благосостоянию". Далее предположим, что общество бывает тем богаче, чем больше времени оно посвящает достижению материальных целей (и, соответственно, чем меньше оно тратит на цели нематериальные). Но даже в этом случае мы должны признать (употребляя слово "экономический" в его самом обычном смысле), что существу-

ет экономическая проблема выбора между этими двумя видами деятельности — проблема распределения ограниченного ресурса (в сутках только двадцать четыре часа). Иными словами, существует экономическая проблема выбора между "экономическим" и "неэкономическим". Таким образом, оказывается, что одна из основных проблем теории производства наполовину находится за пределами определения профессора Кэннана!

Не является ли это само по себе достаточным аргументом, чтобы от него отказаться?[1]

Определение экономической науки через "редкость"

Но где искать более подходящее определение? Надо сказать, что положение вовсе не безнадёжно. Критический анализ "материалистического" определения сам подвёл нас к определению, которое будет свободно от этих недостатков.

Давайте вернёмся к простейшему случаю, в котором мы обнаружили неадекватность данного определения, — к изолированному человеку, делящему своё время между производством реального дохода и отдыхом. Мы только что установили, что такое разделение имеет экономический аспект. Но в чём именно он заключается?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо определить условия, при которых данное разделение является необходимым. Их четыре. Во-первых, изолированному человеку нужен и реальный доход, и отдых. Во-вторых, и того, и другого у него недостаточно, чтобы удовлетворить соответствующие потребности полностью. В-третьих, у него есть возможность потратить своё время и на увеличение реального дохода, и на дополнительный отдых. В-четвёртых, можно предположить, что в подавляющем большинстве случаев его потребность в различных компонентах реального дохода и отдыха будет различной. Поэтому ему приходится выбирать, "экономить". Распределение его времени и ресурсов зависит от его системы потребностей. Оно имеет экономический аспект.

Это типичный пример экономической проблемы. С точки зрения экономиста условия человеческого существования характеризуются следующими четырьмя фундаментальными положениями: чело-

[1] Есть и другие противоречия, связанные с этим определением. С философской точки зрения термин "материальное благосостояние" звучит очень странно. "Материальные причины благосостояния" — это понятно. Но говоря о "материальном благосостоянии", мы пытаемся разделить на отдельные элементы, в сущности, неделимые состояния души. Однако для целей данной главы нам лучше сосредоточиться на главном вопросе: может ли данное определение действительно описать то, что мы хотим определить?

век стремится к различным целям, время и средства, находящиеся в его распоряжении, ограничены; они могут быть направлены на достижение альтернативных целей; в каждый момент времени разные цели обладают различной важностью. Да, мы таковы — существа, наделенные ощущениями, желаниями и притязаниями, массой инстинктивных стремлений, побуждающих нас к действию. Но время для действий ограниченно. Внешний мир не предоставляет нам возможностей для достижения всех наших целей. Жизнь коротка, а природа скупа. Цели других людей не совпадают с нашими. Но мы можем употребить свою жизнь на то, чтобы заниматься разными делами, используя имеющиеся ресурсы и услуги других людей для того, чтобы добиваться различных целей.

Сама по себе множественность целей не представляет интереса для экономиста. Если я хочу достичь двух целей, обладаю для этого достаточным временем и достаточными средствами и не нуждаюсь во времени и средствах для каких-то других надобностей, то моё поведение не принимает тех форм, которые относятся к предмету экономической науки. Нирвана — вовсе не обязательно сплошное блаженство. Это просто полное удовлетворение всех потребностей.

Сама по себе ограниченность ресурсов также не составляет достаточного признака экономических явлений. Если средства ограничены, но не имеют альтернативного использования, их нельзя "экономить". Падающая с небес манна была редким благом, но, поскольку обменять её на что-либо или отложить её потребление[1] было невозможно, она не являлась объектом какой-либо деятельности, имеющей экономический аспект.

Но и наличие альтернативных возможностей использования редких ресурсов также не представляет собой достаточного условия существования явлений, которые мы здесь изучаем. Если у субъекта есть две цели и одно средство для их достижения, причём обе цели одинаково важны, то он употребляется ослу из басни, бесконечно выбирающему между двумя равно привлекательными охапками сена[2].

Но если время и средства для достижения целей ограниченны и допускают альтернативное использование, а цели можно расположить по степени важности, то поведение неизбежно принимает форму

---

[1] Это, пожалуй, стоит подчеркнуть особо. Достижение одной и той же цели с помощью одних и тех же средств, но в разные моменты времени представляет собой различные способы использования этих средств. Если не отдавать себе в этом отчёт, то можно проглядеть один из важнейших типов экономических действий.

[2] Эта оговорка кажется здесь излишней, и в первом издании этого эссе я опустил её. Однако существование иерархии целей имеет настолько большое значение в теории ценности, что лучше ввести это условие уже на данной стадии исследования.

выбора. Каждое действие, предполагающее затрату времени и редких ресурсов для достижения какой-либо цели, подразумевает тем самым, что они не будут использованы для достижения другой цели. Такое действие имеет экономический аспект (Schonfeld, Mayer)[1]. Если я хочу есть и спать, но в данный момент не могу полностью удовлетворить обе свои потребности, то, значит, часть их так и должна остаться неудовлетворённой. Если на протяжении своей жизни я хочу стать и философом, и математиком, но моя скорость усвоения знаний для этого недостаточна, то, значит, моё желание останется частично неисполненным.

Не все средства достижения человеческих целей ограниченны. Некоторые предметы внешнего мира встречаются в таком изобилии, что использование их не требует отказа от других благ. Одно из таких "свободных" благ — это воздух, которым мы дышим. Кроме некоторых исключительных случаев, то, что мы нуждаемся в воздухе, не требует от нас затрат времени или других ресурсов. Наша потребность в одном кубическом футе воздуха не предполагает, что мы должны отказаться от какой-то другой альтернативы. Владение или невладение единицами блага под названием "воздух" не влияют на наше поведение. В принципе можно себе представить таких живых существ, "цели" которых настолько ограниченны, что все блага являются для них "свободными" и не влияют на их поведение.

Но, как правило, человеческая деятельность, направленная на достижение многих целей, не обладает такой независимостью от времени или специфических ресурсов. Время в нашем распоряжении всегда ограниченно: в сутках только двадцать четыре часа. Мы должны выбирать, на что их следует потратить. Точно так же ограниченны услуги, которые нам предоставляют другие люди, и материальные средства для достижения наших целей. Нас изгнали из рая, мы лишены вечной жизни и неограниченных благ. Если мы что-то выбираем, то мы вынуждены отказываться от других вещей, от которых в иных обстоятельствах мы не отказались бы. Редкость средств, предназначенных для достижения целей разной значимости, — это почти универсальное свойство среды, в которой совершается человеческая деятельность[2].

[1] Следует помнить, что редким является не "время" само по себе, а наша собственная возможность действовать. Редкость времени — это всего лишь метафора.

[2] Следует отметить, что наше понятие цели как конечного пункта определённой линии поведения, акта конечного потребления, не противоречит тому тезису, что всякая деятельность имеет единственную цель: максимизация удовлетворения, "полезности" и т.д. Наши "цели" надо рассматривать как шаги к достижению этой конечной цели. Если средства ограниченны, то все цели не могут быть достигнуты: от некоторых из них, учитывая степень редкости средств и сравнительную важность самих целей, придётся отказаться.

Именно формы, которые принимает человеческое поведение, когда необходимо распорядиться редкими ресурсами, составляют единый предмет экономической науки. Примеры, которые мы приводили выше, точно соответствуют этому определению. И услуги повара, и услуги балетного танцовщика ограничены относительно спроса на них и могут употребляться различным образом. Наше определение охватывает и всю теорию заработной платы, и политическую экономию войн. Ведение успешной войны требует изъятия редких благ и услуг из других, невоенных областей применения, следовательно, оно имеет экономический аспект. Экономист изучает способы распоряжения редкими ресурсами. Ему интересно то, как из различной степени редкости благ вытекает ценностное соотношение между ними. Ему интересно, как на это соотношение влияет изменение степени редкости, вызванное изменением либо целей, либо средств, т.е. либо спроса, либо предложения.

Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые имеют различное употребление (ср. Menger, Fetter, Strigl, Mayer).

Экономическая наука и экономика, основанная на обмене

Сразу же отметим некоторые важные следствия, которые вытекают из нашего определения. Отвергнутое нами определение экономической науки как исследования причин материального благосостояния можно назвать "классификационным". Оно выделяет некоторые виды человеческого поведения и определяет их как предмет экономической науки. Соответственно другие виды поведения лежат за его пределами.

Наше определение можно назвать "аналитическим". Мы не пытаемся выбрать отдельные виды поведения, но сосредоточиваем внимание на определённом аспекте поведения, возникающем под влиянием редкости[1]. Отсюда следует, что любой вид человеческого поведения в той мере, в какой в нём присутствует этот аспект, является предметом обобщений экономической науки. Мы не утверждаем, что производство картофеля — это экономическая деятельность, а производство философских идей — неэкономическая. Мы говорим о том, что и тот и другой вид деятельности, поскольку он связан с необходимостью отвергнуть другие заманчивые альтернативы, имеет экономический аспект. Никаких иных ограничений предмета экономической науки не существует.

[1] Интересно отметить, что предлагаемый профессором Фишером пересмотр определения капитала аналогичен нашему пересмотру определения экономической науки. Адам Смит определял капитал как один из видов богатства. Профессор Фишер рассматривает его как один из аспектов богатства.

Но некоторые авторы, отвергающие определение экономической науки как науки о материальном благосостоянии, пытались наложить на её предмет ограничения иного рода. Они настаивали на том, что экономическая наука изучает определённый тип социального поведения, обусловленный институтами индивидуалистической рыночной экономики. С этой точки зрения любой вид поведения, не являющийся социальным в этом специфическом смысле, не относится к предмету экономической науки. Особенно энергично развивал эту концепцию Амонн[1].

Теперь мы можем признать, что в рамках нашего весьма широкого определения экономисты уделяют главное внимание именно проблемам рыночной экономики. Почему? Ответ на этот вопрос представляет немалый интерес.

Изолированный человек подвержен в своей деятельности тем же описанным нами ограничениям, что и рыночная экономика. Но изолированный человек не испытывает нужды в экономическом анализе. Судите сами. Изучение поведения Крузо может нам помочь при исследовании более сложных вопросов. Но для самого Крузо проблема эта, очевидно, является "запредельной". То же самое относится и к "закрытому" коммунистическому обществу. С точки зрения исследователя сравнение экономики такого рода общества с рыночной экономикой чрезвычайно полезно. Но для людей, управляющих коммунистическим обществом, обобщения экономической науки просто неинтересны. Они находятся в том же положении, что и Крузо. Для них экономическая проблема состоит только в том, в какой области применить имеющиеся производительные возможности. Но, как подчёркивал профессор Мизес, при централизации собственности и контроля над средствами производства механизм цен и издержек по определению не реагирует на индивидуальные предпочтения. Следовательно, решения управляющего здесь непременно будут "произвольными" (Mises)[2]. Это означает, что они будут основаны на предпочтениях самого управляющего, а не производителей и потребителей. Это сразу же упрощает процедуру выбора. Если система цен не играет главенствующей роли, то организация производства всецело зависит от предпочтений верховного организатора, так же как организация патриархального хозяйства, не включённого в денежную экономику, зависит от предпочтений главы семьи.

[1] Особенно важна в этой связи его критика взглядов Шумпетера и Штригля (Amonn). Отдавая должное глубокому анализу профессора Амонна, не могу, однако, избавиться от впечатления, что он склонен преувеличивать свои расхождения с этими двумя авторами.

[2] В работе "Планирование хозяйства в Советской России" профессор Борис Бруцкус хорошо показал, к каким трудностям это приводило на различных стадиях русского эксперимента.

В рыночной же экономике ситуация намного сложнее. Последствия индивидуальных решений здесь сказываются не только на самом индивиде. Каждый человек может до конца рассчитать, какие последствия будет иметь его решение потратить деньги так, а не иначе. Но вовсе не так просто проследить, какое влияние окажет это решение на весь комплекс "отношений редкости": на размеры заработной платы, прибыли, цены, нормы капитализации и на организацию производства. Для того, чтобы охватить эти последствия и сформулировать соответствующие обобщения, требуется величайшее напряжение абстрактного мышления. Поэтому экономический анализ наиболее полезен в рыночной экономике. В изолированном хозяйстве в нём нет никакой нужды. В строго коммунистическом обществе сфера его действия ограничена лишь простейшими обобщениями. Там же, где индивиду позволено проявлять в своих общественных отношениях независимость и инициативу, экономический анализ приобретает твёрдую почву.

Но одно дело — признать, что экономический анализ наиболее интересен и полезен в рыночной экономике, и совсем другое — ограничить его предмет этим кругом явлений. Неправомерность этого последнего подхода можно убедительно доказать следующими двумя аргументами. Во-первых, очевидно, что поведение людей как в пределах, так и за пределами рыночной экономики обусловлено одним и тем же ограничением средств относительно целей и может быть описано в одних и тех же основных категориях (Strigl). Обобщения, содержащиеся в теории ценности, применимы к поведению изолированного человека или управляющего органа коммунистического общества, точно так же как и к поведению участника рыночной экономики, хотя объясняющая сила их в первых двух случаях не настолько велика, как в третьем. Рыночные отношения — это наиболее интересный, но всё же частный случай основополагающего феномена редкости.

Во-вторых, ясно, что явления рыночной экономики могут быть объяснены, только если мы заглянем за эти отношения и обратимся к тем законам выбора, которые лучше всего наблюдать в поведении изолированного индивида[1].

Профессор Амонн, кажется, признаёт, что такая "чистая" экономическая теория может быть полезным дополнением к экономи-

[1] Возражения профессора Касселя против "экономики Робинзона Крузо" представляются мне неудачными. Тот отмеченный нами факт, что любая экономическая деятельность существует лишь там, где редкие ресурсы можно употребить различными альтернативными способами, наиболее очевиден именно применительно к изолированному человеку. В любом обществе сама множественность экономических субъектов мешает заметить, что могут существовать редкие блага, не имеющие альтернативных способов использования.

ческой науке, однако он отказывается считать её основой последней, заявляя, что предметом экономической науки должны быть проблемы, исследованные Рикардо. Точка зрения, согласно которой определение науки должно отражать её действительное состояние, а не ставить ей произвольные границы, заслуживает уважения. Но мы вправе задать вопрос: почему последним словом следует считать именно работы Рикардо? Неужели не ясно, что несовершенства рикардианской системы объясняются именно тем, что она остановилась на рыночных оценках и не проникла вглубь — к индивидуальным оценкам? Этот барьер смогли преодолеть только новейшие теории ценности[1].

Сопоставление "материалистического" определения и "определения через редкость"

Теперь мы вернёмся к отвергнутому нами определению и сопоставим его с тем, которое мы избрали. На первый взгляд, расхождения между ними не так уж велики. Одно из них относит к предмету экономической науки человеческое поведение, движимое сопоставлением целей и средств, другое — причины материального благосостояния. Редкость ресурсов и причины материального благосостояния — разве речь не идёт приблизительно об одном и том же?

Однако такое суждение основано на недопонимании. Конечно, редкость материальных благ — это одно из ограничений поведения. Но в наше время и услуги других лиц тоже ограниченны. Свой экономический аспект имеют и услуги школьного учителя, и услуги ассенизатора. Конечно, можно "растянуть" материалистическое определение так, чтобы оно покрыло все эти явления, например, определив услуги как материальные вибрации или как-нибудь ещё в этом духе. Но этот приём не только будет искусственным, но и направит нас по ложному пути. В такой модификации определение может покрыть всю область исследования экономической науки, но

[1] Наши возражения по поводу определения профессора Амонна делают излишним отдельный критический разбор тех определений, которые включают в предмет экономической науки явления, рассматриваемые с точки зрения цены (Дэвенпорт), сводимые к "денежному измерителю" (Пигу) или характеризуют её как "науку об обмене" (Лэндри и др.). Профессор Шумпетер с непревзойдённой тонкостью попытался отстоять последнее из этих определений, доказывая, что все фундаментальные аспекты поведения, которые рассматривает экономическая наука, имеют форму обмена. Это, конечно, правильно, и понимание этой истины необходимо, чтобы правильно истолковать теорию равновесия. Но одно дело — пользоваться понятием обмена как теоретической конструкцией, и совсем другое дело — использовать эту конструкцию в качестве критерия. Конечно, последнее тоже возможно, но я сомневаюсь, что этот подход наилучшим образом раскрывает суть предмета нашей науки.

не сможет дать ей адекватного описания. Дело в том, что даже материальные средства удовлетворения наших потребностей делает экономическими благами не их "материальность", а их оценка людьми. Их отношение к имеющейся системе потребностей важнее, чем субстанция, из которой они состоят. Поэтому "материалистическое" определение даёт не сказать чтобы ложное, но безусловно искаженное представление об экономической науке, какой мы её знаем. Представляется, что не существует никаких здравых аргументов за то, чтобы его сохранить.

Но в то же время необходимо напомнить, что мы отвергаем всего лишь определение. Мы не отбрасываем той системы знаний, которую это определение пыталось описать. На практике все исследования тех, кто признавал "материалистическое" определение, прекрасно укладывается в альтернативное определение, предложенное нами. К примеру, во всей теоретической системе профессора Кэннана нет ни одного важного вывода, который был бы несовместим с определением предмета экономической науки как распоряжения редкими ресурсами.

Более того, сам пример, который приводит профессор Кэннан, отстаивая своё определение, гораздо больше подходит к нашему. Он пишет: "Экономисты согласятся с тем, что вопрос "написал ли Бэкон пьесы Шекспира?" — не экономический вопрос, и что удовольствие, которое получат сторонники авторства Бэкона, если их мнение получит всеобщую поддержку, — не экономическое удовольствие... С другой стороны, они признают, что этот спор приобрёл бы экономический аспект, если бы авторские права были бессрочными и потомки Бэкона и Шекспира спорили бы о праве собственности на пьесы" (Cannan). Это верно. Но почему? Неужели потому, что собственность на авторские права затрагивает материальное благосостояние? Но ведь доходы могут быть розданы миссионерам! Безусловно, и этот вопрос имеет экономический аспект только потому, что закон об авторском праве сделал бы право на постановку этих пьес относительно редким благом и предоставил бы собственникам авторских прав контроль за использованием редких средств, которые иначе были бы распределены по-другому.

ПРИНЦИП МАКСИМИЗАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ[1]

Само название предмета моей науки — "экономика" — подразумевает экономию или максимизацию. Однако экономика как наука длительное время развивалась в отрыве от проблем экономики как объекта исследования. Действительно, только в последней трети нашего века, уже в период моей научной деятельности, экономическая теория начала активно претендовать на то, чтобы приносить пользу бизнесмену-практику и государственному чиновнику. Однажды великий представитель предыдущего поколения экономистов, А. Пигу из Кембриджского университета, задал риторический вопрос: "Может ли кому-нибудь прийти в голову нанять экономиста для управления пивоваренным заводом?" Ну, а сегодня самые модные средства экономического анализа, например исследование операций и теория управления, используются и на государственных, и на частных предприятиях.

Итак, в самой основе нашего предмета заложена идея максимизации. Мой учитель Йозеф Шумпетер как-то метко заметил, что способность человека действовать как "логическое животное", могущее систематически применять эмпирико-дедуктивный метод, сама по себе является прямым следствием дарвиновской борьбы за выживание. Подобно тому как в этой борьбе развился большой палец человека, мозг человека развивается, сталкиваясь с экономическими проблемами. Высказанная за сорок лет до недавних открытий в этологии[2], сделанных Конрадом Лоренцом и Николасом Тинбергеном, эта мысль поражает своей глубиной. Не желая выходить за пределы темы моей лекции, я всё же упомяну о более поздней точке зрения, высказанной Шумпетером в работе, в которой он предста-

[1] Данная работа П.А. Самуэльсона представляет собой Нобелевскую лекцию, прочитанную им 11 декабря 1970 г. в г. Стокгольме (Швеция) на церемонии вручения ему Нобелевской премии по экономике. В текст лекции автором были внесены небольшие изменения и дополнения.

[2] Наука о поведении животных.

вил читателю новую научную дисциплину — эконометрику (Schumpeter, 1933). Шумпетер писал, что количество начинает изучаться физиками и другими учёными-естественниками на довольно поздней, зрелой стадии развития их научных дисциплин. И поскольку применение количественного подхода отдано, условно говоря, на усмотрение исследователей, то тем больше чести последователям Галилея и Ньютона, использующим математические методы. Однако в экономике, как говорил Шумпетер, сам предмет исследования выступает в количественной форме: уберите численные значения цен или пропорции бартерных обменов — и у вас просто ничего не останется. Счетоводство не использует арифметику, оно само есть арифметика. Ведь на ранней стадии своего развития, согласно Шумпетеру, арифметика была именно счетоводством, точно так же, как геометрия сводилась к землемерным работам.

Я вовсе не хочу создавать у вас впечатление, что экономический анализ использует принцип максимизации прежде всего в связи с необходимостью написания учебников для тех, кто должен профессионально принимать решения. Ещё до того, как экономическая наука стала выступать с практическими рекомендациями, мы, экономисты, уже занимались проблемами максимума и минимума. В доминировавшем в течение сорока лет после 1890 г. трактате Альфреда Маршалла "Принципы экономической науки"[1] большое внимание было уделено проблеме оптимального объёма производства, при котором чистая прибыль достигает максимума. Но задолго до Маршалла, в 1838 г., О. Курно в своём классическом труде "Исследования математических принципов в теории богатства" применил аппарат дифференциального исчисления к изучению проблемы нахождения объёма производства, обеспечивающего максимум прибыли. Вопрос о минимизации затрат также был поставлен более ста лет тому назад. По крайней мере, им занимался фон Тюнен при рассмотрении понятия предельной производительности.

Сейчас модно говорить о кризисе идентичности. Необходимо избегать ошибок, подобных той, которую приписывают Эдварду Гиббону, в период написания им "Истории упадка и разрушения Римской империи". Гиббон, как утверждают, порой путал себя с Римской империей. В современном театре часто стирается граница между наблюдающими зрителями и играющими актёрами, а в современной науке — между наблюдающими учёными и выступающими в качестве объекта наблюдения подопытными морскими свинками (или атомами в квантовой механике). Что касается значения принципов

[1] Русский перевод этой книги, вышедший в 1982 г. в издательстве "Прогресс", был необоснованно озаглавлен "Принципы политической экономии".

максимума в естественных науках, то я покажу, что отвесная траектория падающего яблока и эллиптическая орбита вращающейся планеты могут быть представлены в виде оптимального решения некоторой специфической задачи математического программирования. Однако вряд ли кто-либо поддастся искушению наделить яблоко или планету свободой выбора или способностью к сознательной минимизации. Тем не менее утверждение о том, что шарик Галилея скатывается по наклонной плоскости, как бы минимизируя интеграл действия или интеграл Гамильтона, представляет ценность для физиков-наблюдателей, стремящихся сформулировать предсказуемые закономерности, присущие явлениям природы.

Почему же учёный находит полезной возможность связать позитивное описание реального поведения с решением задачи максимизации? Этим вопросом я много занимался в начале своей научной деятельности. Со времени своих первых статей, посвящённых "выявленным предпочтениям" (Samuelson, 1938a, 1938b, 1948, 1953), и до завершения "Основ экономического анализа" (Samuelson, 1947) я находил эту тему увлекательной. Учёный, как и домашняя хозяйка, никогда не ощущает, что его работа закончена. В последнее время я работаю над очень трудной проблемой анализа стохастической спекулятивной цены. Интересно, например, как изменяются цены на какао на биржах Лондона и Нью-Йорка (Samuelson, 1971). Столкнувшись при этом с неудобоваримой системой нелинейных разностных уравнений и неравенств, я было отчаялся найти в математической литературе доказательство хотя бы существования решения. Но неожиданно проблема облегчилась, когда, роясь в своей памяти, я вспомнил, что мои дескриптивные соотношения могут интерпретироваться как необходимые и достаточные условия вполне определённой задачи о максимуме. Однако я забегу слишком далеко вперёд, если сразу же создам у вас впечатление, что принципы максимума имеют ценность просто как удобная подпорка для аналитика. Семьдесят лет назад, когда был учреждён Нобелевский фонд, непревзойдённой популярностью пользовались взгляды Эрнста Маха[1]. Мах, как вы помните, говорил, что цель научной деятельности заключается в "экономном" описании природы. Он вовсе не хотел этим сказать, что создать свою систему мира Ньютона побудила необходимость разработать основы навигации для обеспечения безопасного мореплавания торговых судов. Скорее, он имел в виду, что хорошее объяснение — это простое объяснение, которое легко за-

[1] Вне зависимости от ценности концепций Маха с современной точки зрения, мы должны быть благодарны ему за ту роль, которую его идеи сыграли в создании Эйнштейном специальной теории относительности. Хотя с годами Эйнштейн и стал отвергать методологию Маха, это не может подорвать её репутацию.

помнить и которое увязывается с большим разнообразием наблюдаемых явлений. Было бы ошибкой в духе Гиббона иллюстрировать это деистическими взглядами Мопертюи, в соответствии с которыми законы природы телеологичны. Мах вовсе не говорил, что Мать-Природа — экономист, он лишь утверждал, что учёный, формулирующий законы, которые описывают наблюдаемые явления, в сущности выступает как экономист или просто ведущий себя экономно человек.

Я должен отметить, что эти различные роли почти по случайному стечению обстоятельств действительно тесно связаны. Часто физику удаётся найти лучшее, более экономное описание явлений природы, если он способен сформулировать наблюдаемые законы, используя принцип максимума. Экономист часто может получить лучшее, более экономное описание экономического поведения, используя тот же инструментарий.

Позвольте мне проиллюстрировать это очень простыми примерами. Падение Ньютонова яблока может быть описано двумя способами: оно падает на землю с постоянным ускорением; или его положение как функция времени изменяется вдоль кривой, которая минимизирует (от момента начала падения до момента наблюдения) интеграл функции, представляющей собой квадрат мгновенной скорости минус линейная функция положения. "Как, — скажете вы, — Вы серьёзно считаете, что второе объяснение является простым?" Я не буду с этим спорить, замечу только, что для математически подкованного физика выражение

$$\delta\int_0^T\left(\frac{1}{2}\dot{x}^2 - gx\right)dt = 0$$

не более сложно, чем $\ddot{x} = -g$; и он знает, что формулировка принципа Гамильтона в вариационной форме обладает великими мнемоническими свойствами, когда речь идёт о переходе от одной системы координат к другой.

Хотя я не физик и не думаю, что многие из моих слушателей — физики, позвольте мне привести более наглядный пример полезности принципа максимума в физике. Свет перемещается в воздухе из одной точки в другую по прямой линии. Подобно случаю с падающим яблоком, это перемещение может быть описано в виде решения задачи вариационного исчисления на нахождение минимума. Но рассмотрим теперь, как свет отражается, попадая на зеркало. Вы можете увидеть и запомнить, что угол падения равен углу отражения. Более наглядным средством, облегчающим понимание этого

факта, является принцип наименьшего времени Ферма, который был известен уже Герону и другим учёным Древней Греции. Приведённый ниже чертёж, на котором указаны равные треугольники, говорит сам за себя (рис. 1).

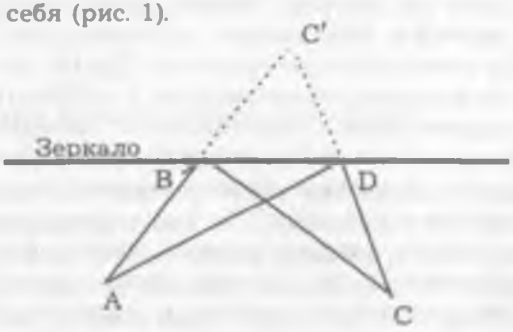

Рис. 1

Если длина отрезка ABC' явно меньше длины ломаной ADC', то очевидно, что путь ABC (равный ABC') короче и занимает меньше времени, чем любой другой путь, например путь ADC.

Вы вправе утверждать, что, хотя представление в виде минимума является удобным, оно ничем не лучше другого. Но пойдите после этой лекции в свою ванную комнату и посмотрите на своё отражение, опустив в воду большой палец ноги. Ваши конечности больше не будут выглядеть прямыми, поскольку скорость распространения света в воде отличается от скорости его распространения в воздухе. Принцип наименьшего времени даёт вам ключ к описанию поведения света в таких условиях, а знание закона Снелла об углах — нет. Кто теперь может сомневаться относительно того, какое из двух научных объяснений лучше?

Пример из области экономики

Позвольте мне показать то же самое применительно к экономике, взяв в качестве примера простейший случай. Рассмотрим фирму, стремящуюся к максимизации своей прибыли, которая продаёт продукцию в соответствии с кривой спроса, причём цена является невозрастающей функцией продаваемого количества. Предположим далее, что для выпуска продукции необходимо затратить один, два или девяносто девять видов различных ресурсов. Ради простоты будем считать, что производственная функция, связывающая объёмы затрат и выпуска, является гладкой и вогнутой.

Экономист, мыслящий в стиле Маха, будучи учёным-позитивистом, заинтересованным попросту в регистрации и систематиза-

ции наблюдаемых фактов, мог бы в принципе перенести на перфокарты информацию о 99 функциях спроса, связывающих количество каждого ресурса, покупаемого фирмой, с 99 переменными, отражающими цены на ресурсы. Какой колоссальной задачей было бы хранение массивов информации, определяющих 99 различных поверхностей в стомерном пространстве! Однако на самом деле 99 поверхностей не являются независимыми. В действительности достаточно знать единственную "родительскую" поверхность, для того чтобы иметь возможность получить путём расчётов точную информацию о 99 "детях". Каким же образом становится возможной такая громадная экономия в описании? Да в силу того факта, что наблюдаемые кривые спроса, которые великий шведский экономист предпоследнего поколения Густав Кассель считал неделимыми атомами в теоретическом арсенале экономиста, в действительности являются решениями задачи максимизации прибыли! При обычных условиях регулярности эти решения представляют собой функции, обратные семейству частных производных функции совокупного дохода, который определяется как произведение объёма продукции (при данных объёмах затрат всех ресурсов) на цену спроса, по которой эта продукция будет продана. При условии гладкости и строгой вогнутости эта "родительская" функция дохода имеет своими "детьми" матрицу частных производных второго порядка размерности 99×99, которая является симметричной и отрицательно определённой. Легко доказать, что эти функции могут быть однозначно обращены в форму нового семейства "детей" с теми же самыми свойствами. 99 таких "детей" не могут не иметь "родительской" функции, которую, если бы она никогда не существовала, мы должны были бы создать, подобно Пигмалиону.

Математически это выглядит так:

$$\max_{(v_i)}\left[R(v_1,\ldots,v_{99})-\sum_{1}^{99}p_jv_j\right]=R(v_1^*,\ldots,v_{99}^*)-\sum_{1}^{99}p_jv_j^*=-H(p_1,\ldots,p_{99}), \quad (1)$$

где

$$R(v_1,\ldots,v_{99}) = Q(v_1,\ldots v_{99})P[Q(v_1,\ldots v_{99})]$$

— гладкая, строго вогнутая "регулярная" функция дохода. Необходимыми условиями максимума будут

$$\partial R(v_1^*,\ldots,v_{99}^*) / \partial v_i = p_i \ (i = 1,\ldots, 99). \quad (2)$$

Если, кроме того, матрица Гесса вторых частных производных является отрицательно определённой, то уравнений (2) достаточно для максимума. Отсюда вытекают обратные соотношения, которые

могут интерпретироваться как частные производные сопряжённой функции Хотеллинга–Роя Н., а именно:

$$v_i^* = \partial H(p_i,\ldots,p_n)/\partial p_i, \qquad (i = 1, \ldots, 99). \tag{3}$$

Отсюда следует, что при

$$\sum \Delta v_j^2 \neq 0 \neq \sum \Delta p_j^2,$$

наши переменные удовлетворяют неравенству

$$\Delta p_1 \Delta v_1 + \Delta p_2 \Delta v_2 + \ldots + \Delta p_{99} \Delta v_{99} < 0. \tag{4}$$

Можно сказать и больше. Хотя мне трудно представить себе характер поверхностей даже в трёхмерном пространстве, я могу уверенно заявить на основе вышесказанного, что повышение цены на любой ресурс при сохранении остальных цен постоянными определённо приведёт к снижению спроса на этот ресурс со стороны фирмы, т.е. $\partial v_i / \partial p_i < 0$. Такой банальный результат мог бы предвидеть любой, кто вникнет в ситуацию и спросит себя: "Предположим, я был бы последним простаком среди предпринимателей. Что я стал бы делать, чтобы сохранить по возможности большую прибыль в случае подорожания одного из ресурсов?"

Здесь здравый смысл и высшая математика оказываются в согласии. Однако все мы знаем о парадоксе Гиффена, в соответствии с которым повышение цены на картофель — основную еду бедных ирландских крестьян — может снизить их жизненный уровень настолько, что заставит покупать скорее больше, чем меньше картофеля. В этом случае сам здравый смысл обнаруживается только под прожектором математики.

С помощью математики я могу видеть свойство 99-мерных поверхностей, скрытое от простого глаза. Если повышение цены удобрений (только их одних) всегда приводит к увеличению закупок некоей фирмой чёрной икры, то из одного этого факта я могу предсказать результат следующего эксперимента, который никогда не проводил сам и по которому не располагаю никакими данными наблюдений: повышение цены на одну только икру приведёт к росту закупок фирмой удобрений. В термодинамике такие условия взаимности или интегрируемости известны как условия Максвелла. В экономике они известны как условия Хотеллинга — в честь Гарольда Хотеллинга, сформулировавшего их в 1932 г. (Hotelling, 1932).

Одна из привлекательных сторон научной деятельности состоит в том, что мы все карабкаемся на небеса на плечах своих предшественников. Экономика, подобно физике, имеет своих героев, и букву "H" я использовал в своих математических уравнениях не в честь сэра Уильяма Гамильтона (Hamilton), а скорее в честь Гарольда

Хотеллинга (Hotelling). Ведь именно его работа столь сильно вдохновляла меня, когда я начинал свою карьеру. Примерно в это же время покойный Генри Шульц пытался эконометрическими методами проверить соответствие условий интегрируемости Хотеллинга эмпирическим данным (Schultz, 1938).

Имеются ещё и другие предсказуемые условия определённости, касающиеся того, насколько описанные "перекрёстные эффекты" должны быть слабыми по сравнению с "собственными эффектами" повышения цен, однако я не буду отнимать у аудитории время на их обсуждение. Упомяну лишь об одном условии: знаки всех главных миноров должны чередоваться.

В качестве последней иллюстрации чёрной магии, посредством которой формула максимума позволяет получить чёткие выводы относительно сложной системы с большим числом переменных, позвольте напомнить о работах, в которых я сформулировал и обобщил принцип, известный в физике как принцип Ле Шателье (Samuelson, 1947, 1958, 1960a). Этот принцип был обнародован почти сто лет тому назад французским физиком, который занимался термодинамикой, развивая в ней направление, связанное с именем Гиббса. Принцип не отличается большой ясностью. Треть века тому назад, когда я зачитывался различными трактатами по физике, моё математическое ухо не могло различить, какую мелодию в них играют. Если вы сегодня возьмёте большинство книг по физике, возможно, вас постигнет та же участь. Обычно в них используются невразумительные телеологические аргументы. Например, можно прочесть нечто подобное: "Если вы наложите внешнее ограничение на систему, находящуюся в равновесии, то она перейдёт в новое состояние равновесия, позволяющее поглотить изменение" (или "противодействовать ему", или "подстроиться под него", или "минимизировать его").

В своё время я был поражён замечанием, сделанным одним из моих преподавателей в Гарварде, Эвином Бидвеллом Уилсоном. Уилсон учился у Уилларда Гиббса в Йеле и плодотворно работал во многих областях математики и физики. Его учебник высшей математики использовался как стандартное пособие в течение десятилетий. Ему принадлежит капитальная доработка лекций Гиббса по векторному анализу. Он написал один из первых учебников по аэродинамике. Он был другом Р.А. Фишера и экспертом по математической статистике и демографии. Наконец, он рано заинтересовался работами Парето и стал читать лекции по математической экономике в Гарварде. Моя более ранняя формулировка неравенства (4) появилась в значительной мере благодаря лекциям Уилсона по термодинамике. В частности, на меня сильное впечатление произвело

его заявление, что тот факт, что повышение давления сопровождается уменьшением объёма, — не столько теорема о системе термодинамического равновесия, сколько математическая теорема о вогнутых вверх поверхностях или отрицательно определённых квадратичных формах. Вооружившись этими сведениями, я вознамерился осмыслить принцип Ле Шателье.

Позвольте мне привести общепринятую формулировку этого принципа. "Сожмите резиновый шар, и его объём уменьшится. Сравните, однако, как сокращается его объём при двух разных условиях эксперимента. Сначала представьте себе, что его поверхность изолирована от окружающего мира, так что так называемая порождённая теплота не может теряться. Во втором случае снова сожмите резиновый шар, однако пусть его температура уравняется с температурой в помещении. Тогда, в соответствии с принципом Ле Шателье, сокращение объёма в случае, когда система изолирована, будет меньшим, чем во втором случае, когда температура в конце концов станет постоянной". Более круто нисходящая кривая (тонкая линия) на рис. 2 показывает связь между давлением, откладываемым по вертикальной оси, и объёмом, откладываемым по горизонтальной оси, которая превалирует при увеличении давления в условиях изоляции. Более пологая кривая (жирная линия), проходящая через ту же точку A, показывает связь давления и объёма при изотермическом измерении. Сущность принципа Ле Шателье заключается именно в том, что тонкая кривая должна быть более крутой, чем жирная кривая. Используя принятые в термодинамике обозначения, можно записать:

$$\left(\partial v / \partial p\right)_t \leq \left(\partial v / \partial p\right)_s \leq 0, \qquad (5)$$

где индекс t означает постоянство температуры, а s показывает, что речь идёт об изолированном (адиабатическом или изоэнтропическом изменении.

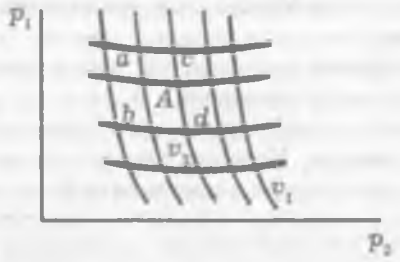

Рис. 2

Но какое отношение всё это имеет к экономике? Воистину, нет более трагической фигуры, чем экономист или бывший инженер, пытающиеся вымучивать аналогии между понятиями физики и экономики. Сколько же довелось мне прочесть скучнейших страниц, на которых автор занимался поиском в экономике чего-то такого, что соответствует энтропии или тому или иному виду энергии! Бессмысленные "законы", такие, как "закон сохранения покупательной способности", представляют собой сомнительное подражание важному физическому закону сохранения энергии. А когда экономист ссылается на принцип неопределённости Гейзенберга применительно к миру социальных явлений, это в лучшем случае следует рассматривать как оборот речи или как игру слов, а не как правомерное применение соотношений квантовой механики.

Однако если в качестве примера максимизирующей системы вы возьмёте фирму-монополиста, использующую 99 видов ресурсов, то окажется, что можно увязать её структурные связи с теми, которые превалируют в термодинамической системе, максимизирующей энтропию. Давление и объём, а для данного случая — абсолютная температура и энтропия, связаны друг с другом тем же отношением сопряжённости или двойственности, что и ставка заработной платы с количеством труда или земельная рента с земельной площадью. Рис. 2 теперь может выполнять двойную службу, описывая экономические связи в точности так же, как он описывал связи термодинамические. Теперь по вертикальной оси откладывается p_1 — цена первого ресурса. По горизонтальной оси откладывается объём этого ресурса v_1. Здесь можно говорить о системе с 99 переменными, но я надеюсь, что вы простите мне, если я буду рассматривать более простой случай двух переменных, скажем, труда и земли.

Как и в случае резинового шара, мы представим себе эксперимент при двух различных условиях. В первом случае мы повышаем цену первого ресурса (труда) p_1, зафиксировав на постоянном уровне объём второго ресурса (земли) v_1, как, например, в краткосрочном случае, рассмотренном Маршаллом, когда может меняться только предложение труда.

Наклон тонкой кривой, проходящей через точку А, показывает, что рост p_1 влечёт за собой снижение v_1.

Во втором случае мы повысим p_1 на ту же величину, но сохраним на прежнем уровне p_2. И снова у монополиста, максимизирующего прибыль, в качественном плане может быть только одна реакция: будет закуплен меньший объём v_1, как это показывает отрицательный наклон жирной кривой, проходящей через точку А. Теперь можно сформулировать некое утверждение, которое можно назвать принципом Ле Шателье–Самуэльсона: жирная кривая дол-

го временного приспособления при постоянной цене второго ресурса (т. е. конечно, при объёме закупок второго ресурса, mutatis mutandis, изменённом так, чтобы восстановить равновесие, отвечающее максимуму прибыли) должна иметь менее крутой наклон или большую эластичность, чем тонкая кривая, описывающая реакцию со стороны спроса, когда объём затрат второго ресурса зафиксирован. Математически это означает, что

$$\left(\partial v_1 / \partial p_1\right)_{p_2} \leq \left(\partial v_1 / \partial p_1\right)_{v_2} \leq 0. \qquad (6)$$

Я включил знаки равенства, чтобы учесть случай, когда объёмы потребления двух ресурсов в производстве могут быть полностью независимы. В этом соотношении примечательно то, что указанные неравенства будут выполняться вне зависимости от того, будут ли эти два ресурса взаимными дополнителями, как, например, насосы для распыления удобрений и инсектициды, или субститутами, такими как органические и минеральные удобрения. Если это заинтересует слушателя, то он может попробовать провести интуитивную проверку данного утверждения в указанных противоположных случаях.

Принцип Ле Шателье находит разнообразное применение не только в теории производства, но и в общей теории ограниченного рационирования.

Теория потребительского спроса

Сказанное выше подводит меня к теории потребительского спроса. В отличие от только что рассмотренной ситуации, когда максимизируется прибыль, здесь мы имеем дело с финансовым ограничением, в пределах которого определяется максимум. До середины 30-х годов теория полезности обнаруживала признаки вырождения в бесплодные тавтологии. Психологически понимаемую полезность или удовлетворённость вряд ли можно было определить, не говоря уже о том, чтобы её измерить. Экономисты австрийской школы настаивали, что люди максимизируют полезность, но, столкнувшись с необходимостью дать ей определение, тавтологично заявляли, что, как бы люди себя ни вели, они, вероятно, получали максимум удовлетворённости, ибо в противном случае они вели бы себя иначе. Точно так же мы можем сократить на два дробь, у которой числитель и знаменатель — чётные, можно было бы, используя принцип "бритвы Оккама"[1], полностью вывести за рамки понятие полезности и

[1] Оккам Уильям (1285–1349) — английский философ-схоласт. Принцип "бритвы Оккама" гласит: "Сущности не следует множить без необходимости", т.е. понятия, не сводимые к интуитивному знанию и не поддающиеся проверке в опыте, должны быть изъяты из науки.

привести это длинное рассуждение к бессмысленной формулировке: "Люди делают то, что они делают".

Я не слишком преувеличиваю. Правда, русский учёный Слуцкий (Slutsky, 1915) вышел за эти пределы, но его работа, опубликованная в итальянском журнале, осталась незамеченной в хаосе событий первой мировой войны. В более известной работе Парето (Pareto, 1907, 1909) недоставало математического аппарата вейерштрассовой теории условного экстремума. Двумерный анализ кривых безразличия был проведен У. Джонсоном, кембриджским логиком, учившимся с Маршаллом и Уайтхедом. Он, как полагают, оказал влияние на работы по теории вероятностей Дж.М. Кейнса (Keynes, 1921), Фрэнка Рамсея (Ramsey, 1931) и сэра Гарольда Джеффриза (Jeffreys, 1939). Тем не менее, когда я начинал свою научную деятельность, лидирующее положение в разработке теории поведения потребителей занимали сэр Рой Аллен и сэр Джон Хикс (Hicks and Allen, 1934) в Лондонской школе экономики и Генри Шульц — в Чикаго, а работы Слуцкого оставались неизвестными.

С самого начала я стремился установить, какие фальсифицируемые гипотезы[1] относительно наблюдаемых цен и размеров спроса вытекают из предположения, что потребитель тратит свои ограниченные доходы при данных ценах так, чтобы максимизировать свою относительную полезность (то есть сравнивая варианты по принципу "лучше–хуже" и не приписывая этим "лучше–хуже" никаких числовых значений). Не вдаваясь в подробности, скажу, что идея "выявленного предпочтения" пришла ко мне внезапно в ходе спора с одним из моих учителей, как это бывало со многими из моих лучших идей. Узнав от Леонтьева о кривых безразличия, я нашёл им применение в следующем году в курсе международной торговли Хаберлера. Когда он стал возражать против постулирования мною выпуклых кривых безразличия, я неожиданно для самого себя ответил на это: "Ну, если они вогнутые, то индексы Ласпейраса–Пааше в вашей докторской диссертации ничего не стоят"[2]. Далёкое от того,

---

[1] П. Самуэльсон опирается здесь на принцип фальсификации, выдвинутый К.Р. Поппером, постулирующий потенциальную опровержимость любого утверждения, относимого к науке. (*Прим. ред.*)

[2] Чтобы понять это, представьте себе, что вы максимизируете полезность вашего потребления (Q_1, Q_2, ...) по ценам (P_1, P_2, ...), тратя положительный доход $P_1Q_1 + ... = \Sigma PQ$. Тогда для двух ситуаций (P^1, Q^1, ΣP^1Q^1) и (P^2, Q^2, ΣP^2Q^2) возможность наблюдать одновременно, что $\Sigma P^1Q^2 / \Sigma P^1Q^1 < 1$ и $\Sigma P^2Q^1 / \Sigma P^2Q^2 < 1$ противоречит ординалистской максимизации относительной полезности. При варианте ≤ вместо < отрицание этой возможности есть одна из форм Слабой аксиомы выявленного предпочтения.

чтобы означать reductio ad absurdum, это предложение в зрелом размышлении подсказало, как исследователь мог бы опровергнуть гипотезу о максимизирующем поведении посредством проверки её в наблюдаемых ситуациях с двумя товарами и ценами. После этого осталось только разработать детали теории выявленного предпочтения.

Моя ранняя теория выявленного предпочтения сама по себе была совершенно адекватной для исследования проблем с двумя потребительскими товарами. Я продолжал считать, что если мы устраним аналогичные проблемы для выбора из более чем двух ситуаций[1], то можно было бы устранить феномен "неинтегрируемости" поля безразличия.

В ситуации, подобной данной, когда докладчик обычно так очень склонен к перечислению своих научных побед, особенно полезно почаще делать паузы, чтобы вспомнить поражения и неудачи. Даже с помощью ведущих математиков мира я не смог проверить и доказать истинность вывода, приведённого в последней из сносок и меня убедили изъять этот материал из опубликованного варианта "Выявленного предпочтения" (Samuelson, 1948). Тем большее почёта заслуживает Хендрик Хаутеккер (Houthakker, 1950), который в первой же своей экономической работе сформулировал сильную аксиому и доказал, что она исключает неинтегрируемость.

В 1950 г. я сделал обзор дискуссии по интегрируемости, вернувшись к Парето, к началу века, и ещё дальше — к классической диссертации Ирвинга Фишера (1892) (см.: Fisher, 1925), и даже ещё дальше — к извлечённой из забвения работе малоизвестного Антонелли (Antonelli, 1886). В середине 30-х годов, когда я выступил со своей идеей, проблема интегрируемости находилась в настолько неопределённом состоянии, что работавшие в тесном сотрудничестве уже упомянутые сэр Джон Хикс и сэр Рой Аллен реже расходились во взглядах на этот предмет. Теперь, когда осознаны эмпирические проявления неинтегрируемости, большинство теоретиков склонно постулировать интегрируемость. Как пояснить её смысл? Мой добрый друг Николас Джорджеску-Реген, из классической работы которого я почерпнул так много тонких замечаний относительно проблемы интегрируемости (Georgesku-Roegen, 1936), стал бы доказывать, что невозможно выразить одними лишь словами столь

[1] Используя обозначения предыдущей сноски, я вывел, что неинтегрируемость могла бы быть устранена в силу следующей аксиомы: "$\Sigma P^i Q^i > \Sigma P^i Q^{i+1}$ для всех $i = 1, 2, ..., n-1 \geq 1$" исключает "$\Sigma P^n Q^n > \Sigma P^n Q^1$". При $n = 2$ — это, в сущности, повторение Слабой аксиомы; при всех $n \geq 2$ — это Сильная аксиома Хаутеккера.

сложные математические соотношения. Я же придерживаюсь противоположного взгляда, потому что математика — это язык и в принципе то, что может постигнуть один простофиля, может постигнуть и другой. Поэтому позвольте мне отослать вас к рис. 2, благодаря которому я могу дать широкую интерпретацию условий интегрируемости для рассмотренной нами фирмы, максимизирующей прибыль и использующей 99 видов ресурсов.

Круто ниспадающие кривые на диаграмме представляют собой функции спроса на первый ресурс v_1 при ценах p_1, когда количество всех остальных ресурсов остаётся ограниченным, как в краткосрочном периоде у Маршалла. Жирные и более пологие кривые также представляют собой функции спроса на тот же ресурс v_1 при ценах p_1, но при условии, что цены всех остальных факторов заморожены. Если бы кто-то предложил мне объяснить, что означает интегрируемость, но не позволил при этом использовать язык частных производных, я бы мог проиллюстрировать это свойством пропорциональности площадей на рис. 2. Я могу сказать, что идея такого предложения применительно к экономике пришла мне в голову в связи с некоторыми любительскими изысканиями в термодинамике. Читая чудесно написанное введение в термодинамику Клерка Максвелла; я обнаружил (Samuelson, 1960), что его объяснение существования одной и той же шкалы абсолютной температуры в каждом теле могло бы быть верным только в том случае, если на p-v-диаграмме, на которую я ранее ссылался в связи с принципом Ле Шателье, два семейства кривых — круто ниспадающие, тонкие, и более полого ниспадающие, жирные, — образуют параллелограммы наподобие a, b, c, d на рис. 2, такие, что

[площадь a] / [площадь b] = [площадь c] / [площадь d].

Так же обстоит дело и с двумя различными экономическими кривыми. Именно вследствие условий интегрируемости Хотеллинга, которые связывают вместе 99 различных функций спроса на факторы, отмеченные выше площади обладают свойством пропорциональности. Заканчивая рассмотрение этого интересного результата, я хотел бы, с вашего позволения, упомянуть ещё, что он остаётся в силе даже тогда, когда, как и в линейном программировании, соответствующие поверхности имеют углы и грани, на которых частные производные не определены однозначно.

Я бы не хотел заканчивать разговор о максимизации функций, не подчеркнув, что всё это не следует воспринимать как всего лишь

упражнения в логике и математике[1]. В экономической науке кипят дискуссии о том, стремятся ли корпорации максимизировать свою прибыль. Однако ни одна из спорящих сторон не задаётся вопросом о том, какое значение для объекта наблюдения имеет наличие или отсутствие той или иной функции, которую он максимизирует. А если выйти за относительно узкие рамки экономики, то я должен признаться, что писания социологов, таких, как Талкотт Парсонс (Parsons, 1949), кажутся мне уж очень пустыми, потому что они, по-видимому, никогда не задаются вопросом о том, какая разница между случаями, когда социальное действие рассматривается как часть

[1] В своём отклике на публикацию предыдущего варианта данной лекции Роберт Киллингуорт, аспирант Йельского университета, указал, что в физике часто не проводится особого различия между максимумом и минимумом или, для данного случая, между экстремумом какого-либо вида и стационарной точкой перегиба. Я вполне согласен с этим и часто имел случай указывать, что для физика типичным является обращение только к <вариационному> аспекту проблемы (см., например, мою статью о причинности и телеологии в экономике в: Lerner (ed.), 1965, p. 99–143, особенно p. 128). Так, я могу бросить мяч, чтобы попасть вам по голове, двумя способами: прямой наводкой или бросив его так высоко, чтобы он упал на вас сверху (непрямой наводкой). Первая из траекторий минимизирует интеграл <действия>, вторая — нет. Точно так же как природа не терпит пустоты только до уровня давления в 30 дюймов ртутного столба, она оказывается близорукой при нахождении минимума, минимизируя действие лишь на пути до первой сопряжённой точки. И в других ситуациях, как, например, в случае прохождения света, физик на самом деле не верит, что процесс происходит телеологически: он размышляет о световых волнах, распространяющихся от каждой точки во всех направлениях в соответствии с принципом Гюйгенса, и он ожидает, что такие волны будут в различных точках усиливать или нейтрализовывать друг друга. То, что в геометрической оптике видится как луч света, это, попросту, места, где волны нейтрализуют друг друга в наименьшей степени. На языке экономики это, скорее, похоже на выдержанные в духе Дарвина рассуждения Армена Алчиана о том, что выживание наиболее приспособленных даёт нам феномены, которые выглядят так, как будто порождены проблемой экстремума (Alchian, 1950). Как указал Киллингуорт, ссылаясь на работу А. д'Аспо (d'Aspo, 1939, ch. 18), отсюда вытекает следующее: на моём рис. 1 мы сгибаем зеркало вокруг точки B, сохраняя его наклон к ней, но придавая ему кривизну большую, чем кривизна эллипса, фокусами которого являются A и C. Тогда фактическая траектория, по которой перемещается свет (как это видно, от A к B и затем к O), по длине будет наибольшей, а не наименьшей! И в других случаях можно представить фактическую траекторию не минимальной и не максимальной, а попросту стационарной точкой перегиба (своего рода седловой точкой). Если приложить некоторое усилие, то, как и выше, можно свести ситуацию к случаю сопряжённой точки. Ход рассуждений при этом следующий. Разделите одновременно на два, на четыре и т.д. расстояния от B до A и C до тех пор, пока в конце концов не сможете сказать, что конечная траектория, по которой перемещается свет, действительно представляет собой минимум. Или, в более общем виде, в геометрической оптике для достаточно близких друг к другу точек траектории, по которой перемещается свет, соответствующий интеграл Герона–Ферма–Мопертюи действительно принимает минимальное значение. Следует подчеркнуть, что в экономической теории важна именно истинная минимизация, так как предполагается, что экономические субъекты с самого начала руководствуются некими целями.

системы, максимизирующей ценность, или когда оно вытекает из "функциональной" интерпретации наблюдаемых феноменов.

Проблемы, не связанные с максимумом

Мне не хочется выглядеть империалистом и выдвигать претензии на универсальную применимость принципа максимума в теоретической экономике. Есть множество областей, где он просто не применяется. Возьмём для примера мою раннюю работу, посвящённую взаимодействию акселератора и мультипликатора (Samuelson, 1939). Это важная тема для макроэкономического анализа. Действительно, как я уже отмечал в другом месте, эта статья чрезвычайно подняла мою репутацию. Конечно, тема была фундаментальной, а математический анализ условий устойчивости давал возможность получить изящное решение на уровне, доступном для понимания как толкового начинающего, так и виртуоза математической экономики. Однако первоначальная спецификация модели принадлежит моему гарвардскому учителю Элвину Хансену, а работы сэра Роя Харрода (Harrod, 1936) и Эрика Лундберга (Lundberg, 1937) ясно указали путь к построению этой модели.

Я рассматриваю здесь связь акселератора и мультипликатора потому, что это типичный пример динамической системы, которую ни в каком полезном смысле нельзя связать с проблемой максимума. Обследуя больного, мы узнаём кое-что и о здоровых, а обследуя здоровых, мы можем также узнать что-то и о больных. Тот факт, что проблема "акселератор–мультипликатор" не может быть связана с максимизацией, сильно затрудняет её анализ. Так, когда один мой коллега был молод, он написал под моим руководством докторскую диссертацию (Eckaus, 1954), обобщив анализ взаимодействия акселератора–мультипликатора для случая многих секторов и многих стран. Это было прекрасное исследование; д-р Эккаус с большой изобретательностью и изяществом выжал из модели всё, что можно было выжать. Одновременно он, по-видимому, был первым, кто обнаружил, что отношение величины полезного выпуска к затратам первоклассных интеллектуальных ресурсов было при этом в каком-то смысле разочаровывающим: "великой простоты" получилось слишком мало. Добросовестный исследователь должен был указать на широкий круг возможностей, которые могли бы реализоваться, и затратить значительные умственные усилия на классификацию и систематизацию этих возможностей.

Для того чтобы проиллюстрировать действительную неподатливость этой проблемы, позвольте рассказать вам об одной серьёзной трудности, возникающей при её анализе. Представим себе Европу 1970 г. в виде 17-секторного комплекса мультипликаторов и акселе-

раторов, который является устойчивым, то есть мы можем показать, что все его характеристические корни являются демпфирующими и ослабляющими, а не антидемпфирующими и порождающими взрывную динамику. Теперь обратимся к истории и возьмём 1950 г. Коэффициенты модели Европы будут несколько другими, однако мы снова будем считать, что они порождают устойчивую систему. Теперь позвольте мне сообщить вам в точности один бит информации. В 1960 г., который лежит посредине, по чудесному совпадению оказалось, что коэффициенты модели во всех до единого случаях в точности равны средним арифметическим между коэффициентами 1950 и 1970 гг. Что вы сказали бы об устойчивости системы в 1960 г.?

Если мой вопрос не настроил вас на то, что вы столкнётесь с парадоксом, то я уверен, что вашим первым искушением было бы сказать, что это — устойчивая система, находящаяся на полпути от одной устойчивой системы к другой. Однако это не согласовывалось бы с результатами д-ра Эккауса. Парадокс получит объяснение, когда вы узнаете, что детерминантные условия устойчивости системы не определяют область устойчивости, задаваемую через соотношения между коэффициентами системы, как выпуклую (Samuelson, 1947). Следовательно, точка на полпути между двумя точками области может сама оказаться вне этой области. Такой ситуации не возникает в случае максимизирующих систем, которые "ведут себя хорошо".

Полагаю, что сказал достаточно, чтобы показать, что самой трудной частью моей книги "Основы экономического анализа" (Samuelson, 1947) было рассмотрение статики и динамики немаксимизирующих систем.

Динамика и максимизация

Естественно, из этого не следует, что с помощью максимизации нельзя исследовать широкую область динамических процессов. Так, например, рассмотрим динамический алгоритм нахождения вершины горы, который реализуется с помощью "градиентного метода". Его идея заключается в том, что ваша скорость в каком-либо направлении пропорциональна наклону горы в том же самом направлении. Нельзя рассчитывать, что такой метод приведёт вас на высочайшую вершину Альп из любой начальной точки, находящейся в Европе. Однако он сходится к точке максимума любой вогнутой поверхности из тех, что фигурируют в школьных учебниках.

Подобно световым лучам в физике, о которых я говорил ранее, оптимальные траектории роста в теориях, выросших из новаторской работы Фрэнка Рамсея, появившейся более сорока лет тому

назад (Ramsey, 1928), сами по себе демонстрируют богатство динамических явлений. Такая динамика совсем не похожа, скажем, на ту, которая составила предмет позитивистского анализа связи акселератора с мультипликатором. Может быть, вы помните, что сэр Уильям Гамильтон затратил много лет, пытаясь обобщить понятие комплексного числа на случай более чем двух измерений. Рассказывают, что его семья с сочувствием относилась к его исследованиям кватерниона, и каждый вечер дети приветствовали его по возвращении из астрономической обсерватории вопросом: "Папа, ты умеешь перемножать свои кватернионы?" лишь для того, чтобы получить грустный ответ: "Я умею складывать мои кватернионы, но я не умею их перемножать". Если бы в 30-е годы Ллойд Метцлер и я имели детей, они каждый вечер спрашивали бы нас: "Все ли ваши характеристические корни вели себя хорошо и были устойчивы?" Ибо в те дни, находясь под впечатлением затянувшейся Американской Депрессии и её нечувствительности к эфемерным государственным дотациям, мы были в какой-то мере во власти догмы устойчивости.

Совершенно иными были мои главные интересы в течение 50-х годов, когда я занимался бесплодными поисками доказательства так называемой "теоремы о магистрали" (Samuelson 1949a, 1960a, 1968b; Samuelson and Solow, 1956; Dorfman, Samuelson and Solow, 1958). Здесь речь тоже идёт о модели максимизации, по крайней мере в смысле межвременной эффективности. Когда вы изучаете модель "затраты–выпуск" фон Неймана, вы сталкиваетесь с задачей нахождения минимакса, или седловой точки, подобной той, которая рассматривается в его же теории игр. Это исключает возможность того, что ваши динамические характеристические корни будут демпфироваться. Так что если бы мои дети не относились к моей научной работе с тем чувством, которое можно назвать "снисходительным пренебрежением", то в 50-х годах они должны были бы спрашивать меня: "Папа, образуют твои характеристические корни взаимно обратные или противоположные по знаку пары, соответствующие движению по цепной линии вокруг магистральной седловой точки?"

Могу ли я попросить вас о снисхождении? Позвольте мне отклониться от темы и рассказать один анекдот. Я делаю это с некоторым смущением, потому что, когда меня приглашали прочитать лекцию, профессор Лундберг предупредил, что это должна быть серьёзная лекция. Хотя и говорят, что я был нахальным молодым человеком, у меня было только одно столкновение с великим Джоном фон Нейманом, который, конечно, был гигантом современной математики и, кроме того, проявил свою гениальность в работе над водородной бомбой, теорией игр и основами квантовой механики. Ради того, чтобы

дать представление о его величии, я готов даже с ещё большим бесстыдством бросить вызов профессору Лундбергу и рассказать вам анекдот в анекдоте. Кто-то однажды спросил великого йельского математика Какутани: "Вы великий математик?" Какутани скромно ответил: "О, вовсе нет. Я — рядовой трудяга, искатель истины". — "Ну, если вы не великий математик, то кого бы вы назвали таковым?" — спросили его. Какутани думал, думал, а затем, как гласит предание, наконец сказал: "Джонни фон Неймана".

И вот с этим Голиафом у меня произошло столкновение. Как-то, а это было в 1945 г., фон Нейман читал лекцию в Гарварде о своей модели общего равновесия. Он заявил, что в ней используется новый математический аппарат, не связанный с традиционным математическим аппаратом физики и теорией экстремумов. Я подал голос из задних рядов, сказав, что это вовсе не отличается от понятия границы издержек упущенной выгоды, используемого в экономической теории, когда при фиксированных количествах всех ресурсов и всех, кроме одного, продуктов общество стремится максимизировать объём выпуска остающегося продукта. Фон Нейман отреагировал на это с быстротой молнии, что было для него характерным: "Вы можете держать пари на одну сигару?" К стыду своему, должен сказать, что в этот раз маленький Давид, поджав хвост, бежал с поля боя. И всё же когда-нибудь, когда я войду в ворота Святого Петра, я думаю, что половина сигары мне достанется, но только половина, потому что точка зрения фон Неймана также была обоснованной.

Беглый просмотр современных журналов и учебников показывает, что, в то время как студент, изучающий классическую механику, часто сталкивается со случаями колебаний около положения равновесия (например, маятника), студент-экономист чаще имеет дело с движениями по цепной линии около седловой точки: подобно тому как канат, подвешенный на двух гвоздях, принимает форму цепной линии, выпуклой в сторону земли, так и экономические движения совершаются вдоль цепной линии, выпуклой в сторону магистрали. Я хотел бы здесь напомнить о происхождении слова "магистраль" (Turnpike). Все американцы привыкли к тому, что если нужно попасть из Бостона в Лос-Анджелес, то лучше всего побыстрее доехать до главной магистрали и только в конце путешествия нужно свернуть с неё к пункту назначения. Так же и в экономике: для того чтобы обеспечить наиболее эффективное развитие страны, при определённых обстоятельствах следует как можно быстрее вступить на путь максимального и сбалансированного роста, так сказать, "оседлать" эту магистраль, а затем, по окончании, например, 20-летнего

периода, свернуть к конечной цели развития Здесь мы сталкиваемся с интересным эффектом: когда горизонт становится широким, вы проводите бо́льшую часть своего времени в пределах малого расстояния от магистрали. Всё, больше я не буду произносить это слово, на котором можно сломать язык.

Заключение

Я был не в состоянии дать в одной лекции хотя бы самое поверхностное представление о роли принципов максимума в экономическом анализе. Не смог я составить и репрезентативную выборку из моих собственных интересов в экономической науке или хотя бы в более узкой области, каковой является теория максимизации. Так, одним из предметов моего непреходящего внимания на протяжении ряда лет была "экономика благосостояния". Вместе с моим близким другом Абрамом Бергсоном из Гарварда я пытался понять, о максимизации чего можно вести речь, говоря о "невидимой руке" Адама Смита. Например, рассмотрим понятие, которое мы сегодня называем "оптимальностью по Парето" и которое с тем же основанием можно было бы назвать "оптимальностью по Бергсону" — ведь он в 1938 г. вложил ясный смысл в то, что Парето лишь нащупывал, и связал это узкое понятие с более широким понятием социальных норм и функций благосостояния (Bergson, 1938). Как раз недавно я читал статью одного автора из "новых левых". Она написана белым стихом, который, как выяснилось, в высшей степени неэффективен как средство общения, но который истинный ученый должен осилить, если этого требуют интересы науки. Автор подверг уничтожающей критике понятие оптимальности по Парето. Однако когда я переварил его труд, мне показалось, что именно в обществе, достигшем изобилия, где диссидентские группы добиваются возможности вести свой собственный образ жизни, особевно важной становится позиция "дать людям, что они хотят". Автор из поколения "старых левых", занимавшийся социалистической экономикой, призванной удовлетворить потребности людей на грани прожиточного минимума, конечно, в меньшей степени нуждался в понятии оптимальности по Парето, чем современный исследователь общественных процессов в США и Швеции.

Кроме того, особое удовлетворение принесло мне то, что мои работы по экономике благосостояния (Samuelson, 1954; 1955, 1969) позволили пролить свет на проблему анализа общественных благ, поставленную еще Кнутом Викселлем (Wicksell, 1896) и Эриком Линдалем (Lindahl, 1919).

Американский экономист Г. Давенпорт, от которого нас отделяют два поколения (он был лучшим другом Торстена Веблена, и Веблен даже некоторое время жил в угольном подвале его дома), однажды сказал: "Нет причины, почему экономическая теория должна быть монополией реакционеров". Всю свою жизнь я стремился принимать эт слова близко к сердцу и сегодня осмеливаюсь повторить их здесь в расчёте на ваше сочувственное внимание.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ[1]

Экономика — это умение пользоваться жизнью наилучшим образом.

Джордж Бернард Шоу.
"Максимы для революционеров".

Я приношу благодарность за ценные комментарии Джозефу Бен-Давиду, Милтону Фридману, Виктору Фьюксу, Роберту Т. Майклу, Джейкобу Минцеру, Ричарду Познеру и Т.У. Шульцу. Особую признательность мне хотелось бы выразить Джорджу Дж. Стиглеру за многочисленные обсуждения, комментарии и столь необходимую поддержку, а также Роберту К. Мертону за обстоятельно и чрезвычайно полезный отзыв на предыдущий вариант настоящей работы, где он изложил точку зрения социолога на затрагиваемые мною проблемы. Обычная оговорка, что никто из упомянутых мною лиц не несёт ответственности за приводимые в этом очерке доводы и заключения, тем более уместна, что некоторые из них выразили своё несогласие с его центральной идеей.

***

Хотя своеобразие "экономического" подхода к человеческому поведению едва ли подлежит сомнению, не так-то легко определить, что же именно отличает его от социологического, психологического, антропологического, политического и даже генетического подходов. В настоящем очерке предпринята попытка выделить его главные отличительные признаки.

Обратимся для начала за помощью к дефинициям различных отраслей научного знания. До сих пор в ходу по меньшей мере три противостоящих определения экономической науки (economics). Она, как утверждают, занимается изучением: а) распределения матери-

[1] Данная статья Г.С. Беккера представляет собой переработанную версию "Введения" к книге Г. Беккера "Экономический подход к человеческому поведению" (Becker, 1976b).

альных благ ради удовлетворения материальных потребностей[1]; б) рыночного сектора[2]; в) распределения ограниченных средств ради достижения конкурирующих целей[3].

Определение экономической науки с точки зрения материальных благ наиболее узко и наименее удовлетворительно. Оно не даёт правильного представления ни о рыночном секторе, ни о том, чем "занимаются" экономисты. Ведь в США, например, производством вещественных благ занято сейчас менее половины всех работающих на рынок, а невещественный выпуск сферы услуг превосходит в стоимостном выражении выпуск товаров (см.: Fuchs, 1968). Кроме того, экономисты с неменьшим успехом анализируют спрос и предложение магазинов, фильмов или образования, чем мяса или автомобилей. Живучесть определений, связывающих экономическую науку с материальными благами, объясняется нежеланием подчинять определённые виды человеческого поведения "бездушному" экономическому расчёту.

Наиболее общим является определение экономической науки с точки зрения ограниченных средств и конкурирующих целей. Оно исходит из специфического характера проблем, подлежащих решению, и охватывает куда более широкую область, нежели рыночный сектор или "то, чем занимаются экономисты"[4]. Редкость и выбор характеризуют любые ресурсы, в какой бы форме ни протекало их распределение — в рамках политического процесса (включая решение о том, какие отрасли облагать налогом, как быстро расширять предложение денег и нужно ли вступать в войну), через семью (включая выбор супруга и планирование размеров семьи, определение частоты посещения церкви и распределение времени между сном и бодрствованием, или при организации научных исследований (вклю-

---

[1] "[Экономическая наука] — это социальная дисциплина, изучающая то, как отдельные люди и целые общества пытаются удовлетворять свои материальные потребности и желания" (Kees, 1968); "[Экономическая наука] изучает процесс удовлетворения физических нужд и желаний человека" (статья "Economics" в "The Cumbia Encyclopedia", 3d ed., p. 624); см. также многочисленные ссылки на высказывания Маршалла, Кэннана и других у Л. Роббинса (Роббинс, 1992).

[2] А. Пигу заявлял: "[Экономическое благосостояние] есть сфера благосостояния, где можно прямо или косвенно применить денежную шкалу измерения" (Пигу, 1985, I.–74).

[3] "Экономическая теория — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь иное употребление" (Роббинс, 1992, с.18 в этом номере THESIS); "Экономическая наука... занимается изучением распределения редких ресурсов между неограниченными и конкурирующими между собой целями" (Rees, 1968); можно привести много аналогичных высказываний других авторов.

[4] Боулдинг (Boulding, 1966) приписывает такое определение экономической науки Эрнсту Джейкобу Вайнеру.

чая распределение учёными своего времени и умственных усилий между различными научными проблемами) и так далее до бесконечности. Это определение экономической науки настолько широко, что вместо того, чтобы служить источником гордости, оно нередко приводит многих экономистов в замешательство и обычно немедленно обставляется оговорками, с тем чтобы исключить из него подавляющую часть внерыночного поведения[1].

Все приведённые дефиниции экономической науки определяют лишь границы её предмета, но ни одно ровным счётом ничего не говорит нам о том, что же представляет собой "экономический подход" как таковой. Ведь при изучении рыночного сектора или процесса распределения ограниченных средств среди конкурирующих целей можно придавать первостепенное значение поведению, подчиняющемуся обязанностям и традициям, импульсивному, максимизирующему и какому угодно ещё.

Подобным же образом дефиниции социологии (как и других общественных наук) мало что дают для разграничения её подхода и всех остальных. К примеру, заявление, что социология занимается изучением социальных совокупностей и групп, а также причин и последствий изменения институциональной и социальной организации (Reiss, 1968), никак не отделяет её предмета (не говоря уже о методе) от предмета, скажем, экономической науки. Утверждение, что "сравнительная психология изучает поведение различных видов живых организмов" (Waters and Bunnell, 1968) столь же общо, как определение экономической теории или социологии, и столь же бессодержательно.

Оставим поэтому в покое дефиниции, ибо я убеждён, что экономическая теория как научная дисциплина более всего отличается от прочих отраслей обществознания не предметом, а своим подходом. В самом деле, многие формы поведения составляют предмет исследования сразу нескольких дисциплин: например, проблема деторождения образует особый раздел социологии, антропологии, экономической теории, истории, биологии человека и, пожалуй, даже политологии. Я утверждаю, что экономический подход уникален по своей мощи, потому что он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения.

Общепризнано, что экономический подход предполагает максимизирующее поведение в более явной форме и в более широком

[1] Дав широкое определение экономической науки, Рис (Rees, 1968) почти тут же переходит к определению с точки зрения материальных потребностей, так и не объяснив, почему он столь резко сужает границы её предмета. Даже Роббинс, после блестящих рассуждений о сущности экономической проблемы, в последующих своих работах сводит свой анализ, по сути, к рыночному сектору.

диапазоне, чем другие подходы, так что речь может идти о максимизации функции полезности или богатства всё равно кем — семьёй, фирмой, профсоюзами или правительственными учреждениями. Кроме того, экономический подход предполагает существование рынков, с неодинаковой степенью эффективности координирующих действия разных участников — индивидуумов, фирм и даже целых наций — таким образом, что их поведение становится взаимосогласованным. Предполагается также, что предпочтения не изменяются сколько-нибудь существенно с ходом времени и не слишком изменятся у богатых и бедных или даже среди людей, принадлежащих к разным слоям общества и культурам.

Цены и другие инструменты рынка регулируют распределение редких ресурсов в обществе, ограничивая тем самым желания участников, координируя их действия. В рамках экономического подхода эти рыночные инструменты выполняют большую часть функций (если не все!), которыми в социологических теориях наделяется "структура"[1].

Стабильность предпочтений предполагается по отношению не к рыночным товарам и услугам вроде апельсинов, автомобилей или медицинского обслуживания, а к основополагающим объектам выбора, которые производит каждое домохозяйство, используя для этого рыночные товары и услуги, собственное время и другие ресурсы. Эти глубинные предпочтения определяются через отношения людей к фундаментальным аспектам их жизни, таким, как здоровье, престиж, чувственные наслаждения, доброжелательность или зависть, и отнюдь не всегда остаются стабильными, если иметь в виду рыночные товары и услуги (см.: Michael and Becker, 1973). Предпосылка стабильности предпочтений обеспечивает надёжную основу для предсказания реакций на те или иные изменения и не даёт исследователю возможности поддаться искушению и просто постулировать необходимый сдвиг в предпочтениях, "объясняя" таким образом любые очевидные расхождения с его предсказаниями.

Максимизирующее поведение и стабильность предпочтений являются не просто исходными предпосылками, но могут быть выведены из концепции естественного отбора пригодных способов поведения в ходе эволюции человека (см.: Wilson, 1975; Dawkins, 1976; Becker, 1976a). В самом деле, экономический подход и теория естественного отбора, выработанная современной биологией, тесно взаимосвязаны (вспомним, что, по признанию как Дарвина, так и Уоллеса, они испытали сильнейшее влияние мальтузианской теории народонаселения) и представляют, возможно, разные аспекты единой, более фундаментальной теории (обсуждение этой проблемы см.: Hirshleifer; 1977; см. также: Tullok, 1971).

[1] Блестящее изложение структурного анализа можно найти у Р. Мертона (Merton, 1975).

Связанные воедино предположения о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений, проводимые твёрдо и непреклонно, образуют сердцевину экономического подхода в моём понимании. О том, например, что (а) повышение цены ведёт к сокращению объёма спроса[1], будь то удорожание яиц, уменьшающее спрос на них, рост "теневой" цены детей, вызывающий падение "спроса" на них, или увеличение времени ожидания перед кабинетами врачей, что составляет один из компонентов полной цены медицинских услуг; или о том, что (б) повышение цены ведёт к расширению объёма предложения, будь то рост рыночной цены на мясо, вызывающий увеличение количества голов выращиваемого и забиваемого скота, или повышение ставок заработной платы замужних женщин, подталкивающее их к расширению участия в рабочей силе; или о том, что (в) конкурентные рынки способны более эффективно, чем монополизированные, удовлетворять предпочтения потребителей; или же о том, что (г) установление налога на какой-либо товар ведёт к сокращению его производства, будь то акцизный сбор на бензин, заставляющий уменьшать его потребление; наказание преступников (что есть по сути дела "налог" на преступления), обеспечивающее снижение уровня преступности; или налог на заработную плату, сокращающий предложение труда в рыночном секторе.

Совершенно ясно, что сфера применимости экономического подхода не ограничивается одними только материальными благами и потребностями или даже рыночным сектором. Цены — независимо от того, денежные ли это цены рыночного сектора или теневые, вменённые цены внерыночного сектора, — отражают альтернативные издержки использования редких ресурсов, и экономический подход предсказывает однотипные реакции на изменения как теневых цен, так и рыночных. Возьмём, к примеру человека, чьим единственным редким ресурсом является ограниченное количество его или её времени. Время используется для производства разнообразных продуктов (входящих в его или её функцию предпочтения) с целью максимизации полезности. Даже вне рыночного сектора каждый продукт — прямо или косвенно — обладает предельной теневой ценой: я имею в виду время, требуемое для производства одной дополнительной единицы такого продукта. В условиях равновесия соотношение этих цен должно быть равно соотношению предельных полезностей соот-

[1] Прийти к этому выводу можно и без предпосылки максимизирующего поведения, как это показано в моей работе (Becker, 1962).

ствующих продуктов[1]. Самое важное, что повышение относительной цены любого продукта, то есть времени, необходимого для производства единицы этого продукта, будет вести к сокращению его потребления.

Экономический подход не предполагает, что все участники на каждом рынке непременно обладают полной информацией или совершают сделки, не требующие никаких издержек для их заключения. Неполноту информации или наличие трансакционных издержек не следует, однако, смешивать с иррациональностью или непоследовательностью поведения[2]. Экономический подход привёл к разработке теории оптимального или рационального накопления дорогостоящей информации[3], которая подразумевает, например, более значительные инвестиции в добывание информации при принятии важных решений по сравнению с малозначащими — скажем, при приобретении дома или вступлении в брак по сравнению с покупкой хлеба или дивана. Собранная таким образом информация остаётся зачастую далеко не полной, потому что её получение сопряжено с издержками — факт, использующийся в экономическом подходе для объяснения тех форм поведения, которые в других подходах понимаются либо как иррациональное или непоследовательное поведение, либо как традиционное, либо как "нерациональное".

Когда явно выгодные возможности упускаются фирмой, рабочим или домашним хозяйством, экономический подход не ищет убежища в предположениях об их иррациональности, довольстве уже имеющимся богатством или удобных сдвигах ad hoc в системе ценностей (то есть в предпочтениях). Напротив, он постулирует существование издержек, денежных или психологических, возникающих при попытках воспользоваться этими благоприятными возможностями, — издержек, которые сводят на нет предполагаемые выгоды и которые не так-то легко "увидеть" сторонним наблюдателям. Конечно, постулирование таких издержек "замыкает" или "завершает" экономический подход тем же самым, почти тавтологическим способом, каким постулирование затрат энергии (подчас не поддаю-

[1] Он максимизирует функцию $U = U(Z_1, ..., Z_m)$ при ограничениях $Z_i, \sum_{i=1}^{m} t_i = t$ (где Z — i-й продукт, f_i — производственная функция для Z_i^j, t_i — затраты времени при производстве Z). Из хорошо известных условий равновесия первого порядка для распределения его редкого ресурса — времени — следует:

$\partial U / \partial Z_i = 1 (\partial t_i / \partial Z_i) = (\lambda) / (\partial Z_i / \partial t_i) = \lambda / MP_{ti}$,

где λ есть предельная полезность времени.

[2] Шумпетер, похоже, смешивал их, хотя и не всегда (Schumpeter, 1950. Ch. 2. Section "Human Nature in Politics").

[3] См. пионерскую работу Дж. Стиглера "Экономика информации" (Stigler, 1961).

щихся наблюдению) замыкает энергетическую систему и спасает закон сохранения энергии. Системы анализа в химии, генетике и других областях замыкаются сходным образом. Главный вопрос заключается в том, насколько плодотворен тот или иной способ "завершения" системы; важнейшие теоремы, следующие из экономического подхода, показывают, что он замыкается таким образом, который оказывается много продуктивнее простого набора пустопорожних тавтологий в значительной мере потому, что, как я уже отмечал, предпосылка стабильности предпочтений обеспечивает основу для предсказания реакций на самые разнообразные изменения.

Более того, экономический подход не требует, чтобы отдельные агенты непременно осознавали своё стремление к максимизации или чтобы они были в состоянии вербализовать либо как-то иначе внятно объяснить причины устойчивых стереотипов в своём поведении[1] Таким образом, он совпадает в этом с современной психологией, придающей особое значение подсознанию, и социологией, выделяющей функции явные и латентные (Merton, 1968). К тому же экономический подход не проводит концептуального разграничения между решениями важными и малозначащими, скажем, такими, которые касаются вопросов жизни и смерти, с одной стороны[2], и выбором сорта кофе — с другой; или между решениями, пробуждающими, как полагают, сильные эмоции и эмоционально нейтральными (например, выбор супруга или планирование количества детей в противоположность покупке красок); или между решениями людей с неодинаковым достатком, образованием или социальным происхождением.

В самом деле, я пришёл к убеждению, что экономический подход является всеобъемлющим, он применим ко всякому человеческому поведению — в условиях денежных или теневых, вменённых цен, повторяющихся или однократных, важных или малозначащих решений, эмоционально нагруженных или нейтральных целей; он применим к поведению богачей или бедняков, пациентов и врачей, бизнесменов и политиков, учителей и учащихся. Сфера приложения понимаемого таким образом экономического подхода настолько широка, что она покрывает собой предмет экономической науки, если следовать приведённому выше её определению, в котором говорится об ограниченных средствах и конкурирующих целях. Именно такое понимание согласуется с этим широким, не признающим ни-

[1] Этот момент подчёркивается в замечательной статье Милтона Фридмана "Методология позитивной экономической науки" (Friedman, 1953).

[2] Продолжительность жизни сама является избираемой переменной, как это показано в важном исследовании Гроссмана (Grossman, 1972).

каких оговорок определением, а также с высказыванием Шоу, вынесенным в эпиграф настоящего очерка.

Экономический подход к человеческому поведению не нов, даже если иметь в виду внерыночный сектор. Адам Смит нередко (хотя и не всегда!) придерживался этого подхода при объяснении политического поведения. Иеремия Бентам не скрывал своего убеждения, что исчисление наслаждений и страданий приложимо ко всякому человеческому поведению: "Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей, страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать и указывать, что мы должны делать... Они управляют нами во всём, что мы делаем, что мы говорим, что мы думаем" (Бентам, 1867[1]). Исчисление наслаждений и страданий, по его словам, применимо ко всему, что мы делаем, что мы говорим, и не ограничивается одними только денежными соображениями, повторяющимся выбором, малозначащими решениями и т.п. Бентам прилагал своё исчисление к чрезвычайно широкому кругу форм человеческого поведения, так что в одном ряду с рынками товаров и услуг оказывались такие вопросы, как наказание преступников, реформа тюрем, совершенствование законодательства, законы против ростовщичества и деятельность судов. Хотя Бентам открыто заявлял, что исчисление наслаждений и страданий относится ко всему, что мы будем делать, точно так же как и ко всему, что мы "должны" делать, всё-таки его главным образом интересовало "должное" — он был в первую очередь и по преимуществу реформатором и так и не разработал теории, которая объясняла бы действительное поведение людей и обладала бы многочисленными следствиями, поддающимися проверке. Он зачастую увязал в тавтологиях, поскольку не разделял предположения о стабильности предпочтений, и был больше озабочен тем, как согласовать своё исчисление с любыми формами человеческого поведения, а не выяснением того, какие ограничения на поведение оно накладывает.

Маркс и его последователи применяли "экономический", как это было принято у них называть, подход не только к поведению на рынке, но и к политике, браку и другим формам нерыночного поведения.

Но для марксиста экономический подход означает, что организация производства играет решающую роль, предопределяя соци-

[1] Иеремия Бентам утверждал: "Что касается мнения, будто страсть не поддаётся исчислению, оно, как и большинство всех этих крайне расплывчатых и претендующих на непогрешимость суждений, не соответствует истине. Я не решился бы даже говорить, что умалишенный не предаётся таким подчётам. Исчисление страстей в большей или меньшей степени происходит в каждом человеке". Он добавляет, однако, что "из всех страстей более всего поддаётся исчислению... мотив денежного интереса" (Бентам, 1867).

альную и политическую структуру, и основной упор он делает на материальных благах, целях и процессах, конфликте между рабочими и капиталистами и всеобщем подчинении одного класса другому. То, что называю "экономическим подходом" я, имеет с этой точкой зрения мало общего. Кроме того, марксист, подобно бентамиту, склонен уделять больше внимания тому, что должно быть, и зачастую лишает свой подход всякой предсказательной силы, пытаясь подвести под него все события без исключения.

Не приходится говорить, что экономическому подходу не всегда одинаково успешно удаётся проникать в сущность различных форм человеческого поведения и объяснять их. Например, пока он не слишком преуспел (как, впрочем, и все остальные подходы) в раскрытии факторов, от которых зависят войны и многие другие политические решения. Я убеждён, однако, что этот мало впечатляющий результат свидетельствует не о неправомерности экономического подхода в данном случае, а главным образом о недостаточности предпринимавшихся до сих пор усилий. Ибо, с одной стороны, к изучению войн экономический подход систематически не применялся, а попытки его применения к другим видам политической деятельности начались совсем недавно; с другой стороны, наше понимание таких на первый взгляд столь же не поддающихся истолкованию форм поведения, как деторождение, воспитание детей, участие в рабочей силе и другие решения, принимаемые в семье, существенно обогатилось в последние годы благодаря систематическому применению экономического подхода.

Представление о широкой приложимости экономического подхода находит поддержку в обильной научной литературе, появившейся за последние двадцать лет, в которой экономический подход используется для анализа, можно сказать, безгранично разнообразного множества проблем, в том числе развития языка (Marschak; 1965), посещаемости церквей (Azzi and Ehrenberg, 1975), политической деятельности (Buchanan and Tullok, 1962; Stigler, 1975), правовой системы (Posner, 1973; Backer and Landes, 1974), вымирания животных (Smith, 1975), самоубийств (Hamermesh and Soss, 1974), альтруизма и социальных взаимодействий (Becker, 1974; 1976; Hirshleifer, 1977), а также брака, рождаемости и разводов (Schultz, 1974, Landes and Michael, 1977). Чтобы рельефнее передать своеобразие экономического подхода, я остановлюсь вкратце на нескольких наиболее непривычных и спорных его приложениях.

Хорошее здоровье и долгая жизнь представляют собой важные цели для большинства людей, но каждому из нас достаточно минутного размышления, чтобы убедиться, что эти цели далеко не единственные: иногда лучшим здоровьем или большей продолжительнос-

тью жизни можно пожертвовать, потому что они вступают в конфликт с другими целями. Экономический подход подразумевает, что существует "оптимальная" продолжительность жизни, при которой полезность дополнительного года жизни оказывается меньше, чем полезность, утрачиваемая в результате использования времени и других ресурсов для его достижения. Поэтому человек может быть заядлым курильщиком или же пренебрегать физическими упражнениями из-за полной поглощённости своей работой, причём не обязательно потому, что он пребывает в неведении относительно возможных последствий или "не способен" к переработке имеющейся у него информации, а потому, что отрезок жизни, которым он жертвует, представляет для него недостаточную ценность, чтобы оправдать издержки, связанные с воздержанием от курения или с менее напряжённой работой. Подобные решения были бы "неблагоразумными", если бы продолжительность жизни была единственной целью, но, постольку поскольку существуют и иные цели, эти решения могут оказаться продуманными и в этом смысле — "благоразумными".

Согласно экономическому подходу, таким образом, большинство смертей (если не все!) являются до некоторой степени самоубийствами — в том смысле, что они могли бы быть отсрочены, если бы больше ресурсов инвестировалось в продление жизни. Отсюда не только следуют интересные выводы для анализа того, что в просторечии зовётся самоубийствами[1], но под вопросом оказывается общепринятое разграничение между самоубийствами и "естественными" смертями. Опять-таки экономический подход и современная психология приходят к сходным выводам, поскольку в последней подчёркивается, что "желание смерти" лежит в основе многих "случайных" смертей, а также смертей, вызываемых "естественными" на вид причинами.

Экономический подход не просто переинтерпретирует на знакомом экономическом языке различные формы поведения, влияющие на здоровье, устраняя с помощью тавтологических суждений возможность ошибочного истолкования. Из него следует, что как состояние здоровья человека, так и качество получаемого им медицинского обслуживания будут улучшаться с повышением ставки его заработной платы, что старение будет вызывать ухудшение здоровья при одновременном увеличении расходов на медицинские услуги и что повышение уровня образования будет способствовать улучшению состояния здоровья, несмотря даже на уменьшение расходов на медицинские услуги. Ни эти, ни какие-либо иные выводы из эко-

[1] Некоторые из этих выводов развиты в работе Хаймермеша и Сосса (Hamermesh and Soss, 1974).

номического подхода не обязательно должны считаться истиной, однако все они, как представляется, согласуются с имеющимися у нас данными[1].

Согласно экономическому подходу, человек решает вступить в брак, когда ожидаемая полезность брака превосходит ожидаемую полезность холостой жизни или же дополнительные издержки, возникающие при продолжении поиска более подходящей пары. Точно так же человек, состоящий в браке, решает прервать его, когда ожидаемая полезность возвращения к холостому состоянию или вступления в другой брак превосходит потери в полезности, сопряжённые с разводом (в том числе из-за разлуки с детьми, раздела совместно нажитого имущества, судебных расходов и т.д.). Так как многие люди заняты поиском подходящей для себя пары, можно говорить о существовании брачного рынка. Каждый старается делать всё, на что только он или она способны, при этом точно так же ведут себя на этом рынке и все остальные. Можно сказать, что разбивка людей по отдельным супружеским парам является равновесной, если те, кто в результате этого сортировочного процесса так и не вступили между собой в брак, не могли бы, сделав это, улучшить положение друг друга.

И в этом случае из экономического подхода вытекают многочисленные поведенческие следствия. Например, он подразумевает, что существует тенденция к заключению браков среди людей, близких по коэффициенту интеллектуальности, уровню образования, цвету кожи, социальному происхождению, росту и многим другим переменным, по различающихся по ставкам заработной платы и некоторым иным показателям. Вывод, что мужчины с относительно высокими ставками заработной платы женятся на женщинах с относительно низкими ставками заработной платы (при неизменности всех остальных переменных), у многих вызывает удивление, но, как кажется, согласуется с имеющимися данными, если внести в них поправку на большую долю замужних, но не работающих женщин (Becker, 1973). Из экономического подхода следует также, что лица с более высокими доходами вступают в брак более молодыми и разводятся реже, чем остальные, что согласуется с доступными нам данными (см.: Keeley, 1977), но противоречит расхожему мнению. Отсюда же, кроме того, вытекает, что рост относительных заработков жён повышает вероятность расторжения браков, чем частично объясняется большая частота разводов среди чёрных семей по сравнению с белыми.

[1] Эти выводы получены и эмпирически подтверждены Гроссманом (Grossman, 1972).

В соответствии с гейзенберговским принципом неопределённости изучаемые физиками феномены невозможно наблюдать в "естественном" состоянии, потому что наблюдение изменяет сами эти феномены. Ещё более сильный принцип выдвигался по отношению к учёным в области общественных наук, поскольку они являются не только исследователями, но и участниками социальных процессов и, значит, как предполагалось, не способны к объективности в своих наблюдениях. Экономический подход занимает иную, но отдалённо в чём-то сходную позицию, а именно: люди решают посвятить себя научной или какой-либо другой интеллектуальной или творческой деятельности только тогда, когда они могут ожидать от этого выгод, — как денежных, так и психологических — превосходящих то, на что они могли бы рассчитывать в иных профессиях. Поскольку этот критерий остаётся в силе и при выборе более заурядных профессий, нет никаких причин, почему интеллектуалы должны проявлять меньшую озабоченность своим вознаграждением, больше радеть о благе общества и быть "от природы" честнее, чем все остальные[1].

Из экономического подхода, следовательно, вытекает, что возросший спрос избирателей или различных групп со специальными интересами на те или иные интеллектуальные выводы будет стимулировать рост их предложения, если основываться на упомянутой выше теореме о действии повышения цен на объём предложения. Точно так же, если приток средств из благотворительных или правительственных фондов направляется на изучение каких-то, пусть даже самых нелепых проблем, от заявок на их исследование не будет отбоя. То, что экономический подход считает нормальной реакцией предложения на изменения в спросе, другие, когда дело касается науки и искусства, могут именовать интеллектуальной или творческой "проституцией". Быть может, это и так, однако попытки провести чёткую грань между рынком интеллектуальных и художественных услуг и рынком "обычных" товаров оборачивались непоследовательностью и путаницей (см.: Director, 1964; Coase, 1974).

Экономический подход исходит из посылки, что преступная деятельность — такая же профессия, которой люди посвящают полное или неполное рабочее время, как и столярное дело, инженерия или преподавание. Люди решают стать преступниками по тем же соображениям, по каким другие становятся столярами или учителями, а именно потому, что они ожидают, что "прибыль" от решения стать

[1] Этот пример заимствован у Стиглера (Stigler, 1976). См. также обсуждение системы вознаграждения в науке и связанные с этим проблемы у Мертона (Merton, особенно ч. 4)

преступником — приведённая ценность всей суммы разностей между выгодами и издержками, как неденежными, так и денежными — превосходит "прибыль" от занятий иными профессиями. Рост выгод или сокращение издержек преступной деятельности увеличивают число людей, становящихся преступниками, повышая — сравнительно с другими профессиями — "прибыль" от правонарушений.

Таким образом, этот подход предполагает, что условные преступления, вроде краж или грабежей, совершаются в основном менее состоятельными людьми не вследствие аномии или отчуждения, а из-за недостатка общего образования и профессиональной подготовки, что сокращает для них "прибыль" от занятия легальными видами деятельности. Подобным же образом безработица в легальном секторе увеличивает число преступлений против собственности (см.: Erlich, 1973) не потому, что она пробуждает в людях тревожность или жестокость, а потому, что она сокращает "прибыль" от легальных профессий. Число и тяжесть преступлений среди женщин возросло по сравнению с мужчинами (см.: Bartel, 1976) потому, что им стало "прибыльнее" участвовать в рыночных видах деятельности, включая и преступную (см.: Mincer, 1963).

Наиболее спорный вывод из экономического подхода к анализу преступности состоит в том, что наказания "делают своё дело", то есть что повышение вероятности поимки преступников и последующего их наказания сокращает уровень преступности, потому что доходы от неё становятся меньше. Если преступники правильно предвидят вероятность и тяжесть наказаний, то высокий уровень рецидивизма нисколько не удивителен и по нему нельзя судить о провале карательной системы, точно так же как по доходу от столярного дела при высокой доле безработных или получивших производственные травмы столяров нельзя заключить, что масштабы безработицы или производственного травматизма среди столяров никак не влияют на их численность. Продолжая аналогию, можно сказать, что программы реабилитации преступников в целом потерпели неудачу (Martinson, 1974) по той же причине, что и программы переподготовки в легальном секторе: если люди избирали свои профессии, в том числе криминальные, обдуманно, то на их решения не могут сильно повлиять ни проповеди, ни незначительные изменения в перспективах занятости для других профессий.

Наказания сдерживают как преступления "страсти"[1] вроде изнасилования или терроризма (Landes, 1975), так и экономические преступления, вроде растрат и ограблений банков (Ozenne, 1974)

[1] Даже страсти поддаются исчислению.

Помимо всего прочего, этот вывод ставит под сомнение ссылки на вменяемость или невменяемость, наличие или отсутствие умысла и другие разграничения, используемые при ведении следствий и вынесении судебных приговоров преступникам. Экономический подход означает, например, что смертные приговоры должны способствовать большему сокращению числа убийств, чем те наказания за это преступление, которые применяются сейчас в Соединенных Штатах и многих других странах Запада (Ehrich, 1975; 1977; National Academy of Science, 1977).

Я не утверждаю, что экономический подход используется всеми экономистами при изучении всех аспектов человеческого поведения или хотя бы большинством экономистов при изучении основной его части. В самом деле, многие экономисты не могут устоять перед искушением и прячут свой собственный недостаток понимания за разглагольствованиями об иррациональности поведения, неискоренимом невежестве глупости, сдвигах ad hoc в системе ценностей и тому подобном, что под видом взвешенной позиции означает просто-напросто признание своего поражения. Например, когда владельцы бродвейских театров назначают такие цены, при которых зрителям приходится подолгу ждать возможности купить билеты, начинаются разговоры о том, будто владельцы театров не имеют представления о максимизирующей прибыль структуре цен, а не о том, что исследователь не имеет представления, каким образом существующие цены способствуют максимизации прибыли. Когда лишь какая-то незначительная часть вариации в заработках поддаётся объяснению, то необъяснённый остаток начинают приписывать действию удачи или случая[1], а не неведению исследователя или его неспособности оценить дополнительные систематические факторы. Угольная промышленность объявляется неэффективной, потому что это следует из каких-то расчетов издержек и объемов выпуска в ней (Henderson, 1958), хотя не менее правдоподобной альтернативной гипотезой было бы допущение, что сами расчёты содержат серьёзные ошибки.

Войны, как полагают, развязывают безумцы, и вообще поведением в сфере политики руководят глупость и невежество. Напомним хотя бы высказывание Кейнса о "безумцах, стоящих у власти, которые слушают голос с неба" (Кейнс, 1978). И хотя Адам Смит, основоположник экономического подхода, истолковывал некоторые законы и уложения тем же самым образом, что и рыночное поведение, даже он без долгих размышлений неуклюже расправлялся с

[1] Крайний случай являет собой Дженкс (Jenks, 1972). Он чудовищно недооценивает ту долю вариации в заработках, которая поддаётся объяснению, поскольку игнорирует имеющие важное значение исследования Минцера и других (Mincer, 1974).

другими законами и уложениями как "порождениями глупости и невежества"[1].

В экономической литературе нет недостатка в ссылках на сдвиги в шкале предпочтений, вводимых для удобства ad hoc, чтобы объяснить поведение, которое ставит исследователя в тупик. Образование, как считают, изменяет структуру предпочтений (чего бы они ни касались — всякого рода товаров и услуг, кандидатов на выборах или желательного размера семьи), а не уровень реальных доходов или относительных издержек различных вариантов выбора[2] Бизнесмены, как принято думать, начинают вещать о социальной ответственности бизнеса, потому что на их установки влияет публичное обсуждение этих вопросов, а не потому, что вся эта словесная шелуха необходима им для максимизации прибылей, если принять во внимание господствующий в обществе климат государственного интервенционизма. Или ещё пример: утверждают, будто бы рекламодатели наживаются на податливости потребительских предпочтений, однако при этом не делается никаких попыток объяснить, почему, скажем, реклама распространена в одних отраслях много шире, чем в других, почему её значение в той или иной отрасли со временем меняется и почему к ней прибегают как в высококонкурентных, так и в монополизированных отраслях[3].

Естественно, то, что для экономистов, номинально приверженных экономическому подходу, является искусом, превращается в непреодолимый соблазн для тех, кто не знаком ни с этим подходом, ни с научными разработками в области социологии, психологии или антропологии. С изобретательностью, достойной лучшего применения, любое мыслимое поведение приписывается власти невежества и иррациональности, частым необъяснимым сдвигам в системе ценностей, обычаям и традициям, неизвестно как действующим социальным нормам или категориям "ego" и "id"[4].

Я не собираюсь утверждать, что такие понятия как ego и id, или социальные нормы лишены научного содержания. Мне хотелось бы только заметить, что они наравне со многими понятиями из экономической литературы выступают орудиями искушения и ве-

[1] См.: Stigler, 1971. Смит не объясняет, почему невежество властвует при принятии одних законов и бездействует при принятии других.

[2] Интерпретация действия образования на потребление исключительно в терминах эффекта цен и эффекта дохода предложена Т. Майклом (Michael, 1972).

[3] Анализ рекламы, согласующийся с предпосылкой стабильности предпочтений, предполагающий, что реклама может быть даже важнее для конкурентных отраслей, чем для монополизированных, см. в работе Стиглера и Беккера (Stigler and Becker, 1977). Полезное обсуждение проблемы рекламы, которое также обходится без сдвигов ad hoc в структуре предпочтений, содержится в работе Нельсона (Nelson, 1975).

[4] Категории психоанализа, введённые З. Фрейдом.

дут к бесплодным объяснениям человеческого поведения ad hoc. Можно к примеру, ничтоже сумняшеся, доказывать одновременно и что резкое повышение рождаемости в конце 40-х — начале 50-х годов было обусловлено возобновившимся желанием иметь большие семьи, и что длительное падение рождаемости, начавшееся буквально несколько лет спустя, было связано с нежеланием стеснять себя большим количеством детей. Или утверждать, будто жители развивающихся стран слепо копируют "ответственное" отношение ко времени, присущее американцам, тогда как намного плодотворнее объяснять распространившееся среди них стремление экономить время его возросшей экономической ценностью (Becker, 1965). Высказываются и соображения более общего порядка, согласно которым традиции и обычаи станут искореняться в развивающихся странах, потому что молодёжь так совращена американским образом жизни; при этом не обращают внимания, что обычаи и традиции крайне полезны в относительно стабильной среде, но часто превращаются в помеху в динамичном мире, особенно для молодёжи (Stigler and Becker, 1977).

Даже те, кто убежден, что экономический подход приложим к формам человеческого поведения, признают, что многие неэкономические факторы также имеют важное значение. Очевидно, что математические, химические, физические и биологические законы оказывают огромное влияние на человеческое поведение, воздействуя на структуру предпочтений и производственные возможности. То, что человеческое тело подвержено старению; что коэффициент прироста населения равен коэффициенту рождаемости плюс коэффициент миграции минус коэффициент смертности; что дети интеллектуально более одарённых родителей обладают лучшими умственными способностями, чем дети интеллектуально менее одарённых родителей; что люди должны дышать, чтобы жить; что гибридные сорта растений приносят один урожай при одних внешних условиях и совсем другой при других; что месторождения золота и нефти расположены лишь в определённых частях земного шара и эти полезные ископаемые не могут делаться из древесины; или что конвейерная линия действует по определённым физическим законам, — всё это и многое другое влияет и на процесс выбора, и на производство людей и вещей, и на эволюцию общества.

Однако признавать это — не то же самое, что заявлять о "неэкономическом" характере, скажем, коэффициентов рождаемости, миграции и смертности или скорости распространения гибридных сортов сельскохозяйственных культур на том основании, что экономический подход не в состоянии дать им объяснение. На самом же деле ценные выводы о численности детей в различных семьях были

получены исходя из допущения, что семьи стремятся к максимизации полезности при стабильной структуре предпочтений и при ограничениях, которые задаются ценами и наличными ресурсами, хотя при этом и признавалось, что цены и объём ресурсов в определённой мере зависят от сроков достижения детородного возраста и прочих неэкономических переменных (Becker, 1960; Becker and Lewis, 1973; Schultz, 1974). Подобным же образом оказалось, что темп распространения гибридных сортов кукурузы в различных районах Соединённых Штатов получает вполне удовлетворительное объяснение исходя из предпосылок максимизации прибыли фермерами: новые гибридные сорта были выгоднее и поэтому осваивались раньше в районах с более благоприятными погодными, почвенными и прочими естественными условиями (Griliches, 1957).

Учёт многообразных неэкономических переменных столь же необходим для объяснения человеческого поведения, как и использование достижений социологии, психологии, социобиологии, истории, антропологии, политологии, правоведения и других дисциплин. Хотя я утверждаю, что экономический подход даёт продуктивную схему для понимания всего человеческого поведения в целом, я не хочу умалять вклад других наук и тем более полагать, что вклад, вносимый экономистами, важнее всех остальных. К примеру, предпочтения, которые принимаются как данные и предполагаются стабильными в экономическом подходе, анализируются социологией, психологией и наиболее, на мой взгляд, успешно — социобиологией (Wilson, 1975). Как предпочтения стали такими, как сейчас? Как протекала их, по-видимому, медленная эволюция во времени? Эти вопросы имеют прямое отношение к объяснению человеческого поведения. Ценность иных научных дисциплин не умаляется даже полным и восторженным принятием экономического подхода.

В то же время мне не хотелось бы смягчать выводов, вытекающих из моих рассуждений, ради того, чтобы обеспечить им быстрейший и более благосклонный приём. Я заявляю, что экономический подход предлагает плодотворную унифицирующую схему для понимания всего человеческого поведения, хотя, конечно, и признаю, что многие его формы не получили пока объяснения и что учёт неэкономических переменных, а также использование приёмов анализа и достижений иных дисциплин способствуют лучшему пониманию человеческого поведения. Всеобъемлющим является именно человеческий подход, хотя некоторые важные понятия и приёмы анализа разрабатываются и будут разрабатываться другими научными дисциплинами.

Главный смысл моих рассуждений заключается в том, что человеческое поведение не следует разбивать на какие-то отдельные

ситуации, в одном из которых оно носит максимизирующий характер, в другом — нет, в одном мотивируется стабильными предпочтениями, в другом — неустойчивыми, в одном приводит к накоплению оптимального объёма информации, в другом не приводит. Можно скорее полагать, что все человеческое поведение характеризуется тем, что участники максимизируют полезность при стабильном наборе предпочтений и накапливают оптимальные объёмы информации и других ресурсов на множестве разнообразных рынков.

Если мои рассуждения верны, то экономический подход даёт целостную схему для понимания человеческого поведения, к выработке которой издавна, но безуспешно стремились и Бентам, и Маркс, и многие другие.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУКА[1]

Экономическая теория превратилась в царицу социальных наук. Это единственная отрасль социальных исследований, по которой присуждается Нобелевская премия. Она удостоилась издания фундаментального четырёхтомного энциклопедического словаря, насчитывающего 4 миллиона слов, через которые как нить Ариадны проходит мысль о том, что экономическая наука наконец вышла за узкие пределы её прежнего царства — царства производства и распределения — и может теперь заявить свои права на обширную территорию, простирающуюся от семейных отношений до спорта, от антропологии до государственного права (The New Palgrave, 1988; Heilbroner, 1988). Ещё более показательно то, что экономическая наука заслужила честь стать примером для других социальных дисциплин. Строгая манера доказательств, применение математического аппарата, сжатость формулировок и точная логика сделали её образцом, на который равняются более "вольные" социальные науки. Неудивительно поэтому, что, читая оду "расширению пределов" экономической теории, принадлежащую перу Джека Хиршлайфера, испытываешь скорее шок узнавания, чем шок недоумения:

"По существу, чётко очертить сферу экономической науки, сопредельной с другими общественными дисциплинами, но имеющей свою собственную обособленную территорию, невозможно. Экономическая теория пронизывает все социальные науки точно так же, как эти последние пронизывают её саму. Социальная наука едина. Экономическая теория обязана своими возможностями захвата чужих территорий тому, что используемые ею аналитические категории — ограниченность ресурсов, издержки, предпочтения, выбор — являются по сфере своего применения подлинно универсальными. Не менее важна и присущая нашей науке структуризация этих понятий в рамках отдельных, хотя и взаимосвязанных процессов оптимизации на уровне индивидуальных решений и равновесия на уровне

[1] Автор — Р.Л. Хейлбронер.

всего общества. Таким образом, экономическая теория — это поистине универсальная грамматика общественной науки" (Hirshleifer, 1985).

По мнению Хиршлайфера, экономическая наука имеет высокий статус благодаря тому, что она составляет часть "образцовой" социальной теории. Другую её часть составляет социобиология. Объединение этих двух наук и даёт ту единую общественную науку, в которой "некоторые исходные принципы, например ограниченность ресурсов и учёт издержек упущенной выгоды, а также универсальные биоэкономические процессы конкуренции и отбора имеют непреходящее значение для анализа и *предсказания* человеческого поведения и хода развития социальной организации" (Hirshleifer, 1985. P. 66).

Не знаю, многие ли экономисты согласятся с этой смелой формулировкой Хиршлайфера, но совершенно несомненно, что имперские амбиции или несколько менее агрессивная, но не менее самонадеянная установка на универсальность собственных принципов отчётливо прослеживаются в современной неоклассической теории[1].

Вопрос, который я собираюсь здесь рассмотреть, заключается в том, являются ли эти амбиции или установки обоснованными, иначе говоря, действительно ли экономическая теория располагает столь широкими возможностями анализа и прогноза и обнаруживает некоторые фундаментальные атрибуты, которые ставили бы её выше других социальных наук? Я считаю, что это не так. Как я писал в одной из своих работ, многие считают экономическую теорию первой дамой среди общественных наук, однако, возможно, её следует разжаловать в валеты (Heilbroner, 1980).

Первобытное и командное общества

Я намерен начать рассмотрение имперских притязаний экономической науки с изучения её места и роли в изучении тех социальных формаций, на которые приходится большая часть человеческой истории, а именно: с первобытного и командного общества. Главная моя мысль может быть сформулирована кратко: в этих обществах предмет нашей науки, то есть экономика как таковая, отсутствовал. На протяжении бульшей части своей истории человечество прекрасно обходилось без всякой экономики.

[1] В работе "Экономический подход к человеческому поведению" (в альманахе THESIS) Генри Беккер пишет: "Я пришёл к убеждению, что экономический подход является всеобъемлющим, он применим ко всякому человеческому поведению" (Беккер, 1992. С. 29).

Попробуем, например, обнаружить экономику в укладе жизни племени кунг, населяющего пустыню Калахари в Южной Африке. Разумеется, мы без труда обнаружим у них производство и принципы распределения. Внутри племени и между соседними племенами возникают и отношения обмена — пусть в незначительных масштабах. Решения по текущим делам, а также по более важным вопросам, например о том, не пора ли сменить место охоты, принимаются на общем сходе (Thomas, 1959; Shostak, 1981).

Но даже если мы досконально изучим обычаи охотников и собирателей, их взаимодействие в обыденной жизни и разговоры вокруг костра на общих сходах, будет ли это означать, что мы исследовали "экономику" народности кунг? Это очень "неудобный" вопрос. Если ответить на него отрицательно, то где же тогда её искать? Если ответить положительно, то в чём же состоит эта экономика? Какой аспект изученных нами обычаев и занятий позволяет отнести их к сфере "экономики", а не просто к общей ткани общественной и политической жизни племени? Чтобы разобраться в жизни племени, желательно иметь подготовку в области этнологии, антропологии и политологии, но сомнительно, чтобы нам пригодились знания по экономической теории. Труды таких авторов, как Элизабет Маршал Томас, Маршалл Салинз и Мортон Фрид[1], были бы, наверное, необходимы, что вряд ли можно сказать про учебник Пола Самуэльсона

Давайте теперь несколько расширим постановку проблемы, обратившись к обществам с командной экономикой, примерами которых являются Древний Китай и Римская империя. Была ли у этих империй экономика? Была ли она у их более современных, высокоцентрализованных аналогов, в частности у доперестроечной России? Нужна ли экономическая теория, чтобы понять механизм функционирования командных систем?

На первый взгляд этот вопрос кажется более простым, чем в случае с первобытным обществом. Обнаружить экономику в Римской империи ненамного сложнее, чем в Америке; расчётливость, без сомнения, присуща и жителям Древнего Китая с его развитой внутренней и внешней торговлей. Панорама промышленных предприятий, железных дорог и фабрик в Советском Союзе ассоциировалась с тем, что принято считать экономикой.

Но если приглядеться повнимательней, то и тут начинают закрадываться сомнения. Принципиальное различие между этими более высоко структурированными обществами, основаны ли они на оброке или на плане, и первобытными племенами заключается в том, что в первом случае значительная роль отводится централизован-

[1] Э.М. Томас, М. Салинз и М. Фрид — известные этнографы и антропологи.

ному распределению труда, тогда как во втором случае оно просто отсутствует. Таким образом, если допустить, что в централизованных обществах имеется экономика, то она должна быть неизбежно связана с ролью государства.

Однако здесь возникает больше вопросов, чем ответов. Каким образом расширение роли государства связано с возникновением сферы экономики? Точнее говоря, разве не является политическая власть главным элементом централизованного распределения труда и разве не социальные изменения, выражающиеся, в частности, в возвышении бюрократии, являются характерными признаками этой новой "экономической" сферы? Эти вопросы показывают, что однозначно очертить границы собственно экономической сферы в командных системах не так-то просто, во всяком случае, ничуть не легче, чем в первобытном обществе. Кроме того, они ясно показывают, с чего следует начать при выяснении обоснованности имперских притязаний экономической науки — нужно выделить то, что мы называем "экономикой", из всех прочих сторон общественной жизни.

При решении этой задачи я буду исходить из той предпосылки, что сохранение общества как стабильного целого предполагает наличие структурно оформленных институтов обеспечения социального порядка. Эти институты включают в себя широкий круг формальных и неформальных явлений, начиная от устоявшихся традиций и повседневных привычек до официальных институтов охраны правопорядка. Говоря об этом спектре явлений, я буду различать явления социальные и политические. Термин "социальный" я буду использовать в несколько нетрадиционном смысле — применительно ко всем способствующим утверждению порядка влияниям, которые имеют место в частной жизни. Главным из этих явлений, несомненно, является прессинг социализации, оказываемый родителями на своих детей, — давление, направленное на то, чтобы обучить их правильно вести себя, когда они станут взрослыми. Второй термин — "политический" — я буду употреблять в обычном смысле, то есть применительно к тем институтам, посредством которых некоторая группа людей или класс могут навязывать свою волю другим группам или классам, входящим в общество. Точное определение этих терминов не так важно; главная моя задача — описать защитную броню соглашений, формирующих поведение, — отчасти неофициальных и частных, отчасти официальных и государственных, ограждающих общество от действий, представляющих угрозу его стабильности.

Как социальные, так и политические элементы этой защитной брони связаны главным образом с тем аспектом общественного порядка и внутренней согласованности общественной системы, о ко-

тором обычно упоминают лишь вскользь. Этот аспект — общая степень законопослушности и умения подчиняться, без которой весь арсенал прав и привилегий, определяющий любой общественный порядок, можно было бы сохранить только силой и открытыми репрессиями. Адам Смит со свойственной ему прямотой назвал этот необходимый аспект всякого общества "субординацией". "Гражданское правительство — писал он, — предполагает некоторое подчинение" (Смит, 1962. С. 513). Мы неоднократно будем ещё возвращаться к этой теме, но проблема, по-видимому, уже ясна. Это — "неудобная" мысль о том, что экономика — всего лишь скрытая социализация[1] или субординация.

Я вижу два разных контраргумента, которые мог бы выдвинуть защитник истинной веры в ответ на этот вызов. Прежде всего меня можно было бы обвинить в том, что я проглядел ключевой аспект проблемы общественного порядка, который присутствует как в первобытных, так и в командных обществах, а именно, что поведение в этих обществах — будь то организация охоты, получение и использование государством дохода или какой-нибудь другой, более отвлечённый вид деятельности — само "заключает" в себе элемент понуждения к порядку.

Этот аспект можно определить как стратегию действий, диктуемую ситуацией, как логику выбора, если говорить на языке экономики. Эта логика заставляет всех нормальных людей действовать определённым образом, если они хотят (а так оно, вероятно, и есть) получить благодаря этим действиям максимально возможную пользу. Одно из достижений экономической теории заключается как раз в том, что ей удалось доказать, что для достижения такого "оптимального" состояния необходимо взвесить предельные издержки и выгоды всех возможных действий и выбрать такое их подмножество, для которого предельные издержки будут равны предельной полезности. Элемент, понуждающий к дисциплине, о котором здесь идёт речь, заключается в негласном присутствии этой логики, управляющей поведением отдельных людей независимо от того, сознают они это или нет. Элемент субординации при этом не отменяется — он просто переносится в иную плоскость и предстаёт теперь не как результат действия социальных сил, а как свойство человеческой природы — и как таковой не заслуживает специального рассмотрения.

Таким образом (я продолжаю говорить от имени своего воображаемого оппонента), если выделить или идентифицировать "эконо-

[1] См.: Heilbroner, 1985. Ch. 2, 3. Я не касаюсь здесь социобиологии, которая лишь вскользь упоминается в статье Хиршлайфера и не имеет прямого отношения к нашей теме.

мическое" поведение в чистом виде не удаётся, то это ещё ничего не значит. Оно всё равно существует и воплощается в каждом принятом решении независимо от того, как эти решения называть — социологическими, политическими или экономическими. Иными словами, большинство, если не все человеческие действия можно объяснить в терминах единой логики, которая накладывает на них свой универсальный отпечаток — отпечаток расчёта и оптимального выбора, который и есть "экономика". С этой точки зрения экономика не есть какое-то особое множество поведений, но внутренний поведенческий принцип. Это образ мышления, который нетрудно обнаружить даже там, где всё на первый взгляд подчинено лишь социальным и политическим факторам; он пронизывает все стороны общественной жизни. Если вновь повторить слова Хиршлайфера, "экономическая теория обязана своими возможностями захвата чужих территорий тому, что используемые ею аналитические категории — ограниченность ресурсов, издержки, предпочтения, выбор — являются по сфере своего применения подлинно универсальными понятиями".

Но верно ли, что за решениями любого рода стоит логика выбора? Идея о том, что организующая сила, управляющая человеческим поведением, заключается в расчёте на собственную выгоду, имеет веские права на нашу симпатию. Адам Смит называл это стремлением "улучшить своё положение" и утверждал, что подобный расчёт, как правило, сопровождает нас на протяжении всей жизни, а благодаря смягчению некоторых требований теории максимизации полезности современным экономистам удалось подвести под неё широкий спектр альтруистических и социально ориентированных типов поведения[1].

Трудность с неоклассической концепцией теории выбора заключается не в подобных интерпретациях общего социального императива собственной выгоды, не выходящих за рамки здравого смысла. Она связана скорее с теми формальными постулатами, которые неоклассические теоретики выдвигают в качестве аксиоматических основ экономической теории. В своём современном виде теория максимизации полезности утверждает, что получить оптимальный результат можно только при условии, что рациональный выбор может быть полностью реализован — то есть в ситуациях, правдоподобие которых по меньшей мере сомнительно; вспомним, например, знаменитое, лежащее в основе неоклассической теории условие бесконечного множества рынков, которые должны обеспечить экономического агента всеми необходимыми альтернативами[2].

[1] См.: Смит, 1962. С. 253. По поводу "гуманизации" теории выбора см.: Frank, 1988. Детальный разбор этого подхода даётся в работе (Evensky, 1990).

[2] См. обсуждение этой проблемы Фрэнком Хэном (Frank Hahn) в журнале The Public Interest. Special Issue, n.d., 1980. P. 132.

На самом деле в связи с идеей о преобладающем образе мышления как источнике общественной самодисциплины возникают две основные проблемы. В своей "универсальной" неоклассической форме эта теория применима только тогда, когда выполняются условия совершенной рациональности выбора. Уже одно это говорит о непригодности этой идеи в ситуациях реальной жизни. Но даже если допустить, что совершенную рациональность удалось обеспечить, возникает другая проблема: теория превращается в тавтологию и мы сталкиваемся с проблемой всех тавтологий, а именно с отсутствием в ней конструктивного начала. Какое бы поведение ни возникло в условиях, где правит совершенная рациональность, это поведение, по определению, обязано быть оптимальным. Тем самым "логика выбора" согласуется с любым таким поведением и никакому поведению не противоречит. Таким образом, теория выбора не позволяет заранее, то есть ещё до того, как будет сделан конкретный выбор, определить, какое поведение будет оптимальным, а после того, как решение принято, с её помощью невозможно доказать, что никакая другая линия поведения не послужила бы делу оптимизации лучше.

Справедливость теории выбора невозможно, следовательно, ни доказать, ни опровергнуть, сравнивая сделанные на её основе предсказания с наблюдаемыми результатами. Как бы мы того ни желали, способа установить, обусловливается ли целостность внутренней структуры общества неким имманентно присущим ему образом мышления, попросту не существует. Ценность неоклассической теории определяется совершенно иным её свойством, которым обладают все тавтологии, — её полезностью в качестве исходной установки (Gestalt) или эвристического принципа, с позиций которого можно подходить к решению проблем или толковать их. Иначе говоря, она неконструктивна, а представляет интерес лишь как инструмент интерпретации. Как мы уже говорили, идея существования механизма социального контроля, заключённого в человеческом мышлении, весьма привлекательна, поэтому эвристическая ценность теории выбора, несомненно, выполняет важную функцию. Со временем мы к этому ещё вернёмся и поговорим о том, в чём эта функция заключается.

А пока что вспомним, что у сторонников экономической теории как "универсальной науки" есть в запасе ещё один довод в свою защиту, и сводится он к тому, что этот универсальный аспект заключается не в той или иной логике выбора, но в фундаментальном принципе всякой социальной организации. Этот принцип гласит, что, поскольку всякое общество должно заботиться о своём материальном обеспечении, это требует более или менее развитого разделе-

ния труда и координации усилий его членов. Таким образом, если мы задаём вопрос, где следует искать экономику в обществе, ответ будет такой: это любые социальные соглашения, которые обеспечивают связность системы и должное руководство трудовыми усилиями его членов. Аналогично, если мы зададим вопрос о том, что такое экономическая наука, то нам ответят, что это — исследование или объяснение способов, посредством которых труд ставится на службу обществу.

Совершенно ясно, что данный подход к проблеме определения, что такое экономика, очень напоминает мой собственный акцент на институтах, понуждающих к порядку в общественной жизни. Однако и с этим вторым подходом возникает определённая трудность. Она вытекает из самой постановки задачи, которой посвящён настоящий раздел, а именно: как отличить "экономические" способы привнесения порядка от "социальных" и "политических". Действительно, труд в любом обществе предполагает порядок, и некая форма дисциплины (и её молчаливая тень — покорность) обязательно присутствует во всех экономических формациях. Поэтому утверждение, что корни экономики следует искать не в психологическом базисе общества, а в его институциональных основах, в качестве ориентира для дальнейших поисков представляется весьма разумным. Неясно, правда, как найти экономическое решение этой проблемы, если практически все стороны жизни общества можно объяснить через социальные и политические институты, а для экономического объяснения просто не остаётся места.

Общество с рыночной экономикой

Мои читатели, несомненно, заметили, что в своих попытках определить законную область исследования экономической науки я до сих пор тщательно избегал всякого упоминания о рыночной экономике. Причина этого заключается в том, что, если мы расширим рамки нашего исследования и включим в него последние двести лет человеческой истории, картина станет совершенно иной: в настоящее время экономический аспект можно без труда обнаружить во всех сферах общественной жизни.

Это связано с двумя крупными изменениями, представление о которых ассоциируется у нас с именами Вебера и Маркса. "Веберовский" аспект заключается в резком изменении социального этоса, что проявилось в самых различных формах — становление этики приобретательства, распространение "товаризованного" взгляда на социальные отношения, в привычке сводить потребительную стоимость к меновой. "Марксистский" аспект связан с возникновением

новых институциональных условий общественной жизни, в которых на передний план вышли подрядные отношения, особенно в области трудового найма, и значительно возросла роль основного капитала. Перемены первого рода привели к торжеству принципа максимизации, который из подспудной мыслительной установки превратился в осознанный принцип нового образа мышления. Перемены второго рода обусловили возникновение такого способа координации трудовых усилий, которому нет аналога ни в первобытных, ни в командных обществах.

Помимо других исторических изменений, эти перемены создали условия, которые, казалось бы, оправдывают сформулированные Хиршлайфером имперские притязания экономической науки. Новый этос открыто ставит на первое место соображения выгоды и издержек, и, хотя заранее точно предсказать поведение, диктуемое оптимизацией полезности, по-прежнему невозможно, на первый взгляд имеются основания полагать, что нормальное рыночное поведение само по себе является обобщающим выражением подобных мыслительных установок. Вслед за Смитом, который сказал, что "увеличение богатства" есть простейший путь, которым большинство людей может улучшить своё положение, представляется вполне разумным предположить, что поведение в соответствии с принципами спроса и предложения есть первое приближение к максимизации полезности.

Аналогичным образом положительные и отрицательные стимулы, спонтанно возникающие из взаимодействия "приобретателей", мобилизуют и распределяют труд совершенно иным образом, чем это происходило в первобытных или командных обществах, за исключением разве пограничных областей последних. Рыночный способ социальной координации не отменяет необходимость социализации: где бы ни жил человек — в Нью-Йорке, пустыне Калахари или Древнем Египте, — он должен научиться жить в этом мире; не отменяет он и необходимость субординации — современный человек учится подчиняться диктату рынка точно так же, как древние учились подчиняться старейшинам и сенешалям. Тем не менее такое решение проблемы поддержания социального порядка, которое даёт рынок, не имело реально работающих аналогов ни в одном из дорыночных обществ. В обществе с рыночной экономикой роль механизмов социализации и подчинения приказам в управлении поведением не только намеренно принижена, причём принижена до такой степени, что, случись это в первобытном или командном обществе, само их сохранение было бы поставлено под угрозу; та структура социальной деятельности, которая возникает под воздействием рыночных стимулов и санкций, порождает такую динамику, ко-

торая не имеет никаких аналогов в предшествующих укладах. Древние империи возникали и исчезали, но экономического цикла они не знали. Таким образом, точно так же, как новый этос обеспечивал базис, придающий логике выбора конструктивную значимость, так и новая институциональная динамика делает возможным уникальный, чисто "экономический" способ мобилизации труда.

Так почему же я так настороженно отношусь к утверждению о том, что экономика даёт нам "универсальную грамматику", во всяком случае, применительно к рыночному обществу, где роль её неоспорима? Чтобы ответить на этот вопрос, нам потребуется чётко разграничить понятия "социальный порядок" и "социальная система". Забегая несколько вперёд, я должен сказать, что, по моему мнению, экономическая наука действительно имеет огромное значение для изучения рыночной системы, но, когда её пытаются применять для анализа социального порядка, которому эта система служит, она превращается в ловушку для простаков и источник иллюзий.

Наукообразие экономической теории

Чтобы возникла система, необходимо, чтобы её элементы связались в единое целое. Чтобы возникла экономическая система, необходимо, чтобы взаимодействия между людьми — её "элементами" — сложились в связные социальные структуры — главным образом речь идёт здесь о взаимодействии людей в тех областях деятельности, которые мы относим к производству и распределению. Особые возможности проникновения экономической науки в эти системы связаны с тем, что поведение отдельных частей рыночной системы обнаруживает закономерности, подобные тем, которым подчиняются элементы естественных систем (даже если это сходство никогда не бывает полным). Например, если предположить неизменным уровень дохода и систему предпочтений, то, при прочих равных условиях, акт приобретения некоторого количества товара можно описать с помощью математической функции цены на этот товар. Аналогичные "законы" описывают взаимосвязь между затраченным трудом и вознаграждением, между доходом и потребительскими расходами. Таким образом, действия, совокупность которых образует рыночный "механизм", приобретают свойство процессов, управляемых законами. На ум невольно приходят слова аббата Мабли, малоизвестного философа времён Французской революции: "Не значит ли это, что наука об обществе есть всего лишь отрасль естествознания?"

Благодаря своему сходству с процессами, протекающими в естественных системах, эти закономерности легко поддаются упроще-

нию, свойственному всякой науке, а упрощение (самым важным примером которого в экономической теории является, пожалуй, предписание ceteris paribus — "при прочих равных"), в свою очередь, способствует представлению исходных системных процессов в высокоформализованном, даже аксиоматическом виде. Теперь, когда экономическая система описана набором строгих формул, остается только решить, какие элементы в совокупности общественной жизни являются для выбора главными, какие — второстепенными, и заключить второстепенные в скобки. Неоклассический анализ отсеивает любые аспекты социального взаимодействия, которые не могут быть представлены в терминах гедонического расчёта, получая в остатке высокочистую фракцию "максимизации полезности", которая объявляется фундаментальной и неразложимой субстанцией человеческой мотивации. Благодаря подобной очистке представителям неоклассической школы удаётся применять теорию выбора к таким, казалось бы, преимущественно социологическим разделам традиционного экономического анализа, как управление фирмой, функционирование рынков рабочей силы или существование "жёстких" цен, и распространять экономическую теорию на такие, казалось бы, далёкие от экономики сферы общественной жизни, как брак и развод, отношения между родителями и детьми, правительственные решения, политические выборы, способы поиска пропитания в первобытном обществе, смена мест обитания и занятий и, как говорится, многое, многое другое[1].

Я уже предупреждал, что правомерность такой экспансии вызывает у меня большие сомнения, но этот вопрос мы пока оставим. Следует прежде всего признать, что системный характер экономики действительно создаёт обособленную область анализа, не похожую ни на какую другую. Ни одной другой социальной дисциплине не удалось в своей сфере найти квазирегулярную внутреннюю структуру, которая хотя бы сколько-нибудь напоминала экономическую. Не существует ни социологических, ни политических аналогов "законов" спроса и предложения, закономерностей социальных причин и следствий, обобщённо описываемых с помощью производственных функций; не обладают эти науки и инструментами анализа, которые по своей разрешающей силе приближались бы к статистике национальных счетов. Подобные методы анализа поведения, моделирования результатов деятельности или выявления отношений, часто незаметных невооружённому глазу, ставят экономику в главенствующее положение, вызывающее, по понятным причинам, зависть у других общественных дисциплин. Если экономика и имеет право называться королевой общественных наук, то право это, без-

[1] Библиографию по этим вопросам см.: Hirshleifer, 1985. P. 53, n. 1; Heilbroner, 1988.

условно, принадлежит ей благодаря тому, что экономическая система — предмет изучения науки экономики — имеет так много общего с физическими системами, изучаемыми в рамках естествознания.

Спешу добавить, что это вовсе не означает, что благодаря такому сходству экономическая наука автоматически приобретает способность точно предсказывать. Экономисты первыми согласятся, что от их дисциплины не приходится ждать прогнозов, которые хоть сколько-нибудь приближались бы по своей точности к тем, которые дают технические науки, медицина или астрономия. Ceteris paribus — это неразрешимая проблема многих, если не сказать всех, попыток составить социальный прогноз. Более того, функции, описывающие экономическое поведение, в отличие от тех, что описывают "поведение" звёзд или частиц, несут на себе неизгладимый отпечаток волеизъявления или интерпретации. Именно с этим связана некоторая неопределённость социальных теорий; ведь смена ожиданий под воздействием сигналов, которые нигде, кроме как в голове экономического агента, не регистрируются, может даже знак поведенческой функции изменить на противоположный[1].

Таким образом, ответ аббату Мабли заключается в том, что между естественными науками и наукой о рынке имеется большая разница. Даже если согласиться, что при анализе рынка мы находим гораздо больше функциональных зависимостей, чем при изучении других сторон общественной жизни, функциональность эта принципиально иного толка, чем у тех законов, на которых зиждется могущество естественных наук.

Было бы, однако, ошибкой усматривать в этой практической слабости причину для дискредитации кровного детища экономической науки — системного подхода. Действительно, в критические моменты, возникновение которых мы не можем заранее предсказать, экономическое поведение становится непредсказуемым, что часто приводит к самым серьёзным последствиям. Однако при нормальном течении событий закономерности, которые вытекают из наших грубых и малоподвижных экономических "законов", позволяют тем не

[1] Предложенная Адольфом Лоу "политическая экономическая теория" представляет собой попытку отстоять способность экономической науки к практическому прогнозированию путём преодоления этой неопределённости. В предлагаемом им "инструментальном" варианте экономической теории поведенческие функции рассматриваются не как инвариантные данные, а как целевые переменные, а задачей экономического анализа становится определение того, какой должна быть поведенческая реакция, чтобы рыночная система достигла желаемой цели. Экономика, таким образом, превращается в чисто "политическую" общественную науку, если употребить формулировку Лоу (я бы сказал, что она становится инструментом социального порядка, а не технологической базой системы. — *Р.Х.*) См.: Lowe, 1965, Heilbroner, 1966.

менее предсказывать будущее с известной степенью достоверности. Если торговый дом "Мэйсиз" хочет обставить своего конкурента "Гимбелс", он не станет повышать цены. Прогноз ВНП на будущий год, составленный Советом экономических консультантов, может несколько отличаться от реальных цифр, но не на 25 и не на 50 процентов. Экономические процессы как бы самокорректируются, и в результате степень зависимости между ними приближается к функциональной. Если бы это было не так, поведение рыночной системы было бы непредсказуемым — во всяком случае, недостаточно предсказуемым для того, чтобы различные общества отважились поставить на эту карту свою историческую судьбу. Прогнозные качества экономической теории ни в коей мере не сравнимы с возможностями естественных наук, однако она сумела подойти к ним ближе, чем любая другая общественная дисциплина.

Недостатки экономической теории как претендента на роль универсальной науки

Итак, я не собираюсь строить свою критику экономической теории на её недостатках с точки зрения системного анализа. Пусть эти недостатки лишают экономику способности предсказывать, которую ей очень хотелось бы иметь, но они отнюдь не отменяют её достижений в анализе свойств экономической системы — достижений, которые, ещё раз повторяю, не могли бы быть получены из социологии или политологии.

Моё сдержанное отношение связано, скорее, с другим её слабым местом, которое, как я уже говорил, заключается в той трактовке социального порядка рыночного общества. Под социальным порядком я понимаю любое социальное целое — племя, общину, нацию, социально-экономическую формацию, — определяющим признаком которой является обслуживание и поддержка интересов некоторой входящей в него группы людей или класса. Эти интересы могут быть самыми разными — от соблюдения давних традиций и сохранения династии до накопления капитала или реализации каких-то иных целей; доминирующая группа или класс также могут быть самыми разными — это могут быть все взрослые мужчины, входящие в племя, члены королевской семьи, представители класса собственников или политической элиты. Каждая цель такой группы или класса, в свою очередь, подразумевает существование различных обеспечивающих институтов — будь то градация социальных прерогатив, характерная для наследственных монархий, или фирмы и другие специфические институты, характерные для социальных порядков, ориентированных на капитал.

Капитализм, разумеется, является представителем порядка последнего типа, чьи сложные характеристики мы не имеем возможности подробно здесь обсуждать[1]. Для целей настоящего исследования важно то, что капитализм, как бы сильно он ни отличался от докапиталистических формаций в одних аспектах, в других очень на них похож. Та точка зрения, которая отделяет капитализм от предшествующих ему социальных формаций, сосредоточивается на доминирующей роли рыночных отношений. Другая, которая связывает капитализм с предшествующими обществами, позволяет заглянуть "дальше" и "глубже" рынка и обнаружить социальные и политические командные структуры, роль которых рынок игнорирует или маскирует.

Именно эта двойственность точек зрения и объясняет мою нерешительность в вопросе о том, имеем ли мы право утверждать, что в условиях капитализма экономической теории наконец удаётся занять подобающее ей главенствующее положение. Я уже говорил о том, что капитализм невозможно понять, не используя специальные аналитические возможности этой науки. С другой стороны, эти же самые аналитические возможности скрывают самое примечательное в капитализме, а именно то, что это единственная социальная формация, способная замаскировать (даже от тех, кто пользуется её плодами) тот способ, которым присущая ему "система" обеспечения служит интересам социального порядка, подсистемой которого он является. Действительно, несомненная важность рыночного механизма заслоняет собой тот факт, что социальным укладом является именно капитализм, а не сам по себе рыночный механизм. Элементы рынка — люди, оптимизирующие свои доходы, конкурентная среда, юридическая база контрактных отношений и прочее — жизненно важны для исторической миссии капитализма — миссии накопления, но сама по себе эта миссия не вытекает из этих рыночных элементов. Она вытекает из древних как мир человеческих интересов — стремление занять подобающее место в иерархии, жажды власти, господства, славы, борьбы за престиж, — о которых рыночная система ничего не может нам поведать. Неудивительно, что наука школа, рассматривающая экономическую систему в отрыве от этих мотивов, возводит теорию выбора на командную высоту и провозглашает стремление к общему равновесию имманентной её тенденцией (подробнее см.: Heilbroner, 1985. Ch. 2).

Экономическая наука, таким образом, принимает экономическую систему за живую модель капитализма, среди категорий и концеп-

[1] Я попытался сформулировать их в своей работе (Heilbroner, 1985).

ций которой есть всё необходимое для его понимания. Именно здесь экономика обнаруживает свою фатальную немощь в качестве претендента на универсальную науку и своё мошенничество в качестве имперской доктрины.

Прежде всего этот обман заключается в том, что экономика представляется нейтральной наукой, а не системой объяснения капитализма, несущей в себе идеологический заряд. Это проявляется во многих отношениях. Например, такой важнейший термин, как "эффективность", выдаётся за квазиинженерный критерий, хотя на самом деле негласное его назначение заключается в максимизации выпуска продукции с целью получения прибыли, а это уже не чисто инженерная задача. Подобная "невидимая" социополитическая нагрузка лежит и на других экономических терминах, включая и само слово "производство", которое учитывается в национальных счетах лишь постольку, поскольку находит своё конечное воплощение в товарах, а не в потребительных стоимостях. Подобным же образом в качестве фундаментальной ячейки экономической системы рассматривается рациональный индивид, максимизирующий свою выгоду: Экономическая система, таким образом, мыслится как общество отшельников, а не как упорядоченная структура групп и классов.

Такое сокрытие социального порядка становится особенно очевидным, если мы рассмотрим способ, которым экономика объясняет функциональное распределение доходов. Маркс саркастически писал о г-не Капитале и г-же Земле, каждый из которых имеет право на вознаграждение за свой вклад в общественный продукт, однако современная экономическая наука позабыла, что этот фетишизм был разоблачён Марксом. Ещё более характерно то, что экономика не только не объясняет, но и не проявляет интереса к тому любопытному обстоятельству, что выплачиваемое в виде чистой прибыли вознаграждение, которое получают только собственники капитала, даёт им лишь "остаточное" право на произведенный продукт, после того как все факторы, в том числе и капитал, свою долю уже получили. Поскольку экономическая наука вновь и вновь доказывает, что рыночная система имеет тенденцию к устранению подобных "остатков", которые являются всего лишь преходящими издержками развития системы, только социолог или политолог сможет объяснить, почему собственники капитала с таким пылом защищают эти свои сомнительные права. Каким образом рынок поддерживает классовую структуру капитализма — это вопрос, на который экономика не знает ответа, вопрос, о существовании которого она в определённом смысле даже не подозревает.

Наконец, современная экономика, с её "зацикленностью" на системных свойствах капитализма, может предложить лишь узкую, статичную оценку его исторического места и перспектив развития. В одной из своих работ я писал по этому поводу следующее: "С позиций формалиста... капитализм представляется лишь "системой" строго определенных, опосредованных рынком отношений, а не непрерывно эволюционирующим общественным порядком, который не только включает в себя эти отношения, но наравне и одновременно с этим воплощает и мир государства, и мир индивидуума, культуру, пронизанную рационально-буржуазным образом мышления, индустриальную цивилизацию, подчиняющуюся технократическим принципам, а также основные системы взглядов и связанные с ними типы поведения" (Heilbroner, 1990. P. 1107).

Я не вижу нужды останавливаться на этом подробнее. Вклад современной экономической науки в расширение наших знаний о социальных процессах не просто разочаровывает, он откровенно скуден по сравнению с тем, что было сделано Адамом Смитом, Джоном Стюартом Миллем, Карлом Марксом, Торнстейном Вебленом, Альфредом Маршаллом, Джоном Мейнардом Кейнсом или Йозефом Шумпетером. Если судить о современной экономической теории по ее философскому и историческому содержанию, то мы будем вынуждены определить ей место в надире, а не в зените её истории.

Но если экономическая наука настолько уязвима, почему же она пользуется таким престижем? К сожалению, не исключено, что причина этого заключается именно в том, что в своей современной форме она неисторична, асоциальна и аполитична. Демонстрирующие олимпийское спокойствие теории выгодны в условиях любого социального порядка, но теория, которая сторонится политики и социологии, может рассчитывать на особую благосклонность в рамках того общественного порядка, который гордится своим тесным родством с естественными науками. Природа самой этой привлекательности есть функция экономической науки, которой мы до сих пор не касались. Речь идёт о её идеологической функции — не узкой апологетике, сознательно служащей лишь собственным интересам, но мировоззренческой системе из числа тех, что сопровождают и поддерживают все социальные порядки. Назначение подобных идеологических систем заключается в том, чтобы обеспечить моральную уверенность, которая есть необходимая предпосылка политического и социального душевного покоя как для господствующих, так и для подчиненных элементов любого социального порядка. Несомненно, что этот душевный покой всегда имеет лёгкий оттенок сомнения или привкус лицемерия, но, в конце концов, социальные порядки всех уровней нуждаются в некотором своде знаний и убеждений, которые

можно было бы при случае пустить в ход. В первобытных обществах были свои мифы или толкования природы, в командных системах — своё священное писание. Для капитализма эту функцию выполняет экономическая наука, и хотя это не единственная её задача, но и выполняет она её отнюдь не тривиальным образом (Heilbroner, 1989. Ch. 8).

Я затронул этот последний вопрос вовсе не для того, чтобы в заключение потребовать, чтобы экономика отказалась от этой своей идеологической роли. Экономика не может избежать этой роли в социальном порядке, система координации которого выходит за рамки социального и политического воображения. Достойная реакция экономической науки должна заключаться не в том, чтобы отрицать свою вину, но чтобы признать взаимопереплетённость социальной системы и социального порядка, которая является уникальным историческим свойством капитализма, а также признать неизбежность искажений, возникающих при любых попытках описать одно в отрыве от другого. Одним словом, экономическая наука должна осознать себя самоё не только как аналитическую дисциплину, но и как идеологию. При этом ей придётся отречься от своих (в паре с социобиологией) притязаний на главенствующую роль, выдвигаемых под лозунгом создания "единой социальной науки", и занять более скромное место наравне с политологией и социологией в качестве советника законного претендента на этот престол.

Так кто же должен его занять? А никто. Нет никакой универсальной науки об обществе. На троне понимания социальных процессов восседают люди, наделённые неполными и несовершенными знаниями, теориями, представлениями и опытом, с помощью которых они стремятся свести неразбериху, возникающую при нашей встрече с историей, к удобопонимаемым терминам. Даже если в трудах, рассказывающих об имевших место событиях, и концептуальных работах, с помощью которых мы пытаемся привнести в этот хаос некий порядок, экономической науке принадлежит важная роль, её слово не является ни решающим, ни окончательным.

ПОЛЕЗНО ЛИ ПРОШЛОЕ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ?[1]

Не только приличия заставляют меня благодарить многих коллег, высказавших свои замечания по первоначальным вариантам этого очерка. Объём представленных ими письменных отзывов и комментариев превышает 100 машинописных страниц, не считая многочасовых бесед. Это позволяет оценить энергию, заключённую в рассматриваемой здесь теме — исторической экономике, — но сам вклад коллег в данную работу поистине неоценим. Поэтому я хотел бы выразить благодарность участникам семинаров по экономической истории в Чикагском и Северо-Западном университетах, а также Г. Гандерсону, К.Д. Голдин, Р. Голлману, Х. Джереми, Х.Г. Джонсону, Э.Л. Джоунзу, М. Иделстайну, А. Кану, Ч.П. Киндлбергеру, Р. Кэмерону, А. Лейонхуфвуду, П. Линдерту, М. МакИннису, П. МакКлелланду, Дж. Мокиру, Л.Д. Нилу, А. Омстеду, Д. Перкинзу, Дж.Д. Риду, Н. Розенбергу, У.У. Ростоу, Б. Солоу, Д. Уайтхеду, Дж.Г. Уильямсону, Г. Уолтону, Р.У. Фогелю, Р. Хиггзу, Г. Хоку, Дж.Р.Т. Хьюзу, Г. Хьюкеллу, А.Дж. Шварц, С.Л. Энгерману. И я хотел бы извиниться перед Джорджем Стиглером за то, что в своих целях изменил заголовок его превосходного эссе "Полезно ли прошлое экономической науки?" (Stigler, 1969) и пренебрёг приведённой в нём (p. 226) полезной леммой, гласящей: "Нет такого предмета, в пользу которого нельзя было бы привести десять основательных доводов".

* * *

На вынесенный в заголовок вопрос, конечно, следует ответить "да", и было время, когда сама постановка подобного вопроса могла показаться неуместной. Смит, Маркс, Милль, Маршалл, Кейнс, Хекшер, Шумпетер и Вайнер — вот лишь некоторые из тех, кого питали исторические исследования и кто в свою очередь питал их[2].

[1] Автор — Д.Н. МакКлоски

[2] Далее в переводе опущен небольшой раздел, в котором даются количественные характеристики публикаций по истории в американских исторических журналах, относящиеся к первой половине 70-х годов.

В послевоенной американской экономической литературе также есть немало примеров продолжения этой традиции. Достаточно упомянуть среди прочих имена А. Алчиана, Э.К. Брауна, Р. Кейвза, Д. Гордона, Р. Кессела, С. Нерлоува, М. Олсона, А. Риса, С. Райтера и А. Цельнера (Kessel and Alchian, 1959; Brown, 1956; Caves, 1971; Chambers and Gordon, 1966; Nerlove, 1965; Olson, 1963; Rees, 1961; Hughes and Reiter, 1958; Zellner and Murphy, 1959). Ни для одного из них история не является главным объектом исследований, но, по существу, они все внесли в неё свой вклад[1]. Если на минуту отвлечься от американской экономики и её отношений с американской историей, то можно отметить, что и в Англии сильны традиции серьёзного интереса "дилетантов-теоретиков" к экономической истории. К примеру, М. Блауг, А.К. Кэрнкросс, Дж.Р. Хикс, Р.С.О. Мэтьюз, Э.Х. Фелпс-Браун, Р.С. Сэйерс, Б. Томас и Дж. Вейзи широко известны как специалисты, занимающиеся современными проблемами экономической политики и теории, но все они много сделали для английской экономической истории.

Послевоенные руководители Американской экономической ассоциации из старшего поколения, приученного закладывать историю, как Шумпетер теорию и статистику, в основание экономической науки, могли бы составить такой же список — Мозес Абрамовиц, Евсей Домар, Чарлз Киндлбергер, У. Артур Льюис и Роберт Триффин явно не относятся к числу тех, кто отрекается от истории. В выступлениях и трудах послевоенных президентов Ассоциации отнюдь не отражается господствующее среди рядовых её членов мнение, что экономическая история — лишь безделушка, бесполезная для серьёзного и важного дела: формализации новой экономической идеи, или совершенствования техники использования наличного комплекта статистических данных, или превращения текущей политики из третьеразрядной во второразрядную. В своей президентской речи перед Ассоциацией в 1970 г. Василий Леонтьев обрушился на тех, кто его избрал на этот пост, за пренебрежение эмпирической работой и увлечение всё более механистической теорией и схоластической эконометрикой: "Разработка новой статистической методики, даже незначительной, которая позволяет выжать ещё один неизвестный параметр из имеющегося набора данных, считается бóльшим научным достижением, чем успешные поиски дополнительной информации, которая позволит нам оценить величину этого же параметра менее изобретательным, зато более надёжным путём" (Леонтьев, 1990. С. 269). Другой бывший президент Ассоциации, экономист-аграрник Теодор У. Шульц, высказал в 1974 г. сожаление,

[1] Именно Рейтер придумал слово "клиометрика", и это шутливое название прижилось.

что в юности недостаточно усердно изучал экономическую историю, и заявил, что "практически все экономисты очень склонны недооценивать историю экономики стран как с высоким, так и с низким доходом. По-моему, тенденция заниматься только сегодняшним днём весьма сомнительна" (Schultz, 1974. P. 12). Другой послевоенный президент Ассоциации, Милтон Фридман, в сотрудничестве с Анной Дж. Шварц дошёл в своём преклонении перед экономической историей до того, что обогатил её зародышами некоторых идей. В более скромном варианте то же самое сделали Пол Даглас, Джон Кеннет Гэлбрейт, Роберт Аарон и Дж.Х. Уильямс. А некоторые президенты, такие как Йозеф Шумпетер, Хэролд Иннис и Саймон Кузнец, настолько уважали экономическую историю, что в течение многих лет не жалели сил на её развитие.

Однако старшее поколение американских экономистов явно не сумело убедить большинство молодых, что история важна для экономики. А те, кого убедить удалось, — "новые" экономисты-историки, или "клиометристы" — и не подумали заняться обращением своих неверующих коллег. Вместо этого они направили весь пыл своей риторики на неэкономистов, в основном на историков. Выбор этой аудитории помог клиометристам сплотиться в едином порыве, проникнуться энтузиазмом и энергией убеждённых империалистов. В результате в конце 50-х годов началась серия завоеваний, ширившаяся с каждым годом. Американская экономическая история была полностью пересмотрена, а в последние годы начался пересмотр экономической истории и других стран. Однако клиометристы с их имперским мышлением забыли, как это нередко случается с завоевателями, что авантюры за границей требуют поддержки у себя дома. Пренебрегая ею, они её потеряли. Разве могли другие экономисты быть столь же безразличными к собственным интересам и навлечь на себя такую же судьбу? Начиная с 30-х годов экономисты-математики и экономисты-статистики твердили каждому, кто соглашался слушать, что тот или иной раздел экономики совершенно математичен или совершенно статистичен, пока они не убедили в этом абсолютно всех. Экономисты-историки могли бы столь же убедительно доказывать, что та или иная часть экономики, а в некоторых случаях та же часть, на которую претендовали их более агрессивные собратья, совершенно исторична. Но они этим почти не занимались. Социализировавшись в рамках той экономики, которая сложилась после второй мировой войны, они были робки и почтительны по отношению к своим коллегам, вплоть до подражания их пренебрежительному отношению к фактам и широким социологическим обобщениям, равно как и стремлению к безупречной логической доказательности и статистическому изяществу. Не обладая

самоуверенностью экономистов-математиков или статистиков, новые экономисты-историки не стали убеждать других в важности истории для экономики.

Общая ценность экономической истории

Они не стали этого делать не потому, что это трудно. Найти аргументы не составляет труда. Для профессионального экономиста-историка экономическая история так же важна, как и общая история, и именно потому, что он так ценит историю, и не только экономическую, он начинает её изучать. Это достаточно убедительно для него и для любого экономиста, который верит в то, что история, независимо от того, можно ли её использовать для непосредственной проверки экономических законов или выработки экономической политики, представляет собой коллективную память и является источником мудрости. На менее прагматичном уровне ценность экономической истории определяется общей ценностью всякой интеллектуальной деятельности, и нет ничего легче, чем убедить любого профессионального интеллектуала, что этой деятельностью следует заниматься. Это изящно выразил Дж.М. Тревельян: "Бескорыстное интеллектуальное любопытство образует жизненную силу подлинной цивилизации... Ничто так не отделяет цивилизованного человека от полудикого, как стремление узнать о своих предках и терпеливое восстановление мозаики давно забытого прошлого. Для нынешнего человечества измерять вес звёзд, заставлять корабли плыть по воздуху или под водой — не более поразительное и благородное занятие, чем узнавать о давно забытых событиях и об истинной природе тех людей, которые жили здесь до нас" (Trevelyan, 1942. P. VII, X). Можно восхищаться исторически важными и экономически понятными работами по истории плантационных рабов, бизнесменов XIX в. или средневековых крестьян точно так же, как математики восхищаются красивой и элегантно доказанной теоремой в теории оптимального управления, и неважно, имеют ли эти исторические исследования или эта теорема практическое значение.

И действительно, своей любовью к башням из слоновой кости экономисты-историки близки экономистам-математикам. Кроме того, хотя оба эти предмета, толкующие о рынках, явно относятся к экономике, те, кто их практикует, скорее всего столкнутся с остекленевшим взглядом собеседников и стремлением переменить тему разговора, если они за чашкой кофе вздумают заговорить с коллегами об архивах завещаний или о теоремах с неподвижной точкой соответственно. Но здесь, конечно, имеется заметная асимметрия: сорок лет инвестиций в математизацию экономики и дезинвестиций в её историзацию привели к тому, что в среде экономистов стало

легче сознаваться в незнании истории, чем в незнании математики. Уходят времена, когда общественные науки служили мостом между двумя культурами, литературной и научной, а экономика этот мост сожгла уже давно. Комфортабельное невежество, конечно, не является монополией экономистов. Культура состоит в определении варваров, определении тех людей, которых можно спокойно игнорировать, а интеллектуальная культура состоит в определении тех областей знаний, которые можно спокойно игнорировать. Специалист по социальной истории, который, по существу, постоянно имеет дело с количественными проблемами, сгорел бы со стыда, если бы ему пришлось признаться, что он не знает языков, литературы или политической истории изучаемых им обществ, но он же радостно сообщает, даже не пытаясь скрыть своё невежество, что разбирается в математике и статистике на уровне десятилетнего ребёнка. В этих кругах незнание арифметики — признак умственной полноценности. Экономисты мыслят примерно так же, но обычно всё же не заходят столь далеко. Впрочем, экономист-прикладник, который, по существу, постоянно имеет дело с историческими проблемами, сгорел бы со стыда, если бы ему пришлось признаться, что он не знаком с дифференциальными уравнениями или распознаваемостью образов, но он же без малейшего смущения сообщает, что понятия не имеет о том, что происходило в изучаемой им экономике до 1929-го или до 1948, или до 1970-го года.

Что же тогда теряют экономисты, всё охотнее исключая из своей интеллектуальной культуры знакомство с прошлым? Почему, даже если они предпочитают не внимать благородному зову бескорыстного научного любопытства, экономистам нужно читать и писать работы по экономической истории? Иначе говоря, в чём состоит практическая ценность экономической истории?

Большее количество экономических фактов

Практические ответы прямолинейны — первый и самый очевидный заключается в том, что история даёт экономисту больше информации, с помощью которой он может проверять свои утверждения. Объем доступной исторической информации поразит большинство экономистов, хотя они являются её постоянными потребителями. Исключение составят, пожалуй, лишь сотрудники Национального бюро экономических исследований (НБЭИ) США. Их полувековые усилия по перекапыванию прошлого принесли урожай в виде данных, используемых в тысячах регрессий экономистами, которых больше ничто в истории не интересует, но он же обильно питает новых экономистов-историков последние пятнадцать лет. В 50-е и 60-е годы

многие из них прошли ученичество в области экономических наблюдений, работая, фигурально выражаясь, в нью-йоркской "социальной обсерватории" НБЭИ и внесли большой вклад в составление в конце 50-х — начале 60-х годов "каталогов исторических объектов" под редакцией У.Н. Паркера (Parker, 1960) и Д.С. Брейди (Brady, 1966)[1]. Публикация в 1960 г. ещё одной работы, в которой участвовали историки Бюро экономических исследований вместе с Бюро переписей и Исследовательским советом по общественным наукам (U. S. Bureau of the Census, 1960), стала началом новой эры, которая для экономической истории значила не меньше, чем для астрономии эра Кеплера. Сотрудников Национального бюро интересовали скорее общие законы, чем история, они хотели пролить свет на закономерности развития и (по возможности) будущее экономической системы, а не на саму историю, но было бы чёрной неблагодарностью и несправедливостью по этой причине недооценивать ту роль, которую сыграли Мозес Абрамовиц, Артур Бернс, Раймонд Голдсмит, Джон Кендрик, Соломон Фабрикант и многие другие в развитии исторической экономики. В рамках той науки, которая всё больше уставала от истории, то есть экономики, сотрудники Бюро с самого начала представляли, по словам его основателя Уэсли К. Митчелла, тех, кто был убеждён в том, что "экономические циклы представляют собой в высшей степени сложный комплекс значительного числа экономических процессов, что для уяснения существа этих взаимодействий следует комбинировать историческое исследование с количественным и качественным анализом, что изучаемое явление циклов связано с определённой формой организации народного хозяйства и что предварительное понимание хозяйственных институтов этой системы народного хозяйства необходимо для понимания циклических колебаний" (Митчелл, 1930. С. LXXX). Тридцать шесть лет спустя верность экономистов истории проявилась в стремлении Милтона Фридмана и Анны Дж. Шварц написать "аналитическое повествование" в виде "пролога и фона для статистического анализа долговременной и циклической динамики денежной массы в Соединённых Штатах" (Friedman and Schwartz, 1963. P. XXI–XXII).

Эту главную идею Бюро — что в эмпирической работе нужно не только потреблять исторические факты, но и производить их, внед-

[1] В первой книге публикуется бóльшая часть докладов, прочитанных на совместном заседании Конференции по проблемам доходов и богатства и Американской ассоциации экономической истории в Уильямстауне в 1957 г. На этом заседании было отпраздновано бракосочетание Национального бюро экономических исследований и новой экономической истории. К сожалению, в последнее время этот брак становится всё менее прочным.

ряя продукцию в соответствующее историческое окружение, — подхватили и развили молодые экономисты-историки 50-х и 60-х годов. Им пришло в голову, что ту статистику, которую экономисты привыкли получать из аккуратных колонок справочников, можно на самом деле конструировать (причём за гораздо более ранние периоды, чем это считалось возможным), а потом соотносить эти конструкции с важными историческими проблемами. Обученные в аспирантуре новым математическим, статистическим и вычислительным методам, которые наводнили учебные планы в 50-е годы, они получили орудия труда, с помощью которых стало возможно восстанавливать исторические объекты. Символически используя имена трёх человек, роль которых в науке была отнюдь не символической, можно сказать, что студенты Александра Гершенкрона, Саймона Кузнеца и Дагласа Норта оказались хорошими учениками и быстро поняли, что если их учителя могли оценить национальный доход, или платёжный баланс Америки, или объём промышленного производства Италии вплоть до 1869, 1881 или 1790 г., то они тоже смогут сделать как это, так и многое другое. Роберт Голман, студент Кузнеца, скрупулёзно восстановил сначала показатели объёма товарного производства, а затем и валового национального продукта вплоть до 1830-х годов (Gallman, 1960; 1966). Позже он вместе с Уильямом Паркером, учившимся в Гарварде у А.П. Ашера, а затем у его преемника Гершенкрона, провёл масштабное исследование выборки первичных рукописных материалов сельскохозяйственной переписи 1860 г. Ричард Истерлин, другой студент Кузнеца, реконструировал доход по штатам вплоть до 1840 г., а затем использовал длинные колебания ("циклы Кузнеца") для анализа динамики американского народонаселения вплоть до середины XIX в. (Easterlin, 1960; 1961; 1968). Альфред Конрад, Пол Дэвид, Альберт Фишлоу, Джон Маейр, Горан Олин, Генри Розовски и Питер Темин, все студенты Гершенкрона, в конце 50-х — начале 60-х годов сделали Гарвард на некоторое время центром исследований по новой экономической истории. Они посмотрели глазами экономистов на всеми забытые необъятные реестры рабов, сельскохозяйственной техники, железных дорог, школ, сталелитейных компаний в Америке XIX в., сельского хозяйства и государственных финансов в Японии XIX в. и народонаселения в средневековой Европе[1]. Почти одновременно — время этой идеи явно пришло — возникли такие центры в университете Рочестера (где два студента Кузнеца, Роберт Фогель и Стэнли Энгерман, исследовали реестры американских железных дорог, рабов и сельского хозяйства в XIX в.) и в университете Пэрдью (где Джонатан Хьюз и Ланс

[1] Памятником этой работе является первая часть книги под редакцией Розовски (Rosovsky, 1966). Работы Конрада и Майера собраны в книге Conrad and Meyer (1964).

Дэвис, студенты Норта, вместе с Эдвардом Эймзом, Натаном Розенбергом и множеством других экономистов переосмысливали показатели финансовых экономических циклов и технологических изменений с XIV и вплоть до XX в.)[1]. Начиная с 1960 г. эти группы ежегодно собирались на конференции в Пэрдью, а после 1969 г. эти конференции стали проводиться в Висконсинском университете[2]. В других центрах Генри Уолтон и другие студенты Норта вместе с самим Нортом реконструировали тарифы океанского судоходства вплоть до XVII в. (Walton, 1967; North, 1968). Мэтью Саймон, работавший вместе с творцами фактов в Колумбийском университете и в Национальном бюро экономических исследований в 50-х годах, построил платёжные балансы за 1861–1900 гг. (Simon, 1960). Стэнли Леберготт заново проанализировал американскую статистику труда вплоть до 1800 г. (Lebergott, 1964). Гэри Уолтон вместе с Джеймсом Шефердом, другим студентом Норта, построил торговую статистику американских колоний (Shepherd and Walton, 1972), а ещё один студент Норта и Р.П. Томаса, Терри Андерсон, сконструировал статистику доходов и народонаселения Новой Англии в XVII в. (Anderson, 1972). Роджер Вайс оценил предложение денежной массы в американских колониях (Weiss, 1970; 1974). Так это началось и с тех пор продолжается.

До некоторой степени эти волны фактов возникли внутри экономики. Но, попав в специализированную историческую экономику, эти работы стали жить собственной жизнью. Недавний пример — успех книги Фридмана и Шварц, анализирующей американскую денежно-финансовую статистику с 1867 по 1960 г., который стимулировал исторические работы по более ранней американской статистике, потом по английской, а теперь и по другим странам (Temin, 1969; Sheppard, 1971). Так же появились и исторические исследования по динамике производительности[3]. Ранняя работа Абрамовица

[1] Продукция школы в Пэрдью (расцвет которой пришёлся на 1958–1966 гг.) собрана в: Purdue Faculty..., 1967.

[2] Фонды сыграли решающую роль в финансировании этого и других проектов по клиометрике. Некоторое время встречи в Пэрдью финансировал Фонд Форда, а Фонд Рокфеллера поддерживал целое поколение студентов Гершенкрона в Гарварде. После небольшой заминки в середине 60-х годов, начиная с 1968 г. финансирование взял на себя Национальный научный фонд США, который с тех пор помогает клиометристам. Если какой-нибудь будущий историк экономической мысли проделает изящные измерения этой истории, он, я думаю, обнаружит, что предельный интеллектуальный продукт этих грантов был необычайно велик.

[3] Пожалуй, лишь те, кто знаком с английской экономической историей, знают, что "остаток" (совокупная факторная производительность) был изобретен в 20-х годах Дж.Т. Джоунзом для исторического исследования английской и американской промышленности (Jones, 1933. P. 33). Ниже мы ещё раз покажем, что знакомство с историей вознаграждает и теоретиков.

и Солоу была, как и труд Фридмана и Шварц, посвящена скорее познанию общих законов, чем истории. В руках экономистов-историков она тем не менее послужила толчком к построению исторических статистических рядов количеств и цен, полезность которых далеко превзошла первоначальные цели. Независимо от того, смогут ли проверявшиеся этими экономическими исследованиями теории — экономического цикла, потребления, капиталовложений, экономического роста, денег, или динамики производительности — пережить новый поворот интеллектуальной моды, желание применять их в историческом аспекте будет порождать новые незыблемые факты.

Экономистам, которые привыкли к старомодным историческим писаниям или вообще не желают иметь с историей дела, может показаться странным, что история — это кладезь статистической информации. Не слишком образованные экономисты убеждены, что "данные отсутствуют" до того года, с которого начинаются в находящемся у них под рукой справочнике таблицы доходов, заработной платы или экспорта, и двадцать лет назад с ними согласилось бы большинство историков, даже историков-экономистов. Некоторые и сейчас продолжают так думать, с облегчением отказываясь от подсчётов до 1900 г., как только находят для этого тот или иной благовидный предлог: потому что нельзя добиться безупречной точности (оценки содержат ошибки); потому что ни один реальный человек не обладает характеристиками "среднего индивидуума" (есть различия в распределении); или потому что статистика дегуманизирует историю (устанавливает наборы ограниченных характеристик рассматриваемых объектов). Экономисту следует знать, что возражения против применения статистики в истории покоятся именно на подобных жалких основаниях, как бы ему ни было приятно предполагать, что у историка есть особый инструментарий, позволяющий проникать в суть вещей и превосходящий его собственные бездушные средства труда. Компьютеризация и связанный с нею прогресс исторической статистики, которого добились новые экономисты-историки, заставили статистический агностицизм в истории выглядеть по меньшей мере странно.

Исторические факты, доступные экономисту в работе, на самом деле столь объёмны, что превосходят все мыслимые пределы интеллектуальной алчности и простираются вглубь, хотя и в уменьшающихся объёмах, до средних веков. Нужно лишь приложить труд и воображение. В XIII в. никакое министерство сельского хозяйства не собирало статистических данных по английской сельскохозяйственной продукции ради удобства тех, кто в XX в. занимается аграр-

ной экономикой. Но медиевисты давно поняли, что такая статистика содержится в ежегодных отчётах бейлифа своему лорду касательно принадлежащих ему земель. А недавно они поняли, что все земли, принадлежавшие и лордам, и крестьянам, облагались десятиной в пользу церкви, а её грамотная и добросовестная бюрократия весьма заинтересованно изучала и хранила списки десятин из года в год, что позволяет подсчитать объём продукции[1].

Конечно, требуются крупные капиталовложения, чтобы придать таким коллекциям фактов приемлемую форму, и в сопоставлении с размерами необходимых инвестиций экономисты-историки, при всей своей энергии, находятся ещё только в начале пути. Можно привести в пример поразительную по размеру коллекцию генеалогических хроник, используемую для поминовения покойников в мормонской церкви в Солт-Лейк Сити; в этих хрониках — подробные истории семей за несколько поколений. Но тот, кто изучает наследственный и благоприобретённый человеческий капитал, может и более лёгким путём найти себе материал для работы в исторических документах, если заглянет в них. Например, опросы изобрели отнюдь не вчера. Ими усыпана история Европы и её ответвлений с 1086 г. до наших дней. Например, сравнительно недавно, в 1909 г., Иммиграционная комиссия США собрала опросные листы полумиллиона наёмных работников, из которых более 300 000 родились за границей, а также опросила 14 000 семей, насчитывавших 60 000 человек. Их спрашивали о профессии, заработной плате, занятости, доходах от собственности, доходах от домашнего хозяйства, жилищных условиях, квартплате, детях, школах, образовании, знании языков, денежных переводах за границу, количестве денег, с которым они впервые прибыли в США, и о многом другом. Комиссия опросила и нанимателей по довольно широкому кругу вопросов. Итоги были опубликованы в 42 томах "Отчёта", в котором много любопытного ожидает экономиста, интересующегося накоплением человеческого капитала, циклом жизни личных доходов, вовлечением женщин в рабочую силу, миграцией и дискриминацией[2]. Любые отчёты, которые люди пишут о своей или чужой экономической деятельности, дают допол-

[1] Один взгляд на книгу Тайтоу убедит скептиков, как много данных можно извлечь из отчётов бейлифов (Titow, 1972). Данные о десятине практически не используют в английской литературе, а во французской это обычное дело, как у Дж. Гуа и Э. Ле Руа Ладюри (Goy and Le Roy Ladurie, 1972).

[2] См. краткое описание материалов "Отчёта" в Higgs, 1971. Р. Хигс использовал опубликованные тома, но рукописные анкеты, если они сохранились, откроют еще много неизвестного. Кстати, "Отчёт" — прекрасный пример того, насколько необходимы широкие исторические познания для истолкования исторической статистики. Сам по себе этот документ был проникнут чувствами американского превосходства и расизма в откровенном стиле эпохи Большой Дубинки и Бремени Белого Человека.

нительные наблюдения для экономиста в его исследованиях. Экономисты-историки знают, что подобные записи люди начали делать уже очень давно.

Лучшее качество экономических фактов

Не только экономика вдохновляла экономистов-историков на реконструкцию статистики прошлого, дающей экономистам новые категории фактов, во многих отношениях более богатых, чем факты современные. Само то обстоятельство, что люди и компании девятнадцатого и предшествующих веков уже мертвы, позволяет выставить на всеобщее обозрение касающиеся их документы, закрытые для экономиста, который желает изучать живых или недавно скончавшихся субъектов. Только успешный антитрестовский процесс позволяет обнародовать документы о заговорах "Дженерал Электрик", имевших целью ограничение свободной торговли, но исследователь промышленной организации мог бы при желании получить у историка бизнеса информацию об издержках и доходности сговоров, которая подкрепила бы статистикой его размышления об их масштабах. Министерство торговли, Комиссия по ценным бумагам и биржам и собственные интересы компаний обеспечивают снабжение общественности обрывками информации об издержках, доходах и капиталовложениях промышленных фирм, но исследователи инвестиций и финансов могли бы получить гораздо больше информации в таких работах как книга Ф. МакГулдрика "Текстильная промышленность Новой Англии в XIX в.: доходы и инвестиции" (McGouldrick, 1968)[1]. Даже в отношении фирм, деятельность которых теперь подлежит жёсткому регулированию со стороны любознательного правительства, например банков, старые документы, некогда конфиденциальные и потому откровенные и полные, лучше новых (Olmstead, 1974).

Демографическая история, долго практиковавшая вне экономической истории, но теперь активно на неё влияющая, даёт ещё более яркие примеры того, насколько предпочтительнее покойники как объект экономического исследования. Сами регистрационные списки умерших, оценки наследуемого имущества, завещания —

[1] Тэвин Райт назвал эту впечатляющую работу "самым вертикально интегрированным" исследованием на сегодня. МакГулдрик сам осуществил все "стадии производства", начиная с работы с первоисточниками — данными по выборке текстильных фирм, действовавших в Уолтэме и Лоуэлле в 1836–1886 гг., до анализа различных концептуальных проблем, связанных с подсчетом основных фондов, продукции, мощностей и т.д.; кончая, наконец, регрессионным анализом движения дивидендов и инвестиций (Wright, 1971. P. 440).

богатые источники фактов (см.: Jones, 1972), равно как и подсчёты некогда живших. Правило открытия информации через сто лет, скажем, в Англии, позволяет сделать с материалами переписи населения 1871 г. то, что невозможно для переписи 1971 г., — проанализировать выборку или, при желании, данные о всём населении всех шахтёрских городов (с их поразительно высокой рождаемостью) или всех заводских посёлков (с их поразительным разнообразием в структуре семей)[1]. Главное, что отсутствует в любой современной выборке из переписи, — это имя человека, а без этого имени невозможно связать данные переписей с другими источниками информации. Чтобы оценить значение этого факта, достаточно вспомнить, что люди и правительства сегодня более методично ведут свои документы и более смелы — можно даже сказать, бесцеремонны — в своём любопытстве, чем когда-либо ранее, и если какой-нибудь будущий экономист-историк сможет прослеживать людей по имени (или по номеру карточки социального страхования) через все документы семей, фирм, Службы внутренних доходов[2], кредитных учреждений, школ, больниц и судов, то наши знания о поведении экономических субъектов, мягко говоря, расширятся. Демографы-историки сообразили, что не нужно ждать до XXI в. (а если подождать, то мы будем разочарованы, потому что удешевление путешествий и распространение телефона — непрослушиваемого — обеднило письменные документы). Если, к примеру, для решения некоторых вопросов экономики труда потребуются экономические биографии отдельных людей, историк готов предоставить их во всех подробностях. В трудах Кембриджской группы по истории народонаселения и социальных структур, опирающихся на послевоенные работы французских демографов-историков, прослежены истории английских семей за два столетия на основе, пользуясь канцелярским жаргоном, "актов гражданского состояния" — записей о рождениях, смертях и браках — начиная с XVI в.[3] В проекте, который на сегодня можно назвать самым амбициозным предприятием такого рода, учёные Монреальского университета восстанавливают данные о всём населении Квебека от начала колонизации до франко-индейской войны, фиксируя каждое упоминание каждого человека в поразительно полных архивах Французской Канады и связывая их в единое целое. По мере

[1] См. книгу под редакцией Э.А. Ригли (Wrigley, 1972), особенно очерк Майкла Андерсона (Anderson) об использовании рукописных материалов британской переписи для изучения структуры семьи.

[2] Служба внутренних доходов — налоговое управление США.

[3] Избранные труды Кембриджской группы стоило бы включить в любой список рекомендуемой литературы по "новой" экономике труда. Аналитический обзор см. в: Wrigley, 1969, а в качестве примера работ такого рода см.: Leslett, 1972.

расцвета эры экономистов и калькуляторов такую статистику можно будет увязывать со всё более широким спектром регистрационных записей о доходах, недвижимости, состоянии дел, образовании и тому подобном, что позволит воссоздавать жизненные истории гораздо успешнее, чем это делается в использующих текущие данные работах, подготавливаемых с большой любовью и публикуемых в каждом номере "Journal of Political Economy" или "American Economic Review".

Наиболее масштабными обследованиями являются, конечно, переписи, и, когда рукописи открываются, то есть когда перепись устаревает, ничто не может сдержать любопытства экономиста. К примеру, в упомянутой выше работе Паркера и Голлмана проведено сравнение рукописных материалов американской сельскохозяйственной переписи 1860 г. с рукописными же материалами переписи населения — такое сравнение нельзя произвести по нынешним анонимным переписям, в которых не указывается имя респондента, — что дало полную характеристику тех, кто был занят сельскохозяйственной деятельностью. Поскольку в переписи 1860 г. ставился вопрос о богатстве обследуемых, можно определить детерминанты распределения богатства в 1860 г. в таких деталях, какие недостижимы для современных переписей, и эти возможности сейчас использует Ли Солтоу (Soltow, 1975). Роджер Рэнсом и Ричард Сатч смогли из рукописей переписи 1880 г. извлечь детальные характеристики случайной выборки, состоящей из 5283 ферм в Южных штатах, и исследовали вопрос о расовой дискриминации более точно, чем это было возможно по современным данным (Ransom and Sutch, 1977). В сравнении с такой богатой и разнообразной фактологией обычный набор экономиста выглядит жалким и мизерным.

И погрешностей в этих фактах ничуть не больше, чем в современных Считать, что в исторической статистике больше погрешностей, наивно по двум причинам: это значит, во-первых, переоценивать современную статистику, во-вторых, недооценивать статистику историческую. Экономист, если его прижать, обычно сознаётся, что в его данных, скажем, о ценах в американской экономике за последние двадцать лет есть крупные погрешности, степень которых неизвестна, потому что качество рассматриваемых товаров улучшилось, потому что прейскурантные цены мало соответствуют ценам сделок, потому что принцип определения выборки для переписи сомнителен или потому что используемый индекс цен мало соответствует концептуально правильному определению. Он сознаётся и в том, что эти погрешности вводят смещения неопределённой направленности в его множественные регрессии, в которых цены выступа-

ют в качестве независимой переменной. Он всё равно будет оценивать эти регрессии, утешая себя заблуждением, что лучших данных всё равно нет и что его оценки, по крайней мере, состоятельны[1].

Сталкиваясь с неверием обеих сторон — коллег-историков в убедительность статистической аргументации, а коллег-экономистов в надёжность исторической статистики, экономист-историк не может идти проторенным путём. Он уже развил в себе искусство творческого сомнения, которое практикуется в некоторых других разделах экономики, а могло бы не без пользы практиковаться и более широко. Привычка проверять свои аргументы на чувствительность к возможным погрешностям в данных или возможным ошибкам в аналитических рассуждениях распространена среди учёных и историков, но не среди экономистов. Многие, конечно, понимают ненадёжность "данных" и действуют соответственно. Традиция Национального бюро и более добросовестных эмпириков вне него публиковать полное описание того, как были получены данные и где могут быть ошибки в надежде, нередко тщетной, что пользователи это прочитают, соответствует традициям в историографии. В предисловии к книге Альберта Фишлоу "Американские железные дороги и трансформация предвоенной экономики" Александр Гершенкрон обратил особое внимание на "статистические приложения, в которых автор полностью раскрывает свою творческую лабораторию и без которых невозможно полностью оценить всю важность этого исследования и надёжность интерпретации результатов" (Fishlow, 1965. P. XII). И всё же крупные журналы по общей экономике редко публикуют такие ревизии фактов, как статья Роберта Дж. Гордона "45 миллиардов долларов американских частных инвестиций были потеряны", возможно потому, что экономисты редко их пишут (Gordon, 1969)[2]. Цви Грилихес точно определил причину, по которой экономисты не интересуются источниками данных и их погрешностями: "Проблема, я думаю, возникает во многом потому, что в экономике те, кто производит данные, отделены от тех, кто их анализирует. В общем, мы не производим собственные данные, а потому и не чувствуем за них ответственности" (Griliches, 1974. P. 973).

[1] Оценка параметра множественной регрессии является состоятельной, если при увеличении размера выборки её так называемый предел по вероятности равен ее математическому ожиданию (см.: Джонстон, 1980. С. 269–271).

[2] Тот факт, что Джордж Джэзи из Министерства торговли США мог утверждать в своем комментарии, будто Гордон не открыл ничего нового (Jaszi, 1970), заставляет задуматься о другом: подробности о данных, даже и важные, не интересны экономистам. В своем ответе Джэзи сам Гордон заявляет, что "профессиональные экономисты, и особенно исследователи производственных функций, ничего не знали о капитале, которым владеет государство, а распоряжаются частные лица" (Gordon, 1970. P. 945), и узнали только из его статьи. Это, очевидно, верно.

Экономисты-историки, которые должны сами собирать свои материалы и привыкли обращаться с ними скорее как историки, чем как экономисты, сохраняют чувство ответственности за статистику. Лучшим примером такого отношения на сегодня является, видимо, книга Роберта Фогеля "Железные дороги и экономический рост в Америке" (Fogel, 1964)[1]. В этой работе, сочетающей традиции творческого сомнения в экономической истории и в оценке проекта, 260 страниц фактически посвящены получению одной цифры — размера прибылей от инвестиций в американские железные дороги в XIX в. Фогель начал это исследование, считая, что сумеет подтвердить предположение о незаменимости железных дорог, из которого исходили авторы более ранних работ (например, Шумпетер и Ростоу), но обнаружил, к своему удивлению, что факты заставляют в этом усомниться. Поэтому, чтобы разрешить свои сомнения, он направил свою энергию на вычисление верхнего предела возможного вклада железных дорог в национальный доход и обнаружил, что он невысок. Отсюда он пришёл к выводу, что железные дороги нельзя считать незаменимыми для экономического роста в Америке. Для экономистов качество исторических фактов нередко превосходит качество фактов сегодняшних: первые более подробны, объёмны и точны, а к содержащимся в них ошибкам относятся с должным почтением.

Но, конечно, их качество лучше и в другом смысле — ведь история ставит эксперименты и снабжает экономиста не только более ценными и точными, но и более разнообразными фактами. Жутковатый пример такого рода — использование Т.У. Шульцем индийской статистики сельскохозяйственной продукции и народонаселения во время эпидемии инфлюэнцы 1918–1919 гг. для доказательства того, что предельный продукт труда был положительным и примерно равным выплачиваемой зарплате: продукция сокращалась по мере сокращения работающего населения, и поэтому рабочая сила не была "избыточной", вопреки утверждениям авторов многих работ об экономическом развитии, в том числе Индии (Schultz, 1964. P. 63–70). Столь же мрачный эксперимент, Великая депрессия, надолго останется великим полигоном для макроэкономических теорий, в чём имели случай убедиться монетаристы, фискалисты и прочие. Фридман и Шварц очень способствовали пониманию коварства денежно-финансовой политики, доказав, что она не столько не оказывала воздействия, сколько совершенно неправильно проводилась в 30-е годы. В свою очередь, Э. Кэри Браун очень способство-

[1] Фогель сделал расчёты за 1890 г., "Американские железные дороги" Фишлоу — аналогичное исследование на материалах середины XIX в (Fishlow, 1965). Вместе они обеспечили блестящее переосмысление роли транспорта в экономическом росте Америки, за что и получили в 1971 г. премию Шумпетера.

вал пониманию потенциала фискальной политики, показав, что она не столько провалилась, сколько не проводилась (Brown, 1956; см. также: Peppers, 1973).

Время от времени каждый экономист должен осознавать, что история уже провела тот эксперимент, который ему нужен. Он должен понимать и то, что экономика, как и астрономия, — наука, построенная на наблюдениях, и имеющиеся данные и средства контроля не следует воспринимать как заданные извне. Однако во время своих нечастых посещений "обсерватории" экономист направляет свой телескоп только на Солнце, Луну и ближние планеты. Делает он это по двум причинам: во-первых, он считает, что только эти близкие к дому объекты помогают понять поведение родной планеты; во-вторых, он считает, что заглядывать за пределы близлежащей Солнечной системы, не говоря уже о галактике, — значит заглядывать в иную структуру, где могут не действовать привычные ему законы, согласно которым существует только шесть планет, звёзды прикреплены к небесной сфере, а свет движется по прямой. Ниже будет рассмотрена точка зрения, заключающаяся в том, что история не важна для государственной политики, и доказана её несостоятельность. Достаточно очевидна несостоятельность и другой точки зрения — будто история происходит из иной структуры, нежели ежеквартальные цифры национального дохода за послевоенный период, и потому её не нужно знать. Тех, кто смотрит на мир таким образом, пытаясь облегчить свою эмпирическую работу, остаётся только пожалеть. В своей невинности они всегда будут считать, что "эмпирическая работа" — это компиляция приложения к "Экономическому докладу Президента" и "Эконометрических методов" Джонстона. Даже серьёзные и умудрённые опытом учёные-экономисты склонны принимать на веру утверждение, что прошлое устроено иначе. Клиометристам же приходится подвергать проверке это утверждение на каждом шагу, когда они сталкиваются как с экономистами, так и с историками, которые принимают его как само собой разумеющееся. В самом деле, если бы выводы новой экономической истории за последние лет пятнадцать нужно было суммировать одной фразой, она звучала бы так: в XVIII и XIX вв. погоня людей за прибылью имела такую незамутнённую и конкурентную форму, какая только может привидеться экономисту в мечтах об аукционерах[1] и совершенных рынках. Вслед за Лениным и Вебленом можно, конечно, считать, что атомистическая конкуренция времён Смита и Милля умерла, а простейшие модели конкурентного поведения могут подходить для XIX в., но не для XX. Однако, хотя

[1] Аукционер — абстрактный агент рынка в теории общего равновесия Л. Вальраса.

этот тезис играл большую роль в политэкономии последних пятидесяти лет, он никогда не подвергался проверке, по крайней мере достаточно убедительной для тех, кто не был в нём убеждён изначально, что лишь подкрепляет нашу точку зрения. Даже если бы можно было показать, что для какого-то явления (скажем, воздействия государственных расходов на занятость) среда XIX в. настолько отличалась от, например, 1970-х годов, что из этого сравнения вряд ли можно было бы что-то узнать о сегодняшних структурах, остаётся непреложным тот факт, что структуры продолжают изменяться, как показывают нередко обескураживающие, а иногда и комические результаты прогнозов, полученных с помощью больших эконометрических моделей. История, как и изучение других стран и культур, есть познание структурных изменений. Знакомый пример — распространённая практика изъятия из регрессий военных лет как вторжений из иных структур. Однако войны повторяются, и учёному-экономисту, даже если его интерес к науке ограничивается возможностями её приложения к сегодняшней государственной политике, приличествует знать, как война меняет функционирование экономики (см., например, Gordon and Walton, 1974; Olson, 1963). Пол Дэвид выразил то же самое следующими словами: "Уравнение, которое вполне подходит для половины данных, входящих в имеющиеся долгосрочные статистические ряды, но не подходит для остальной их части, в глазах обычного экономиста-прикладника никуда не годится, ему приходится преодолевать искушение отбросить непокорные данные при изложении полученных результатов. Напротив... экономист-историк может радоваться наполовину не удавшемуся уравнению регрессии как триумфу в том смысле, что обнаруженное изменение в экономической структуре сигнализирует ему: надо выяснить, что произошло в истории" (David, 1975. P. 14).

Во всяком случае, сужение кругозора до ближних объектов не менее странно в экономике, чем оно было в астрономии. При желании всегда можно привести примеры более крупных, чётких и решающих исторических экспериментов, нежели те, которые предоставляет нам недавний опыт. Тревожившие современные правительства миграции из одной страны в другую в течение последних двадцати лет есть лишь бледная тень миграций XIX в.[1] То же самое можно сказать и о миграциях капитала: если кто-то пожелает оценить воздействие иностранных инвестиций на экспортирующую или импортирующую страну, то самый доступный материал — опыт Ве-

[1] Об этом экономисты-историки написали очень много: Thomas, 1954; Easterlin, 1961; Hill, 1970; Neal and Uselding, 1972; Kelley, 1965

(так, за период 1870–1913 гг. Великобритания отправила за границу треть своих сбережений). Если кто-то пожелает оценить бремя или выгоды государственного долга, то самые очевидные эксперименты — опыт Великобритании с долгом во время наполеоновских войн или Америки во время Гражданской войны, и произошло это до того, как правила внутреннего налогообложения, вкупе с другими нарушающими порядок факторами, пришли в сегодняшнее хаотическое состояние (об американском долге см.: Williamson, 1974) В 1820-х годах долг английского правительства примерно в 2,5 раза превышал национальный доход, почти такое же соотношение наблюдается сейчас в Соединённых Штатах[2]. Если кто-то пожелает оценить воздействие изменений в законодательстве, то к его услугам масштабные и разнообразные эксперименты — опыты XIX и более ранних веков с законами о корпорациях, об обязательном школьном образовании, о детском труде и т.п. (Sylla, 1969; Landes and Solmon, 1972; West, 1975; Sanderson, 1974). А если кто-то пожелает оценить воздействие плавающего обменного курса, то не менее масштабны и разнообразны опыты США в 1860-х — 1870-х годах, Великобритании с 1914 по 1925 г. или Китая в 1930-х годах. Времена свободной банковской деятельности, как это было в США перед Гражданской войной, дают материал для изучения последствий свободного вхождения на рынок (Rockoff, 1974); времена свободных рынков капиталов, как это было во время Гражданской войны, дают материал для анализа реакции ожиданий на текущие события (Roll, 1972); времена массированных новых инвестиций в общественную гигиену, как это было в американских городах после Гражданской войны, дают материал для оценки стоимости здоровья (Meeker, 1972; Meeler, 1974). История — это лаборатория общества.

Лучшее качество экономической теории

Характер взаимодействия продуктов этой лаборатории на экономические идеи понятен лишь немногим экономистам. Конечно, воздействие оказывает и заголовок сегодняшней газеты, тем более

[1] См статью Майкла Иделстайна (Edelstein, 1974) и процитированные в ней работы Основополагающей работой о стране — импортёре капитала была книга Джейкоба Вайнера (Viner, 1924). Исторически насыщенными были и другие труды Школы международных финансов Тауссига, опубликованные в Гарварде в 20-х — 30-х годах Williams, 1920; White, 1933; Beach, 1935 Сам Тауссиг в молодом возрасте писал исторические работы (Taussig, 1888).

[2] Ср.: Feldstein, 1974. P 915. Col. 3 и Dean and Cole, 1962; Mitchell, 1962. P 8, 366, 402. То же самое относится к процентам по государственному долгу, которые в обоих случаях составляли 8–9 % ВНП (ср. Mitchell, 1962. P. 396; Economic Report of the President, 1975 P 325)

что после его появления деньги на научные исследования выделяются весьма быстро. Но результаты исторических наблюдений, истинные или ложные, предопределяют реакцию на этот заголовок.

Можно привести целый ряд таких общепризнанных исторических наблюдений (хотя некоторые из них в последнее время ставятся клиометристами под сомнение). Так, наблюдение, что прирост основных фондов на душу населения не объясняет всей величины прироста доходов на душу населения, вызвало в конце 50-х годов интеллектуальный взрыв в виде моделей экономического роста, учитывающих изменения технологии. Историческое наблюдение, что норма сбережений была долгое время постоянной, вызвало в начале 50-х годов взрыв несколько меньшего масштаба в виде теории функции потребления. Историческое наблюдение, что доля труда в доходе — величина постоянная, вызвало в 30-е годы ещё один взрыв в виде теории производственной функции. Влияние экономической теории на исторические труды заметно в большинстве работ по новой экономической истории, но влияние экономической истории на теоретические труды заметно только в пионерских работах и впоследствии забывается. Высокая норма исторических резервов в теоретических депозитах работ Роберта Солоу, Милтона Фридмана или Пола Дагласа не сохраняется в работах их интеллектуальных клиентов, в результате чего интеллектуальная масса многократно мультиплицирует фактологическую базу и оказывается подвержена резким колебаниям[1].

Об этом хорошо написал Рондо Кэмерон: "В дискуссиях о роли теории в исторических исследованиях часто утверждается (возможно, потому, что это утверждение верно), что историк a priori исходит из каких-то идей. Поэтому желательно, чтобы эти идеи формулировались, а если возможно, то и систематизировались в явном виде. Иными словами, выбор лежит не между теорией и отсутствием теории, а между явной, осознанно сформулированной теорией и неявным, неосознанным теоретизированием. Почти то же самое можно сказать об использовании истории теоретиками. Даже самый презирающий историю экономист кое-что из истории использует: свой собственный опыт, опыт своего поколения или некие исторические обобщения, которыми полон фольклор даже самых изысканных обществ" (Cameron, 1965. P. 112).

Самый очевидный пример — теория экономического роста, где определённый ряд исторических условностей подавляет аргументы.

[1] В этой фразе обыгрывается стандартная терминология, используемая в работах по кредитно-денежным проблемам: норма обязательных резервов банка и соотношение резервов с суммой депозитов вкладчиков, банковские клиенты, денежная масса, денежная база и т.д.

Эти условности — Николас Калдор в 1958 г. назвал их "стилизованными фактами", и этот эвфемизм получил широкое распространение — представляли в своё время интеллектуальный изыск, а теперь превратились в банальность. Они были сформулированы в 50-е годы, до того как экономисты-историки начали всерьёз устанавливать нестилизованные факты. По крайней мере, неясно, подтвердит ли их работа постоянство коэффициента капиталоёмкости, нормы прибыли или темпов прироста производительности труда и основных фондов. Как заметил Роберт Солоу в заключение короткого исследования о реальном значении этих параметров для устойчивости экономического роста, "устойчивое состояние — неплохой исходный пункт для теории экономического роста, но оно может представлять серьёзную опасность в качестве конечного пункта" (Solow, 1970. P. 7). Судя по историческим работам экономистов, написанным за последние лет двадцать и, видимо, неизвестным теоретикам роста, коэффициент капиталоёмкости в Америке удвоился, а в Великобритании снизился на треть; за первую половину XX в. этот коэффициент в Америке снизился на 22%, оставаясь примерно постоянным в Великобритании[1]. Впрочем, вполне возможно, что результаты будут другими, если использовать более полное определение "капитала", включающее продукцию домашних хозяйств. Экономисты-историки, сталкиваясь с продолжительными периодами в истории, когда соотношение между узкими и широкими определениями резко менялось, вынуждены регулярно заниматься такими уточнениями. Но независимо от того, уточнены они или нет, факты, собранные экономистами-историками при изучении экономического роста, стоят того, чтобы к ним вернуться. Это, вероятно, яснее всего проявляется в вопросе о техническом прогрессе, главном конфузе современной теории экономического роста. Как недавно отметили Р.Р. Нельсон и С.Г. Уинтер (Nelson and Winter, 1974), историкам техники, таким как Пол Дэвид, Питер Темин и Натан Розенберг, есть что сказать теоретикам (см., например: Rosenberg, 1972, David, 1975), но головы теоретиков заняты другими проблемами.

[1] Для Соединённого Королевства см.: Feinstein, 1972. Tab 1, 20, 43. Для США см. Davis et al., 1972 Tab 2.9. В связи с этим можно заметить, что обе книги, из которых взяты цифры, демонстрируют роль "социальных обсерваторий" в поощрении новой экономической истории: книга Файнстайна — одна из серии работ, выходящих при участии Национального института экономических и социальных исследований (Британского эквивалента Национального бюро экономических исследований) и кафедры прикладной экономики Кембриджского университета; восемь из двенадцати авторов книги (Davis et al., 1972) работали в Национальном бюро экономических исследований, а сама книга — фактически разъяснение и итоги долгого исследования тенденций экономического роста в Америке, проводившегося ими и другими специалистами, в частности Саймоном Кузнецом, под эгидой Бюро.

Псевдоисторическим мышлением грешат, конечно, не только авторы теоретических математических моделей экономического роста. Как бы ни были часты обращения на словах якобы к опыту истории, в словах, так же как и в уравнениях, нет ничего такого, что защищало бы наиболее бесцеремонных теоретиков от попадания впросак. Вот лишь некоторые примеры теорий, не выдержавших столкновения с историческими фактами: Давида Рикардо о росте земельной ренты; Карла Маркса об обнищании промышленного пролетариата; Владимира Ленина о прибыли при империализме; Денниса Робертсона о внешней торговле как двигателе экономического роста; У. Артура Льюиса о развитии в условиях неограниченного предложения рабочей силы; Уолта У. Ростоу о "взлёте" как следствии великих изобретений и резкого повышения нормы сбережений (см.: Lindert, 1974; Hartwell, 1970; Thomas, 1968; Kravis, 1970; Chambers and Gordon, 1966; Kelley, Williamson and Cheetham, 1972; Rostow, 1963). Это не значит, что теоретики должны оставить свои грифельные доски или пишущие машинки ради ближайшего архива. Достаточно изредка заходить в библиотеку. А также им стоит усомниться, могут ли они без посторонней помощи обобщать исторический опыт в нескольких стилизованных фактах.

Вклад истории в теорию состоит не только в том, что она льёт воду фактов на мельницу теоретиков. Использование теории в экономической истории украшает теорию и испытывает её, и в этом отношении экономическая история не отличается от других разновидностей прикладной экономики. Приложение метода межотраслевого баланса к измерению реальной степени протекционизма в Америке XIX в. подвергает испытанию этот метод, точно так же как и применение его к измерению реальной степени протекционизма в современном Пакистане (Whitney, 1968; Guisinger, 1970). У экономиста-аграрника, например, не вызовет неприязни использование простых моделей спроса и предложения при изучении истории развития судостроения, текстильной или сталелитейной промышленности в Америке, и его не удивит то, что эти модели становятся глубже в процессе такого использования[1].

Также и тот, кто изучает международную торговлю, макроэкономику или рынки труда, не увидит ничего странного в применении двухсекторной модели общего равновесия к американской экономике до и после Гражданской войны или к английской экономике во

[1] Среди многих других см. работы: Harley, 1973; Zevin, 1971; Fogel and Engerman, 1969 (перепечатано в: Fogel and Engerman, 1971). Последняя книга, в частности, представляет собой хорошую подборку работ новых экономистов-историков об Америке, как и книга под ред. П. Темина (Temin, 1973).

время наполеоновских войн[1], моделей денежного обращения и цен — к английскому и американскому экономическому циклу начала XIX в. (Temin, 1974), модели предельной производительности — к рабству или послевоенной испольщине[2]. Он может слегка удивиться, что такие давние события можно анализировать при помощи инструментария, усовершенствованного к середине XX в., а может и восхититься тем, как мастерски возвращаются в экономическую мысль давно вычеркнутые из неё проблемы. Но в целом он поймёт, что хорошая экономическая история — это просто хорошая прикладная экономика.

В скобках стоило бы заметить, что его понимание будет неверным в одном важном аспекте, потому что хорошая экономическая история должна быть также хорошей историей. Именно это требование ставит экономическую историю высшего класса на один уровень трудности, скажем, с эконометрикой высшего класса, которая требует прекрасного знания статистики, или математической экономикой высшего класса, которая требует прекрасного знания математики[3]. Правда, некоторые новые экономисты-историки считают, что экономическая история суть приложение теории производственной функции или эконометрики к более или менее туманному представлению о том, что происходило в истории, так же как другие экономисты считают, что экономическое мышление суть приложение множителей Лагранжа или теории оптимального управления к более или менее туманному представлению о том, что именно должно максимизироваться. Но лучшие новые экономисты-историки одновременно и историки, и экономисты, так же как лучшие экономисты — одновременно и социологи, и математики-прикладники.

Однако даже на низших уровнях исторических, а не только экономических обобщений преобразование экономической истории в качественную прикладную экономику, в ходе которого проявилась мощь современной экономической теории, было замечательным до-

[1] См.: Pope, 1972; Passel and Wright, 1972; Passel and Schmundt, 1971; Hueckel, 1973; самая амбициозная пока работа на эту тему: Williamson, 1974. Клиометристы — одни из немногих экономистов, которые используют нелинейные модели общего равновесия на эмпирическом уровне.

[2] Работы (Goldin, 1973; 1976; Fogel and Engerman, 1974) — самые свежие примеры из обильной литературы о рабстве, ведущей своё происхождение от ранних работ (Conrad and Meyer, 1958; Rerd, 1973) — пример из столь же обильной литературы об испольщине, написанной клиометристами (см., например: Higgs, 1974; DeCanio, 1974, Ransom and Sutch, 1977).

[3] Любому экономисту-историку встречались коллеги, заявлявшие, что они тоже экономисты-историки. Это обычно означает, что они оценили регрессию аж с 1929 г. С таким же эффектом экономист, который использует арифметические действия, мог бы заявить своим коллегам экономистам-математикам, что он тоже экономист-математик.

стижением, сравнимым с преобразованиями последнего десятилетия в экономике политического процесса, прав собственности, рынков труда и домашних хозяйств. На некоторое время новые экономисты-историки, как и новые экономисты-трудовики и все остальные, почувствовали себя арбитрами в соответствующих областях науки. Но экономическая история обеспечила и другое вознаграждение в области теории. Всякое распространение экономики на новые объекты ставит новые вопросы, на которые не может ответить существующая теория и для которых должна создаваться новая теория. Экономисты-историки смело взялись за это. Их смелость в теории вызвана отчасти и непокорностью мира: когда главная цель учёного — понять причины исторических и сегодняшних поступков, а не проверить известную экономическую мысль и тем более её логику, он берёт любые идеи, а не только те, на которых поставлен imprimatur[1] экономического епископа[2]. Она вызвана и необычайно тесным контактом экономистов-историков с другой дисциплиной — историей. Они в большей степени восприняли интеллектуальные ценности историков, чем экономисты-социологи — ценности социологов или экономисты-правоведы — ценности юристов, а потому особенно любят ставить вопросы, на которые в экономике нет готовых ответов. В качестве примера можно упомянуть вопрос о причинах возникновения политических и социальных революций, вопрос, которого, вопреки ожиданиям, старательно избегает большинство политологов и социологов. Историк, который хочет написать целостную историческую работу, не может избежать этого вопроса, даже если бы и хотел, потому что революции, такие, как Американская революция и Гражданская война, — это суть изменений и изменение сути истории[3]. В связи с этим новая экономическая история в Америке уделяет много внимания причинам революции и Гражданской

[1] Imprimatur (лат.) — печатать. Формула цензурного разрешения, допущения к печати в средние века.

[2] В качестве примера можно привести книгу Дж.Г. Уильямсона, особенно главу V (Williamson, 1964). Сначала он безуспешно использует традиционные теории, чтобы объяснить изменения американского платёжного баланса в XIX в., и, наконец, разрабатывает то, что теперь известно как монетаристская концепция, на несколько лет раньше, чем она была впервые сформулирована в теории. П.Б Уэйл, начав с аналогичной исторической проблемы, сделал то же самое в 1937 г. (Whale, 1937).

[3] Целостность принесена в жертву специализации в коллективном труде Л. Дэвиса и др. (Davis at al., 1972), который во многих других отношениях представляет собой превосходное изложение работ клиометристов. Ориентация на экономическую революцию (подзаголовок книги — "История США глазами экономиста") заставила обойти вклад новой экономической истории в политическую историю Революция, президент Джексон и его борьба со Вторым банком, тарифы, рабство, Гражданская война и свободная чеканка серебряной монеты занимают, согласно указателю, в общей сложности 20 стр. — меньше, чем одна рубрика "Каналы".

войны и анализирует их в соответствии с принципом сравнительного преимущества, руководствуясь типично экономической концепцией разумного и осознанного эгоизма. Новая экономическая история внесла свой, пусть скромный, вклад в понимание Американской революции, измерив экономические тяготы Навигационных актов и обнаружив, что они были невелики (см статью: McClelland, 1969 и процитированные в ней работы). Она внесла вклад в понимание Гражданской войны, измерив экономические тяготы Юга, вызванные введением таможенных тарифов и ограничений на распространение рабства, и обнаружив, что они тоже были невелики (Pope, 1972; Russel and Wright, 1972). Если кто-то считает, что экономические интересы определяют экономическое поведение, он может обратиться к новым экономистам-историкам, которые дадут количественную оценку этих интересов. Если кто-то так не считает, он опять-таки может обратиться к новым экономистам-историкам, которые дадут количественную оценку любых экономических параметров. К примеру, показав, что рабство ещё не отмерло экономически накануне Гражданской войны, новые экономисты-историки смогли опровергнуть утверждения многих сочувствующих Югу историков, будто военное вмешательство не было необходимым для отмены рабства (Conrad and Meyer, 1958; Yasuba, 1961; Gunderson, 1974). Во всяком случае, приложение экономики к политике поднимает теоретический вопрос, которым пренебрегает большинство экономистов (в частности, большинство экономистов левее Милтона Фридмана и правее Пола Суизи), — о введении политики в экономические модели[1].

В последние несколько лет экономическая история всё чаще обращалась к подобным вопросам, имеющим первостепенную важность для развития экономики как общественной науки. Например, углублённое исследование рабства в Америке, особенно в книге Фогеля и Энгермана (Fogel and Engerman, 1974), поставило вопрос о роли принуждения в экономическом обществе. Не считая растущего числа экономистов-марксистов, которые, как и их коллеги из правых, на редкость историчны, экономическая мысль в этом процессе не выходила за пределы случайных замечаний о командной экономике в сравнении с рыночной, подразумевая при этом, что в рыночных экономиках редко используется принуждение, за исключением

[1] Революция и Гражданская война — не единственные политические события, привлекшие внимание новых историков-экономистов. О причинах введения тарифов в начале XIX в. см.: Pincus, 1972. О пресечении англичанами работорговли см.: LeVeen, 1971. О росте дискриминации в образовании на Юге см.: Freeman, 1972 (пример прекрасной исторической работы неисторика. О протесте сельского населения в конце XIX в. см.: Higgs, 1971. Ch. 4; Bowman and Keehn, 1974. О политике расходов в рамках Нового курса см.: Wright, 1974.

налогов, обязательности контрактов и уголовного законодательства. Это предположение никогда не соответствовало действительности в отношении той части населения, которая не достигла совершеннолетия, не говоря уже, конечно, о рабовладельческом обществе. Фогель и Энгерман сумели показать, что рабовладельцы Юга были капиталистами и использовали рыночный механизм, а не один только кнут для управления своими рабами. В статье "Рабство — прогрессивный инструмент?", где даётся большая рецензия на эту книгу, два других экономиста-историка, Пол Дэвид и Питер Темин, утверждают, что нет такой экономической теории, которая могла бы объяснить подобные смешанные системы, построенные на поощрении и принуждении (David and Temin, 1974. P. 778–783). Может, это и так, но тогда тем хуже для теории.

Сам предмет бросает вызов экономисту-историку, заставляя его расширить кругозор. Очевидно, что при всём желании невозможно изучать долговременные экономические колебания без анализа долговременных данных о движении доходов (Klotz and Neal, 1973); невозможно изучать долгосрочные факторы, определяющие размеры городов, без длительных рядов статистики численности их населения (Swansonand Williamson, 1974). Но дело не только в этом. Не приходится ожидать, что экономист, внимание которого сосредоточено на современности, задастся вопросом, почему меняются институты рынков труда и капитала, как это сделали Ланс Дэвис и Даглас Норт в книге "Институциональные изменения и экономический рост в Америке" (Davis and North, 1971). Ещё менее вероятно, что он задастся вопросом, чем вызывается расцвет и упадок фундаментальных общественных связей, как это сделали Норт и Роберт Томас в книге "Расцвет Западного мира" (North and Thomas, 1973). Весьма немногие экономисты всерьёз пытались не теоретизировать, а измерять способности к управлению или, если выразиться более напыщенно, к предпринимательству, этому фантому теории фирмы. К этим измерениям пришлось обратиться экономистам, изучающим викторианскую экономику, поскольку историки, не являющиеся экономистами, утверждали, что английские бизнесмены в конце XIX в. тоже были иррациональны (Sandberg, 1974). К ним также пришлось обратиться экономистам, изучающим сельское хозяйство, поскольку правительственные плановики утверждали, что фермеры иррациональны. Но даже экономисты-аграрники, отличающиеся от прочих экономистов тем, что давно обращаются к истории, вряд ли задаются вопросом, почему крестьянская земельная аренда в её причудливой форме во многих странах существовала веками, но исчезла в процессе земельной реформы.

Исландский поэт Эйнор Бенедиктссон сказал об этом так

Обрати взор к прошлому,
Если хочешь создать что-то необычное.
Не зная уроков прошлого,
Не увидишь, что есть новое[1].

Лучшее качество экономической политики

Не много есть сфер интеллектуальной деятельности, где некачественная работа может принести столько вреда, как в экономике или истории. Способность ложных экономических аргументов или ложных исторических аналогий нанести вред обществу очевидна: псевдоэкономика меркантилизма в течение многих веков сокращала торговлю и защищала предпринимателей; псевдоистория арийской "расы" облагородила лицо германского фашизма. Вдвойне пагубно, если скверная экономика соединяется со скверной историей в скверной экономической истории. Конечно, у творцов экономической политики есть все возможности совершать ошибки, не ища оправданий в том, что они плохо усвоили экономическую историю. И всё же, перефразируя часто цитируемые слова Кейнса на эту тему[2], цитируемые часто, вероятно, потому, что они верны, — идеи экономистов-историков и когда они правы, и когда ошибаются, имеют гораздо большее влияние, чем принято думать. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, основывают свой бред на экономических событиях, происходивших несколько лет назад. Люди практические, которые считают себя свободными от всякого исторического влияния, обычно бывают рабами исторических аналогий.

Утверждают, что промышленная революция пришла в Англию неожиданно и скромно около 1760 г. на волне технических новинок, оправдывая этим такую политику стимулирования роста, при которой неграмотных крестьян снабжают компьютерами. Утверждают, что внешняя торговля была для Англии (а в последнее время — для Японии) двигателем экономического роста, оправдывая этим такую политику стимулирования экспорта, которая ведёт к обнищанию собственных граждан. утверждают, что плавающий обменный курс усилил хаос в международной экономике в 30-е годы, оправдывая этим принесение занятости в жертву ради поддержания курса 4,86; 2,81; 2,40 или 2,00 дол. за фунт стерлингов. Утверждают, что железные дороги имели решающее значение для индустриализации в

[1] Этой цитатой я обязан Йону Сигурдссону из Исландского института экономического развития.

[2] Ср.: Кейнс, 1978. С. 458.

XIX в., оправдывая этим политику субсидирования железных дорог и устранения конкуренции со стороны автомобильного транспорта в неиндустриальных странах в XX в. Утверждают, что индустриализация привела к угнетению рабочего класса, оправдывая этим глубокую подозрительность по отношению к капитализму со стороны самых образованных людей. Утверждают, что профсоюзы обеспечили бóльшую часть повышения зарплаты начиная с 1900 г., оправдывая этим правительственную политику поощрения вымогательств со стороны водопроводчиков, электриков и мясников. Утверждают, что конкурентное предложение профессиональных услуг в XIX в. нанесло ужасный ущерб потребителям, оправдывая этим существование официальных картелей врачей и гробовщиков. Утверждают, что монополия в бизнесе получила широчайшее распространение лишь в последние сто лет, оправдывая этим враждебность общества по отношению к крупному бизнесу. Утверждают, что выплаты процентов по вкладам до востребования или на срок, определяемый конкуренцией, привели к нестабильности банковских систем, оправдывая этим законы, которые запрещают подобную практику. Утверждают, что воздух теперь загрязнён гораздо сильнее, чем когда-либо раньше, оправдывая этим драконовскую политику борьбы с загрязнением окружающей среды. Утверждают, что ископаемые виды топлива используются сейчас быстрее по отношению к разведанным запасам, чем пятьдесят лет назад, оправдывая этим национальную политику субсидирования новых видов топлива и отказа от международной торговли нефтью. Как бы ни была хороша или плоха та или иная политика, в той мере, в какой её пропаганда в обществе или её частная мотивация исходит из ложных исторических аналогий — а в большинстве случаев это так и есть, — логическое её обоснование весьма сомнительно.

Можно без конца приводить примеры, но достаточно и двух наиболее важных. Неразбериха с обменными курсами в 20–30-е годы вызвала к жизни подход к платёжному балансу на основе концепции эластичностей, который и сегодня господствует в теории и политике. Этот подход уже несколько лет критикуют с логической точки зрения, но разработка альтернативного подхода будет зависеть от переосмысления прошлого опыта с обменными курсами[1]. Неразбериха с занятостью в 30-е годы и осмысление этой неразберихи Кейнсом и другими вызвали к жизни послевоенную политику полной занятости, достигаемую преимущественно фискальными

[1] В настоящее время усилия Семинара по международной торговле Чикагского университета направлены в основном на приложение "монетарного" подхода к опыту Англии, Франции и Японии перед второй мировой войной.

методами. Здесь также требуется переосмысление событий 30-х годов. Как недавно заметил Хью Рокоф в очерке об американской практике свободного доступа к банковской деятельности, "одна из целей истории — расширение наших представлений о возможном" (Rockoff, 1975. P. 176). Понимание подлинной истории, как и исправление истории ложной, важно для государственной политики, потому что у экономиста, чья память ограничена недавним прошлым, суженное представление о возможном. Восхваляя или критикуя сегодняшние правительства, мы можем быть вольными или невольными рабами исторических аналогий, но всё равно мы рабы.

Лучшее качество экономистов

В свете сказанного неудивительно, что мышление Смита и Маршалла, Шумпетера и Кейнса было глубоко исторично. Но, конечно, экономист, а клиометрист и подавно, не будет утверждать, что ничто не заменит историю в создании значительных экономических трудов, так же как он не будет утверждать, что железные дороги были незаменимыми для экономического роста Америки. Некоторые значительные экономические труды были написаны людьми исторически неграмотными, хотя надо признать, что такие примеры найти нелегко. Скажем, работа Эджуорта в изложении современных учебников кажется вероятным кандидатом, пока не начнёшь читать саму работу и натыкаться на избитые цитаты из Геродота. Изучая многие работы Дж.Р. Хикса, трудно понять, что там присутствует история, однако он читал лекции по истории средних веков и, по его собственным словам, всю жизнь был читателем "Обозрения экономической истории" ("Economic History Review") (Hicks, 1953), а в 1969 г. опубликовал "Теорию экономической истории" (Hicks, 1969). История — стимул для воображения экономиста, она очерчивает и расширяет границы его ремесла. Экономист благодаря своим обычным занятиям узнаёт, как рассматривать, обозначать и ремонтировать части здания экономики. Из истории же он узнаёт, откуда здание взялось, как были построены соседние сооружения и почему здания в одном месте построены иначе, чем в другом. Все наиболее общие проблемы, которые стоят перед экономикой, носят исторический характер. Если история полезна экономисту в работе, то ещё полезнее она для его образования.

Было бы нелепо проповедовать в духе немецкой исторической школы, что история должна господствовать в образовании экономистов и что следует отказаться от абстракций экстремумов ради конкретности (а на практике — словесных абстракций) истории. На самом деле, некоторый крен в сторону сегодня в современной экономической науке отчасти объясняется реакцией на подобные нелепые предложения. И всё же, как сказал английский экономист-историк Т.С. Эштон, "вся дискуссия о том, какой метод следует применять в общественных науках — дедукцию или индукцию, — это, конечно, младенчество. С таким же успехом мы могли бы спорить, на какой ноге лучше прыгать — на правой или на левой. Разумные люди знают, что они продвинутся дальше, если будут передвигаться на двух ногах" (Ashton, 1971. P. 177).

Экономист, который прыгает на экономической ноге, поджав историческую, если он не спортсмен-десятиборец, отличается узким взглядом на сегодняшние события, приверженностью к текущим, мелким экономическим идеям, неспособностью оценивать сильные и слабые стороны экономических данных и отсутствием умения прилагать экономический анализ к крупным проблемам. Если мы спросим своих студентов, то обнаружим, что, по их разумению, экономическое исследование состоит главным образом из поверхностного ознакомления с последним заявлением Совета экономических консультантов при президенте США, с последним ослаблением предпосылки в экономической модели и с последними исправлениями в изготовленной местными умельцами программе оценки регрессий. Достаточно посмотреть на их учителей, чтобы понять, откуда у них такие странные взгляды.

* * *

Уже лет пятнадцать или около того клиометристы объясняют своим коллегам-историкам, как полезна экономика. Им пора уже начать объяснять своим коллегам-экономистам, как полезна история. Она удивительно полезна, эта кладовая экономических фактов, проверенных скептицизмом, это собрание экспериментов, испытывающих экономическую науку на прочность во всех направлениях, этот источник экономических идей, этот наставник в политике, эта школа для учёных-обществоведов. Не случайно её так высоко ценят лучшие умы в экономике. И очень жаль, что многие от неё отошли. Полезно ли прошлое для экономической науки? Конечно да.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

I. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Лекция 1. Экономическая мысль Вавилонии, Китая, Индии 5
Лекция 2. Экономические учения Древней Греции 9
Лекция 3. Литература об организации рабовладельческих латифундий в Древнем Риме 13

II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Лекция 4. Экономические идеи в Западной Европе и в России ... 16

III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В ПЕРИОД ЗАРОЖДЕНИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Лекция 5. Меркантилизм как первая школа политической экономии 22
Лекция 6. Экономические идеи в России в XVII–XVIIIвв. И.ТПосошков и его книга "О скудости и богатстве" .. 27
Лекция 7. Возникновение классической политической экономии в Англии и во Франции 32
Лекция 8. Экономическое учение физиократов 37

Из жизни выдающихся учёных в области экономической науки 41

IV. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Лекция 9. Основные идеи экономического учения А.Смита и Д. Рикардо 54
Лекция 10. Теории Ж.Б. Сэя, Ф. Бастиа, Т. Мальтуса. Историческая школа в Германии 58
Лекция 11. Проблемы политической экономии в русской экономической мысли XVIII–XIXвв. 61

Из жизни выдающихся учёных в области экономической науки 69

Лекция 12. Плюрализм идей в экономической мысли второй половины XIX— начала XX в. 82
Лекция 13. Экономическое учение К. Маркса и Ф. Энгельса 85

Лекция 14. Экономические идеи В.И. Ленина 88
Лекция 15. Кейнсианство и неокейнсианство 91

Из жизни выдающихся учёных в области экономической науки 95

V. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ XX ВЕКА

Лекция 16. Современный монетаризм 105
Лекция 17. Теория предложения 113
Лекция 18. Теория рациональных ожиданий и "новая классическая макроэкономика" 119
Лекция 19. Эволюция кейнсианства 127
Лекция 20. Институционализм 134
Лекция 21. Радикальная политическая экономия 145
Лекция 22. Альтернативные теории А.В.Чаянова и Н.Д. Кондратьева 148

Из жизни выдающихся учёных в области экономической науки 152

VI. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Лекция 23. Эволюция западных теорий благосостояния 154
Лекция 24. Концепция формирования благосостояния на рынке 162
Лекция 25. Теории государственного воздействия на общественное благосостояние 169
Лекция 26. Теоретические представления о достижении благосостояния в России 172

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЁНЫХ XX СТОЛЕТИЯ О ПРЕДМЕТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Предмет экономической науки 186
Принцип максимизации в экономическом анализе 201
Экономический анализ и человеческое поведение 222
Экономическая теория как универсальная наука 240
Полезно ли прошлое для экономической науки? 257

Учебное издание

Титова Наталья Евгеньевна

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ.
Курс лекций

Зав. редакцией *Т.А. Савчук*
Редактор *Л.М. Лисицына*
Художник обложки *И.Ю. Нестерова*
Компьютерная вёрстка *Ф.П. Дорохов*
Корректор *В.М. Осканян*

Изд. лицензия ЛР № 064 380 от 04.01.96 г.
Сдано в набор 31.10.96. Подписано в печать 12.02.97.
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0.
Тираж 30 000 экз. (II завод — 15 000 экз.). Зак. № 881.

"Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС"
117571, Москва, просп. Вернадского, 88.
Московский педагогический государственный университет
тел. 437-99-98, 430-04-92, 437-25-52, тел./факс: 932-56-19.
E-mail: vlados@dol ru; http://www.vlados.ru

ISBN 5-691-00008-X

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Государственного комитета Российской Федерации по печати.
410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
MOSKOW NATIONAL AND REGIONAL RELATIONS INSTITUTE

является уникальным высшим учебным заведением

В нём могут обучаться граждане России,
стран Ближнего и Дальнего Зарубежья.
Возраст не ограничен.
Приём студентов и слушателей по результатам собеседования

на факультеты	по специализациям
НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	федерализм и регионы; этнолог-исследователь; социальная защита малочисленных народов; этнолог-психолог (национальные конфликты, психология толпы и т.д.); управление национальными отношениями, культура регионов, статистика регионов, логистика национальных отношений; региональная экономика;
ЭКОНОМИКИ И БЛАГОСОСТОЯНИЯ	менеджмент в социальной сфере; предпринимательство; риэлтер (оценщик недвижимости); государственное регулирование рыночной экономики; банковское дело, финансы и кредит; региональный и экологический менеджмент; консультант по вопросам национальных рынков труда, товаров и услуг, жилья и т.д.; маркетолог по регионам; международный информационный бизнес; экономист по проблемам благосостояния (государственное и частное страхование, занятость, социальное обеспечение молодёжи, женщин, инвалидов);
НАРОДОВ РОССИИ	национальное сознание и психология; русская культура; демограф-этнолог; социолог-этнолог; конфессии России; история и современные проблемы русского этноса; славяноведение, народные промыслы; боевые искусства народов России;
ЮРИДИЧЕСКИЙ	правоведение, юрист-этнолог (сфера национальных отношений); юрист-экономист;
МЕЖДУНАРОДНЫЙ	английский язык, русский (второй иностранный); языки народов СНГ; история стран СНГ; секретарь-референт со знанием иностранных языков; эксперт-консультант (со знанием языков) по экономике, этнологии и праву государства СНГ, культура стран СНГ; таможенное дело; история и культура России.

Формы обучения: очная, очно-заочная, вечерняя, заочная, экстернат. Обучение платное, 5–6 лет (дифференцированно). Имеется возможность получить второе высшее образование по сокращённой программе (2 года). Практика в Миннаце РФ; администрациях регионов и странах СНГ; в Австрии, Германии, Индии.

Контактный телефон в Москве: 178–84–39 до 22.00 час. Факс: (095) 932–32–90